СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

II-77

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор)
М. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
Н. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
В. В. СТРУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, (зам. главного редактора),
Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

П-19366
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской ССР

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К-5-91-64

Т-05700. Подписано к печати 15/V 1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7³/₄
Печ. л. 19,86 + 4 вкл. Уч.-изд. листов 21,2. Заказ 155 Тираж 2625 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

КОЛОНИАЛИЗМ — ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ НАРОДОВ ВОСТОКА

(К итогам Каирской конференции)

Каирская конференция прежде всего свидетельствует об укреплении солидарности стран Азии и Африки в их борьбе против колониализма. Народы Востока, как предсказывал Ленин, стали хозяевами своей судьбы. Они оказывают ныне прямое и все более растущее влияние на ход развития человечества.

Движение солидарности народов Азии и Африки, сложившееся и окрепшее в ходе борьбы против колониализма,— закономерный результат возникновения и развития новой Азии и новой Африки. Оно стало могучей материальной силой, ибо идеи борьбы за национальное освобождение, за укрепление государственной независимости, за создание национальной экономики, за возрождение культуры и за полное искоренение колониализма охватили сотни миллионов людей. Это движение не могло возникнуть 15—20 лет тому назад, когда колониальная система империализма, до основания потрясенная и надломленная Великой Октябрьской социалистической революцией и мощным подъемом национально-осободительного движения в период 1917—1923 гг., смогла все же сохранить свое господство в большинстве стран этих двух континентов. Разгром фашизма во второй мировой войне, образование мощной мировой системы социалистических государств, победа великой Китайской революции, завоевание независимости Индией, Индонезией, Бирмой и др. странами — нанесли по империализму решающие удары, в результате которых он уже не может восстановить своего былого колониального господства. Однако, как показал исторический опыт, колониализм добровольно не сходит с мировой арены. Более того, этот опыт учит, что империализм всеми, в том числе самыми «новыми» и «новейшими» средствами пытается сохранить и упрочить свои позиции в странах Азии и Африки, применяя испытанные способы разделения народов этих стран и подрыва их единства.

Движение солидарности стран Азии и Африки является важнейшим средством их борьбы против всех видов колониализма на основе совместно выработанных, единодушно принятых и солидарно осуществляемых принципов взаимной помощи и поддержки в великом деле национального освобождения.

Каирская конференция явилась грандиозной демонстрацией единства народов 50-ти стран Азии и Африки. Отправляясь от идей Бандунгской конференции, она обобщила опыт трехлетней борьбы против империализма. Всему миру стало очевидным, что теперь уже нет такой силы, ко-

торая смогла бы остановить процесс великого возрождения азиатских и африканских народов. Каирская конференция отразила глубокие стремления широчайших и разнообразных слоев общественности стран двух континентов к единству в основных и решающих вопросах современности. Представленная делегатами самых различных политических течений, общественность почти всех стран Азии и Африки с населением в 1,6 млрд. человек проявила полное понимание необходимости последовательной борьбы с главным врагом — империализмом и колониализмом, в каких бы формах они ни проявлялись. Она одобрила и активно поддержала принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем и высказалась за сокращение вооружений и немедленное прекращение испытаний ядерного оружия. Новые, чаще всего скрытые, но именно поэтому наиболее зловещие формы «модернизированного» колониализма выступают, как правило, под маской «доктрин», и «пактов», инициаторами которых являются монополии США.

Каирская конференция отвергла доктрину Эйзенхауэра и поставила ее в прямую связь, в один ряд с ненавистным для всех миролюбивых народов Востока Багдадским пактом. Тем самым неоколониалистская политика США, демагогически прикрытая пропагандистскими тезисами о «помощи слаборазвитым странам», об обеспечении их безопасности, на деле попирающая независимость арабских стран, угрожающая их суверенитету, насаждающая и развязывающая силы войны и реакции на Ближнем и Среднем Востоке — нашла единодушное осуждение со стороны всех стран — участниц Каирской конференции. Каирская конференция показала, что для прогрессивной общественности народов Востока совершенно очевидно, что именно американский империализм находится ныне в авангарде колониальной агрессии, что именно он взял на себя задачу осуществления позорной, исторически обреченной реставрации и модернизации гибнущей колониальной системы.

Самый состав Каирской конференции свидетельствует о величайшей притягательной силе, правильности и жизненности принципа мирного сосуществования государств. Борьба против колониализма и войны, за равенство больших и малых стран, за всестороннее сотрудничество и экономический прогресс объединила представителей таких различных стран, как развитая капиталистическая Япония и молодые независимые миролюбивые государства — Индия, Бирма, Индонезия, Египет и Сирия, как Афганистан, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Марокко, Эфиопия, с их монархическим государственным строем, и — колониальные территории Восточной, Западной и Центральной Африки, не достигшие еще государственного суверенитета, и социалистические страны — Советский Союз, Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам. В числе делегатов конференции были рабочие, крестьяне, государственные, парламентские и религиозные деятели, предприниматели, коммерсанты и финансисты, писатели, юристы и журналисты, ученые и врачи, деятели различных женских, молодежных и антивоенных организаций, представители националистических, социалистических и коммунистических партий, мусульмане, буддисты, христиане и атеисты. Состав конференции является лучшим опровержением злостных измышлений империалистической печати о характере Каирской конференции. Клеветнические нападки открытых и замаскированных пропагандистов холодной войны и колониализма не могут опровергнуть того непреложного факта, что Каирская конференция вошла в историю борьбы за освобождение народов Востока как свидетельство искренней дружбы представителей различных рас, народов, племен, верований,

партий и государств, совместно борющихся против империализма, за мир и социальный прогресс.

Каирская конференция показала, что дни колониализма сочтены, приближается его полное и окончательное крушение. Даже наиболее придавленные империализмом страны Африканского континента, такие, как Кения, Уганда, Сомали, Камерун, Мадагаскар, Нигерия и др., поднялись на борьбу за свою национальную независимость. Решения конференции не оставляют сомнения в том, что империализм и колониализм по-прежнему остаются главной опасностью и злейшим врагом как освободившихся уже, но еще не окрепших молодых государств Азии и Африки, так и народов, борющихся за свою национальную независимость.

Агрессивная суть современного империализма проявляется в организации на Востоке военных пактов, в создании и расширении иностранных военных баз, оснащении их атомно-ядерным оружием, в размещении все новых контингентов иностранных войск, в постоянном стремлении подорвать единство внутренних сил национально-освободительного движения. Современные колонизаторы насаждают сепаратизм, организуют заговоры и постоянно осуществляют политический, экономический, а порой и военный нажим на молодые независимые государства Востока, ведут разнузданную пропаганду и подрывную деятельность против солидарности азиатских и африканских народов, стремясь породить среди них взаимное недоверие. Империалистические государства создают и укрепляют марионеточные режимы, превращая некоторые восточные страны в свои военно-стратегические плацдармы.

Империализм всячески старается сохранить свое экономическое господство над слаборазвитыми странами. Предоставление им экономической помощи, как правило, сопровождается военно-политическими или иными кабальными, или просто невыгодными для слаборазвитых стран условиями. Наконец, империализм прибегает к открытым формам вооруженного вмешательства, направленного к военному разгрому национально-освободительного движения. Позорная интервенция Англии, Франции и Израиля в Египте, «малые» войны англо-французских колонизаторов против народов Алжира, Кении, Кипра, Йемена, Омана, оккупация американскими войсками Тайваня, Южной Кореи, Окинавы, Южного Вьетнама и голландскими — Западного Ириана, нападение французской бомбардировочной авиации на независимый Тунис — все это звенья одной цепи попыток современного империализма скрепить распадающуюся с невиданной быстротой колониальную систему. К этим же формам «силового давления» на молодые независимые государства Азии и Африки следует отнести и направляемую американским империализмом, чреватую военными провокациями политику Турции, Израиля и Ирака в отношении Сирии и фактическое осуществление государственного переворота в Иордании.

Такие документы, как Декларация Каирской конференции, резолюции об империализме, о расовой дискриминации, об экономическом и техническом сотрудничестве, культурных связях и сотрудничестве, представляют программу действий для консолидации всех прогрессивных сил в борьбе против колониализма, за политическое и экономическое укрепление национальной независимости, мир, сотрудничество и солидарность народов Азии и Африки.

Огромное внимание уделила Каирская конференция проблемам экономического развития. Опыт национально-освободительной борьбы после Бандунгской конференции неопровержимо показал, что для укрепления политической независимости — этого главного условия самостоятельного национального существования — необходимо укрепление эко-

номической независимости слаборазвитых стран. Освободившись от империалистического колониализма и вступив на путь независимого развития, такие слаборазвитые страны, как Индия, Индонезия, Бирма и др., с их огромными природными и человеческими ресурсами остались в системе мирового капиталистического хозяйства. Ввиду этого они продолжают испытывать специфические условия и трудности развития, которые или неизвестны или уже преодолены в странах, достигших национальной независимости на путях народной демократии и одновременно отпавших от системы мирового капиталистического хозяйства.

Однако образование мировой системы социалистических государств, распад колониализма коренным образом изменили условия дальнейшего развития слаборазвитых стран. Вырвавшись из цепей колониального господства, слаборазвитые страны добились первых, порой довольно значительных успехов в борьбе за экономическую независимость. Экономическая монополия иностранного капитала как внутри этих стран, так и в их взаимоотношениях с другими странами в известной мере подорвана. В своих взаимоотношениях с империалистическими странами они могут противостоять их колониальным устремлениям, опираясь на всесторонее сотрудничество с мировой социалистической системой, на крепнущую антиколониальную солидарность стран Азии и Африки, что существенно укрепляет позиции слаборазвитых стран в борьбе за укрепление политической независимости на основе прогрессивной реконструкции национальной экономики. Последствия колониализма проявляются ныне в первую очередь в сохранении империалистическими государствами и иностранными монополиями все еще сильных позиций в ключевых отраслях хозяйства слаборазвитых стран. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в слаборазвитых странах, ставших политически независимыми, но не достигших экономической самостоятельности, империализм постоянно стремится возвратить себе в той или иной форме хотя бы часть былых политических позиций, яростно выступая против прогрессивных сил, борющихся за полное национальное освобождение и завоевание экономической независимости, добиваясь от них капитуляции или, по крайней мере, отступления. Для укрепления своих позиций в этих странах иностранный капитал использует отставание сельского хозяйства, трудности индустриализации, громадное относительное аграрное перенаселение и безработицу, неэквивалентность внешнеторгового обмена, незавершенность или медлительность в проведении аграрных реформ, крайне низкий уровень жизни народа, отражающий общую отсталость экономики. Отсюда — постоянная необходимость настойчивой и последовательной борьбы за преодоление экономических последствий колониализма. Провозглашение Каирской конференцией национализации неотъемлемым правом суверенного государства и законным средством укрепления своей независимости, решения об организации экономического сотрудничества между государствами Азии и Африки о согласии на помощь иностранного капитала лишь в том случае, если она не обусловливается принятием слаборазвитой страной обязательств, наносящих ущерб ее национальной независимости и государственному суверенитету, стремление проводить политику индустриализации в форме строительства государственной промышленности и осуществления социально-экономических реформ — все это свидетельствует о правильном понимании делегатами конференции главных задач современности. Решения Каирской конференции показали, что прогрессивные силы стран Азии и Африки отчетливо сознают необходимость последовательной борьбы с экономическим засилием иностранного капитала, представляющим наиболее глубокий, повседневно ощутимый, постоянно возобновляющийся, порой на расширенной основе, фактор иностранной эксплуатации природных ресурсов и труда народных масс слаборазвитых стран.

Освобожденные народы Востока видят, что империалисты не хотят примириться с ликвидацией своего колониального господства и неизбежной гибелью созданных ими на Востоке политических режимов. Постепенная утрата экономической монополии империализма в слаборазвитых странах, сколь бы различно этот процесс ни происходил, исторически неизбежна и является закономерным результатом существования и развития мировой системы социалистических государств и образования независимых национальных государств на развалинах колониализма.

Необходимость ликвидации экономической зависимости от империалистических государств, равно как и феодальных и полуфеодальных пережитков, порождающих нищету народных масс, объективно требует от слаборазвитых стран вступления на путь создания государственной промышленности и осуществления аграрных преобразований. Каирская конференция сыграла выдающуюся роль в осознании народами, достигшими независимости, что дальнейшее укрепление суверенитета страны, улучшение жизни населения невозможно не только без последовательной антиимпериалистической борьбы в области политических взаимоотношений с империалистическими странами, но и без ликвидации экономической зависимости от империализма, ибо экономика слаборазвитых стран «все еще подчинена тирании империалистов». Будучи «полны решимости продолжать борьбу против всех форм колониализма и империализма», народы Азии и Африки считают важнейшим делом борьбу «за обеспечение полной экономической независимости этих стран». Вместе с тем Каирская конференция признала, что «проведение аграрных реформ, которые будут стимулировать развитие национальной экономики стран, стало неотложной необходимостью».

С особым интересом Каирская конференция отнеслась к докладу советской делегации. Между советским народом и народами Востока издавна сложились отношения дружбы и глубокого взаимного понимания. Основатель Советского социалистического государства — В. И. Ленин учил советских людей оказывать восточным народам всемерную помощь, не только морально-политическую, но и материальную, чтобы содействовать образованию сильных, независимых государств на Востоке, чтобы помочь им ликвидировать их экономическую отсталость, чтобы народы этих стран перешли к употреблению машин и добились облегчения своего труда. Все сорок лет со дня своего образования Советское государство строило свои отношения с народами Востока на принципах мира, свободы, равноправия, дружбы и взаимопомощи.

История взаимоотношений Советского государства с народами Востока не знает и, естественно, не могла знать ни одного факта, в котором проявилось бы стремление к захвату земель или богатств других народов. Такое стремление, органически присущее природе империалистических государств, чуждо социалистическому государству. Цели и намерения Советского государства во взаимоотношениях с народами Востока всегда были предельно ясны и чисты. Советский Союз никогда не создавал «доктрин» закабаления стран Востока и не искал в них «вакуумов» для организации военно-стратегических плацдармов и сколачивания агрессивных блоков. Измышления пропагандистов империализма о советском «проникновении» в Азию служат лишь прикрытием попытки империалистов заглушить нарастающее недовольство и революционное возмущение народов Востока кровавой политикой колониализма и подготовкой новой войны. Весь мир знает, что три четверти территории Советского Союза расположено в Азии. Десятки народов зарубежного Востока изд ров

были соседями России. Многие народы Советского Востока и поныне на социалистической основе хранят и развивают в своей культуре и быте общие национальные традиции, свойственные народам Востока, и поэтому совершенно закономерно, что в результате самого хода исторического процесса борьбы против империализма и колониализма антиимпериалистические государства Азии и Африки вместе с Советским Союзом и странами социалистического лагеря образовали обширную зону мира — самую могучую силу современности, отстаивающую дело мира и безопасности народов.

Освободительная борьба молодых суверенных государств Азии и Африки вступила в новую фазу, фазу глубоких внутренних социально-экономических и технических преобразований. Происходит процесс индустриализации и создания национальной промышленности, основой которой является развитие металлургической, машиностроительной, топливно-энергетической и химической отраслей промышленности, современного транспорта и средств связи. Как показал опыт, империалистические страны стремятся сохранить к своей выгоде аграрно-сырьевой характер экономики слаборазвитых стран, в то время как страны социализма оказывают им возрастающую, разностороннюю техническую и финансово-экономическую помощь. Это в свою очередь заставляет и некоторые империалистические страны и их монополии в конкурентной борьбе между собой, идти на частичное ослабление своей традиционной антииндустриализаторской политики в слаборазвитых странах и делать им некоторые уступки.

Каирская конференция проходила в условиях, когда все народы Востока убедились, что помощь Советского Союза и стран социалистического лагеря предоставляется слаборазвитым странам без дискриминации их государственного суверенитета. Советский Союз горячо откликнулся на просьбы о технической, экономической и финансовой помощи в построении национальной промышленности Индии, Бирмы, Индонезии, Объединенной Арабской Республики, Афганистана и других стран, предоставив им самые льготные кредиты, современное оборудование и механизмы, оказав им помощь в проектировании и строительстве крупнейших предприятий, освоении технологических процессов производства, в подготовке кадров и в передаче им научно-технического опыта.

Прогрессивные и миролюбивые страны Востока практически осуществляют ломку устаревших, колониальных мировых хозяйственных связей, основанных на насилии и выгодных только империалистам, когда слаборазвитые страны оставались объектами грабежа и эксплуатации. Каирская конференция своими решениями подтвердила наступление новой исторической эпохи в международных политических и экономических отношениях — решительную смену старых колониалистских принципов международной политики и соответствующих им хозяйственных связей новыми прогрессивными, антиколониалистскими принципами, ведущими к полному политическому и экономическому равноправию всех народов мира.

В этом — непреходящее историческое значение Каирской конференции.

К 88-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И.ЛЕНИНА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ СТРАН ВОСТОКА О ЛЕНИНЕ

СУНЬ ЯТ-СЕН

«За многие века мировой истории появились тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин — исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем и, хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это... В памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек».

1924 г.

МАО ЦЗЭ-ДУН

«ИДТИ ПО ПУТИ РУССКИХ»

«Ленин в своей книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме», написанной в 1920 году, рассказывает о том, как русские создавали революционную теорию. После нескольких десятков лет трудностей и испытаний они в конечном счете пришли к марксизму. Есть много общего или похожего в положении Китая и дореволюционной России. Одинаковым был феодальный гнет. Общим для них являлась экономическая и культурная отсталость. Обе страны были отсталыми, а Китай даже в большей степени. Прогрессивные люди вели тяжелую борьбу в поисках революционной правды с тем, чтобы добиться национального восстановления; это было общим для обеих стран...

Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра своих собственных проблем. Идти по пути русских — таков был вывод».

1949 г.

«НУЖНО РАБОТАТЬ ТАК, КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН»

«Сегодня присутствующим была роздана брошюра «Руководство по пропаганде». В ней содержатся четыре документа, которые я очень рекомендую товарищам прочитать, и не один раз.

Первый документ представляет собой выдержки из «Краткого курса истории ВКП(б)», в которых рассказывается, как Ленин занимался про-

пагандистской работой. В одной из этих выдержек говорится о том, как Ленин писал листовки: «Под руководством Ленина петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в России стал осуществлять *соединение социализма с рабочим движением*. Когда возникала стачка на какой-нибудь фабрике, «Союз борьбы», хорошо знавший через участников своих кружков положение на предприятиях, немедленно откликался выпуском листовок, выпуском социалистических прокламаций. В этих листовках обличались притеснения рабочих фабрикантами, разъяснялось, как надо бороться рабочим за свои интересы, помещались требования рабочих. Листовки говорили всю правду об язвах капитализма, о нищенской жизни рабочих, об их непомерно тяжелом 12—14-часовом труде, об их бесправном положении. Здесь же предъявлялись и соответствующие политические требования».

Заметьте себе: «Хорошо знавший»! «Говорили всю правду»!

«В конце 1894 года Ленин при участии рабочего Бабушкина написал первую такую агитационную листовку и обращение к забастовавшим рабочим Семянниковского завода в Петербурге».

Как видите, и листовку нужно писать, посоветовавшись с товарищем, хорошо знающим обстановку. Вот так, на основании исследования и изучения положения, писал и работал Ленин.

«Каждый такой листок сильно поднимал дух рабочих. Рабочие видели, что им помогают, их защищают социалисты».

Согласны ли мы с Лениным? Если согласны, то значит, мы должны работать по-ленински, без бесконечного пустословия и беспредметных разглагольствований, не пускать стрел, не имея перед собой цели, не забывать о читателях или слушателях, не считать себя непогрешимыми, не бахвалиться — словом, нужно работать так, как работал Ленин».

1942 г.

ЛЕНИН ОБ ИЗУЧЕНИИ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИИ

«После Октябрьской революции Ленин поставил перед Коммунистической партией Советского Союза задачу: учиться и еще раз учиться. Советские товарищи, советский народ поступали по указанию Ленина. За короткий срок они добились блестящих успехов. На состоявшемся недавно XX съезде КПСС были также выработаны многие правильные политические установки, подвергнуты осуждению недостатки в партии. Можно с уверенностью сказать, что их работа в дальнейшем получит исключительно большое развитие.

Перед нами теперь стоят в основном такие же задачи, как и в начальный период строительства Советского государства. Нам предстоит исключительно трудная работа, чтобы превратить отсталый аграрный Китай в передовой индустриальный Китай, а наш опыт весьма недостаточен. Поэтому надо уметь учиться. Надо уметь учиться у идущего впереди Советского Союза, надо уметь учиться у стран народной демократии, надо уметь учиться у всех братских партий, надо уметь учиться у народов всех стран».

1956 г.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

«Следуя заветам великого Ленина, Россия заглянула в будущее и думала только о том, что должно быть, тогда как другие страны лежали придавленные мертвой рукой прошлого и тратили свои силы на то, чтобы сохранить бесполезные реликвии минувшей эпохи. На меня, в частности,

произвели сильное впечатление сообщения о больших успехах, достигнутых при Советской власти в отсталых районах Средней Азии. Поэтому в конечном счете я был всецело на стороне России; существование и пример Советского Союза были светлым и отрадным явлением в темном и мрачном мире».

1934 — 1935 гг.

СУКАРНО

«...Еще в 1903 году Ленин выдвигал требование полного права всех народов на самоопределение. Для того чтобы оказать полное влияние на Азию, Октябрьская революция должна была доказать это не на словах, а на деле.

На деле оказалось, что советская национальная теория привела к полному пересмотру идей об организации государства. Большевики провозгласили идею полного равенства граждан, вне зависимости от их расы, вероисповедания, цвета кожи или языка. Даже лишь одно провозглашение этой идеи произвело глубокое впечатление в колониальных странах».

1957 г.

ХО ШИ МИН

«Чернокожие и желтолицые не знают точно, кто такой Ленин, не знают и того, где находится Россия. Ведь колониальный империализм заинтересован в том, чтобы они этого не знали. Невежество — один из главных столпов капиталистического строя, но все они — аннамитский селянин, как и охотник Дагомеи — внимали шопоту, говорившему, что там далеко— на другом конце земного шара есть народ, прогнавший своих самодержцев-эксплоататоров и управляющий сам собой, без самодержца, без верховного резидента. Слыхали они и то, что страна эта именуется Россией и руководят ею люди, крайне мужественные, *а самый мужественный из них зовется Лениным*. Этого уже достаточно, чтобы возбудить глубокое, восторженное преклонение перед этой страной и ее вождем.

Но это еще не все. Дошла до них весть и о том, что этот великий человек, освободив своих соотечественников, стремится освободить и другие народы. Он даже звал белых помочь угнетенным желтолицым и чернокожим освободиться из-под ига «руми», всех руми, резидентов, губернаторов и прочих. И в этих целях он начертал определенную программу...

Этого уже было достаточно, чтобы эти народы — невежественные, но добрые и признательные в глубине своего сердца — стали испытывать благоговение перед Лениным...Они видели в нем освободителя.

При жизни он был нашим отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он — наша путеводная звезда, ведущая к социальной революции.

Ленин живет в нас, он бессмертен».

1924 г.

Ю. ЦЕДЕНБАЛ

«Трудно переоценить все значение учения Ленина, особенно для угнетенных народов Востока, о революционном скачке, который должны совершить отсталые страны, минуя целую историческую эпоху общественного развития — капитализм. Это гениальное открытие титана революционной мысли и революционной практики Ленина озарило немеркнущим светом путь освободительной борьбы трудящихся угнетенных стран, зажгло их сердца великой надеждой и уверенностью в победе над вековыми угнетателями...

Народно-демократическая Монголия, следуя учению Ленина, делает переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. С каждым шагом

нашей страны к социализму еще ярче и полнее раскрывается огромное значение для трудового монгольского народа бессмертных идей Ленина. Монгольский народ, идя под непобедимым знаменем ленинизма, за годы народной революции добился под руководством своей народно-революционной партии, при братской помощи великого советского народа, поистине грандиозных успехов в развитии своей страны ...

Великое учение Ленина и народная революция вырвали наш народ из царства средневековой тьмы и невежества, спасли его от империалистического рабства...Бессмертное имя Ленина любимо и дорого сердцу каждого труженика свободной Монголии».

1955 г.

КИМ ИР СЕН

«...Корейский народ глубоко чтит светлую память Владимира Ильича Ленина — вождя, учителя и друга всех трудящихся. Свет ленинских идей пробил черный колониальный мрак, висевший над нашей страной. Этот свет озарил путь нашему народу к национальному и социальному освобождению. Учение Ленина — наша путеводная звезда в строительстве нового общества, созданию которого посвятил всю свою прекрасную жизнь, весь свой немеркнущий гений Владимир Ильич Ленин».

1955 г.

ИЗ БЕСЕДЫ В. И. ЛЕНИНА С ЯПОНСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ КАЦУЧЖИ ФУСЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТ «ОСАКА МАЙНИЦИ» И «ТОКИО НИЦИ-НИЦИ» 4 июня 1920 г.*

Тов. Ленин принял г. Фусе в Кремле в своем рабочем кабинете в присутствии заведующего восточным отделом НКИД т. Вознесенского. Г. Фусе был первым японцем, с которым беседовал т. Ленин после Октябрьских дней, если не считать нескольких слов, которыми он обменялся в Ленинграде в Смольном в 1917 г. с японским послом Ясуйя Уцида.

Г. Фусе, приехав в Россию, предполагал увидеть т. Ленина, после трехлетних беспрерывных напряженных его работ и особенно вследствие полученных ран, сильно физически изменившимся. Однако предположения его не оправдались. Г. Фусе описывает свои впечатления о Ленине так:

«Теперь я сижу перед ним и смотрю на него; он выглядит по-прежнему здоровым, крепким, простым и живым. Я вспомнил, что мне как-то раз один коммунист говорил: «Ленин своей наружностью несколько похож на японца». Действительно, и я замечал в чертах его лица что-то близкое нам, что-то восточное, по-моему, не только в одной наружности, но и в характере его есть не мало восточного героизма. Некоторые особо подчеркивают, что в Ленине есть удивительное сочетание теоретика и практика. Я бы к этому прибавил, что в Ленине есть и замечательное сочетание качеств героев западного и восточного типов. В пятидесятилетний юбилей к нему обращались с поздравительными адресами пролетарии не только европейских, но и азиатских стран, а китайские рабочие приветствовали юбиляра национальными стихами».

Тов. Ленин встретил Фусе словами, что очень рад его видеть и что, несмотря на все, что произошло в последние дни между Россией и Японией, и на то, что некоторые круги Японии все еще стоят на непримиримой позиции к Советской России, он все-таки смотрит на будущие отношения обеих стран оптимистически. «Советское правительство признало независимость буферного государства, и это, я надеюсь»,— сказал Ленин,—«в ближайшее время поможет восстановлению мира на Дальнем Востоке». Фусе, приступая к интервью, задал Ленину вопрос: «Осенью прошлого

---

* Помещаемый здесь материал опубликован впервые в одном из сборников и после этого больше не переиздавался. Ссылка на беседу В. И. Ленина с К. Фусе (ответ Ленина на предпоследний вопрос Фусе «о шансах коммунизма на успех») приводится в интервью, данном И. Сталиным Фусе в 1925 г. (*И. В. Сталин.* Соч., т. 7, стр. 231). Здесь текст публикуется в извлечениях.

года Вы сказали, что трудности уже позади, разве Вы не предвидите впереди больше трудностей?».

Ленин: «Я это говорил в том смысле, что мы самые большие трудности пережили; но, конечно, перед нами предстоит еще много трудностей!».

Фусе: «Вы говорили, что капитализму для перехода от феодализма понадобилось много лет, а потому социализму понадобится также много лет на переход от капитализма. Скажите, какой срок приблизительно на это понадобится?».

Ленин: «Трудно определить срок вообще; чтобы свергнуть старый строй,— не надо много времени, но создать новый строй в короткое время невозможно. Мы приступили к осуществлению плана электрификации промышленности и земледелия, без электрификации коммунистический строй — неосуществим, а наш план электрификации составлен на срок в десять лет при самых благоприятных условиях. Вот это — наш минимальный срок для создания нового нашего строя». Затем Ленин задал Фусе ряд вопросов о земельных и классовых отношениях в Японии.

Что представляют в Японии помещики? Какое положение в Японии безземельного крестьянина? Существуют ли крестьянские организации? и т. д. Затем Ленин заинтересовался состоянием в Японии электрификации, народного образования, а также тем, как в Японии относятся к детям. Когда Фусе сказал, что в Японии берегут детей больше, чем на Западе, Ленин заметил: «это весьма важно, ведь в самых т. н. цивилизованных странах Европы, даже в Швейцарии, еще не совсем уничтожен, например, обычай бить детей в школах». После этого Фусе задал т. Ленину снова ряд политических вопросов.

Фусе: «Как вы представляете себе добрососедские отношения между социалистическими и капиталистическими государствами?».

Ленин: «Наши условия о сожительстве с капиталистическими странами изложены подробно в проекте договора, который недавно американский представитель Буллит опубликовал в Вашингтоне. Эти условия очень невыгодны для нас, державы же из-за этого сделали предположение, что мы готовы на уступки, т. к. слабы, и начали интервенцию, в результате которой все они потерпели полное поражение. Мы разбили Колчака, Юденича и Деникина основательно».

Фусе: «Где коммунизм может иметь больше шансов на успех, на Западе или на Востоке?».

Ленин: «Настоящий коммунизм может иметь успех пока только на Западе, однако, ведь Запад живет за счет Востока; европейские империалистические державы наживаются главным образом на восточных колониях, но они в то же время вооружают и обучают свои колонии, как сражаться, и этим Запад сам роет себе яму на Востоке».

Фусе: «Каковы ближайшие задачи Советского правительства?».

Ленин: «Во-первых, побить польских помещиков, во-вторых, добиться прочного мира, затем, в-третьих, развивать нашу хозяйственную жизнь».

* * *

Беседа продолжалась минут двадцать, в течение которых с лица Ленина ни на минуту не сходила добрая и широкая улыбка.

Беседа, особенно простота и добродушие т. Ленина, произвела на г. Фусе, по его словам, невыразимо глубокое впечатление.

Направляясь к выходу из Кремля, г. Фусе сказал т. Вознесенскому: Это самая интересная беседа с самым простым собеседником за все время

пребывания в Москве. С самого начала русской революции я в своих корреспонденциях из Ленинграда обращал самое серьезное внимание читателей на Ленина, как на человека, которому суждено играть решающую роль в судьбе революционной России. Никто из революционных деятелей не произвел на меня такое сильное впечатление, как Ленин. Я оценивал личность Ленина, силу его влияния и значение его роли в революции в форме до того решительной, что некоторые русские белые газеты обрушились на меня с критикой, что я из объективного и беспристрастного журналиста, как бы незаметно для себя, превратился чуть ли не в поклонника и ценителя талантов Ленина. Однако теперь, приехав в Москву, после двухлетнего отсутствия из России, и лично побеседовав с самим Лениным, я о нем могу только подтвердить то, что сообщал из Ленинграда. Да, Ленин — это душа большевизма. В его руках сосредоточены все главные нити революции, не только одной России, но и всего мира. Он же вертит ось мирового социалистического движения. Он же глава пролетарской диктатуры, он же великий испытанный стратег».

Ниже мы приводим по поводу той же беседы г. Фусе с т. Лениным чрезвычайно характерные подробности, по воспоминаниям т. Вознесенского. «Интервью с японским корреспондентом было весьма своеобразно. Не успели сесть, как тов. Ленин, придвинув свое кресло вплотную к г. Фусе, засыпал его вопросами: «Каково у вас положение безземельного крестьянина? Как и сколько он платит помещику? Какие у вас помещики? Сколько десятин у среднего и у крупного? Есть ли крестьянские организации?» Фусе покорно давал ответы. «А вы сами из какого класса, интеллигент?»— «Я сын мелкого помещика»,— ответил японский корреспондент. «То есть, сколько же десятин у вашего отца?»— допрашивал Ильич г. Фусе. Тот назвал в японских мерах. Ленин настаивал на переводе в десятины. Оказалось несколько десятков. «Позвольте, позвольте»,— живо возразил Ленин,—«так это совсем не мелкий помещик; для Японии это уже средний, почти крупный землевладелец. Значит, вы буржуйчик». Не замечая смущения корреспондента, Ленин перешел к электрификации Японии и был поражен, узнав успехи этой отрасли в Японии и повсеместное распространение электричества с утилизацией горных рек. Затем он перескочил на народное образование и снова засыпал Фусе вопросами: «Когда у вас введено всеобщее обязательное обучение, до скольких лет, есть ли у вас безграмотные?» «Счастливая страна»,— воскликнул Ильич, на ответ Фусе, что в Японии безграмотных почти нет. «Ну, а вот, правда ли, что у вас никогда не наказывают детей, не бьют их; я об этом где-то читал». «Да,— ответил Фусе,— у нас не бьют детей, у нас в своем роде культ детей, как основа всей семьи и государственности». Тов. Ленин подумал и сказал: «Тогда вы не только счастливый, но и великий народ. От этого пережитка, варварского пережитка, применять в воспитании наказание не избавились даже, так называемые, передовые страны Европы». Затем, подумав и испытующе глядя на своего собеседника, Ленин спросил: «И так-таки у вас в Японии даже шлепка детям не дают?»—«Нет,— решительно возразил Фусе,— мы никогда не бьем детей». Ленин откинулся назад, вопросительно посмотрел на нас обоих, и когда я то же подтвердил, заявив, что был в Японии еще ребенком и имел японку няню». «Да,— заключил Ленин.— Это замечательный народ, это настоящая культура»...

Фусе поспешил вынуть свой вопросный лист и начал интервьюировать.

Когда мы спускались по лестнице, Фусе спросил меня: „Собственно говоря, кто кого интервьюировал, он меня или я его“, и вытер выступивший на лбу пот».

ВЫПОЛНЯЯ УКАЗАНИЯ ЛЕНИНА

С. И. АРАЛОВ

На мою долю вышало величайшее счастье много раз видеть и слышать Владимира Ильича Ленина, работать под его непосредственным руководством.

В памяти отчетливо сохранились незабываемые дни второго Всероссийского съезда Советов. Я был делегатом съезда от 3-й Армии (Западный фронт). С огромной радостью встретили мы, делегаты, выступления Ленина по вопросу о мире. Гром оваций долго не давал Владимиру Ильичу возможности начать говорить. Но вот в зале стало тихо, и Ленин заговорил о том, что волновало всех,— о том, как кончить войну и как обеспечить мир. Владимир Ильич говорил, что надо быстрее опубликовать все тайные договоры. Не нужно никакой тайной дипломатии, во всем надо действовать открыто — эти ленинские слова навсегда остались в моей памяти.

В конце декабря 1920 г. я снова слышал выступление Ленина на VIII съезде Советов. Владимир Ильич подробно остановился на успехах политики Советской России на Востоке. Делегаты съезда с большой радостью узнали о том, что отношения между молодым Советским государством и народами Востока становятся все более тесными и дружественными. Запомнились слова В. И. Ленина о наших отношениях с Турцией: «Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западноевропейскими странами. Это обстоятельство, в связи с упрочением Советской власти, все более и более обеспечивает то, что, несмотря на все противодействие и все интриги буржуазии, несмотря на сохранение буржуазных стран вокруг России,— союз и дружественные отношения России с угнетенными восточными нациями укрепляются, ибо главнейший во всей политике факт есть империалистическое насилие в отношении к народам, которые не имели счастья попасть в число победителей, и эта мировая политика империализма вызывает сближение, союз и дружбу всех угнетенных народов»[1].

Довелось мне присутствовать и на заседании пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов в конце февраля 1921 г. Владимир Ильич снова остановился в своем выступлении на переговорах между Советской Россией и Турцией. Он отметил, что турецким рабочим

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 460.

и крестьянам удалось доказать, что отпор современных народов против хищничества — это реальная вещь, с которой надо считаться. «...И тот грабеж, на который империалистские правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистские державы убрать руки прочь»[2]. Владимир Ильич Ленин охарактеризовал переговоры с турецким правительством как очень крупное достижение Советской власти.

По решению Центрального Комитета нашей партии в конце 1920 г. я был отозван с военной работы. Мне предстояло стать дипломатом. Некоторое время работал в качестве полпреда в Литве. В октябре 1921 г. меня вызвали в Москву и сообщили, что я назначен полпредом в Турцию.

Готовясь к выполнению этого ответственного задания партии, я снова и снова перечитывал труды В. И. Ленина, вспоминал слышанные мною его выступления. В своем докладе на 2-м съезде коммунистических организаций народов Востока В. И. Ленин говорил: «Вам [делегатам съезда. — *С. А.*] придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание»[3]. Я вспоминал об этих словах, знакомясь в Народном комиссариате по иностранным делам с материалами о деятельности Кемаля Ататюрка, с которым мне предстояло в ближайшее время встретиться.

Очень большую помощь в изучении политической, дипломатической и военной обстановки в тогдашней Турции мне оказал Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин. Он обладал необычайно широкими познаниями в истории, экономике, политике и искусстве. Беседы с ним были чрезвычайно плодотворными. Однажды ночью Г. В. Чичерин срочно вызвал меня. Я нашел его в кабинете среди вороха бумаг, папок, книг. Видна была лишь его голова. Он сразу же начал разговор: «Владимир Ильич хочет видеть Вас, переговорить о турецких делах. Вы ознакомились с делами, перепиской, договорами, историей Турции? Обязательно внимательно прочтите договор Турции с закавказскими республиками. Он недавно подписан — 13 октября. Очень важно с ним ознакомиться...Завтра мы с Вами поедем к Владимиру Ильичу, будьте готовы...»

С волнением входил я в кабинет В. И. Ленина. Мне приходилось часто бывать здесь в 1918—1919 гг. во время работы заведующим Оперативным отделом Наркомвоенмора. В кабинете ничего не изменилось. Та же карта, у которой я часто докладывал Владимиру Ильичу о положении на фронтах; чистота, на столе абсолютный порядок, каждая книга лежит так, что ее удобно сразу же взять, когда она понадобится...Цветок на том же месте...

Владимир Ильич поднялся со стула, подошел к нам, очень тепло и приветливо поздоровался с Георгием Васильевичем Чичериным, спросил о его здоровье. Бросил испытующий взгляд на меня, пожал руку.— Так, кончили воевать, дипломатом стали, батенька! — Приятный участливый смешок...— Перековали меч на орало...Нужное, хорошее дело! Садитесь. Знаю, знаю о 12-й армии, неплохо там повоевали...Вам полезно будет побывать в Турции. Это принесет Вам пользу... Там дерутся за свое национальное освобождение...Вам будет все понятно. Вы сумеете подойти к народу, понять его нужды, поэтому ЦК и посылает Вас туда. Империалисты грабили и грабят Турцию. Крестьяне и рабочие не выдержали, поднялись, чаша терпения переполнилась. Народы Востока, да и мы боремся с империалистическими волками. Советская Россия покон-

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 32, стр. 125.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 30, стр. 141.

П-19366

чила с империалистическими волками, раздавила их, выгнала. Дали мы им по зубам, не позволили схватить себя острыми когтями.

Владимир Ильич был в курсе всех турецких дел.— Конечно, Мустафа Кемаль паша не социалист, говорил Ленин.— Но, по-видимому, он великолепный организатор, умница, возглавил буржуазно-демократическую революцию и даст по зубам империалистическим захватчикам. Уверен, что он собьет с них спесь, да и султана со всей шайкой разгромит...Говорят, ему народ сильно верит. Надо ему помочь. А это значит помочь турецким рабочим и крестьянам. Вот смысл Вашей работы. Уважайте турецкое правительство, народ, не кичитесь, не вмешивайтесь в их внутренние дела. Англия напустила на них греков, на нас же Антанта и США напустили невесть сколько стран...Вам предстоит серьезная работа... Тов. Фрунзе на днях выедет в Ангору от Украинской Республики. По-видимому, Вы с ним встретитесь. Помочь Турции мы сможем, хоть и сами бедны, а помочь надо... Главное — уважение к народу. Разъясняйте туркам нашу позицию в противовес империалистической грабительской политике, это ваша главная задача. Какую помощь мы сможем оказать — об этом Вам сообщим: вероятнее всего оружием, а понадобится — дадим и другую. Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь заборами, крепостными стенами, как это делали послы самодержавного царя. Они подкупали великих визирей и других деятелей. Это — не наше дело. Мы должны дружить с народом.

После небольшой паузы Владимир Ильич продолжал:— Вы едете с семьей?...Получив утвердительный ответ, он сказал: — Вот и отлично. Детей научите турецкому языку, да и самому необходимо подучиться».

На прощанье Владимир Ильич пожелал мне благополучного пути и горячо пожал руку. Каждый раз беседы с Владимиром Ильичом, словно прожектором, освещали путь, по которому надо было идти. Владимир Ильич разговаривал как с близким товарищем: необычайно просто, непринужденно, легко. После каждой встречи с вождем прибавлялись силы, хотелось работать так, чтобы оправдать доверие Владимира Ильича.

...В конце декабря 1921 г. состав Советского полпредства тронулся в путь. Старенький колесный пароход «Ф. Дзержинский» доставил нас в Самсун. Здесь я встретился с М. В. Фрунзе. Михаил Васильевич подробно рассказывал мне о своих впечатлениях о Турции, охарактеризовал политическую и военную обстановку в стране. С большой болью говорил Михаил Васильевич об убийствах и насилиях, которые допускались по отношению к грекам: «Не скрывайте от Кемаля, что я очень огорчен этим. Я знаю, что Кемаль не при чем. Мне известно, что он категорически требовал гуманно относиться к пленным и переселенцам. Главные виновники — это империалисты Англии, Франции, стамбульское султанское правительство. Это они спровоцировали восстание греческого населения. Но говорить с турками надо осторожно, опасно задеть, потревожить национальное чувство. Вспомните ленинские предостережения о страшно болезненном, оскорбленном национальном чувстве».

Михаил Васильевич тепло отозвался о Кемаль паше: «Это крепкий, волевой организатор. Очень умный человек, большой дипломат. Очень трудно ему. Часты мятежи, восстания, нет еще единой сплоченной партии. Но главное ясно: народ борется за освобождение от империалистического гнета, грабежей, от султана, халифата, от всей прогнившей феодальной верхушки. Народ победит, это теперь отлично видно. Кемаль очень надеется на нашу помощь». Наша беседа подошла к концу. «Думаю, что у Вас дело пойдет на лад,— сказал Михаил Васильевич, лаково улыбнувшись, — есть тут моя капля вины, что Вас назначили сюда, ну да ладно, я думаю, что Вы не в претензии на меня...»

Наше посольство медленно двигалось к Ангоре. Путешествие мы использовали для знакомства с населением: крестьянами, жителями городов. Крестьяне необычайно тепло и дружески относились к Советской России. Они говорили: русские помогают нам, а англичане, французы, греки хотят нас поработить... Спасибо России, не дает нас в обиду. Замучили нас войны, хотим спокойно трудиться на земле. Расспрашивали о Советской России, о Ленине. Дошел до нас слух, говорили крестьяне, что Ленин за народ, против богатых, помогает беднякам, обездоленным. Вот и пушки нам дает, чтобы одолеть наших врагов. Мы видим, что русские к нам злобы не питают. Зачем нам драться с вашими крестьянами? Хотим жить в дружбе с вашим народом.

Однажды мы спускались с горы, проезжали мимо крестьянского поля. Видим, два вола тянут длинную палку, к которой привязано подобие мотыги. Сзади шел крестьянин и управлял этим примитивным орудием. Разговорились. «Везут тут по дороге пушки,— сказал крестьянин.— Говорят русский Ленин подарил их нашему Кемалю паше, чтобы греков и англичан побить. Правильно поступают русские люди — свергли царя, помещиков и нам помогают». С интересом расспрашивали нас о Ленине и жители турецких городов.

Дружеской была наша встреча с Мустафой Кемалем. Он тепло приветствовал меня, подробно расспросил о том, что происходит в России, рассказал о положении в Турции. В течение полутора лет моего пребывания в Турции я очень часто встречался с этим выдающимся деятелем в самой различной обстановке: и в здании полпредства, и в меджлисе, и на фронтах, и на квартире. Вспоминается разговор в один из мартовских вечеров в 1922 г. В этот день Кемаль был в гостях у нас в посольстве. Положение на фронте было очень напряженным. Греки сосредоточили крупные силы на Эскишехирском направлении. Кемаль просил помочь присылкой снаряжения, боеприпасов: «Я знаю — России тоже трудно, она сейчас небогата, но выручайте нас...Очень, очень благодарю Ваше правительство и Ленина за денежную помощь, за ружья, патроны и оружия». Прошло немного времени, и вскоре Кемаль писал мне с фронта: «Спешу сообщить, что части нашей армии находятся в состоянии, могущем вызвать полное удовлетворение и гордость наших друзей».

По приглашению Мустафы Кемаля мы совершили с ним в марте и апреле 1922 г. поездку по фронту. Это было время подготовки генерального наступления турецкой армии. По приглашению Кемаля мы с полпредом Азербайджанской Советской Республики Абиловым не раз выступали перед турецкими солдатами, рассказывали им о победах Красной Армии, о том, как русские рабочие и крестьяне строят свое новое государство. Солдаты и офицеры турецкой армии тепло приветствовали нас.

Не раз вместе с Мустафой Кемалем мы посещали школы, больницы, общественные учреждения. Повсюду Кемаль представлял нас как посланцев советской страны, как друзей турецкого народа.

В своих беседах Мустафа Кемаль не раз подчеркивал, что Турция высоко ценит дружбу с советской страной как основу своего освобождения от империалистического угнетения.

Мы с удовлетворением видели, как росли и крепли силы национально-освободительного движения в Турции, как приближалась его окончательная победа. Вспоминается, как Кемаль говорил: «Никогда наша нация не должна забывать о дружеской помощи Советской России. Будет преступлением, если она забудет о той помощи, которую Вы оказали в самую тяжелую годину истории нашей родины». Мне довелось присутствовать на историческом совещании меджлиса, где было принято решение об уничтожении султанского режима.

Полтора года я пробыл в революционной Турции. Вспоминается прощальный визит Мустафы Кемаля и его супруги. Мы собрались в саду нашей дачи. По саду важно расхаживал крупный орел с подбитым крылом, весело бегали два медвежонка, подаренных полпредству. Кемаль в течение некоторого времени наблюдал за орлом, а потом сказал: «Посмотрите на орла, ведь это эмблема русского царизма. Царь гордо правил народом и считал себя недосягаемым. Но вот народ прогнал царя, сломил его силу. Вот и ходит орел среди нас с подбитым крылом. Мы, турки, своего священного султана по русскому примеру, по существу, лишили власти и скоро выгоним. Турецкий народ идет к своей победе. Султаны и цари натравливали наши народы друг на друга, а это было выгодно лишь угнетателям, империалистам. Нам надо жить в дружбе. Пусть к нашей дружеской семье присоединятся и другие восточные народы: Иран, арабские страны. Это — моя мечта. Не знаю, удастся ли и доживу ли. Поднимем же бокалы за дружбу наших народов!» На прощанье Кемаль подарил мне свой портрет с автографом. Мы крепко расцеловались и пожелали друг другу счастья. Кемаль просил передать сердечный привет Владимиру Ильичу Ленину.

Почти 35 лет прошло с того времени. Сбылось пророческое предвидение В. И. Ленина о том, что наступит период, когда народы Востока будут активно участвовать в решении судеб всего мира. Мощный подъем национально-освободительного движения народов Азии и Африки, распад колониальной системы, происходящий на наших глазах — неопровержимо свидетельствуют об этом.

ЛЕНИН И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Н. СЕЛИХОВ и *С. Л. ВЕЛЬТМАН*

Возникновение советского востоковедения теснейшим образом связано с именем Владимира Ильича Ленина.

Авторам этих строк вспоминается торжественное собрание, посвященное 4-летию Московского института востоковедения, состоявшееся 21 ноября 1925 г. Видный деятель советского востоковедения М. П. Павлович (Вельтман) свое выступление начал словами: «Первым великим востоковедом, уже в 1905 году предугадавшим неизбежность мощного национально-освободительного движения на Востоке, мы считаем товарища Ленина, посвятившего, начиная с русско-японской войны, ряд блестящих статей новой Азии, новому Востоку. С этого момента начинается изучение нового Востока в русской социалистической литературе».

По указанию В. И. Ленина были созданы два первых советских высших учебных заведения для подготовки востоковедов-марксистов: Московский институт востоковедения и Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ). Как вспоминал М. П. Павлович, идея создания востоковедного института в Москве была выдвинута А. М. Горьким в его письме, адресованном В. И. Ленину. Владимир Ильич горячо поддержал предложение А. М. Горького. На его письме он наложил резолюцию, в которой обязывал Народный комиссариат по делам национальностей немедленно приступить к созданию такого института.

О подробностях организации Московского института востоковедения рассказал присутствовавшим бывший зам. наркома по делам национальностей С. М. Диманштейн. Важнейшей задачей В. И. Ленин считал подготовку кадров марксистов-востоковедов. К решению этой задачи Владимир Ильич предлагал привлечь и старых ученых-востоковедов, чьи огромный опыт и знания могли принести большую пользу. В. И. Ленин настаивал на том, чтобы институт находился в Москве. «Надо,— говорил В. И. Ленин,— чтобы в нем было побольше политики, чтобы он был побольше нашим, чтобы он не был сухим. Находясь в Москве, он будет ближе ко всем советским центральным учреждениям, которые имеют прямые связи с Востоком».

Так советское востоковедение с первых же дней своего развития сочетало в себе широкий демократизм и лучшие академические традиций дореволюционного русского востоковедения с ленинским пониманием исторической роли народов Востока в развернувшейся революционной борьбе.

В. И. Ленин внимательно следил за ходом осуществления практических мероприятий по организации института, торопил с разрешением

этого вопроса И. В. Сталина, бывшего тогда наркомом по делам национальностей. В эти дни было созвано специальное совещание ученых-востоковедов.

Большинство старых ученых-востоковедов охотно откликнулось на призыв советской власти и приняло активное участие в организации института и в его работе. Среди них были такие выдающиеся деятели востоковедной науки, как Д. Н. Анучин, М. О. Аттая, В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, В. А. Гурко-Кряжин, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, Н. И. Конрад, Н. Я. Марр, Ф. И. Щербатской и многие другие.

Стране настоятельно были необходимы кадры научных и практических работников, обладающих хорошими знаниями как стран Востока, так и языков населяющих их народов. 7 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об организации Института живых восточных языков (позже преобразованного в Московский институт востоковедения). Это учебное заведение было создано на базе бывшего Лазаревского (затем Армянского) института восточных языков. В новом учебном заведении имелось 4 отделения: Дальнего Востока, Ближнего Востока, Среднего Востока и языков народов Кавказа и Закавказья.

Второй институт по подготовке кадров специалистов-востоковедов был создан в Ленинграде. Это учебное заведение — Ленинградский институт живых восточных языков — также находилось в ведении Народного комиссариата по делам национальностей. Срок обучения здесь был установлен трехгодичный. Учащиеся получали знания, достаточные для того, чтобы после окончания института начать практическую работу в одной из стран Востока на дипломатическом, торговом, педагогическом или каком-либо ином поприще. Преподавание восточных языков в институте было поставлено образцово.

В соответствии с ленинскими указаниями о подготовке кадров практических и теоретических работников по Востоку было создано еще одно учебное заведение — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Выпускники КУТВ сыграли значительную роль в партийном, советском и культурном строительстве в республиках и национальных районах Советского Востока. Нам вспоминается, с каким поистине безграничным упорством и настойчивостью овладевали знаниями представители народов Востока, обучавшиеся в этом учебном заведении. Среди студентов КУТВ было и немало женщин из многих республик и областей Средней Азии, Закавказья и т. д.

Как вспоминал М. П. Павлович, В. И. Ленин был «духовным отцом» первого научного объединения советских востоковедов — Научной ассоциации востоковедения, которая была создана в 1921 г. В постановлении ВЦИК о создании ассоциации определялось, что она должна существовать при Народном комиссариате по делам национальностей.

Авторы этих строк, работавшие в те годы в Наркомнаце, хорошо помнят, как начинала свою работу ассоциация, разместившаяся в многоэтажном здании Наркомнаца, где постоянно находились представительства автономных республик и областей. Постоянный, живой контакт с представителями народов Востока был чрезвычайно благотворен для деятельности молодой ассоциации. Совет национальностей, объединявший и координировавший деятельность всех представительств, охотно шел навстречу всем мероприятиям ассоциации. Эта организация, возникшая первоначально как всероссийская, скоро была преобразована во всесоюзную, и по ее образцу были созданы Всеукраинская научная ассоциация востоковедения с центром в Харькове и с филиалами в Киеве и в Одессе, отделения в Средней Азии, Закавказье и на Дальнем Востоке. Все эти организации развернули интенсивную научно-исследовательскую деятельность.

Местные востоковедные силы, государственные и хозяйственные учреждения, учащиеся высших учебных заведений оказали большую помощь членам ассоциации в их научной работе.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина прежде всего было развернуто конкретное изучение национально-освободительных движений в странах зарубежного Востока, истории этих стран, проблем складывания и развития языков народов Востока. В. И. Ленин требовал также глубоко и всесторонне изучать особенности колониальной системы империализма, формы и методы борьбы угнетенных народов Востока против колониального ига.

В связи с изданием Всемирного географического атласа Владимир Ильич обратился к М. П. Павловичу со следующим письмом:

Наркомнац т. Павловичу

31.V.1921 г.

т. Павлович!

Мной условлено об издании (в Питере) учебного атласа.

Крайне важно было бы приложить карты империализма.

Не возьметесь ли Вы за это?

Примерно: 1) колониальные владения 1876—1914—1921, с приложением или с особой штриховкой полуколониальных стран (Турция, Персия, Китай и т. п.).

2) Краткая статистика колоний и полуколоний,

3) Карта финансовых зависимостей. Например, на каждой стране ± с цифрой (миллионы или миллиарды франков), сколько должна эта страна, и сколько ей должны;

тоже сравнительно 1876—1914—1921

(если взять 1876, как кульминационный пункт домонополистического капитализма).

4) Желездороги мира с пометкой, в каждой стране кому больше принадлежат (англичанам, французам, Северной Америке и т. п.).

Это выйдет чересчур пестро? Можно найти удобные формы, главное, преобладающее отмечать очень сокращенно.

5) Главные источники того сырья, из-за которого идет борьба (нефть, руда и т. п.) — тоже с пометками (% или миллионы франков такой-то стране принадлежит).

Нам надо обязательно *в учебники* вставить подобные карты, конечно, с кратким пояснительным текстом.

Можно дать Вам для подсобной работы помощника статистика.

Прошу ответа, беретесь ли, как и когда.

С комм. приветом Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*[1]

По существу в этом коротком письме была намечена обширная программа научных исследований в области изучения особенностей колониальной системы, характеристики политики империалистических держав по отношению к колониальным и зависимым странам и т. д.

Не ослабляя внимания к разработке многих важных проблем академического востоковедения, Научная ассоциация востоковедения сосредоточила главное внимание на изучении вопросов, связанных с национально-освободительной борьбой народов Востока против колониального угнетения, а также на вопросах, связанных с обобщением огромного, имеющего поистине всемирно-историческое значение, опыта экономического и культурного строительства в республиках советского Востока. Научная ассоциация востоковедения принимала практическое участие в подготовке

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 427.

и проведении ряда важнейших мероприятий в области культуры и просвещения народов советского Востока. Большое значение имела в этом отношении замена арабского алфавита в республиках Средней Азии и Закавказья и создание своей письменности для ряда народов нашей страны, которые не имели письменности при царизме.

Нам вспоминается, как выступая на специальном заседании Научной ассоциации востоковедения, посвященном реформе алфавита, бывший председатель ЦИК Азербайджанской ССР Агамалы-Оглы подчеркнул, что В. И. Ленин, в личной беседе с ним, охарактеризовал введение нового алфавита как великую революцию в этой области. Владимир Ильич подробно расспрашивал о том, как относятся рабочие и крестьяне к введению нового алфавита и был очень доволен узнав, что массы поддерживают эту идею.

В духе осуществления ленинских идей прошел и первый тюркологический съезд, посвященный замене арабского алфавита. Этот съезд состоялся уже после смерти Владимира Ильича, в 1926 г. в Баку. В его работе принял участие 131 делегат. Здесь были представители многих народов, населяющих нашу Родину, советские ученые-востоковеды, а также ученые-востоковеды из Германии, Турции и некоторых других стран. Делегаты съезда единодушно приняли резолюцию о замене арабского алфавита латинским, который впоследствии был заменен алфавитом, составленным на основе русской графики. Одному из авторов этих строк довелось принимать непосредственное участие в подготовке и проведении съезда, ставшего крупным событием в истории советского востоковедения и культурного строительства в республиках советского Востока.

Благодаря созданной по непосредственному указанию В. И. Ленина широкой сети востоковедческих научно-исследовательских и учебных учреждений и организаций уже в первые годы существования советского востоковедения был накоплен обширный материал по многим важнейшим проблемам политики, экономики, истории и филологии народов стран зарубежного Востока, а также народов советского Востока. Научной ассоциацией востоковедения был издан ряд книг, посвященных борьбе народов Китая, Индии, Турции, Персии, Египта, Алжира, Марокко, Туниса и других стран Востока за свою свободу и независимость.

Большой авторитет завоевал издававшийся Научной ассоциацией журнал «Новый Восток». Являясь пропагандистом ленинских идей, журнал «Новый Восток» с первого же своего номера стал воинствующим органом, на страницах которого велась ожесточенная борьба против империалистического расизма и высокомерия, свойственного реакционному буржуазному востоковедению, воспитанному на колониальной практике империалистических государств. Применяя марксистский метод, то есть единственный метод подлинно научного исследования, ко всем проблемам востоковедения, начиная от этнографии и кончая актуальнейшими проблемами политики, журнал «Новый Восток» выгодно отличался от «толстых» востоковедных журналов Западной Европы и США как по своей научности и актуальности, так и по диапазону исследуемых проблем. В течение почти 15 лет этот журнал был центральным печатным органом советского востоковедения, воспитывавшим и объединявшим оба поколения советских востоковедов — дореволюционное и послереволюционное.

На страницах журнала увидели свет десятки исследовательских статей о Китае, Японии, Индии, Египте, Сирии, Иране, Афганистане и многих других странах. «Новый Восток» давал также обширнейшую информацию и библиографию по странам Востока.

Множество разнообразных материалов о экономическом, государственном и культурном строительстве в республиках советского Востока

было опубликовано на страницах журнала «Жизнь национальностей», являвшегося органом Народного комиссариата по делам национальностей. Близкое участие в первых номерах этого журнала принимал И. В. Сталин.

Большую помощь оказывал Научной ассоциации и журналу «Новый Восток» выдающийся советский государственный деятель, Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин. Вспоминается такой эпизод. Однажды в редакцию журнала пришел впервые приехавший в нашу страну поэт Абулкасим Лахути. Он принес ответственному редактору «Нового Востока» М. П. Павловичу рекомендательное письмо от Г. В. Чичерина. Это письмо было по сути дела не письмом, а обстоятельной статьей о персидской литературе и о творчестве замечательного поэта-революционера.

Исключительно важное значение имеет для советского востоковедения глубокое и всестороннее исследование темы «Ленин и Восток». К разработке этой темы востоковеды-марксисты приступили уже в первые годы советской власти. Однако сделаны были лишь первые шаги в этом направлении. Думается, что нынешнее поколение советских востоковедов, руководствуясь непобедимым ленинским учением, опираясь на богатейший фактический материал, сумеет решить эту задачу.

Благодаря помощи и руководящим указаниям В. И. Ленина, советское востоковедение уже с первых лет своего существования было поставлено в самые благоприятные условия. Оно стало составной частью того огромного комплекса разнообразных мероприятий, который осуществляли Коммунистическая партия и Советское правительство в деле налаживания государственной, экономической и культурной жизни в республиках советского Востока, в деле развития всей советской науки.

Вот один из примеров. По инициативе Советского правительства было создано в конце 1922 г. Центральное восточное издательство, которое в большой степени содействовало подъему культуры народов советского Востока. За годы своего существования Издательство выпустило на языках народов СССР более 1800 названий книг, общим тиражом 70 млн. экземпляров.

Велика любовь народов Востока к бессмертному Ленину, указавшему им единственно правильный путь избавления от рабства, путь к свободной и счастливой жизни. В своих песнях, идущих из глубины сердца, поэты Востока славят Ленина:

«Был Ленин первым, кто повел,
Кто вражьи гнезда впрах размел,
Кто над землею, как орел,
Поднялся, став за бедных».

(*Сулейман Стальский*)

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ЛИТЕРАТУРАХ ВОСТОКА

В. И. ЛЕНИН В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Образ Ленина — неиссякаемый источник творчества прогрессивных писателей и поэтов всего мира.

В произведениях, посвященных Ленину, выражена любовь народных масс к человеку, который отдал всю свою жизнь борьбе за счастье трудящихся.

Китайский народ пронес бессмертный образ через все тяжелые испытания. Любовь к Ленину воодушевляла воинов Народно-освободительной армии на фронтах революционных битв, с именем Ленина по зову Коммунистической партии Китая шла патриотическая молодежь в Яньань сражаться за освобождение отчизны.

Сейчас ленинское учение вдохновляет строителей нового свободного Китая.

В двадцатые и в начале тридцатых годов, в период жесточайшего террора, китайские литераторы постоянно обращались в своем творчестве к первому в мире социалистическому государству. Талантливый поэт Инь Фу, один из первых певцов рабочего класса Китая, расстрелянный гоминьдановцами в числе других писателей - революционеров в 1931 г., в своих стихах гордо восклицал: «Мы—молодые большевики!»[1] Его перу принадлежит ряд переводов ленинских работ.

Вместе с Инь Фу был казнен Ху Е-пинь — автор замечательных книг: «В Москву», «Свет впереди». Работая преподавателем в городе Цзинань в 1930 г., он знакомил своих учеников с произведениями Маркса и Ленина. В те годы это было поистине героическим поступком, ибо лица, у которых находили книги, содержащие слова «коммунизм», «социализм», «Советская Россия», «Ленин», рассматривались как «опасные преступники», хранящие запрещенное оружие. Их обвиняли в государственной измене и расстреливали. Но писатели Китая мужественно несли в народ правду о России, идеи Ленина. Рассказывая в волнующих строках о человеке, «которого страшились все богатые и знатные», они никогда не прибегали к нарочитой гиперболичности, искусственности, помпезности, стремясь показать в Ленине органическое сочетание великого и простого.

Стихотворение Ли Цзи «Ленин» сопровождается весьма красноречивым эпиграфом: «Так говорит народ в районе Саньбянь...» Поэт вспоминает славные дела руководителя революционной опорной базы в провинции Северная Шэньси Лю Чжи-даня. И всегда, — убежденно говорят в народе, — в боях и походах Лю Чжи-даню помогал Ленин.

[1] 殷夫詩文選集 (*Инь Фу*. Избранное). Пекин, 1954, стр. 145.

Он с товарищем Лю Чжи-данем
Шел выполнять боевое заданье.
За землю, за счастье с товарищем Лениным
Солдаты отечества шли в наступление.
Разве б сияло победное знамя,
Если бы Ленина не было с нами?
Еще говорят в народе немало
О дружбе Ленина с нашим Мао.
Ленин — Мао товарищ давний,
Его учитель, его наставник.

Ленин так близок китайскому народу потому, что он

... понял страданья земли нашей древней,
Как будто родился в китайской деревне[2].

Лю Лань-шань в стихотворении «Первый факел» говорит о великой силе идей Октября, идей Ленина. Первый факел, зажженный пролетариатом России, вдохновил китайский народ на борьбу за свободу и национальную независимость. Поэт обращается к Ленину со словами сыновней любви и преданности:

Сын бедняка, простого земледельца,
Сегодня я тебе стихи пишу,
Хоть всей любви, наполнившей мне сердце,
Я ни в каких стихах не умещу[3].

В стихотворении «Портрет Ленина» поэт Янь И вспоминает недавнее прошлое Китая. Он перелистывает свой военный дневник. На одной из его страниц приклеен портрет Ленина... Это случилось на фронте. В бою смертельно раненный командир передал ему бережно хранимый портрет Ильича. На другой день отряд пошел в бой. И поэту казалось, что это наступает Ленин, что это от него бегут враги.

С портретом его я много прошел дорог.
В суровые годы мне Ленин драться помог![4]

Китайский народ победил врагов — внутренних и внешних. Ныне на стройках пятилетки, на кооперативных полях волею народа осуществляется то, о чем мечтал Ленин.

Ленину песни несем
от имени всех поколений,
Пусть этих песен слова
Его ото сна разбудят.
Раскроются очи твои,
великий товарищ Ленин.
Смотри, вторую звезду
зажгли на Востоке люди. [5]

[2] 李季短詩十七首 (*Ли Цзи*. 17 стихотворений). Пекин, 1952, стр. 4. Перевод мой.—*Л. Ч.*

[3] Цит. по рукописи автора. Перевод Н. Глазкова.

[4] Цит. по рукописи автора. Перевод мой.— *Л. Ч.*

[5] «В сердцах народов» М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, стр. 215. Перевод мой.— *Л. Ч.*

Молодой поэт Гу Гун в проникновенных строчках восклицает:

Я знаю: он живет сейчас во всем,
Что светится, растет и побеждает.
Он в каждом ясном солнечном восходе,
Он в каждом сердце, рвущемся к заре.[6]

Эти слова перекликаются со стихами Эми Сяо, поэта-революционера, который посвятил Ленину много своих произведений:

Мы знаем дорогу: Ленин — с нами,
Ленин — маяк наш,
Ленин — знамя![7]

Нелегкий путь борьбы вместе со всем народом прошел и поэт Цзан Кэ-цзя. В стихотворении «Весенние думы», написанном в апреле, месяце рождения Ленина, поэт глазами гражданина, гордого успехами своей страны, пристально всматривается во все, что происходит вокруг. Он видит молодого бойца, впервые взявшего в руки винтовку, чтобы защищать мирный труд отчизны. Мимо поэта проходит с веселой песней пионерский отряд, неся ленинский портрет. Весенний ветер развевает красные галстуки, и они напоминают стремительных ласточек. Поэт с волнением перелистывает страницы бессмертных ленинских книг. От имени всего народа обращается он к Ильичу:

Ты с ложью и злом боролся, своей не жалея жизни,
Чтоб люди на всей планете увидели счастья зори.
Чем дальше уходит время, тем жизни твоей деянья
Становятся ослепительней, полнокровней и ярче.[8]

Во многих произведениях китайские поэты стремятся проследить и поэтически осмыслить различные этапы революционной деятельности Ленина. Поэту Ван Цзин-чжи, автору многих стихов о Ленине, принадлежит, в частности, стихотворение «Ленин и Правда», в котором он образным языком излагает известный факт раннего периода революционной деятельности Ленина. Вот отрывок из этих стихов:

Когда Ильич был заключен в тюрьму —
Он был в то время не совсем здоров —
Мать приносила молоко ему
По строгому совету докторов.
Но он его не пил, он им писал
И Правды семена в сердца бросал.
И эта Правда стала молоком,
Вскормившим партию большевиков.[9]

В китайской поэзии нашли свое отображение и приезд Ленина в Петроград в апреле 1917 г. (стихи Люй Лян-цзина «В Петроград», Фэн Чжи «Броневик»), и период, когда он скрывался на станции Разлив от ищеек Временного правительства («Разлив» Янь Чэня, «Косарь» Шао Янь-сяна), и другие этапы революционной деятельности.

В стихотворении «Броневик» запечатлен приезд Ленина в Петроград и его историческая речь, произнесенная с броневика.

[6] Цит. по рукописи автора. Перевод С. Северцева.
[7] *Сяо Сань (Эми Сяо)*. Избранное. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 65—66. Перевод А. Ромма.
[8] «Чжунсуюхаобао», 12 апреля 1955. Перевод мой.— *Л. Ч.*
[9] Перевод мой.— *Л. Ч.*

«Капитализм — враг»— на броне написал рабочий.
Следы этих слов броня и теперь сохранила.
Их люди читают, и сердце в груди клокочет
От ленинских слов неувядающей силы![10]

Написанный к сорокалетию Октябрьской революции цикл стихов «Сороковая весна» молодого поэта Шао Янь-сяна посвящен советскому народу, нашей партии. Автор напоминает читателям о грозных днях октябрьских боев. В небольшом, но очень образном стихотворении этого цикла «Косарь», поэт сдержанно и лаконично рисует озеро, шалаш, где скрывался Ленин.

Всплеск весла. И снова тишина.
Возле шалаша трава пышна.
Тихо дремлет озеро Разлив,
От беды его отгородив.
Месяц тускл. Давно уснуть пора,
Но ему не спится до утра.
Помыслы его сердца зажгли:
Вырвать с корнем плевела земли.
Занялась над озером заря...
Ленин! Ленин! — имя косаря.[11]

В китайской поэзии есть немало стихов, навеянных думами о священном месте в центре Красной площади, куда стекаются люди со всех концов света. Но идут они не скорбеть о невосполнимой утрате. Они приходят к мавзолею с Рейна и Нила, мужчины, женщины, крестьяне, горожане, — пишет поэт У Бо-сяо, — и покидают его с верой в правоту своего дела, чтобы завтра работать еще лучше, еще упорнее. Эта же мысль находит свое выражение в стихах поэта Ван Си-цзяня:

Спокойно спит он, как будто зная,
Как сыновей его крепнет сила.[12]

и в стихах Эми Сяо, который в 1939 г. взволнованно писал:

За плечами оставил я столько вод,
Столько гор прошел, как ступени.
Мне хотелось попасть в Москву.
Я не знал языка, я не знал ничего,
Я знал, что в Москве есть Ленин.[13]

Та же идея выражена и в проникновенных строках другого стихотворения Эми Сяо:

Только имя прошептать губами —
И встает он вьявь передо мной.
Умер он? Неправда! Ленин с нами,
В нашем сердце он всегда живой.[14]

Поэты Китая пишут о вечной жизненной силе ленинских идей. Яркие слова о величии ленинского гения нашел замечательный китайский поэт, писатель и ученый Го Мо-жо в стихотворении «Слава Ленину»:

[10] «Чжунсуюхаобао», 12 апреля 1955. Перевод мой.— *Л. Ч.*
[11] 詩刊 («Шикань»), 1957, № 7, стр. 33—34. Перевод мой.— *Л. Ч.*
[12] Сб. «Поэты Нового Китая». М., Изд-во «Молодая гвардия», 1953, стр. 295—296. Перевод В. Звягинцевой.
[13] *Сяо Сань (Эми Сяо)*. Избранное, стр. 156. Перевод А. Ромма.
[14] Там же, стр. 103—104. Перевод А. Ромма.

Пускай, точно гром, зазвучит величаво:
Великому Ленину вечная слава! [15]

Одной из главных тем современной китайской поэзии является тема нерушимой братской дружбы с Советским Союзом, у истоков которой стоял Ленин. «Нас сдружил Ленин!» — восклицает Шао Янь-сян в стихотворении «Советско-китайская дружба». Поэт Ван Цзин-чжи обращается к истории, к событиям революции 1911 г. В эти дни Ленин послал телеграмму великому китайскому революционеру-демократу Сунь Ят-сену.

В дни победы над злой императорской силой
Сунь Ят-сену приветствие Ленин послал.
У народов Китая, у народов России
Те же были враги, тот же был идеал...
Братство наших держав на века неизменно,
Братство русских с китайцами, братство идей.
Дружба верная Ленина и Сунь Ят-сена
Бьется ныне в сердцах восьмисот миллионов людей!

Поэтически осмысливая различные этапы революционного пути В. И. Ленина, литераторы Китая стараются вместе с тем создать его портрет во всей полноте и многогранности, показать его не только как вождя, но и как человека.

Значение Ленина для Китайской революции, его вклад в укрепление и развитие советско-китайской дружбы, любовь китайского народа к Ильичу — эти темы занимают большое место в творчестве современных поэтов Китая.

Л. Е. Черкасский

SUMMARY

The character of V. I. Lenin, the leader of the working people of the whole world, is a source of inspiration to the poets of modern China.

Their poems are charged with ardent love for Lenin whose genius inspired the Chinese people in the years of their intense struggle for freedom, for the independence of their Motherland; it illumines their road to socialism to-day.

The article notes the fact that Lenin is shown by the Chinese poets free from any hyperboles and affectations. They emphasize the organic combination of greatness and simplicity in the leader's character.

В. И. ЛЕНИН В ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Непосредственное воздействие революционных событий в России на иранское национально-освободительное движение, влияние идей Октября на широкие народные массы Ирана не могли не вызвать у демократически настроенных персидских поэтов стремления обратиться к образу Ленина уже в самые первые годы после победы Октябрьской революции. В их произведениях Ленин выступает как народный избавитель, как человек, который поможет людям добиться счастья, разрешить самые трудные и важные вопросы жизни. Сложный и противоречивый, но

[15] 沫若文集二 (*Го Мо-жо*. Избранное, т. 2). Пекин, 1957, стр. 144.

несомненно демократический по основной идейной устремленности поэт Ареф Казвини, широко популярный своими патриотическими и обличительными таснифами, в начале 20-х годов создает поэму «Книга об ослах» (خرنامه), в которой резко критикует иранскую действительность того времени.

Поэт с восторгом говорит о пути, указанном Советской Россией, о большевиках, ведущих народы к избавлению от ига и бесправия, заканчивая свою поэму обращением к Ленину, как другу и защитнику угнетенных:

Чтобы исчезла в мире без следа
Злодейств и предрассудков череда,
Иди за новым Хизром, в чьей деснице
Горит освобожденная звезда.
О, Ленин, светлый ангел милосердья,
Приди в селенья наши, в города!
Мой дом — твой дом, зрачок моей зеницы!
В моей душе твой образ навсегда! [1]

Примерно в это же время пишет несколько стихотворений, навеянных Октябрьской революцией, и поэт Хабиб Ягмаи. В одном из них он выражает свою надежду на то, что с претворением в жизнь учения Ленина улучшится участь обездоленных:

Исчезнет нищета
И рухнет древний гнет,
Когда за Лениным
Пойдет и наш народ.[2]

Олицетворением революции является Ленин для поэта-демократа Эшки, убитого в 1924 г. наемниками реакции. В заключительной части своей поэмы «Идеал» (ایده‌آل), выражая устами старика-крестьянина, активного участника иранской революции 1905—1911 гг., свои страстные мечты о необходимости коренного преобразования социальной жизни страны, поэт пишет:

Он мысли высказать
Хотел, что душу жгли.
И блеск его глаза
Чудесный обрели,
Как будто Ленина
Блеснули мне глаза.[3]

Первым и, пожалуй, самым сильным в персидской поэзии произведением, посвященным памяти Ленина, является известная баллада Абулкасима Лахути «Ленин жив» (زنده است لنین), написанная в январе 1924 г. Идея о бессмертии ленинского гения передана в поэтически образном и впечатляющем рассказе о том, как старый рабочий, потрясенный смертью вождя, выходит на улицы Москвы и, идя по городу, встречает повсюду следы деятельности Ленина, плоды его мысли, воплощенные в жизнь трудом миллионов трудящихся. Ленин жив, жив в делах своей страны, своего народа, жив в торжестве своих идей,—таким выводом заканчивается баллада:

[1] دیوان عارف (*Ареф*. Диван), т. II. Тегеран, 1321/1942, стр. 256. Пер. В. Державина.
[2] Цит. по *M. Ishaque*. Modern Persian Poetry. Calcutta, 1943, p. 149. Пер. В. Державина.
[3] دیوان عشقی (*Эшки*. Диван). Тегеран, 1308/1929, стр. 76. Пер. В. Державина.

Он видел класс,— единой волей вспенен
Его прилив,
Он созерцал все то, что создал Ленин,
Расцвет, порыв.
Он молод стал, он улыбнулся гордо
И вымолвил уверенно и твердо:
«Нет, Ленин жив!» [4]

Памяти Ленина посвятил свое стихотворение и поэт Мирза Мохаммед Али Мокрем. В четвертую годовщину смерти великого вождя русский перевод этого стихотворения был опубликован в газете «Известия» [5].

Одним из наиболее интересных произведений этого времени, посвященных Ленину, является, несомненно, поэма «Книга о голоде» (نامه قحطی) Мирзы Мохсена Дастгерди. Автор ее — поэт-самоучка, крестьянин одной из деревень Исфагана — в очень своеобразной и несколько наивной форме описывает события, происшедшие в России, и высказывает свое отношение к Ленину.

Рассказывая о лишениях, о голоде, поразившем Россию в годы гражданской войны, поэт показывает Ленина как главного организатора борьбы против голода, как человека, цель жизни которого — забота о простых людях. Описывая заседание, на котором Ленин произносит речь о необходимости конфискации хлеба и раздаче его голодному населению и рабочим, поэт вкладывает в уста Ленину рассказ из далекого прошлого Ирана о царе Кобаде и предводителе восставшего народа — Маздаке:

И гнет царя невыносимым стал.
И весь народ измученный восстал.
Вкруг Ленина, несущего добро,
Возникло все растущее ядро
Отважных, сильных, знающих людей,
Защитников народа, и вождей.
И вот о том, как дать врагам отпор,
Как все народы вывесть на простор,
О том, как справедливости достичь,
Великие слова сказал Ильич.[6]

Следующий далее рассказ о том, как Маздак добился хлеба для голодавших, является кульминационным моментом в поэме. Убежденные рассказом Ленина о Маздаке, члены комитета решают немедленно приступить к действиям. Этот наивный прием поэта при всей своей условности говорит о том, как близки и дороги были для персидского поэта-самоучки далекая русская революция и ее вождь Ленин. Именно поэтому Мирза Мохсен Дастгерди так «по-своему» рассказал о великом Октябрьском перевороте и вложил столько своих мыслей и дум в уста Ленина, связав образ вождя трудящихся России с образом Маздака — вождя и героя древнего народного движения в Иране.

Как видим, в персидской поэзии 20-х годов образ Ленина трактовался по большей части несколько отвлеченно и условно. Но несомненно и то, что все произведения, где перед персидским читателем представал этот

[4] دیوان لاهوتی (*Лахути*. Диван). М., 1939, стр. 135. Пер. Г. Шенгели.
[5] *Мирза Мохаммед Али Мокрем*. Памяти Ленина. В кн. *А. А. Зонненштраль* — *Пискорский*. Международные торговые договоры Персии. М. 1931, стр. 254.
[6] *Ю. Н. Марр*. Отрывок из «Книги о голоде» Мирзы Mohcena Дэстгерди, «Известия АН СССР», VII серия, отделение гуманитарных наук, 1928 г., № 3, стр. 127. Пер. В. Державина.

образ, были продиктованы искренним восхищением перед победой революции, солидарностью с трудящимися новой России, чувством горячей любви и уважения к вождю и создателю советского государства — Ленину.

В тридцатые годы в персидской литературе, развивавшейся в весьма тяжелых условиях, (если судить по тому, что опубликовано,) можно назвать лишь очень немногие произведения, в которых был дан образ Ленина. Это, прежде всего, стихи жившего и творившего в СССР Лахути. Особенно выделяется среди них замечательное стихотворение «Букет на могилу Ленина» (یک دسته گل به قبر لنین).

С гораздо большей полнотой раскрываются величие и роль Ленина в истории человечества иранскими поэтами в 40-х — начале 50-х гг., с новым ростом национально-освободительного движения в Иране.

В 1946 г. на I съезде иранских писателей поэт Али Асгар Моинийан выступает со стихотворением «Великая Октябрьская революция» (انقلاب بزرگ اکتبر), к числу несомненных удач которого принадлежит образ Ленина — вождя революции:

И породил богатыря народ,
Что революцию повел вперед.
То был с душой кипучей человек,
Всевидящий, могучий человек.
О, как был мудр и дальновиден он,
Какой бесстрашной волей наделен,
То — Ленин был, чье имя, как заря,
Возникло, над Россиею горя.
Его слова крылатые песни
Призыв к освобожденью всей земли.[7]

«Памяти Ленина» (یادبود لنین) — так назвал свое стихотворение, опубликованное в том же 1946 г., поэт Кахраман.

Особенно подчеркнул поэт гуманизм Ленина, его любовь к народу, крепкую связь с массами:

Он — Ленин, не хотел, чтобы народ
Нес на себе позорный старый гнет.
Он не хотел, чтобы людей труда
Томили горе, голод и нужда.
Он не хотел, чтоб ныне человек
Во тьме, в неволе жил, как в прошлый век.
И с Лениным Россия поднялась
И вырвала из рук тирана власть.
О как бы путь к победе был тяжел,
Когда бы Ленин сам народ не вел [8].

В завершение Кахраман рассказывает о широком распространении в мире идей, сделавших бессмертным имя Ленина и его великие дела:

Тот в памяти вселенной не умрет,
Кого благословляет весь народ,
Чьи повторенные тысячекрат

[7] نخستین کنگرهٔ نویسندگان ایران (Первый конгресс иранских писателей). Тегеран, 1946, стр. 95. Пер. В. Державина.
[8] مردم (Мардом). 1946, № 4. Пер. В. Державина.

Слова в сердцах трудящихся звучат.
И Ленин в поколеньях не умрет
Пока свободы свет в сердцах живет.[9]

Образ Ленина вдохновлял и вдохновляет лучших представителей иранского народа. Характерно в этом смысле стихотворение поэтессы Жале «В мавзолее» (آرامگاه 1950 гг), навеянное мыслями и чувствами, возникшими после посещения ею мавзолея Ленина. В простом рассказе Жале ощущается глубокое волнение человека, переживающего одно из самых незабываемых событий своей жизни:

И увидала я, когда вошла,
Ту руку, что народы повела
К свободе, к счастью... Долгожданный мир
Простер широко белые крыла.
Как в те мгновенья вся душа моя
Горячим чувством трепетно жила —
Пасть перед тем, под теплым чьим лучом
Надежда всех народов расцвела.
И увидала вдруг в глазах людей
Я то же, что в душе своей несла,
Что все сердца к нему устремлены.
И бросив взгляд последний, отошла
И братьев пламенеющий привет
Из глубины души передала.[10]

Образ Ленина нашел глубокое воплощение и в творчестве ряда других известных прогрессивных поэтов Ирана наших дней. Для произведений о Ленине, написанных в 40—50-е годы, характерны идейная глубина трактовки образа Ленина, реалистичность и эпическая величественность. И столь же характерна для них горячая любовь к Ленину, тот горячий привет целого народа, о котором так хорошо сказано в последнем из цитированных выше стихотворений.

В. Кляшторина

SUMMARY

The article deals with the treatment of V. I. Lenin's character in Persian poetry beginning with the earliest references to him and down to our days. In the works written in the twenties by ʻĀrif Qazwīnī, ʻIshqī, Habīb Yaghmāʼī, Mīrzā Muḥsin Dastgardī and Abūlqāsim Lāhūtī Lenin stands out as the deliverer of the oppressed, as the man whose name is associated in the minds of all the subjugated peoples with their strivings and hopes for the future.

In the literature of the thirties, themes associated with the Great October Revolution and with its leader, Lenin, are practically absent, owing to definite historic conditions.

In the forties and fifties in poems by ʻAlī Aṣghar Muʻīnīyān, Qahramān and Jāleh Lenin is shown as the leader and friend of the oppressed peoples of the East and of the working people of the whole world. These poems are distinguished by their profound ideological messages.

[9] مردم (Мардом). 1946, № 4. Пер. В. Державина.
[10] Цит. по рукописи. Пер. В. Державина.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

О ЗАПИСЯХ КАРЛА МАРКСА, СДЕЛАННЫХ ИМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КНИГИ МАКСИМА КОВАЛЕВСКОГО «ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, ПРИЧИНЫ, ХОД И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ»

Л. С. ГАМАЮНОВ

Маркс и Энгельс глубоко изучали проблемы, связанные с историей докапиталистических формаций. Постоянный интерес основоположников научного коммунизма к этим проблемам в равной мере связан как с разработкой ими теоретических основ своего учения, так и с их практической революционной деятельностью. На основе научно-объективного анализа, применяя метод исторического материализма, Маркс и Энгельс определили роль и место в историческом движении человечества реликтов предкапиталистических общественно-экономических формаций, «обломков и элементов» старины, нередко восходящих к первобытно-общинному строю. В частности они неоднократно освещали вопрос об общине и общинной собственности в древнем мире, при феодальном и капиталистическом способах производства. На материалах как западных, так и восточных стран они исследовали историю общины, этого остаточного общественного института далекого прошлого, выявили тенденцию в развитии общины и общинной собственности, отметив, что она является «по сравнению с современной частной собственностью более отсталой формой, везде разлагающейся и переходящей в частную собственность...» [1].

К. Маркс показал, что капиталистическое производство превращает всякое производство в товарное и содействует переходу последнего в капиталистическое товарное производство. К. Маркс показал влияние капитализма на старые, докапиталистические способы производства, в частности на земельные отношения в системе предшествующих капитализму формаций.

Маркс и Энгельс неустанно боролись против любых попыток идеализировать первобытно-общинный строй, резко критиковали так называемую историческую школу права, выступали против реакционных романтиков, указывали на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный [2]. Неоднократно затрагивали Маркс и Энгельс вопрос о роли пережитков предшествующих общественно-экономических формаций в последующих, более высоких формациях. Они изучили вопрос о влиянии капиталистических отношений на общину как остаточный институт в буржуазных странах, проследили процесс развития, вер-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 487.
[2] См. *В. И. Ленин*. Соч., т. 8, стр. 295.

нее, разрушения старых общественных форм, в том числе феодальных, в колониях под воздействием капитализма.

Особенно много внимания Маркс и Энгельс уделили индийской общине, истории общинной собственности и землевладения в Индии. Они предупреждали о недопустимости идеализации индийской общины, «этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и мирных социальных групп»[3], которые «всегда были прочной основой восточного деспотизма»[4], подчеркивали, что индийские общины были «осквернены кастовыми различиями и рабством»[5]. Большое и пристальное внимание Маркса и Энгельса к Индии и, в частности, к проблемам индийского феодализма, можно объяснить тем, что Индия доставляла исключительно богатый материал для изучения общинного землевладения. Кроме того, изучение индийской истории и действительности имело для основоположников научного коммунизма и большое практическое значение. Учитывая внешние условия европейской революции, Маркс и Энгельс видели в борьбе народов Индии союзника, поскольку эта борьба подтачивала устои Британской империи.

На конкретном индийском материале Маркс и Энгельс выяснили многие вопросы индийской истории, в частности, особенности индийского феодализма, характер индийской общины и ряда других социально-экономических институтов, вскрыли внутренние причины относительной спонтанности индийского феодализма. Маркс указал также на своеобразные формы проявления в Индии единства мелкого земледелия с домашней промышленностью[6]. Оно осуществлялось здесь в стереотипных, изолированных сельских общинах с внутренним разделением общинного труда.

Индийскую общину Маркс рассматривает исторически, в данном случае в системе феодальных производственных отношений. Он отмечает как одну из особенностей аграрного строя феодальной Индии господство государственной собственности на землю. В связи с тем, что отсутствовала частная феодальная собственность, не было и некоторых институтов, свойственных романо-германскому и вообще европейскому, в частности русскому, феодализму. Индия, как правило, не знала вотчинного, барского хозяйства, не было деления земли на крестьянскую и барскую запашку. Именно потому, что земля в Индии «не благородна» в западноевропейском смысле, именно потому, что в Индии не было частной феодальной собственности и вотчинного хозяйства, феодалы забирали долю прибавочного продукта с сельских общин в натуре. В связи с взором государственной земельной собственности, соединенной с политическим суверенитетом, следует отметить решающую роль феодальной деспотии в организации общественных работ (ирригация, дренаж и т. п.), а также тенденцию к образованию частной феодальной собственности.

Выяснив основные особенности земельного строя феодальной Индии (государственная феодальная собственность, находящиеся под ней феодальные владения на правах условного держания и община) и установив соотносительность этих главнейших органических частей индийского аграрного строя периода феодализма и их взаимосвязь и взаимозависимость, К. Маркс показал также изменения, происшедшие в аграрном строе Индии в условиях колониального порабощения и эксплуатации ее буржуазной Англией. К. Маркс считал, что разрушение докапиталистического строя Индии в результате порабощения ее чужеземными завоевателями, в частности разрушение общины, представляет собой социальную революцию. В связи с этим К. Маркс определил также и историческое значение английского завоевания и эксплуатации Индии в интересах английской промышленной буржуазии (т. е. в домонополистический период).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IX, стр. 351.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] См. *К. Маркс*. Капитал, т. III, стр. 345.

Изучая Индию, К. Маркс, как известно, привлекал самый широкий круг источников и литературы, внимательно исследовал парламентские документы, отчеты колониальной администрации, английские кодексы законов, штудировал труды Дж. Милля, Джонса, Чапмана, М. Эльфинстона, он был знаком с книгами русского путешественника по Индии А. Д. Салтыкова, с трудами М. Ковалевского. Наряду с замечаниями на книгу М. Ковалевского «Общинное землевладение...» среди еще не опубликованных материалов К. Маркса мы находим также его конспекты книги Кемпбела (*G. Campbell*. Modern India. London, 1852), Дж. Фира (*John Phear*. The Arian village in India and Ceylon, 1880). Что касается последней, то сделанные из нее К. Марксом выписки относятся, по-видимому, к 1880—1882 гг., т. е. к тому же времени, что и конспектирование книги М. Ковалевского «Общинное землевладение...».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС уже опубликовал являющиеся неоценимым источником для изучения Индии «Хронологические выписки по истории Индии»[7]. Однако часть материалов К. Маркса, относящихся к этой стране, все еще остается неопубликованной. Считая, что скорейшее опубликование всех рукописей К. Маркса является настоятельной необходимостью, мы хотим прежде всего привлечь внимание советской общественности к одной из них — к конспекту книги М. Ковалевского «Общинное землевладение...», который составляет небольшую, но очень важную часть документально-литературной основы колоссальной исследовательской работы Карла Маркса.

* * *

К изучению книги М. Ковалевского Маркс приступил, уже хорошо владея русским языком. Превосходное знакомство с русскими сочинениями достигалось им не только путем чтения русских книг, но и путем общения с русскими, среди которых были и «друзья по науке» Маркса и в их числе такой видный социолог, как Максим Ковалевский.

Максим Ковалевский познакомился с Марксом и Энгельсом в период первого своего пребывания за границей в 1874—1875 гг. Это знакомство поддерживалось оживленной, к сожалению не сохранившейся, перепиской[8]. Ковалевский часто посещал К. Маркса во время своих приездов в Лондон и, как он вспоминал впоследствии, выносил «каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского запада»[9].

Общение Максима Ковалевского с Карлом Марксом оказало безусловно плодотворное влияние на молодого русского ученого[10], хотя Кова-

[7] *К. Маркс*. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). М., Госполитиздат, 1947.
[8] См. *М. Ковалевский*. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Пер. с франц. С. П. Моравского под ред. с предисл. и прим. проф. М. О. Косвена. М., Соцэкгиз, 1939, стр. 5 (предисловие редактора).
[9] *М. Ковалевский*. Две жизни. «Вестник Европы», 1909, т. IV, стр. 19.
[10] Вспоминая о встречах с Карлом Марксом в годы своей молодости, М. Ковалевский писал: «На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано

левский и не стал последователем созданного основоположниками научного социализма метода диалектического и исторического материализма, а до конца своих дней был сторонником и одним из наиболее видных представителей сравнительно-исторического метода, а в мировоззренческом отношении — контовским позитивистом.

Многочисленные работы М. Ковалевского, посвященные исследованию общинного землевладения, общины, развития форм собственности, для нас представляют интерес преимущественно с точки зрения собранного в них богатого фактического материала и решения М. Ковалевским частных, конкретных вопросов. Вместе с тем, несмотря на методологическую слабость трудов М. Ковалевского, применение им идеалистической концепции исторического процесса (он придавал самостоятельное значение надстроечным явлениям, преувеличивал роль юридических институтов в процессе общественного развития), эти труды имели также и важное общее значение, которое сохраняют и поныне. Это общее, непреходящее значение работ М. Ковалевского мы усматриваем в том, что они направлены против реакционных теорий, в частности, против «антиобщинной» теории, стремящейся доказать изначальность и извечность института частной собственности, а также в том, что в некоторых из них, в том числе и прежде всего в «Общинном землевладении...» М. Ковалевский оставил нам яркую картину грабительской колониальной политики испанских, английских и французских колонизаторов.

«Общинное землевладение...» было написано в первый период его научной деятельности, когда молодой опальный профессор, уволенный из Московского университета «за отрицательное отношение к русскому государственному строю» [11], еще не эволюционировал в своих взглядах от либерализма к реакционной по своему существу позиции, которую он занял во время и после революции 1905—1907 гг.

В работах М. Ковалевского послереволюционного периода значительно усиливается эклектицизм, от которого он и раньше не всегда был свободен, а в некоторых вопросах, в том числе и об общине совершается отход от прежних в целом правильных положений.

Можно считать, что самая тема книги М. Ковалевского «Общинное землевладение...» в какой-то мере подсказана К. Марксом. М. Ковалевский, как только вышла его книга, послал ее К. Марксу. В одном из писем К. Марксу Н. Даниельсон предложил ему прислать книгу М. Ковалевского. В письме от 19 сентября 1879 г. Н. Даниельсону К. Маркс писал: «Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он один из моих друзей „по науке“ („scientific“ friends) и приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея» [12].

Рукопись К. Маркса, представляющая собой весьма подробный конспект книги Ковалевского «Общинное землевладение...», изданной в 1879 г., хранится в Институте марксизма-ленинизма среди многочисленных «эксцерптов» К. Маркса из различных книг. Рукопись К. Маркса начинается конспектом I главы «Общинное землевладение у краснокожих.

и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности» (*М. Ковалевский.* Две жизни, стр. 22; см. также *M. Kowalewskij.* Erinnerungen an Karl Marx. «Die Zukunft». Hrg. Maximilian Harden, XIX Jahrg., № 3. Berlin, 1910. Verlag der Zukunft, S. 81; *М. Ковалевский.* Мое научное и литературное скитальчество. «Русская мысль», 1895, кн. 1, стр. 61—80).

[11] См. *М. Ковалевский.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 5.

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 62; см. также *М. Ковалевский.* Две жизни. «Вестник Европы», 1909, т. IV, стр. 19.

Процесс как индивидуализации, так и феодализации в их среде недвижимой собственности» и II главы «Испанская земельная политика в Вест-Индии и влияние, оказанное ею на разложение общинного землевладения на островах Вест-Индского архипелага и на Американском материке».

Наибольшее место в конспектах Карла Маркса книги «Общинное землевладение...» Максима Ковалевского занимают выписки из глав, посвященных Индии (гл. III. «Общинное землевладение в Индии. Современные формы общинного землевладения в Индии в порядке их исторического возникновения» [13]; гл. IV. «История поземельных отношений в Индии в эпоху господства в ней туземных раджей» [14]; гл. V. «Мусульманское право и изменения, внесенные им в сферу поземельных отношений в Индии» [15]; гл. VI. «Процесс феодализации поземельной собственности в Индии в эпоху мусульманского владычества» [16]; гл. VII. «Английская поземельная политика в Ост-Индии и влияние ее на распадение общинного землевладения у индусов» [17].

В III главе своего сочинения М. Ковалевский отмечает чрезвычайное многообразие форм поземельной собственности в Индии, в частности, сосуществование здесь, наряду с соседской (сельской) общиной, общины родовой. В этой же главе он затрагивает вопрос о большой семье, устанавливая, что «современная семейная община не более, как продукт разложения родовой» [18]. Определение места большой семьи, установление исторически правильной очередности в смене форм общественного устройства в первобытно-общинном строе является одним из важнейших научных достижений М. Ковалевского, на которое обратили внимание К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, работа «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», представляющая собой курс лекций, прочитанных М. Ковалевским на французском языке в Стокгольмском университете в 1890 г. [19], была использована Ф. Энгельсом в подготовке четвертого издания его книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891 г.).

Обращаясь к занимающим нас замечаниям Карла Маркса на книгу Максима Ковалевского, мы считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что, делая выборочные записи, К. Маркс остановился, в частности, и на том месте книги М. Ковалевского, где он говорит о большесемейной общине и различных формах разложения родовых общин, о формах общинного землевладения и землепользования, об общественных формах и порядке их возникновения К. Маркс отмечает, что М. Ковалевский считает семейную общину продуктом распада родовых общин, т. е. что последние распадаются в зависимости от числа ветвей рода на семейные общины в южнославянском смысле. Маркс сделал следующую выписку из той части книги, в которой М. Ковалевский описывает разложение родовой общины и образование большесемейных [20]:

---

[13] *М. Ковалевский.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. I. М., 1879, стр. 72—87.

[14] Там же, стр. 88—117.

[15] Там же, стр. 118—129.

[16] Там же, стр. 130—155.

[17] Там же, стр. 156—196.

[18] Там же, стр. 75.

[19] *M. Kovalevsky.* Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. Stockholm, 1890; есть русские издания 1895, 1896 и 1939 гг. Главы этой работы, посвященные большой и малой семье, как отмечает проф. М. О. Косвен, до сих пор сохраняют свое значение как наиболее основательное исследование предмета [*М. Ковалевский.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 13 (предисловие редактора)].

[20] В воспроизводимых нами здесь и в дальнейшем отрывках из конспекта К. Маркса полностью сохраняются особенности публикации канонических текстов и выделения,

«По мере удаления от времени *первоначального поселения родов* в пределах *завоеванной* ими *территории* [***то, что родовая община обязательно живет на чужой, завоеванной территории,*** — замечает К. Маркс, — ***является произвольным предположением Ковалевского***] сознание кровного родства *между отдельными ветвями рода* неизбежно ослабевает. С *постепенным упадком этого сознания* [***почему сознание играет тут роль causa efficiens, а не фактическое пространственное разделение, которое становится неизбежным при раздроблении рода на «ветви»***?] в *каждом из родовых подразделений* обнаруживается желание *регулировать* свои *имущественные отношения* независимо от сферы участия и вмешательства более или менее чуждых ему остальных подразделений рода [***вернее наступает фактическая необходимость раздробления (Aufbruchs) общего хозяйства на более обособленные круги***] и одновременно (*?*) неизбежно усиливается *тенденция к индивидуализации имущественных отношений* в пределах каждого поселка*»[21].

Ряд выдвинутых М. Ковалевским положений об общине и, в частности, большесемейной, является ошибочным. М. Ковалевскому присуща тенденция объяснять причины разложения общинных форм землевладения и процесс индивидуализации неким абстрактным сознанием, неким врожденным индивидуалистическим инстинктом, заложенным в самой сущности человеческой природы[22]. В своем замечании К. Маркс и указывает на то, что причины разложения общины следует искать в материальных условиях развития общинного строя, в фактической, реальной необходимости расчленения некогда цельного хозяйственного организма на отдельные подразделения, что этот процесс вызывается дальнейшим развитием материального производства.

К. Маркс подробно законспектировал заключительные страницы третьей главы книги М. Ковалевского, где он описывает процесс развития общины, общинного землевладения в представляющейся ему исторической преемственности. При этом Маркс останавливается на периодических переделах: «Первоначально передел касается одинаково *усадеб* ***(с прилегающим участком)***, *пахотной земли и сенокосов*. Продолжающийся процесс приводит сначала к выделению в *частную собственность усадебной земли* [***включая примыкающее к жилищу поле и т. д.***], позже также и *пахотной земли* и *сенокоса*. От старой *системы общинной собственности* остается *лишь в качестве* ***beaux restes*** *общинная земля* [***в смысле противопоставления земле, перешедшей в частную собственность***], [***или то, что раньше было только угодьями***] и, с другой стороны, *совместная семейная собственность*; все больше и больше сводится к ***частной отдельной семье в современном смысле***»[23]. К. Маркс не опровергает

принятые Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в издании «Архива Маркса и Энгельса». Отдельные слова и выражения, вставленные К. Марксом, набираются ***черным курсивом***, если они подчеркнуты К. Марксом — ***черным курсивом в разрядку***. Подчеркнутые К. Марксом слова и выражения из конспектируемого источника печатаются *светлым курсивом*, подчеркнутые дважды — *светлым курсивом в разрядку*. Квадратные и прямые скобки — К. Маркса, фигурные — редакции. Слова, обозначенные звездочкой, написаны Марксом по-русски.

[21] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.

[22] *М. Ковалевский.* Общинное землевладение..., стр. 75; *его же.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896, стр. 99—101.

[23] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1. ед. хр. 3984.

в целом высказываемых М. Ковалевским соображений по поводу развития общинного землевладения и последовательной смены общественных форм, хотя и вносит ряд поправок, уточнений и разъяснений.

Следует отметить, что все замечания Маркса об этой книге сделаны в доброжелательном по отношению к ее автору тоне. Это несомненно свидетельствует о том, что схема развития общинных форм, данная его «другом по науке» в общем соответствовала объективному ходу развития человеческого общества и совпадала со взглядами Маркса по этому вопросу. Иной характер имеют выписки К. Маркса из книги упомянутого нами Джона Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне», вышедшей годом позже книги М. Ковалевского. Высказывания К. Маркса в конспекте книги Фира отличаются резкостью. Так, по поводу утверждения Фира, что община представляет собой объединение отдельных семей, объединение, возникшее из отдельной семьи[24], Маркс писал: ***«Этот почтенный осел воображает, что уже с самого начала, внутри самой общины существовали различные степени авторитета и профессий (!). (По мнению этого осла, все было основано отдельными семьями)»***[25]. К. Маркс выступает здесь против взглядов сторонников так называемой патриархальной теории.

В следующей главе М. Ковалевский отмечает, что уже в период составления законов Ману в Индии наряду с существованием общинного землевладения возникло уже частное землевладение либо путем выделения из общинных земель индивидуальных наделов, либо вследствие того, что новые поселенцы завладевали теми или другими участками общинной пустоши и леса и распахивали их под посевы; на это требовалось предварительное согласие членов общинно-родовых союзов[26]. М. Ковалевский пытается найти объяснение этой практики захвата земли новыми поселенцами и обращения ее в частную собственность правом давности фактической обработки, исходя из опыта, практики более позднего времени[27]. «***Однако, тот факт,*** — пишет К. Маркс, — ***что общинные пользователи превращают свои индивидуальные наделы в частную собственность, ссылаясь на давность*** [***давность* — срок владения***], ***Ковалевский считает возможным объяснить лишь из опыта современной практики, который показывает, какая опасность грозит системе наделов, определяемых степенью родства, со стороны более отдаленных потомков и новых поселенцев, причем этот антагонизм в конечном счете ведет даже к системе периодического передела общинных земель на равные наделы (93).*** [***Ковалевский считает, что владельцы (по степени родства) принимали профилактические меры против этой будущей опасности, превращая свои наделы в частную собственность. Другими словами: он объясняет это положение вещей посредством гипотезы, что уже ко времени кодекса Ману владельцы (по крайней мере, более крупных наделов соответственно степени родства) уже видели угрозу своему владению и потому старались превращать его в частную собствен-***

[24] *J. Phear.* The Arian village in India and Ceylon. 1880, p. 238.

[25] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4080.

[26] См. *М. Ковалевский.* Общинное землевладение..., стр. 90.

[27] См. там же, стр. 93.

ность. Если принять в качестве предпосылки эту тенденцию, непонятно, почему применение принципа давности, который мы встречаем повсюду, наряду с этой тенденцией, — должно представлять особые трудности или казаться загадочным]»[28].

М. Ковалевский пишет: «Установление начала давности владения, сперва, в двадцать, затем—в десять лет,— как титула приобретения собственности — является, в моих глазах, средством к легальному выходу из вышеуказанной опасности и имеет своим последствием обращение, по крайней мере, пахотной, а в некоторых местностях и сенокосной земли в бесповоротную собственность ее временных владельцев»[29]. К. Маркс в своем конспекте замечает: «[*Гораздо проще сказать: раздоры, возникающие вследствие увеличивающегося неравенства наделов, которое в дальнейшем должно было привести и к другим имущественным неравенствам, неравенству притязаний и т. д., короче, ко всякого рода общественному неравенству, должно было вызвать со стороны фактически привилегированных лиц стремление укрепиться в качестве собственников*]»[30].

Исключительно большой теоретический интерес представляют замечания К. Маркса по главе «Мусульманское право и изменения, внесенные им в сферу поземельных отношений в Индии» и по главе «Процесс феодализации поземельной собственности в Индии в эпоху мусульманского владычества». В предпоследнем абзаце этой главы М. Ковалевский пишет о последствиях мусульманского завоевания: «Земля, как общее правило, осталась в руках ее прежних владельцев. Правительство присвоило себе одни доменциальные и пустопорожние земли. В своей совокупности те и другие составили фонд для наделения землею мусульман. Бенефициальные раздачи в громадном большинстве случаев не имели другого последствия, кроме лишения государственной казны налоговых поступлений с известных округов,—отнюдь не обезземеливание сельского населения. Последнее продолжало поэтому по-прежнему владеть землею на правах общинных и частных владельцев. Перемена коснулась скорее лиц, нежели земель. Из свободных владельцы сделались зависимыми, а вместе с тем и их владение из аллодиального—феодальным»[31]. В этом месте К. Маркс сделал следующее замечание, которое, отчасти, содержит и общую оценку IV главы: «[*Это последнее имеет ведь только смысл в отношении магометан, получивших икта II или III, или индусов,* {только} *поскольку они платили натуральный или денежный налог не государственной казне, а* {лицам}, *наделенным казной. Уплата хараджа не превращала их собственность в феодальную, точно так же, как impôt foncier* {поземельный налог} *не превращал французскую земельную собственность в феодальную. Все это место расписано (geschreibelt) у Ковалевского в высшей степени беспомощно*]»[32].

Подводя итоги сказанному в главе «Процесс феодализации поземельной собственности в Индии в эпоху мусульманского владычества», М. Ковалевский пишет: «Из четырех моментов, обыкновенно, хотя и неспра-

[28] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.
[29] *М. Ковалевский.* Общинное землевладение..., стр. 94.
[30] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.
[31] *М. Ковалевский.* Общинное землевладение..., стр. 129.
[32] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1 ед. хр. 3984.

ведливо, признаваемых историками средних веков единственными факторами германо-романского феодализма, три — бенефициальная система, отдача должностей на откуп и коммендация — могут быть констатированы и в покоренной мослемами Индии. Об одной лишь патримониальной юстиции, по крайней мере в области гражданского суда, можно сказать, что ее не было в империи Великого Могола»[33]. В конспекте этой части книги М. Ковалевского мы находим исключительно важное для понимания социально-экономического развития Индии в период феодализма указание К. Маркса об отсутствии в Индии крепостного права. К. Маркс писал, комментируя приведенную нами выше цитату из Ковалевского: «*На том основании, что в Индии встречается „бенефициальная система“, „отдача должностей на откуп“* [*последняя, однако, отнюдь не является чисто феодальной, доказательство — Рим*] *и коммендация,— Ковалевский усматривает в этом феодализм в западноевропейском смысле. Ковалевский забывает среди прочего крепостное право, которого в Индии нет и которое представляет собой важный момент.* [*Что же касается индивидуальной роли защиты* (*ср. Paldgrave*) *феодалами* (*исполняющими функции фогтов*) *не только несвободных, но и свободных крестьян, то это играет в Индии, за исключением вакуфов, незначительную роль*]; [*свойственная романско-германскому феодализму поэтизация земли* (*Boden-Poesie*) (*см. Маурер*) *Индии столь же мало присуща, как и Риму. Земля нигде в Индии не благородна, в том смысле, чтобы она была, например, неотчуждаема в пользу разночинцев!*] *Впрочем, сам Ковалевский видит основное различие: отсутствие патримониальной юстиции в империи Великого Могола, особенно в отношении гражданского права*»[34].

Весьма подробные выписки и замечания сделал К. Маркс по главе «Английская поземельная политика в Ост-Индии и влияние ее на распадение общинного землевладения у индусов». К. Марксу, как известно, принадлежит характеристика мероприятий англичан в области земельно-налоговой политики и общая ее оценка. К. Маркс писал: «Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это — хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинным землевладением в карикатуру ее самой»[35].

Однако необходимо подчеркнуть противоречивость и двойственность земельно-налоговой политики английских колонизаторов в Индии. В области земельно-налоговых мероприятий британского раджа это проявилось, в частности, в том, что введенные им системы заминдари и райятвари при всей их нелепости были различными формами частной собственности, которая, как известно, в историческом смысле является прогрессивной по сравнению с общинными формами[36].

Самым важным социально-экономическим последствием британского завоевания Индии и эксплуатации ее методами, присущими эпохе пер-

[33] *М. Ковалевский.* Общинное землевладение..., стр. 153.
[34] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.
[35] *К. Маркс.* Капитал, т. III, ч. I, стр. 346.
[36] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, стр. 363.

воначального капиталистического накопления, а затем и методами, свойственными эпохе промышленного капитализма, эксплуатации страны в интересах английской промышленной буржуазии, было разрушение индийской общины, уничтожение ее экономической основы, каковой являлось своеобразное соединение земледелия с домашней промышленностью [37].

В рассматриваемом конспекте мы находим мысли К. Маркса, высказывавшиеся им и ранее при характеристике земельно-налоговой политики английских колонизаторов. Во многих случаях, делая выписки из этой части книги М. Ковалевского, которая сама по себе, несмотря на спокойный, бесстрастный тон автора, является прекрасным разоблачением колонизаторской политики, К. Маркс с присущей ему страстностью пролетарского революционера дает краткие, но политически острые и глубоко научные замечания, оценки и выводы. Мы ограничимся здесь лишь указанием на то, что книгу М. Ковалевского «Общинное землевладение...» К. Маркс использовал в своих «Хронологических выписках по истории Индии» [38], которые он составлял около 1881 г. В выписке из книги «Общинное землевладение...», где М. Ковалевский рассказывает о проводимых английскими колонизаторами мероприятиях в земельном вопросе и о сопротивлении общинников, К. Маркс отмечает, что эти мероприятия и в Мадрасском президентстве и в Бенгалии осуществляются с чисто фискальной точки зрения «английских псов». Если в Бенгалии английские «дельцы» считали превращение заминдаров в крупных «земельных собственников» лучшим средством обеспечить себе исправных налогоплательщиков, то в системе правительственной аренды они усматривали гарантию своевременной уплаты налогов и возможность увеличения этих налогов путем расширения системы обложения на новых арендаторов государственных земель. Рассмотрев бенгальскую, мадрасскую и бомбейскую земельно-налоговые системы, М. Ковалевский пишет: «... При всем разнообразии вышеописанных систем поземельного устройства, они могут быть подведены под два господствующие типа: крупного землевладения и мелкого фермерства» [39]. Маркс замечает: «***Сочетание Англии и Ирландии. Прекрасно!***» [40].

К. Маркс сделал также подробные выписки о земельной политике в Северо-Западных провинциях и в Пенджабе, об отношении к общине. Английским колонизаторам, писал К. Маркс, потребовалось невероятно много времени, чтобы хотя бы приблизительно понять действительные условия землевладения в завоеванном Уэлсли крае, но постепенно они натолкнулись на то, что общинная собственность не была особенностью той или иной местности, а являлась господствующим типом поземельных отношений [41]. Таким образом, записывает К. Маркс, теоретически общинная собственность признавалась; насколько это делалось на практике, всегда зависело и зависит от того, что считалось полезным для англичан [42]. К. Маркс отметил, что произвольное искажение ими общинного землевладения повлекло за собой губительные последствия [43], что причиной распадения общинного землевладения является не экономический прогресс (в частности в Пенджабе), как это изображают колониальные

---

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IX, стр. 350, 351.
[38] См. *И. М. Рейснер*. «Хронологические выписки по истории Индии» К. Маркса в свете его ранее опубликованных трудов и высказываний по Индии. «Вестник Московского университета», 1949, № 4, стр. 30.
[39] *М. Ковалевский*. Общинное землевладение..., стр. 173.
[40] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.

администраторы и публицисты, а английская земельно-налоговая политика, и что результаты ее создают угрозу британскому владычеству в Индии.

Исключительный интерес представляет конспект К. Маркса двух последних глав «Общинного землевладения...» — «Виды поземельного владения в Алжире в эпоху завоевания его французами» и «Поземельная политика Франции в Алжире и влияние, оказанное ею на распадение общинного землевладения у туземцев».

Мы привели только некоторые из высказываний К. Маркса, не раскрыв, естественно, всего богатства его творческой лаборатории. Институт марксизма-ленинизма предполагает в ближайших номерах журнала начать публикацию части конспекта К. Маркса, посвященной Индии.

SUMMARY

The article is dedicated to Karl Marx's unpublished conspectus of the book written by his scientific friend, the well known Russian sociologist Maxim Kovalevsky. The author gives a general idea of Karl Marx's conspectus in the light of the earlier published works of Marx and Engels. He cites some of Marx's observations on certain aspects of the social and economic development in India in the ancient period, under feudalism, and under the British rule. In his conspectus Marx refers, in particular, to the absence of serfdom in India and to the periodic redivisions of land. The section of the conspectus which touches upon the British land revenue policy and upon the agrarian policy of the French invaders in Algeria has a pronounced anti-colonial bent.

БОРЬБА ЯПОНСКИХ КОММУНИСТОВ ПРОТИВ ФАШИЗМА И АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЫ В 30-х И НАЧАЛЕ 40-х ГОДОВ

Б. В. РОДОВ

История коммунистической партии — неотъемлемая составная часть новейшей истории Японии. После поражения японского империализма во второй мировой войне стало особенно ясно, что единственной партией в стране, последовательно боровшейся против фашизма и войны, была коммунистическая партия. Широкие слои народа убеждались в ее правоте.

Вторжение Японии в 1931 г. в Северо-Восточный Китай и непрерывный рост масштабов начатой ею агрессивной войны привели к напряженному экономическому положению в стране. Япония стояла перед необходимостью перестройки своей экономической базы. Началась эволюция японской экономики выразившаяся в ускорении развития тяжелой промышленности и ее военных отраслей. Захватив Северо-Восточный Китай, осуществляя подготовку к расширению агрессивной войны против Китая и к нападению на СССР, правящие круги Японии, выполнявшие волю японской финансовой олигархии, стали форсировать развитие военно-стратегических отраслей промышленности, что повлекло за собой неуклонное повышение военных расходов. Обесценение иены и рост цен как военно-инфляционной конъюнктуры значительно ухудшали материальное положение трудящихся масс и прежде всего пролетариата.

Попытка японского империализма найти выход из кризиса в агрессивной войне и создавшаяся в стране напряженная обстановка поставили Коммунистическую партию Японии перед лицом новых серьезных испытаний и трудностей.

19 сентября 1931 г., на следующий же день после начала агрессивной войны Японии в Северо-Восточном Китае, КПЯ призывала рабочих, крестьян и солдат Японии к братанию с китайскими рабочими и солдатами, требуя вывода японских войск из Китая. «Несмотря на ожесточенный террор со стороны полуфеодальной монархии, компартия продолжала свою борьбу, создавая антивоенные группы на заводах, рудниках, в деревнях, а также в армии и во флоте» [1]. Широкая и самоотверженная кампания компартии против агрессивной войны находила горячий отклик у японских солдат и моряков. Так, восстания японских солдат и моряков имели место во время боев под Шанхаем в январе 1932 г.

[1] *К. Токуда.* К 30-й годовщине Коммунистической партии Японии. «Большевик», № 14, стр. 34.

и в Северо-Восточном Китае. 13 марта 1932 г. взбунтовались 350 солдат одного из полков, расположенных в Японии. Волнения были отмечены и в других воинских частях.

Ни на один день не прекращалась борьба японского крестьянства против помещичьей кабалы и произвола. 19-го сентября 1931 г. в префектуре Тотиги около 500 крестьян напали на полицейских и отбили у них группу арестованных — активных участников конфликта с помещиком. В течение 1931 г. было отмечено 2689 арендаторских конфликтов, что значительно превышало число конфликтов в предыдущие годы.

В середине 1931 г. правящие круги Японии начали провокационный судебный процесс против компартии, рассчитывая таким путем не только расправиться с руководителями и наиболее активными деятелями КПЯ, но и дискредитировать партию в глазах рабочих, представив ее организацией заговорщиков. Однако руководимые Итикава и Токуда мужественные японские коммунисты превратили скамью подсудимых в трибуну, с которой были провозглашены подлинные цели и задачи коммунистической партии как революционного авангарда японских рабочих и крестьян, призванного возглавить борьбу японского народа за ниспровержение существовавшего в Японии реакционного строя. Итикава было поручено осветить на суде историю Коммунистической партии Японии, сделав ее, таким образом, достоянием народных масс. В соответствии с этой задачей Итикава за восемь судебных заседаний в форме показаний изложил историю и разъяснил политическую линию партии, наметил перспективы дальнейшей борьбы. Итикава, Токуда и другие деятели КПЯ бесстрашно разоблачали своих судей, стоявших на страже реакционной монархии и монополистического капитала. Несмотря на все препятствия, чинимые полицией (здание суда было оцеплено вооруженной пулеметами полицией и жандармерией) [2], несмотря на лживые сообщения буржуазной прессы, правда о судебном процессе японских коммунистов стала известна далеко за пределами судебного зала.

Готовясь к агрессивному выступлению в Северо-Восточном Китае, японское правительство наряду с инсценировкой судебного процесса против компартии в сентябре 1931 г. арестовало несколько тысяч революционных рабочих, чтобы предупредить возможные антивоенные демонстрации [3].

В середине 1932 г. к власти пришел кабинет «национального единения» адмирала Сайто. Буржуазная печать усиленно рекламировала его, как «умеренный» кабинет, поставивший перед собой задачу «примирения» классовых противоречий. Факты свидетельствуют, однако, об обратном — в это время наблюдалось усиление реакционной политики японского правительства внутри страны, что было непосредственно связано с его агрессивной внешнеполитической программой.

В период пребывания у власти кабинета Сайто (в 1932—1934 гг.) чрезвычайно усилились полицейская травля коммунистов, преследования прогрессивных элементов. «Жестокие репрессии были обрушены прежде всего против компартии, затем они распространились на профсоюзы,

[2] Сига Исио в своих записках 獄中十八年 [(«18 лет в тюрьме»). Токио, 1948, стр. 131—132] приводит интересные детали, относящиеся к судебному процессу японских коммунистов:«... в зал суда можно было попасть по особым пропускам, причем каждый входивший подвергался личному обыску. Тем не менее рабочие приносили и распространяли в зале суда листовки, в которых было написано: «Защищайте компартию!», «Долой империалистическую войну!». Наши товарищи, попавшие в зал суда, записывали наши выступления и затем распространяли среди рабочих, читавших все это с большим энтузиазмом».

[3] *Сен - Катаяма.* Японский империализм и война. «Коммунистический интернационал», 1933, № 21, стр. 23.

крестьянские союзы и студенческие организации, на все области культуры либерального направления. Вся жизнь народа, его мысли и действия были опутаны милитаристским рабством» [4].

В июле 1932 г. состоялось заключительное заседание суда по «делу» компартии. Обстановка вокруг процесса создалась весьма напряженная. В Токио проходили демонстрации с требованием освободить Итикава и других деятелей КПЯ, на некоторых заводах и фабриках выносились гневные резолюции. Район суда был оцеплен отрядами войск и жандармерии. К судебному залу, где главный подсудимый — Итикава Сёити в своем последнем слове смело призывал к свержению монархии и уничтожению капитализма в стране, было приковано внимание тысяч простых людей Японии. Итикава был приговорен к пожизненной каторге. Суровым репрессиям подверглись и другие подсудимые — руководящие деятели компартии.

Неуклонно возрастали террор и зверства полиции. «За последние пять лет (1928—1933 гг.— *Б. Р.*),— писал Катаяма Сэн,— больше 60 товарищей из КПЯ были зверски убиты руками палачей, в том числе т т. Ватанабэ, Ивата [5] и Уэда — члены ЦК КПЯ. С 1928 г. арестовано было свыше 25 000 революционных рабочих, крестьян и интеллигентов. «За один только месяц (октябрь) 1932 г. в Токио было арестовано 2 тыс. коммунистов и сочувствующих компартии» [6]. Массовые аресты в октябре 1932 — январе 1933 г. коммунистов и сочувствующих им лиц обсуждались на секретных заседаниях обеих палат японского парламента. Японская буржуазная пресса писала о борьбе полиции против «поднимающейся волны радикального движения» [7].

Судя по сообщениям печати Коммунистической партии Японии, это движение, столь тревожившее правительственные круги, было весьма ощутимым [8].

Несмотря на судебную расправу, кровавый террор и репрессии, КПЯ не только не прекратила своей деятельности, но сохранила и умножила свое влияние в широких кругах рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции. Достаточно сказать, что до массовых арестов в октябре 1932 г. под влиянием компартии находилось 30 нелегальных печатных органов (партийных, профсоюзных, молодежных и др.), несколько десятков фабрично-заводских, деревенских газет и ряд легальных изданий. Месячный тираж всех этих изданий составлял около 120 тыс. экземпляров.

Особо следует остановиться на деятельности центрального органа КПЯ—газеты 赤旗 «Сэкки» («Красное знамя»). Выпуск в свет «Сэкки» требовал исключительного героизма и самоотверженности, ибо газета печаталась в подпольных типографиях, и все, кто был причастен к ее печатанию и распространению, непрерывно подвергались опасности ареста. Первое время после создания (февраль 1928 г.) «Сэкки» выходила один раз в две недели, затем один раз в неделю (с февраля 1928 г. по сентябрь 1932 г. вышло 100 номеров газеты) а в 1932—1933 гг. — один раз в пять дней. Газета «Токио Асахи» сообщила в феврале 1933 г., что «Сэкки» расходится

[4] *К. Токуда.* К 30-й годовщине Коммунистической партии Японии. «Большевик», 1952, № 14, стр. 34.

[5] Нелегальная печать КПЯ сообщала, что компартии в декабре 1932 г. удалось организовать похороны Ивата, в которых приняли участие многие рабочие.

[6] *Сэн-Катаяма.* К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. «Коммунистический интернационал», 1933, № 7—8, стр. 76.

[7] Жертвой белого террора пал выдающийся деятель японского народа — пролетарский писатель Кобаяси Такидзи. Схваченный 21 февраля 1933 г. на улице, он с большим мужеством отбивался от полицейских. В полиции его насмерть замучили пытками.

[8] Об этом свидетельствуют массовые аресты крестьян в префектуре Тоттори, 63 учителей в префектуре Нагано, 20 моряков военно-морской базы Курэ.

20 тысячным тиражом. Газета имела широкий читательский актив, умело и быстро распространявший ее среди многих тысяч людей в городе и деревне. В № 101 «Сэкки» отмечалось, например, что «некоторые товарищи развозили «Сэкки» на велосипедах на расстояние в 60 миль», что «газета зачитывается до клочков». Издавалась «Сэкки» исключительно на средства, собиравшиеся рабочими и крестьянами.

Основным содержанием «Сэкки» была антивоенная пропаганда, все было подчинено этой центральной теме. В газете приводились данные об ухудшении под влиянием войны условий труда и быта рабочих и крестьян, об интенсификации труда на военных предприятиях, о бремени военного бюджета, росте цен и снижении реальной заработной платы, о нужде и нищете семей мобилизованных солдат, о сгоне помещиками их семей с земельных участков. «Сэкки» информировала читателей об антивоенных выступлениях японских солдат и жестоких расправах с ними властей, призывала к борьбе за независимость колоний, печатала сообщения о кровавом терроре японских империалистов в колониях — Корее и Тайване, выступала в защиту Советского Союза и освобожденных районов Китая. Почти в каждом номере газеты давалась страница, посвященная социалистическому строительству в СССР.

Боевой орган КПЯ откликался также на острые и злободневные вопросы, подававшиеся в японской «большой» прессе под густым покровом лжи, обмана и демагогии, разоблачал демагогические и шовинистические заявления японских милитаристов о том, что захват Маньчжурии вызван необходимостью «защиты прав и интересов нации», что «Маньчжурия — рай для народа» и т. д. Огонь критики был направлен против партии Сякай Тайсюто, которая лозунгом «самоопределение Маньчжурии» и всей своей политикой фактически поддерживала агрессию японских милитаристов. Часто «Сэкки» предупреждала своих читателей о подготовке тех или иных фашистских выступлений; так фашистско-милитаристский заговор в октябре 1931 г. она разоблачила задолго до того, как об этом появились глухие намеки в буржуазных газетах.

Помимо «Сэкки» КПЯ выпускала значительное число других изданий. С сентября 1932 г. выходил ежемесячник 兵士の友 «Хэйси но томо» («Друг солдата»), в том же году издавался теоретический орган партии — 黨建設者 «То кэнсэцуся» («Строитель партии»).

В 1932 г. компартия организовала два крупных выступления рабочих: стачку на метрополитене в Токио и стачку трамвайщиков. В тезисах ИККИ (1932 г.) «О положении в Японии и о задачах японской компартии» рабочие стачки этого периода характеризовались следующим образом: «Если раньше, до 1929 г., стачки сравнительно редко выходили за рамки полицейской легальности, то в настоящее время они все чаще выливаются в ожесточенные уличные столкновения с полицией и обнаруживают боевую революционную тенденцию движения, свидетельствующую о попытках японского пролетариата перейти к контрнаступлению против капиталистов и полицейского режима» [9].

1932 г. был также годом обострения классовой борьбы японского крестьянства. В тезисах ИККИ (1932 г.) было отмечено: «...растет число революционных столкновений между крестьянами и помещиками. Учащаются случаи поджогов имущества и домов помещиков, разгрома судебных и полицейских учреждений (Тотиги, Ниигата и др.). Местами недовольство крестьян и рыбаков переходит в стихийные восстания против местных властей (Тиба, Тояма и др.)» [10]. Центральный лозунг

[9] Сб. «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., 1933, № 3 (9), стр. 14.

[10] Там же, стр. 14.

КПЯ по аграрному вопросу гласил: «...безвозмездная конфискация в пользу крестьян всех земель помещиков, императора и церкви. Аннулирование всей задолженности крестьян помещикам, ростовщикам и банкам».

Таким образом, в эти критические годы, когда правящие круги Японии в поисках выхода из кризиса бросили японский народ в водоворот войны, Коммунистическая партия Японии, несмотря на бешеный террор и преследования, подняла свой голос против политики реакции и агрессивной войны, КПЯ продолжала жить и бороться.

Это вынуждены были признать и официальные представители японского правительства и его органов. Если после массовых арестов октября—декабря 1932 г. главное полицейское управление в Токио хвастливо заявляло, что «этим оно окончательно подорвало партийную организацию», то очень скоро министр внутренних дел Ямамото Тацуо на конференции губернаторов в апреле 1933 г. должен был констатировать, что «несмотря на непрекращающиеся массовые аресты, коммунистическое движение становится все более радикальным и опасным». Другой полицейско-судебный шеф — министр юстиции Кояма Мацукити заявил на той же конференции: «немного времени прошло с момента крушения (!? — *Б. Р.*) компартии, и вот она реорганизовалась... партийный орган продолжает выходить, а остающиеся на свободе члены партии повсюду ведут борьбу за реорганизацию партии».

Положение КПЯ в этот период, разумеется, было исключительно тяжелым. Полиция и вся судебно-карательная машина японского правительства обрушились на КПЯ в двух направлениях: с одной стороны — аресты, преследования и репрессии, с другой — засылка провокаторов и шпионов, вербовка предателей и другие действия, рассчитанные на подрыв партии изнутри. Иногда провокаторам и шпионам удавалось наносить партии значительный ущерб.

Партии, однако, удалось при помощи рабочих разбить созданные полицией и прокуратурой шпионские группы Асано, Мидзуно и других.

Свою главную задачу партия видела в том, чтобы поднять в стране массовое антивоенное движение и довести до сознания широких народных масс неразрывную связь между реакционностью внутренней и агрессивностью внешней политики Японии. В этот период, в первой половине 30-х годов, влияние КПЯ распространилось также на многих революционно настроенных крестьян, входивших в крестьянские союзы[11]. В выступлениях представителей КПЯ на VII Конгрессе Коминтерна было отмечено, что «нет ни одного промышленного центра и даже ни одного уезда в стране, где бы не было хотя бы небольшой организации нашей партии». Тем не менее влияние партии в массовом движении оставалось слабым, что обусловливалось расколом в рабочем движении и сильным противодействием созданию единого антиимпериалистического фронта со стороны правых элементов. Созданию массовой коммунистической партии мешали также существовавшие внутри партии ликвидаторские и раскольнические группы и сектантская ограниченность.

Одним из тормозов на пути развития и укрепления КПЯ в этот период была оппозиционная, раскольническая фракция — «оргкомитет по со-

[11] О проникновении влияния партии в широкие круги японского народа свидетельствовали ответные репрессии властей. Так, в заявлении главного прокурора по «идеологическим» делам Хирата в начале 1934 г. было указано, что с 1928 по 1933 г. число арестованных коммунистов и их сторонников составило 40 тыс. человек. Сведения о десятках тысяч арестованных, примерно в тот же период, содержатся в работе *Andrew*. Roth Dilemma in Japan. Boston,1945; в период между 1931 и 1934 гг. было арестовано свыше 24 тыс. человек, обвиненных в коммунизме. По сообщению других органов японской печати, за указанные годы было арестовано свыше 59 тыс. человек за «опасные мысли».

зыву делегатской конференции»[12],— начавшая усиленную атаку против партии и пытавшаяся навязать ей оппортунистическую и, в то же время, сектантскую политику. Между тем тесная связь с массами являлась для КПЯ вопросом жизни и смерти.

В первой половине 30-х годов, когда Токуда, Итикава и другие руководители КПЯ томились в каторжной тюрьме, одно из первых мест в рядах мужественных, закаленных в борьбе японских коммунистов принадлежало Норо Эйтаро. Норо Эйтаро родился в 1900 г. на о. Хоккайдо. На путь борьбы за идеи марксизма он стал в начале 20-х годов, еще будучи студентом университета Кэйё, где изучал социальные науки. Через некоторое время он начал читать лекции рабочим по истории развития японского капитализма. В 1925 г. Норо был арестован за участие в работе революционных студенческих кружков в Киотосском университете. После освобождения из тюрьмы продолжал преподавать в рабочей школе. В 1927 г. был опубликован научный труд Норо — «История развития японского капитализма»[13]. Эта работа, и сегодня не потерявшая своего значения, была первой в Японии марксистской работой о японском капитализме.

После массовых арестов 1929—1930 гг. Норо Эйтаро, тяжело больной туберкулезом, установил связь с другим видным деятелем КПЯ — Ивата Ёсимити и вместе с ним вел большую пропагандистскую работу. В целях идеологического укрепления партии и вооружения ее теорией марксизма-ленинизма руководство японской компартии наметило подготовку и издание «лекций по истории развития капитализма в Японии». Возглавил эту работу, проходившую в исключительно сложных условиях подполья, Норо Эйтаро.

В 1932 г., когда в числе брошенных в тюрьму сотен коммунистов оказались члены ЦК КПЯ Ивата и другие, был создан новый ЦК во главе с Норо. До своего ареста в ноябре 1934 г. Норо возглавлял Центральный комитет партии. В начале 1935 г. он умер в тюрьме от жестоких пыток. Незадолго до этого та же участь постигла Ивата, убитого в полицейском управлении в Токио.

После гибели Норо борьбой японских коммунистов руководили Миямото Кэндзи, Хакамада Сатоми, Касуга Сёдзиро.

Одной из важнейших задач КПЯ в период первой половины 30-х годов была систематическая работа среди широких масс рабочих и крестьян. Лучшие, наиболее испытанные деятели партии, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, направили свои усилия на борьбу за создание единого фронта рабочего класса, за объединение профсоюзов всех направлений, за железное единство партии. Партия в то время подвергалась непрерывным ударам со стороны всех сил реакции — от правительственного аппарата, реакционных и фашистских партий Сэйюкай, Минсэйто, Кокумин Домэй, Дайнихон Сэйсанто и до правых социал-демократов из партии Сякай Тайсюто. Последние открыто перешли на сторону японского империализма и агрессии, выдвинув предельно циничный лозунг: «... захват Маньчжурии и Монголии необходим для построения социализма в Японии».

Преодолевая сопротивление лидеров Сякай Тайсюто и правых профсоюзов, пытавшихся расколоть рабочий класс и ослабить степень его сопротивляемости политике фашизации и войны, в феврале 1937 г. удалось организовать легальную рабочую партию Нихон Мусанто («Японская пролетарская партия»), провозгласившую своей задачей борьбу против

[12] Так наз. «Тасуха».

[13] 野呂榮太郎 日本資本主義發達史 (*Норо Эйтаро*. История развития японского капитализма). Токио, 1952. Под редакцией Ояма Икуо и Каваками Хадзимэ.

фашизма и агрессивной войны. Это свидетельствовало об упорном стремлении широких масс трудящихся к объединению.

В середине и начале второй половины 30-х годов загнанная в глубокое подполье Коммунистическая партия Японии, после целого ряда свирепых ударов и судебно-полицейских расправ была значительно обескровлена и перестала действовать как единое целое. Ее вожди и наиболее активные деятели томились в тюрьмах и на каторге. В своих записках «18 лет в тюрьме» Токуда писал, что, когда Япония начала войну в Китае (7 июля 1937 г.), он «встречал третье лето в тюрьме Абасири», где «заключение равносильно смертной казни» [14]. Несгибаемую волю и огромное мужество проявили руководители японской компартии в застенках каторжной тюрьмы Абасири. Токуда писал о физических страданиях Итикава: «Несмотря на нервное заболевание от невыносимого холода, болезнь желудка и страшное исхудание, от него нельзя было услышать ни слова жалобы. Он продолжал борьбу с тюремными властями» [15].

В этот исключительно тяжелый период, когда японский империализм начал в крупных масштабах свою агрессивную войну против Китая, уцелевшие от репрессий японские коммунисты, находясь в глубоком подполье, не прекращали своей мужественной борьбы за интересы японского народа, хотя «после 1934—1935 гг., из-за продолжавшихся репрессий в течение почти десятилетия до конца агрессивной войны, партия не могла продолжать свою деятельность по всей стране. Имела место разобщенная деятельность некоторых групп коммунистов, борьба отдельных коммунистов.., но в течение указанного периода регулярная единая деятельность членов партии оказалась прерванной» [16].

Наибольшую активность проявляла в этот период группа коммунистов, действовавшая под руководством Касуга Сёдзиро. Касуга Сёдзиро во второй половине 20-х годов был деятелем компартии в Осака. В марте 1928 г. он был арестован и освобожден в 1937 г., после 9 лет тюремного заключения. В том же году Касуга Сёдзиро, уйдя в подполье, организовал группу коммунистов, сосредоточившую свои усилия на антивоенной пропаганде. Выработанное этой группой программное заявление предусматривало решительное противодействие японской агрессии в Китае и активную борьбу против фашистской диктатуры в Японии.

Деятельность коммунистической группы Касуга распространялась на район Осака. Группа выпускала тысячи листовок для рабочих заводов военного снаряжения, печатала и распространяла среди рабочих и студенчества западной Японии свои подпольные издания: «Араси о цуйтэ» («Стоять против шторма!»), «Минсю но коэ»(«Голос народа») и др. Осенью 1938 г. группа Касуга была раскрыта полицией [17]. Сам Касуга и более 150 других японских коммунистов были арестованы.

Однако «чрезвычайные» меры японской полиции в период захватнической войны в Китае не могли приостановить героической борьбы японских коммунистов. В японских источниках и литературе послевоенного периода имеются сведения о том, что и на более позднем этапе, весной и летом 1940 г., в районе Токио—Иокогама действовали три подпольные группы коммунистов. Одна из них возглавлялась Касуга Сёити [18] —рабочим-

[14] 徳田球一 獄中十八年 (*Токуда Кюити.* 18 лет в тюрьме). Токио, 1948, стр. 91
[15] Там же, стр. 88.
[16] См. резолюцию 4-го пленума ЦК КПЯ (принята 29 января 1956 г.). «Акахата», 4 февраля 1956 г.
[17] Тогда же, в 1938 г., была арестована группа литераторов, публицистов и ученых, входивших в «Общество по изучению материализма», в том числе Хасэгава Нёдзэкан, Мики Кийёси и Хани Горо.
[18] Член ЦК КПЯ в послевоенный период. Весной—летом 1955 г. председатель руководящего органа КПЯ.

электриком, другая — коммунистами Кадзахая Ясодзи, Хасэгава Хироси, третья коммунистическая группа действовала в районе Токио; две первые группы были раскрыты полицией летом 1940 г. третья — в феврале—мае 1941 г.

Таким образом, японские коммунисты и после начала войны в Китае продолжали свою антивоенную деятельность, призывая японских рабочих и крестьян выступать против агрессивной захватнической войны японского империализма в Китае, в защиту китайского народа, самоотверженно отстаивавшего свою национальную честь и независимость. В ответ на это по приказу министра внутренних дел Суэцугу в декабре 1937 г. по всей Японии были предприняты полицейские облавы и массовые аресты коммунистов и других участников революционного и демократического движения. Число арестованных и брошенных в тюрьмы по преуменьшенным данным японской прессы исчислялось в 400—500 человек.

Имеется ряд фактов, свидетельствующих, что и в годы войны на Тихом океане (1941—1945 гг.), несмотря на драконовские меры фашистского террористического режима, в Японии не прекращались антивоенное движение и стачечная борьба.

Мория Фумио упоминает о «иокогамском деле», которое полиция назвала «Заговором по воссозданию японской компартии [19]. Из другого источника известно, что зимой 1943 г. военный губернатор Токио генерал Нисио заявил: «Мы знаем, что в нашей стране имеются рабочие, думающие только о собственных интересах и добивающиеся возврата к условиям свободного (!!.—*Б. Р.*) труда. Такие люди заслуживают смерти» [20].

Таковы некоторые факты деятельности и борьбы японских коммунистов в период 30-х начала 40-х годов, заложивших основу для развития широкого демократического движения в Японии в послевоенный период. Ныне мощный рост влияния демократического лагеря в Японии привел к созданию в этой стране нового соотношения сил.

Японский народ, как и другие народы Азии, не хочет войны и борется против осуществления военных планов американских правящих кругов и японской реакции, направленных к созданию в Японии очага агрессии на Дальнем Востоке.

SUMMARY

The author describes the heroic, self-sacrificing activities of the Japanese Communists in the thirties and forties, when Japanese imperialism was already conducting its aggressive war against the Chinese people and getting ready to unleash a big war. The situation in Japan was characterized by growing fascisation and terror against the Communists and all other democratic and progressive elements. But these forces did not give up their courageous struggle against reaction and war. The aggressive policy pursued by the Japanese rulers in the thirties and forties invariably encountered fierce resistance on the part of the Japanese people's anti-war and liberation movement, and especially, its vanguard, the Communist Parcy of Japan.

[19] 森屋典郎日本資本主義發達史 (*Мория Фумио.* История развития японского капитализма). Токио, 1949, стр. 161.
[20] *Andrew Roth.* Указ. соч., стр. 193.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ АФРИКИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. Ю. ШПИРТ

В настоящее время в западноевропейской и американской буржуазной печати усиленно подчеркивается положительное значение, которое, якобы, имела война для развития экономики стран Африки. Ф. Буррет — сотрудник колледжа в Сан-Франциско, в книге о Золотом Береге подчеркивает, что несмотря на лишения, вызванные ростом цен и дефицитом товаров, в целом эта колония в годы войны больше выиграла, чем потеряла [1]. Более категорично высказываются авторы обзора об экономическом состоянии стран Британской Восточной Африки, выпущенного в январе 1945 г. По их утверждениям, в годы второй мировой войны африканские рабочие стали получать более высокую заработную плату, а крестьяне приобрели широкий рынок для сбыта своей продукции [2]. В отчете Министерства колоний Великобритании всячески подчеркивается благотворное влияние на экономику колоний государственного регулирования военного времени, в частности правительственных закупок и твердых цен [3]. Этот миф о прогрессивном значении войны для «процветания» африканской экономики сознательно создан американскими и западноевропейскими монополиями, которые отводят Африке важную роль в планах подготовки новой мировой войны. Настоящая статья, не претендующая на исчерпывающее решение этой проблемы, представляет собой попытку осветить ее на основе имеющихся фактических данных.

Наиболее значительное воздействие война оказала на развитие промышленности. Это подтверждают изменения, происшедшие в отдельных ее отраслях и, в первую очередь, в топливно-энергетической. В связи с ростом потребления топлива для военных нужд и сокращением импорта несколько расширилась топливно-энергетическая база Африки. Общая добыча угля в 1944 г. увеличилась примерно в полтора раза по сравнению с 1938 г. и составила свыше 26 млн. тонн. Увеличение шло, главным образом, за счет роста добычи угля в Южно-Африканском Союзе, где было добыто в 1944 г. 22,6 млн. тонн. В Южной Родезии было добыто к концу войны почти в два раза больше угля, чем в мирное время (1780 тыс. тонн). Такими же темпами росла добыча угля в Нигерии, составившая в 1944 г. 614 тыс. тонн. В других странах Африки, за исключением небольших шахт в Бельгийском Конго и Тунисе, дававших несколько десятков тысяч тонн угля в год, угольной промышленности не было. Добыча горючих сланцев была налажена только в Южно-Африканском Союзе, где она поднялась с 29,5 тыс. тонн в 1938 г. до 112 тыс. тонн в 1944 г. [4].

[1] *F. M. Bourret.* The Gold Coast. A survey of the Gold Coast and British Togoland 1919—1951. London, Oxford University Press, 1952, p. 161—162.

[2] «British East Africa». London, 1945, p. 16—18.

[3] «The Colonial Empire (1939—1947)». London, 1947, p. 10—11.

[4] Данные по всем видам топлива, за исключением натурального газа, взяты из сборника: «The Mineral industry of the British Empire and foreign countries». London, 1948.

Таким образом, добыча твердого топлива была сосредоточена в ограниченном количестве стран, среди которых преобладающее положение занимал Южно-Африканский Союз, ставший основным поставщиком угля для большинства стран Африки. Единственным крупным производителем нефти и нефтепродуктов на всем континенте являлся Египет, где по сравнению с довоенным уровнем добыча нефти увеличилась в шесть с лишним раз и достигла в 1944 г. 1497 тыс. тонн.[5]. В топливном балансе несколько возрос удельный вес натурального газа, добывавшегося в Южно-Африканском Союзе, Алжире и Тунисе. В 1938 г. в этих трех странах добыча натурального газа составляла 157 млн. куб. метров, в 1945 г. она поднялась до 249 млн. куб. метров[6]. В годы войны произошло некоторое расширение мощностей электростанций и выработки электроэнергии (см. табл. 1).

Таблица 1

*Производство электроэнергии в странах Африки за 1938—1945 гг.**

(в млн. квт-ч.)

Страны	1938	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Южно-Африканский Союз	5993	7168	7592	7799	7700	8043	8329
Алжир	278	256	253	262	289	314	330
Ангола	9	10	10	11	11	12	13
Бельгийское Конго	233	323	345	351	250	320	433
Канарские острова	17	18	19	19	22	25	25
Эритрея	17	20	18	21	20	22	24
Кения	14	18	22	26	28	31	34
Либерия	1	2	3	4	4	5	7
Мадагаскар	13	16	17	16	16	19	20
Французское Марокко	141	177	213	229	208	212	212
Испанское Марокко	13	16	20	23	24	26	23
Мозамбик	11	—	—	—	15	16	16
Сьерра Леоне	1	—	—	—	—	4	5
Южная Родезия	80	180	210	226	234	256	274
Танганьика	8	10	10	13	15	17	19
Тунис	67	63	79	86	—	72	83

* Источник: «United Nations statistical yearbook, 1951». New York, 1951, p. 277.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что значительное увеличение выработки электроэнергии имело место лишь в некоторых странах Африки (больше всего в ЮАС и Южной Родезии).

В отличие от топливно-энергетической промышленности, где во время войны расширилось производство всех основных энергоресурсов, развитие добычи важнейших видов минерального сырья шло крайне неравномерно. Одновременно с увеличением добычи одних минералов резко сократилась добыча других. Имели место также и значительные колебания объема добычи в отдельные годы (см. табл. 2).

Приведенные данные не вскрывают полностью влияния военных факторов, поэтому необходимо кратко осветить изменения, происшедшие за годы войны в добывающей промышленности отдельных африканских стран.

Резкое падение добычи железной руды и фосфатов объясняется главным образом тем, что основные производители: Марокко, Алжир и Тунис подвергались длительной блокаде, на их территории велись военные действия. Некоторое увеличение добычи железной руды в ЮАС, Сьерра Леоне и дугих странах не могло, конечно, восполнить сокращения продукции в Северной Африке.

[5] «United Nations statistical yearbook, 1956». New York, 1956, p. 143.

[6] «United Nations statistical yearbook, 1949—1950». New York, 1950.

Более сложным было развитие золотодобывающей промышленности, продукция которой хотя и сократилась в годы войны, но неравномерно в различных странах. Так, например, в ЮАС, занимающем по добыче золота первое место в капиталистическом мире, уровень добычи по сравнению с довоенным несколько повысился. В то же время в Бельгийском Конго, Южной Родезии и Нигерии добыча золота значительно снизилась. Объяснялось это тем, что указанные страны должны были прежде всего форсировать добычу цветных металлов, чтобы в какой-то мере компенсировать потерю союзниками такого важнейшего источника получения этих металлов, как захваченная Японией Юго-Восточная Азия. В силу необходимости часть рабочих золотых приисков была переведена на рудники цветных металлов.

Таблица 2

Добыча минерального сырья в Африке *

Виды сырья	Единица измерения	1938	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Железная руда	тыс. тонн.	3800,0	2200,0	1700,0	1400,0	1250,0	1650,0	2213,0
Фосфаты	»	4585,0	2444,0	2191,0	2276,0	1539,0	2524,0	3117,0
Золото	тонны	454,2	526,7	532,7	516,1	460,7	438,0	434,7
Марганцевая руда **	тыс. тонн	500,0	500,0	450,0	450,0	350,0	330,0	440,0
Хромовая руда **	»	172,0	203,0	230,0	328,0	223,0	183,0	138,0
Ванадиевая руда	»	0,9	0,9	0,8	0,8	1,0	0,6	0,7
Цинковая руда **	»	30,0	33,0	37,0	33,0	32,0	37,0	34,0
Оловянная руда**	»	21,0	27,0	31,0	31,0	32,0	32,0	30,0
Медная руда **	»	400,0	450,0	420,0	450,0	440,0	420,0	390,0
Кобальт	»	3,4	3,6	3,0	2,6	3,3	3,0	3,8
Асбест	»	74,4	94,6	84,6	105,3	102,3	114,9	98,9
Алмазы	тыс. метр-каратов	11337	12632	8825	8898	8024	11259	13950

* Источник: «Minerals yearbook 1945.» Washington, 1947, p. 1551—1553; «United Nations statistical yearbook, 1952»; New York, 1952; United Nations statistical yearbook, 1953». Washington, 1953.
** Содержание металла.

Значительное падение добычи марганцевой руды объясняется прежде всего резким уменьшением ее добычи в ЮАС, вызванным трудностями транспортировки, отсутствием тоннажа и т. д. Более выгодное географическое положение Золотого Берега благоприятствовало развитию марганцевой промышленности в этой колонии.

Конъюнктура военного времени сказалась также и на добыче хромовых руд. Сбыт южно-родезийского и южно-африканского хрома сократился вследствие закупок, которые союзники производили в Турции и в других странах. В аналогичном положении оказалась и ванадиевая промышленность Северной Родезии и Юго-Западной Африки. Резкое увеличение добычи ванадия в США повлекло закрытие рудников в Африке.

В связи с войной значительно вырос спрос на цветные металлы. Добыча цинка, олова, меди и кобальта, сосредоточенная в Бельгийском Конго, выросла в годы войны и продолжала увеличиваться в послевоенный период. В значительной степени это объяснялось введением технических усовершенствований, способствовавших более полному извлечению металлов из полиметаллических руд. Расширение производства кобальта в Бельгийском Конго позволило компенсировать сокращение добычи в Марокко, в Северной и Южной Родезии. Бельгийское Конго занимало ведущее место также и в производстве оловянных концентратов, добыче меди и вольфрама, хотя имелись и другие страны, расширившие добычи этих металлов: Нигерия (олово), ЮАС (медь, вольфрам), Северная и Южная Родезия (медь, вольфрам). Из неметаллических ископаемых следует отметить рост добычи асбеста не только в ЮАС и Южной Родезии, но и в Свазиленде.

Изменения в обрабатывающей промышленности были более глубокими, чем в добывающей, и вызвали существенные сдвиги в экономике отдельных стран. В обзоре, выпущенном подкомитетом федерации Родезийской промышленности, указываются следующие причины, тормозившие развитие обрабатывающей промышленности в Южной Родезии: отсутствие квалифицированной рабочей силы, высокие транспортные издержки, узость внутреннего рынка, дефицит угля и электроэнергии. В качестве последней причины называется политика правительства, которая препятствовала росту этой промышленности [7]. В результате такой политики лишь в нескольких странах Африки в предвоенный период имелись относительно немногочисленные предприятия, главным образом легкой и пищевой промышленности.

По разнообразию отраслей обрабатывающей промышленности первое место занимал Южно-Африканский Союз. В 1939 г. здесь было занято 353 тыс. рабочих и служащих, в том числе 145 тыс. европейцев и 208 тыс. африканцев и лиц азиатского происхождения. Наибольшее развитие получили отрасли пищевой промышленности (сахарная, винокуренная и др.) и легкой (текстильная, швейная и обувная). По размерам производства цемента (878 тыс. тонн в 1938 г.) ЮАС занимал первое место в Африке. Расширилась в предвоенные годы и химическая промышленность.

В 1938 г. в ЮАС выплавлялось всего 300 тыс. тонн стали. Металлообрабатывающая промышленность была представлена механическими мастерскими, которые производили ремонтно-восстановительные работы на железных дорогах и судах, а также ремонтировали оборудование и машины. Потребности обрабатывающей промышленности ЮАС в сырье удовлетворялись преимущественно за счет местного сырья, а в машинах и оборудовании — почти полностью за счет импорта.

Для структуры этой промышленности характерно наличие большого количества мелких предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: маслобоек, мельниц, шерстомоек и т. д.

В английских колониях обрабатывающая промышленность была наиболее развита в Южной Родезии. Стоимость ее валовой продукции в 1938 г. составила свыше 8 млн. фунтов стерлингов. На различных предприятиях строительной, пищевой и легкой промышленности в Южной Родезии было занято около 42 тыс. человек, в том числе 5 тыс. европейцев и 37 тыс. африканцев [8].

Во французских владениях обрабатывающая промышленность имелась только в Алжире, Марокко и Тунисе, а в Западной и Экваториальной Африке было лишь незначительное количество предприятий по первичной обработке сельскохозяйственного сырья. Вся продукция земляного ореха, лесоматериалы и зернопродукты, вывозились для переработки в метрополию.

В Бельгийском Конго наряду с выплавкой в крупных размерах меди, целиком шедшей на экспорт, имелись предприятия легкой и пищевой промышленности, работавшие на местный рынок. В португальских колониях — Мозамбике и Анголе — действовало несколько предприятий, производивших ежегодно свыше 100 тыс. тонн сахара и около 25 тыс. тонн цемента, несколько десятков тонн табака и табачных изделий. Таким образом, в большинстве стран Африки отсутствовали решающие отрасли обрабатывающей промышленности, предприятия были заняты первичной обработкой сельскохозяйственного сырья.

Военные заказы и нарушение внешних хозяйственных связей способствовали известному расширению ряда отраслей обрабатывающей промышленности [9]. Так, в относительно крупных масштабах производство вооружения было организовано только в Южно-Африканском Союзе. Близ Иоганесбурга на государственном заводе выпускались бронемашины. За годы войны их было произведено свыше 2 тыс. штук. Ряд

[7] «Survey of Rhodesian industry». Salisbury, 1954, p. 1.
[8] «Survey of Rhodesian industry». Salisbury, 1954, p. 16.
[9] В декабре 1942 г. Англией и ее союзниками было размещено заказов только в ЮАС на 100 млн. фунтов стерлингов.

других предприятий поставил около 500 орудий и несколько миллионов снарядов и патронов [10]. На машиностроительных предприятиях ЮАС был налажен выпуск моторов и производство запасных частей для самолетов и автомашин. На верфях, наряду со строительством небольших судов, ремонтировалось значительное количество судов союзного флота. Химические заводы снабжали боеприпасами и взрывчатыми веществами британские вооруженные силы, действовавшие в Африке.

В связи с военными заказами расширилась выплавка черных металлов, также сконцентрированная в Южно-Африканском Союзе. В 1945 г. на металлургическом заводе в Претории было выплавлено 536 тыс. тонн стали, почти вдвое больше, чем до войны.

Кожевенные, обувные и швейные предприятия выполняли заказы не только для союзных армий, действовавших в Африке, но и далеко за ее пределами. Из ЮАС и Восточной Британской Африки шерстяные изделия отправлялись в метрополию, а также в Бирму и Индию.

К концу войны (1943/1944 г.) стоимость продукции, выпускаемой на всех предприятиях обрабатывающей промышленности ЮАС (включая государственные) в полтора раза превышала довоенный уровень и составила почти 155 млн. фунтов стерлингов. Количество работающих на этих предприятиях превысило 450 тыс., из которых европейцы составляли примерно одну треть [11].

В Египте в годы войны расширились текстильная промышленность и производство цемента. Одной из причин, благоприятствовавших росту хлопчатобумажной промышленности, было накопление запасов хлопка, в связи с сокращением его экспорта, и снижение импорта тканей. Военные заказы стимулировали производство цемента, достигшее в 1944 г. 424 тыс. тонн против 375 тыс. тонн в 1939 г.

Серьезные сдвиги в обрабатывающей промышленности произошли в Южной Родезии. Стоимость валовой продукции в 1945 г. достигла 18,6 млн. фунтов стерлингов, что в два с лишним раза превышало предвоенную. Увеличение произошло за счет пищевой и строительной промышленности и создания текстильной. По сравнению с довоенным уровнем почти в полтора раза возросла численность рабочих и служащих, составившая свыше 55 тыс. человек, в том числе 48,8 тыс. африканцев [12]. В Бельгийском Конго наряду с расширением выплавки цветных металлов возросла продукция и других отраслей, частично за счет пуска в эксплуатацию новых предприятий.

Официальная бельгийская статистика публикует лишь данные о численности предприятий в отдельных отраслях без указания стоимости валовой продукции и численности рабочих. Хотя этот показатель и не раскрывает картины происшедших изменений, но все же дает известное представление о расширении выпуска некоторых изделий. Так, например, в 1944 г. имелось 729 предприятий пищевой промышленности вместо 423 в 1938 г.; в деревообделочной промышленности соответствующие цифры были 577 и 330 [13]. Пищевые и деревообделочные предприятия работали на местном сырье. Продукция пищевой промышленности преимущественно реализовалась на внутреннем рынке, а деревообделочной — шла на экспорт. В частности, значительное количество пиломатериалов из Бельгийского Конго поставлялось в Южно-Африканский Союз.

В связи с ростом потребности в консервах для снабжения союзных армий были выстроены новые предприятия пищевой промышленности в Кении и Западной Африке. Значительное количество новых предприятий по первичной обработке растительного сырья были выстроены во Французской Западной Африке, а также в Нигерии

[10] *H. Duncan Hall* and *C. C. Wrigley*. Studies of Overseas supply. London, 1956, p. 488.

[11] «Manufacturing industries». Pretoria, 1947, p. 3.

[12] «Survey of Rhodesian industry». Salisbury, 1954, p. 16.

[13] «Annuaire statistique de la Belgique et du Congo Belge». Bruxelles, 1940, p. 313; t. LXVIII, 1946, p. 303.

и других британских колониях. Рост численности населения городов во время войны содействовал созданию предприятий, выпускавших товары массового потребления (кондитерские изделия, мыло и др.).

Империалистические государства в целях осуществления своих военно-стратегических планов были вынуждены допустить некоторое развитие промышленности в отдельных странах Африки. Однако это развитие носило однобокий характер: не приводило к созданию многоотраслевой экономики и к повышению жизненного уровня народов Африки. Империалистические государства, в соответствии с принципами колониализма, стремились развивать лишь те отрасли добывающей промышленности, которые были необходимы для обеспечения военных нужд. Следует отметить, что наибольшее развитие промышленности имело место в ЮАС, доминионе Британской империи, который по характеру и структуре своей экономики коренным образом отличался от колониальных стран Африки. Попытки ряда буржуазных авторов (Коншей, Тиц и др.) доказать благодетельность второй мировой войны для индустриального развития Африки имеют своей целью отвлечь народы африканского континента с пути национально-освободительной борьбы на путь союза с империалистами в подготовляемой третьей мировой войне.

В большинстве стран Африки в годы войны происходило падение урожайности и общее сокращение посевных площадей.

Особенно интенсивно эти процессы протекали в зоне военных действий или в странах, расположенных близ этой зоны. В Алжире, например, сбор твердой пшеницы, составил на гектар в 1944 г. 3,8 квинталов вместо 6,5, в 1939 г., в Тунисе в эти же годы — 3,3 и 2,1 [14]; в Египте в 1943—1944 гг. по сравнению с 1936—1939 гг. урожайность кукурузы снизилась на 32%, пшеницы на 24%. О размерах сокращения посевных площадей можно судить по следующим данным: во Французской Западной Африке посевная площадь под просо и сорго сократилась с 860 тыс. га в 1939 году до 596 тыс. га в 1945 г.

Таблица 3

Сбор сельскохозяйственных культур в Африке
(в тыс. тонн)*

Культуры	1934—1938**	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Пшеница	3860	3470	4140	3660	3550	2700	2450
Ячмень	2500	1774	2620	1970	2360	1596	712
Кукуруза	6100	5700	4710	5500	5000	5000	5700
Рис	2100	2320	2220	2520	2270	2360	2630
Кофе	142	173	179	175	172	170	195
Какао	484	432	422	396	355	414	440
Земляной орех	1600	1120	1000	840	940	940	1140
Хлопок-семена	1160	1290	1123	764	669	839	880
Хлопок очищенный	590	640	582	386	331	424	432
Табак	70	70	75	64	71	71	67
Каучук	10	17	18	32	50	57	56

* Источники: «Annuaire international de statistique agricole 1941/42a 1945/46», vol. I. Rome, 1947; «FAO. Yearbook of food and agricultural statistics. 1947».

** Довоенные данные за 1934—1938 г. уточнены по «FAO. Yearbook of food and agricultural statistics 1949», vol. I. Washington, 1950.

Некоторое расширение в отдельных странах посевных площадей и сбора экспортных культур не изменило общей картины упадка сельского хозяйства (см. табл. 3).

[14] «Annuaire statistique de l'Union Française outre-mer. 1939—1946». Paris, 1949, p. 106; «Annuaire statistique... 1939—1949». Paris, 1951 p. F-400.

Данные таблицы дают представление о значительном падении сбора основных продовольственных и технических культур при одновременно незначительном увеличении сбора риса, кофе и каучука. Необходимо рассмотреть, в каких странах происходило сокращение сельскохозяйственной продукции. Снижение производства пшеницы имело место в Тунисе, Алжире и Марокко и, в меньшей степени, в Южно-Африканском Союзе, где в отдельные годы (1942 г.) сбор урожая был выше предвоенного. Упадок сельского хозяйства во Французской Северной Африке выразился и в резком уменьшении сбора ячменя. Небольшое повышение сбора ячменя в Египте не могло компенсировать его общего падения. Значительно сократился также сбор кукурузы, в частности в ЮАС и в Египте, дававших до войны свыше половины урожая этой культуры. Некоторое увеличение продукции риса было достигнуто путем расширения посевов этой культуры в Египте и на о.Мадагаскар. Как показывают данные, сбор основных зерновых культур (пшеница, ячмень) сократился в годы войны почти на 2 миллиона тонн, что вызвало ухудшение продовольственного обеспечения широких народных масс.

Сокращение сбора земляного ореха наиболее болезненно сказалось на экономике двух основных производителей — Французской Западной Африки и Нигерии. Что касается хлопка, то хотя его продукция в Египте и Уганде сократилась, но в Бельгийском Конго и других второстепенных странах-производителях она несколько выросла. Значительно сократился сбор какао в Нигерии, на Золотом Берегу и во Французской Западной Африке, дававших свыше 90% этой продукции. Кофе и каучук возделывались во многих странах, но рост продукции этих культур был вызван в основном расширением сбора кофе в Анголе, а каучука — в Либерии, Бельгийском Конго и Нигерии.

Таблица 4

*Поголовье крупного рогатого скота в странах Африки**
(в тыс. голов)

Страны	Накануне второй мировой войны		После окончания второй мировой войны	
	Годы	Количество	Годы	Количество
Алжир	1939	886	1947/48—1951/52	784
Базутоленд	1939	448	1952/53	406
Французское Марокко	1939	1871	1947/48—1951/52	1883
Мадагаскар	1939	5266	1947/48—1951/52	5680
Руанда Урунди	1938	970	1951/52	972
Сомали	1939	1143	1953/54	842
Тунис	1939	478	1951/52	401
ЮАС	1939	11852	1952/53	11655

* Источник: «FAO. Yearbook of food and agricultural statistics, 1955», vol. IX, part, I. Rome, 1956, p. 125—126.

Война нанесла серьезный урон и такой важнейшей отрасли сельского хозяйства, как животноводство. Для удовлетворения нужд кожевенной и обувной промышленности, которые расширялись, выполняя военные заказы, потребовалось большое количество местного сырья, так как импорт кожи из заокеанских стран был прекращен. Увеличился спрос на мясо и мясопродукты для англо-американских вооруженных сил, размещенных в Африке и за ее пределами — в Азии и Западной Европе. Значительны были и поставки мяса и мясопродуктов в Англию. Убой крупного рогатого скота достиг таких размеров, что в ряде стран, спустя несколько лет после окончания войны, поголовье было ниже, чем в предвоенный период (см. табл. 4).

Особенно серьезный урон был нанесен овцеводству, играющему важную роль в экономике отдельных стран Африки (см. табл. 5).

Лишь в 1954/55 г. поголовье рогатого скота и овец достигло предвоенного уровня и то не во всех странах.

Таблица 5

*Поголовье овец в странах Африки**
(в тыс. голов)

Страны	Накануне второй мировой войны		После окончания второй мировой войны	
	Годы	Количество	Годы	Количество
Алжир	1939	6 406	1947/48—1951/52	3990
Базутоленд	1939	1 599	1952/53	1303
Южная Родезия	1939	303	1953/54	274
ЮАС	1938	38 289	1951/52	35480

* Источник: «FAO. Yearbook of food and agricultural statistics, 1955», vol. IX, part I. Rome, 1956, p. 133.

В буржуазной литературе встречается немало высказываний по поводу причин, вызвавших упадок сельского хозяйства Африки в годы второй мировой войны. Например: сокращение импорта сельскохозяйственного инвентаря и удобрений, расширение эрозии почв, климатические условия, военные разрушения, разрыв хозяйственных связей и т. д. Эти факторы, безусловно, тормозили развитие сельского хозяйства, особенно в отдельных странах, однако они носили локальный характер и не могут объяснить усиление процесса общего упадка сельского хозяйства во всей Африке. Этот упадок объясняется, несомненно, более глубокими и длительными причинами, среди которых решающую роль играет колониальный гнет и вызываемый им кризис производительных сил и аграрного строя африканской деревни.

Мощные монополии и до войны широко использовали государственный аппарат колоний в целях установления своего контроля над целыми странами и отраслями экономики. Так, например, англо-голландский концерн «Юнилевер», имеющий 600 дочерних компаний в 50 странах, практически через одну из таких компаний «Юнайтед Эфрика К°» контролировал производство растительных масел и жиров в Нигерии, на Золотом Берегу, в Бельгийском Конго, во Французской Западной и Экваториальной Африке и других районах. Повсеместное проведение колониальными властями во время войны различного рода принудительных мероприятий: регламентация цен, монопольные закупки, принудительные поставки, регулирование рынка труда и зарплаты, реквизиция материальных ресурсов, мобилизация работоспособного населения — все это создало монополиям богатые возможности корыстного использования этих мер в целях обеспечения громадных сверхприбылей.

Представители и ставленники монополий занимали руководящие посты в правительственных учреждениях в колониях и в метрополии. Например, отдел растительных и животных жиров английского Министерства продовольствия почти полностью находился в руках бывших служащих «Юнилевер», продолжавших аккуратно получать жалованье от этого концерна [15]. Благодаря стараниям этого отдела были установлены исключительно низкие, разорительные для крестьян цены на закупаемые Министерством продовольствия в Африке пищевые масла и жиры, которые затем почти полностью сбывались дочерним компаниям «Юнилевер». Последние, в свою очередь, поставляли переработанную продукцию (мыло, маргарин и т. п.) по завышенным ценам тем же прави-

[15] См. *Роберт А. Брейди.* Кризис Британии. М., 1952, стр. 404.

тельственным организациям. Колониальные власти в интересах монополий широко применяли принудительный труд и привлекали рабочую силу из деревень.

Ссылаясь на якобы существовавший дефицит рабочей силы и на необходимость выполнения оборонных работ, колониальные власти мобилизовывали в порядке трудовой повинности на плантации и на рудники сотни тысяч африканцев. В Нигерии, например, по данным английской печати, было мобилизовано 92 тыс. человек; в Кении в 1945 г.— около 22 тыс. человек[16]. Широкое использование принудительного труда в колониях не было вызвано нехваткой рабочей силы, как это утверждают иностранные авторы. Оно было вызвано стремлением монополий получить дополнительные сверхприбыли, так как мобилизованные или получали ничтожную заработную плату, или им вовсе не платили.

При обсуждении в марте 1942 г. в английской палате общин законопроекта о применении принудительного труда представители оппозиции возражали против его утверждения. В своих выступлениях они указывали, что при установлении соответствующих заработной платы и условий труда не будет затруднений с обеспечением рабочей силой; что существовавшая в то время заработная плата африканцам—три с половиной пенса в день—явно недостаточна и что принятие предлагаемого Министерством колоний билля противоречит Международной конвенции о принудительном труде, утвержденной в 1930 году[17].

Мобилизация сотен тысяч крестьян на принудительные работы в рудниках, на плантациях монополий дала возможность путем применения фактически рабского труда расширить продукцию экспортных культур: каучука, кофе, сизаля и др., но вместе с тем она привела к ликвидации многих мелких крестьянских хозяйств. Установление правительственными органами, под диктовку монополий, низких закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, иногда более низких, чем в довоенное время, делало в ряде случаев экономически нерентабельным возделывание многих культур. Именно поэтому в большинстве стран систематически сокращались посевные площади. В районах военных действий проводилось прямое ограбление крестьянства воюющими сторонами. В результате этого уже в 1944 г. в Марокко, Тунисе и Алжире сбор пшеницы уменьшился на одну треть, а ячменя — наполовину.

Таким образом, хищнические методы хозяйничанья империалистов, усилившиеся в годы войны, были основной причиной упадка сельского хозяйства Африки.

Война оказала большое и непосредственное влияние на состояние транспорта: морского, воздушного и сухопутного. В связи с фактическим прекращением судоходства по Суэцкому каналу были проведены большие работы по расширению пропускной способности и судоремонтной базы в портах ЮАС и других стран Африки. В Кейптауне был сооружен сухой док, в Дурбане — плавучий док и т. д.

По данным английского морского министерства, опубликованным 17 мая 1945 г., через эти порты за годы войны прошло 400 конвоев, перевезших свыше 2 млн. союзных войск[18]. В ходе войны стали широко использоваться и порты Западной Африки: Дакар (Французская Западная Африка) и др. Во Фритауне (Сьерра-Леоне) сосредотачивались конвои по 100 и более судов.

Несмотря на разрушения, вызванные военными действиями в результате проведенных работ, в целом портовое хозяйство Африки к концу войны значительно расширилось.

Широко использовался для переброски войск и вооружения воздушный флот, который до войны был слабо развит. Были созданы новые межконтинентальные воздушные трассы: США — Гамбия — Либерия — Нигерия, США — Бельгийское Конго — Западная Европа; расширены авиалинии, соединявшие Дакар с Америкой и Западной Европой, Западную Африку с Египтом и т. д., а также открыты и внутриафриканские линии: между четырьмя британскими колониями в Западной Африке, между о-вом Мавр

[16] «Colonial office. Labour conditions in East Africa». London, 1946, p. 11.
[17] *Albert Q. Maisel.* Africa. Facts and forecasts. New York, 1943, p. 202.
[18] *Ph. Graves.* A record of the war. The twenty third quarter. London, 1945, p. 399.

рикия и континентом. В связи с организацией новых и расширением старых авиамагистралей было развернуто строительство аэродромов в различных частях Африки и увеличен самолетный парк. С конца 1940 г. была налажена переброска самолетов из Такоради (Золотой Берег), через Кано (Нигерия) в Хартум и далее, на Ближний Восток.

Сухопутный транспорт (железнодорожный и автомобильный) был до войны развит слабо и неравномерно. Большая часть железнодорожной сети и автомобильного парка была расположена на территории ЮАС, Французской Северной Африки и Египта. Сухопутное сообщение между отдельными странами Африки было возможно лишь комбинированным путем (железная дорога в сочетании с автомобильным транспортом). В ходе войны увеличился объем перевозок на железных дорогах в связи с транспортировкой войск, рабочей силы и грузов.

Усиленная эксплуатация вызвала повышенный износ подвижного состава, который, в связи с сокращением импорта, не пополнялся. В ряде стран по окончании войны количество локомотивов и вагонов по сравнению с предвоенным периодом уменьшилось или незначительно увеличилось (см. табл. 6).

Таблица 6

*Количество локомотивов и вагонов**

Страны	Локомотивы		Вагоны	
	1937	1947	1937	1947
Алжир	795	486	12475	11948
Ангола	157	150	1094	986
Южн. Родезия	236	211	4238	4450
Французская Западная Африка	341	376	3366	3928
Бельгийское Конго	315**	310***		

* Источники: «United Nations statistical yearbook,1949—1950». New York, 1950; «Annuaire statistique de la Belgique et du Congo Belge». Bruxelles, 1940; t. XVIII, 1946.
** По данным 1938 г.
*** По данным 1948 г.

Вследствие недостатка горючего, запчастей и резины использование автотранспорта для гражданского населения, несмотря на строительство новых магистралей и дорог, было ниже, чем в предвоенный период. Уменьшился и автопарк. Нехватка автотранспорта тормозила развитие товарооборота внутри континента. Во многих странах Африки наряду с увеличением применения вьючных животных вернулись к использованию людей для переноски грузов.

Существенные изменения произошли в годы второй мировой войны во внешней торговле стран Африки. Некоторые из этих изменений, как, например, сокращение экспортно-импортных операций, были преходящими и по окончании войны не сохранились. Внешнеторговый оборот по всей Африке снизился по сравнению с довоенным уровнем в ценностном выражении в течение 1939—1945 гг. (см. табл. 7).

В связи с усилением неэквивалентности внешнеторгового обмена, вызванного повышением цен на импортируемые товары, при одновременном снижении цен на экспортируемое из Африки сырье, разрыв между экспортом и импортом в натуральном выражении был выше, чем в довоенное время, так как на каждую тонну ввозимых товаров требовалось вывезти товаров больше, чем в предвоенный период. Война вызвала резкие колебания в объеме внешней торговли по отдельным годам и в развитии ее в отдельных странах Африки. Так, из 10 стран (ЮАС, Бельгийское Конго, Ангола,

Южная Родезия, Либерия, Египет, Алжир, Французское Марокко, Тунис, Золотой Берег), дававших примерно две трети всего экспорта Африки, только в пяти первых странах экспорт повысился, а в остальных он значительно упал. Изменился и состав экспортеров и импортеров. В связи с оккупацией Франции и Бельгии монопольное положение заняли Англия и США. Особенно быстрыми темпами развивалась экспансия США, которые в предвоенный период занимали весьма скромное место во внешней торговле Африки. По сравнению с 1937 г. экспорт в США в 1945 г. из Кении и Уганды увеличился в два с лишним раза, из Танганьики в 6 раз, из Бельгийского Конго более чем в 50 раз. В еще большем объеме расширились поставки США в перечисленные выше английские колонии, а также в Южно-Африканский Союз. Кроме того, следует отметить, что хотя американский импорт в Бельгийское Конго был в 1945 г. в ценностном выражении вдвое меньше, чем экспорт в США, но он более, чем в десять раз превышал довоенный импорт США в эту колонию. Значительно повысилась внешняя торговля Англии с французскими колониями в Африке и особенно с Бельгийским Конго.

Таблица 7

*Внешнеторговый оборот стран Африки**
(в млн. долл.).

	1929	1937	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Импорт	2737	1516	1159	1109	1228	1406	1109	1589	1817
Экспорт	2124	1386	1001	1008	1156	1182	940	1318	1537

* Источник: «Внешняя торговля капиталистических стран». М., 1952, стр. 14, 19.

Таким образом, послевоенная экспансия США в Африке была облегчена их проникновением в годы войны в колонии своих союзников. В последние годы войны экспансия Англии и США встретила известное сопротивление со стороны французских и бельгийских монополий. После изгнания гитлеровцев из Северной Африки США заняли господствующее положение в экспорте и импорте Алжира, Марокко и Туниса. Однако со второй половины 1944 г. положение изменилось. Ввоз из США в эти страны в результате мер, принятых французским Национальным Комитетом, значительно сократился.

Несмотря на серьезные транспортные затруднения значительно расширилась внешняя торговля между странами африканского континента. ЮАС стал крупным поставщиком и импортером товаров для Кении и Уганды, Нигерии, Танганьики. Увеличились экспортно-импортные операции Бельгийского Конго с ЮАС и британскими колониями.

В целом внешняя торговля, регулировавшаяся фактически монополиями через правительственный аппарат, велась в интересах обеспечения высоких прибылей. В результате введения лицензионной системы был резко уменьшен ввоз продовольствия и предметов потребления (сахара, мыла, текстильных изделий и т. д.). Нужды коренного населения игнорировались до такой степени, что миллионы африканцев в различных частях континента оказались на грани голода.

Изучение экономики Африки в годы второй мировой войны показывает, что в подавляющем большинстве отраслей хозяйства, связанных с внутренним потреблением, с внешней торговлей, влияние войны сказалось отрицательно. Усилился упадок сельского хозяйства, сократилась продукция ряда отраслей добывающей промышленности, значительно уменьшился подвижной состав железнодорожного транспорта.

Вместе с тем в военных условиях в связи с резким спросом на стратегическое сырье расширились некоторые отрасли добывающей промышленности. Сокращение внешней торговли и нехватка тоннажа способствовали переработке на месте сельскохозяйственных продуктов и возникновению ряда предприятий, преимущественно мелких, обрабатывающей промышленности. Значительно увеличилось и число лиц, работающих по найму. Изменение занятости населения явилось одной из основных причин увеличения городского населения, расширения внутреннего рынка и капиталистических отношений. Усилилась неравномерность экономического развития. Наибольший прирост промышленной продукции происходил в Южно-Африканском Союзе, наименьший — на колониальных территориях. Но во всех странах произошли значительные сдвиги и в расстановке классовых сил. Война вырвала миллионы африканцев из деревенского захолустья, из прямого подчинения вождям и полицейским. Тем самым расшатывались устои традиционных докапиталистических укладов, тщательно сохранявшиеся и использовавшиеся в своих интересах колонизаторами. В результате войны позиции феодалов и вождей были ослаблены. Ослабление связей с метрополией способствовало усилению позиций местной европейской буржуазии в таких странах, как ЮАС, Южная Родезия, Алжир, получившей возможность создавать новые предприятия, главным образом легкой и пищевой промышленности [19].

Обнищание крестьянства вследствие непомерных налогов и сборов, политики обязательных цен и применения принудительного труда сопровождалось расширением аренды земли и ростом численности сельскохозяйственного пролетариата. Некоторое оживление внутренней торговли, возросший спрос на продовольственные товары, спекуляция способствовали увеличению прослойки африканцев — землевладельцев кулацкого типа, занимавшихся ростовщической торговлей, посредничеством и применявших наемный труд. Увеличилось число владельцев мелких предприятий.

В отдельных колониях зажиточная прослойка коренного населения сумела, занимаясь торговлей, накопить значительные денежные суммы [20]. Увеличилось в деревне число кооперативов, занимавшихся преимущественно сбытом сельскохозяйственных продуктов.

Формирование рабочего класса в отдельных колониях шло более быстрыми темпами. У некоторых буржуазных авторов процесс пролетаризации вызывал тревогу. В вышедшей в 1944 г. книге, посвященной Африке, Генри Биду писал, что создание в городах черного пролетариата может представить социальную опасность [21].

Произошли существенные сдвиги и в составе рабочего класса. Выросла численность квалифицированных рабочих за счет поступлений из специальных профессиональных центров и школ, организованных колониальными властями в связи с нехваткой квалифицированных кадров [22]. По этой же вынужденной причине происходило некоторое ослабление «цветного барьера», что выразилось в допущении африканцев, хотя и в ограниченных размерах, к исполнению таких работ, которые раньше были привилегией только европейского рабочего. Увеличилась прослойка постоянных рабочих,

[19] Характерны жалобы местной европейской буржуазии в Южной Родезии, обвиняющей английское правительство в отсутствии конструктивной политики развития промышленности Южной Родезии.

[20] Наиболее сильны были позиции африканского торгового капитала в Западной Африке, но известные сдвиги имели место и в Восточной. В Кении в годы второй мировой войны, по свидетельству Коинанге, африканцы смогли скопить деньги от торговли (см. *М. Коинанге*. Говорит народ Кении. М., 1956, стр. 28). В Нигерии и некоторых других колониях появились компании со значительной долей африканского капитала. Таким образом, в деревне и в городе, хотя и весьма неравномерно (по отдельным странам) усилились позиции национальной буржуазии.

[21] *Henry Bidou*. L'Afrique, Paris, 1944, p. 402.

[22] По английским данным в Британской Западной Африке 5 тыс. африканцев в результате прохождения подготовки стали квалифицированными рабочими; в Британской Восточной Африке были организованы ремесленные школы, готовившие строительных рабочих (плотников и др.), а также школы железнодорожных машинистов.

порвавших связь с деревней. Количественные и качественные сдвиги, происшедшие в годы войны в африканском рабочем классе, усилили его роль и значение в национально-освободительном движении народов Африки в послевоенный период.

SUMMARY

Analysing the economic development of the African countries during the Second World War, the author arrives at the conclusion that the war had by no means brought about the industrialization of Africa, as some bourgeois economists claim. In reality, the development of the colonial economy was given a one-sided twist in the interests of the imperialist countries. The author refutes the thesis about the «favourable influence» of the war on the development of Africa's productive forces.

He analyses the changes which have taken place in the mining and manufacturing industries of some of the African countries, and in agrarian relations.

ИСТОРИЯ ШИВАГАНГИ *

(Из истории борьбы тамилов против установления господства англичан в южном Декане)

А. М. ПЯТИГОРСКИЙ

В Мадрасе на тамильском языке были опубликованы две рукописи, написанные на пальмовых листьях (ола), хранящиеся в библиотеке Мадурской Тамильской Санги[1]. Копии рукописей находятся в Мадрасской государственной библиотеке восточных рукописей. Рукописи представляют собой две хроники, одна из которых написана размером и в ритме кумми[2], другая как бы размером и в ритме амма́ней[3]. Хроники соответственно носят названия Кумми и Амма́ней.

Обе хроники написаны на разговорном тамильском языке (koṭuntamiḻ). В них имеется множество нарушений орфографии; ряд слов написан фонетически, например pettu вместо perṟu («получив»), marukaṉ—вместо maṟukaṉ—(«зять»). Некоторые слова, особенно личные имена и географические названия, даются в сокращениях, употребляемых в разговорной речи, например pāñcai вместо pāñcalāṅkurici. Весьма часто нарушаются тамильские правила сандхи. Иногда одно и то же слово дается в различном написании, так слово «наваб» пишется то как parāpu, то как navāpu или даже navāppu. Английские слова и особенно фамилии приводятся в сильно измененном виде, например фамилия Энью (Agnew) пишется как akkiṉiīu и т. д.

Лексика, в основном — тамильская, за исключением начала Кумми (посвящение и эпическо-мифологическая генеалогия), содержащего много санскритизмов. Имеется ряд слов, заимствованных из хиндустани и английского.

Обе хроники изданы без примечаний и без словаря устаревших слов, географических названий, личных имен и т. д., что несколько снижает ценность издания.

В хрониках рассказывается о маленьком государстве Шиваганга, которое в начале XVIII в. выделилось из царства Рамнад, о том, как в конце XVIII в. оба эти государства были разгромлены англичанами и навабом Карнатика, о героях — братьях Ма-

---

* Название города (и в прошлом — государства), находящегося в нескольких десятках километров северо-западнее Рамнада.

[1] «Sivagangai-c-carittira-kummiyum ammanaiyum». Ed. by T. Chandrasekharan. Madras, Government Press, 1954.

[2] Кумми (kummi) старинный танец тамильских девушек, при исполнении которого хлопаньем в ладони отбивается такт; в поэзии кумми — название стихов, размер которых соответствует ритму этого танца.

[3] Амма́ней (ammāṉai) — игра тамильских девушек, сопровождаемая ритмическими телодвижениями.

руду и полигаре[4] Каттапомму, возглавивших борьбу с англичанами. Об авторе хроники Кумми, некоем Мутту Шáми, почти ничего не известно, об авторе Аммáней — Муругéшане (иначе, Муругайяне), известно лишь из его стиха 119, что этот «рассказ о людях Ост-Индской компании» он написал в месяце Вайкáси (май — июнь) года Чáрвари (1840 г.)[5].

Есть некоторое различие в содержании обеих хроник. Аммáней более подробно излагает все, что связано с английскими завоевателями и их действиями против непокорных полигаров: «Песнь Аммáней расскажет историю о том, как к навабу с поклоном пришли компанейцы, и с войском победив Маруду, властителей славной Шиваганги в Теннагаре, эту землю отдали Кавури»[6]. Повествование в Аммáней ведется менее последовательно — это описание ряда иногда мало связанных между собой эпизодов, встречается много пропусков. Хроника Кумми по своему стилю несколько приближается к былине. Автор использовал народные сказания и песни о правителях Шиваганги и Паньджалангуриччи[7], которые еще до недавнего времени исполнялись в деревнях Тамилнада. В Кумми много неточностей, преувеличений и нарушений хронологии.

Автор Кумми — шиваит; он начинает свое повествование с традиционного посвящения (kāppu): «О том, как прославленный и могучий царь Кавуриваллан в прежние дни завладел городом Шивангангой, входящим в царство Сетунагар[8], о том, как пришли искусные в ведении войны компанейцы и победили несчастных братьев Маруду, обо всем этом поведаю я миру в своей песне Кумми, склоняясь к стопам Ганапати, сына Парвати, склоняясь к стопам Шивы Субраманьи, вызволившего солнце из темницы, куда его заточили враги»[9]. В конце хроники автор возвращается к ее содержанию, обращаясь к своим современникам: «В своей песне Кумми я расскажу о том, как в нашу землю пришли англичане, как войско повелителя наваба отняло сúму[10], о том, как те, кто выступили против них, были побеждены в бою, и о том, как это владение было отдано царю Кавури. И пусть говорящие на высоком тамильском (centamil) языке будут благосклонны и снисходительны, и с разумом в эту песню вникая, исправят погрешности моего повествования»[11].

Затем в традиционном мифологическом плане рассказывается история Сетупати — царей Рамнада:

125. Здесь расскажу я Кумми о городе Шиваганге.
Вначале, когда Диссурана[12], сын Рагураман[13],

---

[4] Полигар — искаженное тамильское «pāḷayakkāraṉ», буквально: «владелец пáлайяма». Пáлайям — участок земли или несколько деревень; право собственности на пáлайям было обусловлено управлением и поддержанием порядка в маштабах более обширного района, уплатой с этого района определенной дани и оказанием военной помощи со стороны полигара его сюзерену во время войны.

[5] См. *munnurai* (введение), p. VII—VIII *ammāṉai*, p. 262. Однако вопрос об авторстве обеих этих хроник остается еще совершенно неясным;

[6] *ammāṉai*, p. 105; компанейцы — служащие Ост-Индской компании (в хронике — kumpiṉiyār), Теннагар (буквально «южный город») — название Южной Индии.

[7] Владение, находившееся недалеко от Шиваганги.

[8] Рамнад.

[9] *kummi*, 1—10, p. 1.

[10] Сúма (тамил. cīmai. от скр. cīma — граница) — территория, граница, округ. В данном случае употребляется как обозначение земли, находящейся во владении какого-либо лица. Этот термин особенно часто встречался на юге в XIII—XVIII вв.; иногда им обозначалась Англия.

[11] *kummi*, p. 103—104.

[12] Дашарат, отец Рамы.

[13] Рама, потомок Рагу.

Разгромил демонов злых, ракшасов,
То славного Гуху[14] хранителем Сету[15]
И царем он сделал.

130. Тогда сорок восемь полигаров, вместе придя,
Поклонились Гухе и подчинились ему
По обычаю принеся мешочки с бетелем.
Так там впоследствии и правили Сетупати,
А владений полигаров стало уж семьдесят два[16].

Сетупати происходили из древнего рода Маравов, которые были позднее оттеснены Курумбами к самому югу Декана. Об этих древних Сетупати почти ничего не известно. О нескольких Сетупати, живших в XV в., например об Удейяне (1489—1490), упоминает Сьюэлл, но неизвестно, являлись ли они властителями Рамнада. Подлинная история Сетупати, по мнению Сьюэлла, начинается с 1604 г., когда мадурский найяк Муттукришнаппá (1602—1609) провозгласил царем Рамнада и «хранителем Рамешварама» одного из отпрысков древнего рода Марава — Сетупати, Садайяка Тéвар Удейяна (1604—1621), который стал предводителем семидесяти двух полигаров[17]. Как самостоятельное владение Шиваганга фигурирует уже в 1645 г., когда после воцарения Рагунатха Тéвара (иначе, Тирумала, 1645—1670) произошел первый раздел Рамнада, причем владетелем Шиваганги стал незаконный сын Садайяка Тéвара — Тамби Тéвар (иначе, Беттана найяк)[18]. Однако автор Кумми начинает историю Шиваганги лишь с первой четверти XVIII в. Как и в изложении истории Сетупати, здесь преобладает элемент легендарно-мифологический.

135. И вот один из полигаров, божественный Суварнатурей[19]
С пылом и рвением почитающий Шиву,
Сын владетеля Налькота
Женился на Акхиланда Ишвари,
Дочери Виджайяна[20], великого Сетупати.

140. Что царствовал в Рамнаде как Шива на Кайласе.
Дочь же в приданое, землю дающую шесть тысяч пон[21], получила.
И соединив эти земли с Налькотом,
Муж и жена так вдвоем правили...

150. Как-то раз, во время охоты в лесу Кудикоттей,
Сразив грозного тигра и оленя,
Этот красавец Суварнатурей,
Мучимый жестокой жаждой,
Метался по лесу в поисках воды.

155. Когда же этот могучий властитель,
Найдя озеро, жадно напился из него,
То там, на берегу озера

---

[14] Гуха, иначе Нишада, предводитель племени рыбаков и союзник Рамы.

[15] Сету — остров Рамешварам, где находится знаменитая шиваитская святыня, привлекавшая к себе многочисленнх паломников.

[16] *kummi*, p. 4.

[17] *R. Sewell*. Sketch of the Dynasties of Southern India. Archeological survey of Southern India, vol. II. Madras, 1884, p. 224.

[18] Там же, стр. 228.

[19] Он же Сасиварна, иначе Мутту Виджайя Рагунатха Перийя Удейяр; тамилы называли его еще Синна Вáдагей (cinna vāṭakai — «маленький надел» или «маленький доход»).

[20] Виджайя Рагунатха Тéвар, иначе Тирувудейя Тéвар (1709—1723) — седьмой Сетупати; Акхиланда Ишвари была его незаконной дочерью.

[21] пон (poṉ) золотая монета (kācu), в конце XVIII в. была равна $3^1/_2$ рупиям.

Явился ему один сидха, аскет.
Когда же царь, поднявшись посмотрел на него,
Отшельник, пристально взглянув на властителя,
Быстро отпрянул далеко в сторону,
Но тут же явился уже в образе тигра вéнгей.
И свирепо рыча, бросился на властителя.
Но и страшного тигра пред собою узрев,
Доблестный турей храбро стал против зверя.
Тигр же, прыгнув, тотчас назад отпрянул
И быстро мимо пронесшись, далеко это место обежав,
Вновь сидхой Ришабхой
Пред Суварнатурейем явился.
И своей рукой начертал на лбу его священным пеплом знак,
А также дал ему четки и жезл
И гирлянду Шивы на шею надел и сказал:
«Лишь только в положенное время пу́джу свершишь,
То куда ни пойдешь — везде тебе будет победа.
Враги не смогут противостоять тебе.
И лишь только ты пу́джу свершишь, преисполненный бхакти,
То везде, где захочешь, в мире править ты будешь,
Иди же!— Водоем здесь вырой и спуск к нему
По каменным ступеням устроив, в честь Шивы
Шиваганго́й назови это место, а к юго-западу от него
Царский дворец и крепость построй,
А к юго-востоку — несомненно
Храм Шивы выстроить ты должен».
Божественный совет тот сидха дав,
Исчез,— и по его совéту сделав все,
С тех пор Суварнатурей царствовал счастливо,
Землей владея, что шесть тысяч пон давала.
Теперь же расскажу я о делах, которые в Рамнаде
Творились, пока тот счастливо Шиваганго́й правил.
Сын Сетупати, от наложницы рожденный,
Бхава́ну Шанкара[22] Сетупати,
Виджайяна с престола свергнув,
Славное владенье его отобрал.
Дочь же Виджайяна, не пав духом,
Пришла искать убежища к Акхиланда Ишвари.
Узнав, что тестя лишили си́мы,
Зять Виджайяна, властитель Суварнатурей
Разгневался подобно Бхиме[23].
А когда он возьмет в руки саблю и пику,
То уж вовсе становится человеком необыкновенным.
И вот, в Танджурскую си́му придя,
Где уже собралось несметное войско,
Храбро сражаясь, решил он си́му тестя назад отобрать[24].

Столь же красочно описывает хроника поход Суварнатурейя и царя Танджура на Рамнад и возвращение си́мы законному наследнику. В связи с некоторыми неточностями, содержащимися в приведенном отрывке, полезно дать краткую историко-хронологическую справку об этом периоде истории Рамнада и Шиваганги. В начале XVIII в. Сетупати считались вассалами навабов Карнатика. Два первых наваба были назначены непосредственно Аурангзебом. После смерти последнего в 1707 г. третий наваб, Мухаммед Са́адатулла-хан находился в зависимости от первого низама[25] и правил с 1710 по 1732 г. Это был период распада империи Моголов, все возрастающего соперничества между низамом и маратхами и начинавшегося проникновения на юг Декана англичан. Между мелкими государствами и владениями навабства шла постоянная борьба. Само образование государства Шиваганга было тесно связано с междоусобицей в Рамнаде. С 1709 по 1723 г. в Рамнаде правил Виджайя Рагунатха Тéвар, приемный сын Рагунатха Тéвар Килавана (1673—1708). Владетель Налькота полигар Суварнатурей был женат на Акхиланде Ишвари, незаконной дочери Виджайя Рагунатха Тéвара. Последний назначил своим наследником представителя боковой ветви — Та́ндар Тéвара (1723—1724), который вскоре был убит. Престол узурпировал незаконный сын Рагунатха Тéвар Килавана — Бха́вану Шанкара, стремившийся стать в си́ме неограниченным повелителем и преследовавший наиболее самостоятельных полигаров. Спасаясь от притеснений узурпатора, полигар Суварнатурей бежал в Танджур, где снискал дружбу правителя Сарфоджи I (1711—1729), принадлежавшего к Танджурской ветви маратхской династии Бхонсле[26]. В Танджуре тогда находился и Кутта Тéвар (иначе, Кумара Мутту Виджайя Рагунатха) законный претендент на престол Рамнада. Все трое, объединив свои силы, выступили против Бха́ванy Шанкара и свергли его. Но Кутта Тéвар получил престол ценой второго раздела Рамнада (1728 г.). Новый Сетупати отдал царю Танджура земли, расположенные на севере страны; два из пяти оставшихся владений получил Суварнатурей, из них и было образовано новое государство со столицей в Шиваганге.

Далее в хронике описываются подвиги Суварнатурейя, подчинившего себе многих полигаров. Еще при жизни он передал правление своему сыну Натхендра Турей. Большую роль в управлении государством играл первый министр (прадха́ни) Тандаварайян.

В хрониках рассказывается также о событиях, происходивших в Шиваганге и Рамнаде уже во второй половине XVIII в. Но прежде, чем перейти к этому разделу хроник, необходимо вкратце рассказать о событиях, происходивших в Декане, в связи с которыми и на фоне которых проходила борьба мелких государств и владений юга за самостоятельное существование. Ставленник низама наваб Анвар-уд-дин (1744—1749) оказался союзником англичан в первой (1746—1748) и во второй (1749—1754) карнатикских войнах уже в силу того, что ряд его территорий был захвачен французами. Легкая победа последних над войском наваба, так же как и последующее возвращение французами Мадраса англичанам (1749), сделали наваба игрушкой в руках губернатора и мадрасского совета. После разгрома французов в третьей карнатикской войне (1756—1763) английские колонизаторы стремились не только сокрушить Майсур, но и захватить ряд входивших в навабство территорий юга. Сын Анвар-уддина, Мухаммед Али, был послушным орудием англичан в борьбе с низамом, Хайдером Али и их союзниками. Именем наваба англичане в 1767 г. захватили Танджур, где в то время правил Тулджаджи. В 1749 г. Ост-Индская компания перестает уплачивать навабу арендную плату за Мадрас, а с конца семидесятых годов сильно задолжавший английским властям наваб передает им право сбора налогов с некоторых своих владений.

В 1760 г. Сетупати Рамнада стал Мутту Рамалинга Тéвар, который пытался править независимо от англичан и наваба. Тогда наваб послал в Рамнад свое войско, а в 1773 г. отряд Сетупати был разбит генералом Джозефом Смитом, и с 1773г. по 1780 г. Рамнадом управлял сам наваб. Это вызвало возмущение полигаров, у которых Сетупати пользовался известным влиянием, и в 1780 г. наваб был вынужден возвратить престол изгнанному Сетупати. Примерно в это время вся власть в Шиваганге сосре-

---

[22] Девятый Сетупати (1724—1729).
[23] Один из персонажей Махабхараты.
[24] *kumni*, p. 5.
[25] Асаф Джах (Чин Килич-хан) Низам уль-Мульк был в 1713 г. назначен субадаром (наместником) Декана и правил в Хайдерабаде с 1713 по 1748 г.
[26] *R. Sewell.* Указ. соч., стр. 229, 230, 237.

доточивается в руках двух храбрых и способных сыновей прадха́ни Тандаварайяна, братьев Маруду, не пожелавших подчиниться навабу и английским захватчикам. Они перестали платить дань навабу, полностью прекратили внутреннюю смуту и навели порядок в управлении государством.

Так, с твердостью славный герой Маруду старший
И доблестный муж Маруду младший разумно
И согласно воле царя и царицы вместе си́мой управляли.
А сахибу навабу из дани, что была положена,
Ни единой монеты не платили и
Всю страну вокруг заставили дрожать.
И властвуя в своей си́ме
Столь грозны были братья Маруду,
Что наваб с них дани и требовать не смел
А в си́ме таков был порядок, что если поймают вора
Иль разбойника, то руки и ноги ему отрубают.
И если даже небольшое преступление кто совершит,
То по приказу братьев, надвое того разрубали.
И храмы они возводили и места паломничества
Охраняли и строили караван-сараи.
И прочие богоугодные дела совершая,
Так правили [27].

Возможно, что наваб не решался силой добиваться уплаты дани государством Шиваганги, ибо для него и для англичан положение в то время складывалось весьма неблагоприятно. Союз маратхов, Хайдера Али и низама (1778), а затем активные действия Хайдера Али и Типу в начале восьмидесятых годов поставили под угрозу самое существование Мадрасского президентства и карнатикского навабства. В этих условиях ссориться с непокорными вассалами было явно несвоевременно. Однако последующий распад этого союза и результаты третьей англо-майсурской войны (1789—1792) укрепили позиции английских властей и наваба. Этим, возможно, и были вызваны те меры, которые в начале девяностых годов решил предпринять наваб для подавления коалиции Шиваганги, Рамнада и Панджалангуриччи:

О делах, что творились в Мадрасе у наваба,
Теперь я расскажу.
Наваб, что правил Мадрасом
И всем великим навабством,
И всю страну в руках держал
И дань получал от вассалов,
Спросил раз Карупана, своего министра:
«А есть ли владетели си́м, что дани навабу не платят?
А если есть, то кто они?»
На этот вопрос с почтением так Карушпан Пиллай отвечал:
«Рамнад, могучего Сетупати владенье
И в союзе с ним Шиваганга
И Паньджей, которой Каттапомму владеет.
От этих трех владетелей дани нет, остальные же все платят.
И коль скоро они, по своей доброй воле не заплатят,
То как предателей, мечу их надо предать» он сказал [28].

Затем в Кумми следует исключительно интересное описание того, как к навабу явились служащие Ост-Индской компании и предложили ему людей, оружие и боеприпасы для покорения этих трех владений. За это они попросили участок земли для фактории. Этот фантастический и весьма колоритный эпизод хроники основан на реальном факте поддержки компанией наваба в конце XVIII в. Только автор хроники

[27] *kummi*, p. 10—11.
[28] *kummi*, p. 11.

связал его с имевшим место значительно раньше фактом основания англичанами фактории и крепости в Мадрасе на участке земли, арендованной у раджи Чандрагири в 1639 г. В конце XVIII в. наваб должен был в счет погашения своего долга Ост-Индской компании передать ей право сбора налогов с ряда округов. Возможно, что три мятежные владения входили в число земель, право сбора налогов с которых было предоставлено компании.

Вот сцена, рассказывающая о приходе англичан к навабу:

Владыка земли, сахиб наваб
Разгневался страшно на тех трех царей
И как раз в то время пред очи его
Компанейцы явились, прикинувшись,
Что они де только купцы и ничего больше.
А когда наваб, их увидя, спросил: «Вы откуда,
И что вас ко мне привело?
И какое у вас ко мне дело?»— они отвечали:
«О царь, мы купцы,
Мы пришли, чтоб твое получив разрешенье,
Здесь торговлю вести»— .....

И далее:

Поклонившись навабу, сказали: «Послушай,
Вот список товаров, которые мы тебе готовы продать.
Здесь есть и пушки, и ядра, и ружья, и пистолеты,
И пули, и порох».....
. . . . . .
«Да любые товары, какие захочешь.
Все тебе привезем»,— так они сказали.
«Только дай нам место, чтоб там поселиться
Немного, совсем немного нам места нужно»,— сказали
«Где захочешь, там место нам дай.
Очень уж место нам нужно»,— сказали.
«Да мы будем рады, если у берега моря
Хоть с баранью шкуру участок нам дадут».
Наваб согласился и земли, что просили, им дал,
Да не с «баранью шкуру»
Было там земли.
А две мили с севера на юг,
Да столько же с запада на восток
Участок земли отмерили и огородили
Поставили там четыре склада и караван-сарая.
И таким-то образом землю получив
Англичане форт возвели и флаг свой подняли.
И крепость построив,
С четырех сторон стеной обнесли [29].

В Амма́ней подробно рассказывается о схватке отрядов Шиваганги и наваба при Мангаламе [30]. После того, как владетель Мутту Вадуга Натхендра был убит, братья Маруду стали править си́мой от имени соправительницы Велулага Мада [31] и в союзе с Рамнадом и Паньджалангуриччи продолжали храбро бороться с английскими отрядами [32].

Последние несколько раз терпели поражение, они потеряли несколько пушек, были убиты их офицеры Нийл и Сэливэн. В хронике упоминается

[29] *kummi*, p. 12
[30] *amma̲nai*, p. 123.
[31] Там же, стр. 127.
[32] Там же, стр. 117, 147.

также о непосредственной связи правителей Шиваганги с Хайдером Али и Типу Султаном[33]. С начала 90-х годов подкупами и угрозами англичанам удалось натравить ряд полигаров на союз трех владений. При этом они использовали личную вражду владетеля Кавури к вождям этого союза. Кавури постоянно доносил губернатору и навабу о действиях их противников и сам несколько раз сражался с Маруду и Сетупати, от которых в 1794 г. потерпел поражение в битве при Анандуре[34]. Междоусобица очень ослабила Рамнад, и в 1794 г. колонизаторам удалось вторично лишить престола четырнадцатого Сетупати, Мутту Рамалинга Тéвара. Они выслали его вместе с семьей в Тричинополи, а затем в Мадрас, и Рамнадом стали управлять служащие Ост-Индской компании[35]. Затем компания нанесла удар по Паньджалангуриччи, война с которым велась непрерывно с 1792 г. Против владетеля Паньджалангуриччи Каттапомму[36] был послан отряд во главе с коллектором Джексоном. Экспедиция эта успеха не имела и Джексон был отозван. Его заменил Вашингтон, однако и он потерпел поражение. И лишь майору Баннерману удалось осадить центр полигарства — Панджалангуриччиккоттей[37]. Каттапомму и его брат Умейян сумели бежать. Баннерман назначил большой выкуп за их головы. Раджа княжества Пудукоттей, Райя Виджайя Рагунатх (1789—1807), предоставил им убежище, чтобы затем выдать их английскому отряду. Узнав о коварных планах раджи, Умеян бежал к братьям Маруду. Каттапомму же был предательски выдан англичанам. По приказу мадрасского губернатора его судили и повесили в присутствии всех полигаров[38]. Народ сложил о Каттапомму много песен и сказаний, в которых воспевается его героическая борьба с англичанами[39].

После разгрома союзников братья Маруду продолжали бороться одни, однако силы их быстро иссякли и вскоре они были разбиты в Калияркойле. Оба брата скрылись в лесу, но младшего выдал англичанам его телохранитель, а старший, мучимый голодом, сам покинул лес. Обоих захватил отряд Энью. В конце Аммáней описывается горькая встреча братьев в плену[40]. Затем оба брата были повешены (по-видимому в середине или в конце 1801 г.). Впоследствии была убита также большая часть их родственников.

Таково, вкратце, содержание этих двух исторических хроник, повествующих о преисполненной драматизма героической борьбе маленьких государств Тамилнада в конце XVIII и начале XIX в. против английских завоевателей.

---

[33] *ammanai*, p. 140.

[34] Там же, стр. 171.

[35] Там же, стр. 180; см. также *R. Sewell.* Указ. соч., стр. 231; англичане управляли Рамнадом до 1802 г., с 1803 г. по 1812 г. им правила сестра четырнадцатого Сетупати — Мангалишвари.

[36] Полигар Каттапомму, иначе Вирапандийян, происходил из древнего рода, пришедшего из Андхры. См. «*kalaikkaḷañciyam*» (Тамильская энциклопедия), III. Ceṉnai (Мадрас), 1955, p. 36.

[37] Г. Валенсия относит разгром этого полигарства к началу 1801 г. и говорит, что в это время армия братьев Маруду насчитывала 20 тыс. человек, вооруженных мушкетами и копьями; он же сообщает, что английскими отрядами командовали Энью и Маколей. См. *G. Valentia*, viscount. Voyages and travels to India, Ceylon, the Red See etc, vol. I. London, 1809, p. 366—367.

[38] Там же; см. также *ammāṉai*, p. 198.

[39] Особый интерес представляет опубликованный в 1931 г. в Мадуре «Рассказ о Каттапомму из Паньджалангуриччи» pāñcaḷāṅkuricci kattapommu turai katai. maturai, 1931.

[40] *ammāṉai*, p. 221—256.

SUMMARY

The article in question recounts the substance of two Tamil chronicles (Civagangai-c-carittira kummi-y-um ammānai-y-um) written at the beginning of the 19th century and published recently at Madras. The chronicles describe the unequal struggle conducted by Sivaganga and other small states in South Deccan against the British invaders and the Nawab of Karnatik at the end of the 18th and beginning of the 19th century. They contain some interesting facts from the history of the Sivaganga and Ramnad. The article contains translations from Tamil of some of the most characteristic episodes mentioned in those chronicles, with an historical commentary.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯПОНЦЕВ О РОССИИ XVIII ВЕКА

В. М. КОНСТАНТИНОВ

В отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранятся три японские рукописи конца XVIII — начала XIX в.: «Оросиякоку суймудан» (魯齊亞國睡夢談), «Канкай ибун» (環海異聞) и «Бандан» (談薈).

Рукописи были приобретены около пятидесяти лет тому назад для Владивостокского Восточного института проф. Спальвиным у букиниста в г. Киото[1]. После того как Институт закрыли, рукописи передали в Ленинскую библиотеку. До настоящего времени они не только не переведены полностью, но и не использованы в подлинниках. Две из них, очевидно, мало известны и в Японии. Лишь «Канкай ибун» упоминается в японском библиографическом указателе «Кокусё кайдай» (國書解題), цитируется в работах известного исследователя истории внешних отношений Японии Табохаси Киёси и приводится в «Цуко итиран» (通航一覽), о других двух рукописях упоминаний в японской литературе нет[2]. Между тем содержание этих исторических памятников представляет большой интерес как для лиц, занимающихся изучением истории русско-японских культурных, экономических и дипломатических отношений, так и для тех, кто изучает историю России, особенно ее восточных окраин — Камчатки, Якутии, Сибири, историю Японии, историю путешествий и географических открытий. Документы эти позволяют также уточнить или проверить некоторые факты, сведения о которых черпались не из первоисточников.

Ниже дается краткое сообщение о каждом из рассматриваемых документов.

I

Первая, наиболее ранняя по времени (конец XVIII в.), рукопись носит название «Оросиякоку суймудан», что в дословном переводе значит «Рассказ со сна о России», или «Сонный бред о России»[3]. В начале рукописи дается пояснение такому названию: «Сия рукопись, как то указано в заглавии, есть запись рассказов со сна. В этих рассказах имеется и такое, что стоит послушать, а коли что окажется и не так, то отнеситесь к этому, как к разговору со сна, и не упрекайте за него».

Рукопись состоит из двух томов (тетрадей), общим объемом 136 страниц и делится на пять глав. В первом томе, обозначенном на обложке иероглифом 本 (*хон*, или *мото*,— 'основной', или 'первоначальный'), — две главы (50 стр.), во втором, обозначенном иероглифом 末 (*суэ* 'заключительный') — три главы.

[1] См. примечания Спальвина в книге: *Симмура*. Возникновение японо-русских отношений. Владивосток, 1916, стр. 7. Оксилограф «Канкай ибун» имеется также в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения АНСССР.

[2] В разделе, посвященном Кодаю и Исокити, к которым относится одна из рукописей, Табохаси в работе «История внешних отношений Японии нового времени» ссылается на «Записки о возвращении на родину унесенных морем Кодаю и Исокити», но не упоминает «Оросиякоку суймудан».

[3] Спальвин дает вольный перевод этого заглавия: «Сенсационные рассказы о России» (*Симмура*. Указ. соч., стр. 7).

Дата составления рукописи не указана, но может быть установлена на основании следующего косвенного указания в тексте: «Случилось это тринадцать лет тому назад, 13 дня двенадцатого месяца первого года царствования Тэммэй, в год Быка-каното...»[4]. Поскольку первый год Тэммэй, или — по циклическому летоисчислению, «год быка — младшего брата металла», соответствует 1781 г. по европейскому летоисчислению, то можно полагать, что эта рукопись была составлена в 1794 г. На 1794 г. указывает также помещенный в конце рукописи документ, обозначенный шестым месяцем года тигра.

Текст написан тушью при помощи кисти на тонкой, полупрозрачной японской рисовой бумаге, сложенной вдвое, как это было принято в старинных японских книгах. Местами бумага попорчена червем.

В основном рукопись написана скорописью (сосё), иногда переходящей в полускоропись (гёсё), и хэнтайганой, только надписи на рисунках и оглавления написаны несокращенной формой иероглифов (кайсё).

Наличие в ряде мест фуриганы (указания чтения иероглифа слоговой азбукой) позволяет уточнить чтение собственных имен и терминов во время составления документа. Так, например, корабль, на котором отплыли из Японии Кодаю, Исокити и другие японцы, о которых идет речь в рукописи, в ряде работ на русском языке (Д. Позднеева, С. Новаковского и др.) называется «Синсё-мару», согласно «онному», или «китайскому» чтению иероглифов 神昌丸. Между тем из рассматриваемой рукописи следует, что корабль этот в то время назывался не «Синсёмару», а «Камиясу-мару», именно такое чтение иероглифов указано слоговой азбукой.

В рукописи рассказывается о пребывании капитана японского корабля «Камиясу-мару» Дайкокуя Кодаю и матросов Исокити и Коити в России и о возвращении их в Японию с экспедицией Адама Лаксмана. В конце 1781 г. они вместе с другими членами экипажа этого корабля отправились с грузом риса из гавани Сирако провинции Исэ (Сейсю). В открытом море их корабль настиг тайфун, бурей сломало мачту и руль, и после нескольких месяцев скитания по Тихому океану они были выброшены на остров Амчитка (один из Алеутских островов). Через четыре года с Алеутских островов они попали на Камчатку, оттуда в Охотск, затем в Якутск и, наконец, в Иркутск. В Иркутске они прожили около года, а затем при содействии известного в то время ученого Кирилла (Эрика) Лаксмана уехали в Петербург, где получили аудиенцию у Екатерины II и разрешение вернуться на родину. В 1792 г. они были доставлены из Охотска в Японию на бригантине «Екатерина» с экспедицией поручика Адама Лаксмана, сына Кирилла Лаксмана.

По своему характеру рукопись может быть разделена на три части.

1. Последовательное описание со слов Кодаю и Исокити всего, что с ними произошло и что они видели во время пребывания на Алеутских островах и Камчатке, в Охотске, Якутске, Иркутске и Петербурге; 2) протокольная запись допроса Кодаю и Исокити во время аудиенции у сёгуна Японии Токугава Иэнари; 3) копии документов, относящихся к экспедиции Лаксмана и возвращению Кодаю и Исокити в Японию (грамота, выданная японскими властями Лаксману, грамота о награждении Кодаю и Исокити, опись вещей Коити, переданных после его смерти в храм Хосёдзи в Сирако, и т. д.).

В рукописи имеется восемь рисунков, сделанных тушью и раскрашенных акварельными красками, и карта Японии, Эдзо (ныне Хоккайдо), Курильских островов, побережья Охотского моря, Кореи и Маньчжурии. Сахалин представлен на карте в виде полуострова. На одном из рисунков, изображающем, как гласит надпись, «русского, то есть московита, Семена Трофимовича (?), жившего в шестом году Тэйм-

[4] Год Быка-каното, или «год быка — младшего брата металла»— циклическое обозначение года, существовавшее в Японии до 1873 г., месяц и число указаны по лунному календарю, принятому в то время в Японии.

мэй, в году лошади знака Хиноэ (т. е. в 1786 г.— *В. К.*) на острове Этороп (Итуруп)», указано, что карта «островов, примыкающих к Эдзо»[5], составлена с его слов. На других иллюстрациях изображены: а) русский купец с мальчиком-слугой, б) Кодаю и Исокити, в) Кодаю с переводчиком (рис. 1), г) капитан русского корабля, д) русский корабль (по-видимому, бригантина «Екатерина», на которой Адам Лаксман доставил Кодаю, Исокити и Коити в Японию), е) русский чиновник, и ж) житель Охотска.

Во время своего пребывания в России, Кодаю и Исокити ознакомились со многими сторонами жизни не известной им до этого страны и по возвращении в Японию рассказали своим соотечественникам о климате, природных богатствах и сельском хозяйстве России, о быте, культуре, религии и обычаях народа. Так, Кодаю и Исокити сообщают, например, о том, что в России «крупные богачи имеют до двух тысяч голов скота», а крестьяне ежегодно «платят подать мясом животных и птиц». С большой теплотой Кодаю и Исокити отзываются об отношении к ним в России, о «милостях», которыми они «были осыпаны».

Подробно описана аудиенция, данная Кодаю и другим японцам Екатериной II, и дворец, который она разрешила им осмотреть.

Особый интерес представляет раздел рукописи, посвященный аудиенции, которую Кодаю и Исокити получили у сёгуна Токугава Иэнари 18 дня девятого месяца пятого года Кансэй (1793 г.) (по-видимому, уже после отъезда Адама Лаксмана из Японии)[6].

В этом разделе приводится протокольная запись опроса Кодаю и Исокити во время приема. Японское правительство придавало большое значение этой беседе, о чем свидетельствует имеющаяся в рукописи схема, на которой приводятся данные об участниках аудиенции и указывается, где сидел каждый из них. Такое подробное освещение этого события говорит о том, что правительство Японии, несомненно, интересовалось Россией. По заданным Кодаю и Исокити вопросам можно судить о том, что именно его интересовало, что было уже известно о России и какие из полученных японским правительством от голландцев сведений о ней не соответствовали действительности. В своих ответах Кодаю рассказывал о том, что он лично видел в России и опровергал составившиеся у правительства неверные представления об этой стране.

На вопрос, знают ли в России Японию, Кодаю ответил утвердительно и сказал, что видел книги о Японии и карты Японии, составленные в России. Таким образом, рассказ Кодаю опровергает утверждения некоторых европейских ученых о том, что в России того времени не знали Японию. В частности, Кодаю подчеркнул, что в России хорошо известны такие японские ученые, как придворный врач Кацурагава Хосю или Яманака Даюнъан, и что «Кикуро» (искаженное в японском тексте имя Кирилла Лаксмана) прислал им письма и лекарственные травы. Вильгельм Лагус в своей книге о Кирилле Лаксмане сообщал о том, что Лаксман отправил с бригантиной «Екатерина» три письма «к японским ученым в Едо», добавляя при этом, что «имена их неизвестны»[7]. Сообщение Кодаю не оставляет теперь сомнения в том, что этими учеными были Кацурагава Хосю[8] и Яманака Дзюнъан. В этой связи следует отметить, что на

[5] Очевидно, имеются в виду Курильские острова.— *В. К.*

[6] Лаксман оставил берега Японии 5 августа ст. ст. 1793 г. См. *С. И. Новаковский* Япония и Россия. Токио, 1918, стр. 56.

[7] *Вильгельм Лагус.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Пер. с шведск. Э. Паландера. Издание Императорской Академии наук. СПб., 1890, стр. 245—249.

[8] Кацурагава Хосю (1751—1809) — врач-хирург голландской школы, с 19-летнего возраста был лейб-медиком сёгуна, унаследовав эту должность от отца. В связи с возвращением в Японию Кодаю и Исокити составил справку о России «Оросияси» («Записки о России»), для которой использовал голландские источники. Сопровождал Кодаю и Исокити в Мацумаэ (Мацмай). Энциклопедия «Даихякка дзитэн» 大百科事典 1933, т. 5, стр. 269.

аудиенции у сёгуна среди прочих придворных присутствовал и Кацурагава Хосю, ему и Таки Эйдзюин был поручен опрос Кодаю и Исокити. Относительно Яманака Дзюнъан в рукописи имеется примечание, что он был врачом в провинции Вакаса, но «умер несколько лет тому назад», и что в России его, по-видимому, «неправильно принимали за правительственного врача («канъи»)».

Отвечая на вопросы, Кодаю подробно, со знанием дела, рассказал, как в России делают стекло, ткут сукно, варят вар, какие в России мельницы, каков климат, обычаи, религиозные обряды и т. д. На вопрос, не было ли ему дано каких-либо поручений из России, он очень убедительно стал говорить о желании России установить с Японией добрососедские отношения и торговлю. Он так хорошо отзывался об отношении в России к нему и другим японцам, что ему задали вопрос, почему же он в таком случае пожелал вернуться в Японию. На это Кодаю ответил, что тосковал по родине, по оставшимся в Японии родным, японскому быту и т. д.

Как указано выше, никаких ссылок на эту рукопись в имеющихся японских источниках не обнаружено. Правда, в «Материалах по истории Северной Японии...» Д. Позднеев цитирует перевод выдержек из записи опроса Кодаю и Исокити, приводимой в «Хоккайдосико» Окамото Рюноскэ. Выдержки эти в основном совпадают с протокольной записью, приведенной в «Оросиякоку суймудан», однако имеется и ряд расхождений. Так, у Позднеева приводится следующее место из «Хоккайдосико»: «Все бывшие в обладании Коити вещи: платья, мебель и пр., всего 49 вещей, вместе с предметами, увезенными еще из Японии, были пересланы вдове. Это мы можем назвать благодеянием мирного правления»[9]. В рукописи же сказано: «Семья Коити с благодарностью приняла эти вещи, однако, как бы их не скрывали в частном доме, все же пришлось ради спасения души Коити передать всю означенную выше одежду и прочие вещи Коити в храм Хосёдзи в селе Минамивакамацу (в районе) Сиракопровинции Сэйсю (Исэ.— *В. К.*), где жил Коити, что и было сделано, и с тех пор эти вещи стали достоянием этого храма». Сообщение рукописи выглядит более правдоподобно, поскольку жителям Японии в то время строго запрещалось пользоваться вещами иностранного происхождения. Вероятно, в «Хоккайдосико» приводятся выдержки из другого списка «Оросиякоку суймудан», но с искажениями, вкравшимися при переписке или переводе. Ввиду отсутствия «Хоккайдосико» на японском языке сличить рукопись с цитатами из нее в означенной работе пока не оказалось возможным.

II.

Вторая рукопись «Канкай ибун» — «Необыкновенные рассказы о кольце морей»[10] Эта рукопись повествует о приключениях другой группы японцев, корабль которых «Вакамия-мару», следовавший из Сэндая в Эдо, был унесен на Алеутские острова в пятом году Кансэй (1793 г.), т. е. примерно через год после возвращения в Японию Кодаю и Исокити.

Четыре человека из этой группы Цудаю, Гихэй, Сахэй и Тадзю (или Тадзюро) через десять лет вернулись в Японию с посольством Резанова (1803). Рукопись была составлена в конце 1805 — начале 1806 гг. главным врачем при Сэндайском правительстве Оцуки Мосицу и Симурой Кокё на основании показаний Цудаю, Сахэй, Гихэй и Тадзюро и других материалов. В 1807 г. Оцуки Мосицу составил послесловие или комментарии к этой рукописи.

Вся рукопись, включая послесловие (отдельная тетрадь), состоит из семи томов Пять из них — подлинные рукописи, приобретенные Спальвиным у букиниста, а два первых тома представляют копии, снятые с оригиналов, хранящихся в Киотосском университете. Общий объем рукописи — 1054 страницы. Она включает пятнадцать пронумерованных глав (первые пять томов), один том, главы которого не нумерованы,

[9] *Д. Повднеев.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Иокохама, 1909, т. II, ч. II, стр. 88.

[10] Спальвин переводит название этой рукописи, как «Странные вести по объезду морей». *Симмура.* Указ. соч., стр. 7.

и послесловие. Написана рукопись в основном скорописью (см. рис. 2), местами — полускорописью. Имеется много цветных иллюстраций и карт.

В первой главе описывается, со слов Цудаю и других, как они в 1793 г. потерпели кораблекрушение и попали на Алеутские острова, что они там видели. Во второй главе продолжается описание жизни на Алеутских островах, встреча с кораблевладельцем «Эсторас Иванович Гарароф», возможно, здесь идет речь о Евстрате Ивановиче Королеве и о том, как они с ним прибыли в 1795 г. в Охотск. Описывается жизнь в Охотске и дорога в Якутск. В третьей главе рассказывается о приезде в Якутск и отъезде в Иркутск (в Иркутск прибыли в начале 1796 г.), о жизни в Иркутске. Интересно описание встречи с японцем из провинции Исэ, принявшим русское имя и фамилию — Николая Петровича Колотыгина, и с Токороковым (Тугоруковым?), которые были переводчиками с японского языка. Приводится много сведений о быте и нравах русских. Четвертая глава повествует об употребляемой в России пище, а также об одежде русских. Рассказывается, как там пекут хлеб, приготовляют мясные и другие блюда, о водке, табаке. Пятая глава сообщает сведения о религии, церквах, обрядах, святых, крестинах, свадебных обрядах. Шестая глава содержит описание похорон, праздников, административных и военных учреждений, вооружения, мер пожарной охраны. Много места отведено рассказу о существующих в России чинах и рангах, размере жалованья чиновников и офицеров, о суде, наказаниях, тюрьмах, о денежной системе. В главе седьмой — о земледелии, торговле, медицине, естественных богатствах, флоре и фауне, приводятся данные о системе мер и весов, счета, о музыкальных инструментах. Глава восьмая представляет собою нечто вроде русско-японского словаря, в нее включены слова, относящиеся к атмосферным явлениям, астрономии, географии; русские названия различных государств и сведения, имеющиеся о них в России, названия времен года, месяцев, времени суток и т. д., при этом русские слова написаны японской слоговой азбукой. Глава девятая носит название «Записки о поездке из Иркутска в Петербург» (伊爾歌都蛤發軫伯多珠蒲爾孤道中記). В главе десятой рассказывается об аудиенции у Александра I и дальнейших событиях (в тексте несколько листов вырезано, по-видимому, бритвой, о чем есть пометки в карточке). В главе одиннадцатой — о пребывании в столице: описываются улицы, сады, магазины, театры, петровская кунсткамера. В главах двенадцатой и тринадцатой рассказывается о возвращении в Японию с экспедицией Резанова, в главе четырнадцатой — о прибытии в Нагасаки, высадке на берег и дальнейших событиях. Здесь помещен портрет Резанова в полный рост с пояснительными надписями (см. рис. 3), изображение солдата из свиты Резанова, русской военной формы и т. д.

Глава пятнадцатая называется «Разное». В ней приводятся дополнительные сведения географического характера, сведения о лицах, бывших на корабле с Резановым, карта озера Байкал и окружающего его района, на которой изображены также реки Селенга, Лена, Витим, г. Иркутск (рис. 4).

Шестой том рукописи содержит: 1) подробные сведения о всех японцах, бывших на корабле «Вакамия-мару» во время его отхода из Японии (всего 16 человек), список вещей, принадлежавших четырем японцам, возвратившимся в Японию; 2) перевод документов, представленных Резановым, грамота, выданная Лаксману, а также переписка по поводу посольства Резанова, в частности перевод скрепленного подписью Воронцова послания Александра I от 30 июня «третьего года царствования А—I»; 3) перечень земель и городов, принадлежащих России; 4) прочие сведения о России; маршрут корабля.

Седьмая книга — послесловие — дает комментарии и справки ко всей работе, подписано Оцуки Мосицу, 1807.

III.

Третья рукопись «Бандан», или «Рассказы о варварах», т. е. иностранцах, содержит запись рассказов японских моряков, главным образом о России. В ней имеются сведения также об Америке, Сандвичевых островах, английских владениях. Запись

Рис. 1. Кодаю с переводчиком

Рис. 3. Портрет Резанова

大八車ヲ猫ヲ乗ヲ猫ヲ猫ノ雪ヲ積ル此
ヲ猫ヲ猫ヲ猫

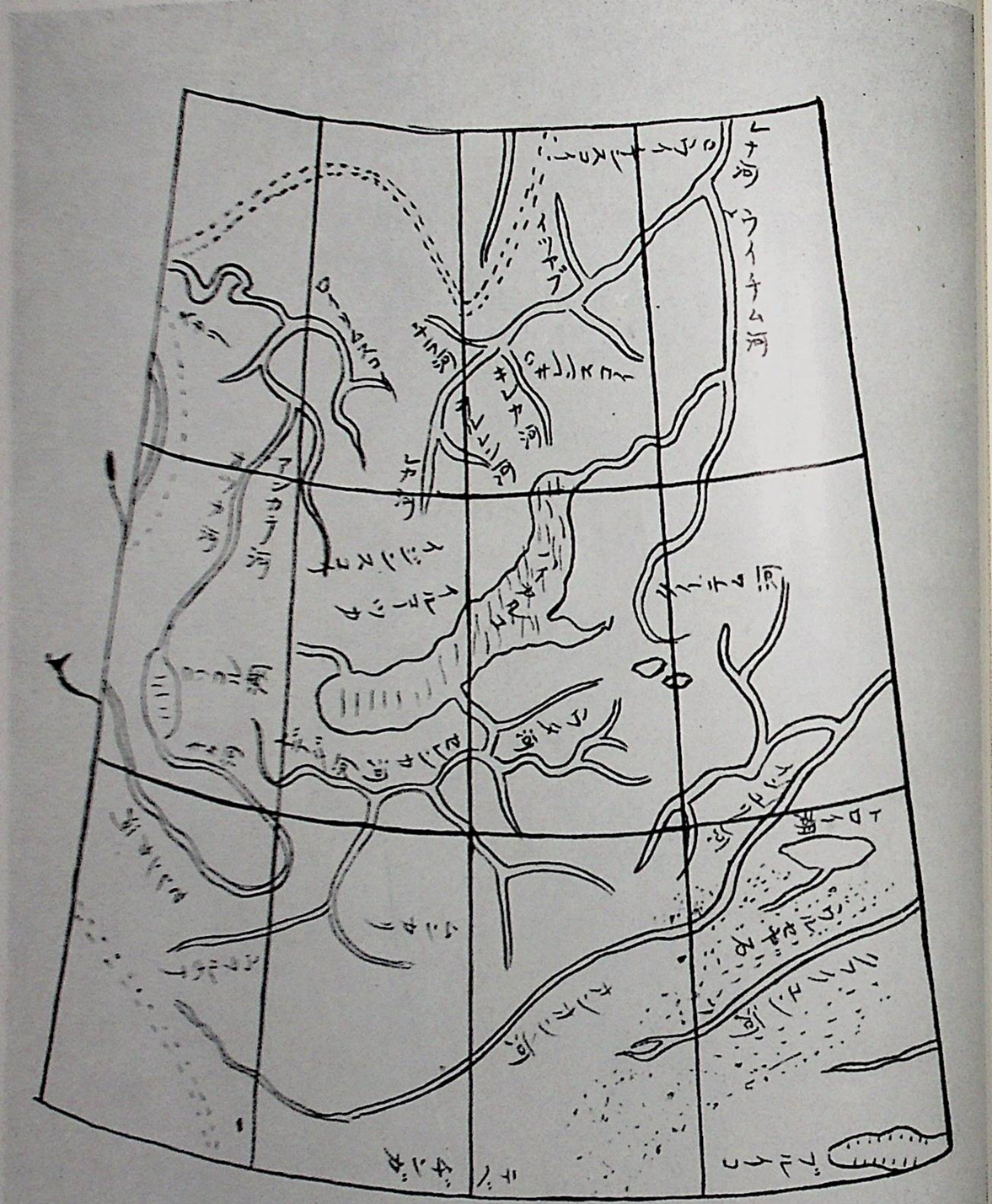

Рис. 4. Карта озера Байкал и окружающих его районов

сделана неким Ютэнсэем; из лиц, предоставлявших сведения для записи, упоминаются Дзирокити и Тёдзиро.

Написана рукопись полускорописью, состоит из 6-ти книг, общим объемом в 378 страниц. Имеет 94 рисунка в красках.

В первой из трех глав, на которые делится работа, описывается кораблекрушение и возвращение потерпевших бедствие в Японию. Во второй — обобщены данные географического характера, сведения о населении островов и нравах, о власти, наказаниях и религии, о вооружении, жилище, пище, одежде, хозяйстве и промышленности, о развлечениях.

Третья глава делится на четыре части: корабли, техника, разное и «рассказ Тёдзиро».

Эта рукопись может представлять интерес главным образом для изучающих историю путешествий и географических открытий. Что же касается первых двух рукописей, т. е. «Оросиякоку суймудан» и «Канкай ибун», то их комментированный перевод на русский язык явился бы ценным документальным материалом для историков и послужил бы дальнейшим шагом в деле развития культурных связей между СССР и Японией.

SUMMARY

V. M. Konstantinov gives a brief description of the three little known Japanese manuscripts, the «Oroshiyakoku Suimudan», «Kankai Ibun» and «Bandan», preserved at the Lenin State Public Library in Moscow. The author has found that these manuscripts date back to the end of the 18th and beginning of the 19th century. The manuscripts, which contain facts recorded by Japanese visitors to Russia, are of interest to historians and geographers, and the author believes it necessary to have them translated into Russian.

МИССИЯ БОГДАНА АСЛАНОВА В АФГАНИСТАН в 1764 г.

Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Изучение материалов о поездке Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г., хранящихся в Архиве внешней политики России[1], показывает, что первые попытки русского правительства установить дипломатические отношения с Афганистаном были предприняты не в 30-х годах XIX в., а значительно ранее, в начале 60-х годов XVIII в. Интерес царского правительства к Афганистану и к правившему там Ахмад-шаху Дуррани, основателю Афганского государства, был связан с важными историческими событиями, происходившими в это время в Центральной Азии.

Уничтожив в 1758 г. державу джунгаров, войска цинского императора Цян-Луна заняли города Яркенд, Кашгар, Аксу и другие и изгнали правивших там ходжей. Вассалами императора Цян-Луна признали себя кочевавшие на Тянь-Шане и Памире киргизы. Посольство с просьбой о подданстве послал в Пекин Ирдана-бий, глава ферганских беков, владевший Кокандом; с аналогичными просьбами обратились к Цян-Луну беки Маргелана, Намангана и Андижана. Вассалом цинского императора (оставаясь в то же время в подданстве России) признал себя хан Среднего Казахского жуза Аблай. Цинские воинские отряды стали появляться около Усть-Каменогорска, Телецкого озера и даже Семипалатинска. Русская торговля с Восточным Туркестаном, шедшая в основном через Семипалатинск, пришла в полный упадок.

Вскоре после завоевания Малой Бухарии цинские войска появились на Памире. Влияние Цян-Луна распространилось на Бадахшан, и даже на Читрал. Это привело к обострению отношений между Афганистаном и маньчжурскими правителями чему немало способствовали мусульманские беки Восточного Туркестана, неоднократно просившие Ахмад-шаха о помощи против «неверных». Прошел слух, что Ахмад-шах якобы готовится к войне с Цян-Луном, что к участию в «джихаде» он старается привлечь мусульманских правителей Средней Азии и Казахстана; афганские эмиссары появляются в казахских степях, в Хиве, Бухаре и Коканде. Одновременно к Цян-Луну, будто бы затем, чтобы получить лекарства, направилось афганское посольство. По дороге в Пекин афганские послы распространяли среди мусульманского населения слухи о том, что целью их посольства является истребование от пекинского двора возвращения ходжам Кашгара и Яркенда, а также передачи им Джунгарии в возмещение за ущерб, который цинское правительство причинило мусульманским городам Восточного Туркестана. Афганские послы распространяли также слухи о близкой войне Ахмад-шаха с Цян-Луном, о собранной для этого огромной армии и т. д. Таким образом Ахмад-шах пытался обеспечить себе поддержку мусульманского населения тех областей, которые должны были стать ареной возможных военных действий.

Осенью 1763 г. сведения об обострении отношений между Ахмад-шахом и пекинским двором дошли до Санкт-Петербурга. В связи с этим астраханскому губернатору генерал-майору Бекетову указом Коллегии иностранных дел от 16 декабря 1763 г. было поручено послать в Астрабад надежного человека, или, если будет возможно, «то до Мешеда и далее для разведания о намерениях авганского народа касательно Малой Бухарии». Этим, однако, задача посланца не должна была ограничиваться. Излагая в докладе Екатерине II свое отношение к афгано-маньчжурскому конфликту, Коллегия указывала, что так как маньчжурские правители неоднократно показывали себя «высокомерными», то они «заслуживают, чтобы со временем за то сокращены были». Поэтому на случай военного столкновения афганцев с Цян-Луном надлежало, вступив в сношения с Ахмад-шахом, оказать ему «не только приласкание, но и поощрение», вместе с «искусным обещанием составить и общее дело»[2]. Посланный к Ахмад-шаху должен был сделать ему «внушение», чтобы он во время своих действий против войск Цян-Луна сносился с русскими «пограничными командирами», а еще лучше, прислал «сюда ко двору Ея Императорского Величества через Хиву и Оренбург или через другие им способные места своего посланника, с которым о всем том точнее согласиться было б можно»[3].

Таким образом, отправленный к Ахмад-шаху посланец должен был предложить ему установить дипломатические отношения с царским правительством и прислать в Петербург афганское посольство. Более того, посланец царского правительства в случае начала активных военных действий между Ахмад-шахом и цинскими войсками в Восточном Туркестане должен был обещать афганцам русскую помощь — «подкрепление их со здешней стороны»; попутно ему надлежало выяснить возможность установления торговых отношений между Россией и Индией через Астрабад водным и сухопутным путем[4]. На случай прибытия афганского посольства в Россию заранее были даны указания пограничным властям (указы по этому поводу за подписью Никиты Панина и князя Александра Голицына были отправлены 26 августа 1764 г. генерал-поручику Шпрингеру, сибирскому губернатору лейб-гвардии премьер-майору Чичерину и в Оренбургскую губернскую канцелярию)[5].

Астраханский губернатор Бекетов принял решение направить в качестве посла к Ахмад-шаху Дуррани, офицера русской армии, «капитана Кизлярского шквадрона» Богдана Асланова, армянина по национальности, бывавшего ранее в Иране и знавшего, как проехать через Иран в афганские владения. Его путешествие продолжалось больше года. Сведения, которые имеются в записке, представленной им по возвращении в Астрахань, представляют известный интерес.

Получив от Астраханского губернатора 500 рублей на расходы, Асланов 11 января 1764 г.[6] выехал из Астрахани и через 9 дней, 20 января 1764 г., прибыл в Кизляр. Получив от коменданта Кизляра генерал-майора Потапова рекомендательные письма к пограничным «горским владельцам и персидским ханам», Асланов 29 января 1764 г. покинул Кизляр и с конвоем из десяти казаков, под видом грузинского купца Бакир-бека, двинулся на юг. Через три дня он прибыл во владения шамхала Тарковского, а 6 февраля 1764 г. в Дербент, где вручил кубинскому хану Фетх-Али письма от Бекетова и Потапова. Кубинский хан готовился в это время к походу на Шемаху; приняв Асланова «с благосклонностью», он 17 февраля отправил его в Баку. Из Баку Асланов выехал в Астару (1 марта 1764 г.), а из Астары — в Энзели, куда приехал 5 апреля. Здесь он закупил различные товары, чтобы оправдать свое «купеческое звание», затем выехал в Решт, а оттуда в Казвин, куда прибыл 14 апреля 1764 г. Собирая интересовавшие его сведения, в Казвине Асланов пробыл больше месяца и 18 мая 1764 г., сопровождаемый вооруженными проводниками, которых дал ему правитель Казвина, выехал в Кашан, а из Кашана (3 июня 1764 г.) в купеческом караване — в

---

[1] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Афганские дела 1763—1766 гг., д. 1.

[2] Там же, л. 65.

[3] Там же, л. 66.

[4] Там же, л. 30.

[5] Там же, л. 67—68, 70—74.

[6] Там же, л. 29, 33.

Мешхед. 13 июня 1764 г. на полпути между Кашаном и Иездом, около города Наина (в центральном Иране), караван был атакован возвращавшимся с «ясырем» после разграбления какой-то деревни отрядом туркмен в 150 человек.

Асланову удалось спастись бегством и добраться до Иезда; от всего имущества у него осталось 50 рублей, зашитых в платье, и рекомендательные письма. Через русского консула в Энзели Игумнова Асланов из Иезда послал письмо в Астрахань губернатору Бекетову. Письмо пришло в Астрахань 16 января 1765 г. Асланов сообщал в нем много интересных сведений о внутреннем положении Ирана, в частности о нескольких заговорах и восстаниях против «векиля» Керим-хана Зенда[7].

Выехав 1 июля 1764 г. из Иезда, Асланов 2 августа 1764 г. добрался до города Тебеса, находившегося «под владением афганского Ахмад-шаха». Он явился к правителю города Али-Мердан-хану и вручил ему рекомендательное письмо. Не задерживаясь в Тебесе, Асланов 5 августа выехал в Мешхед, в сопровождении двух туркмен и четырех афганцев, которых ему дал Али-Мердан-хан. Прибыв 2 сентября 1764 г. в Мешхед, он отыскал одного из военачальников Шахруха, принявшего ислам грузина Феридун-хана, и остановился в его доме. Через неделю, 8 сентября, Асланов в сопровождении шести слуг Феридун-хана был отправлен в Герат, куда и прибыл 22 сентября 1764 г. В Герате он оставался около трех недель.

За эти три недели Асланов собрал подробные сведения об афгано-маньчжурских отношениях. В своей записке Асланов сообщает, что владетели Кашгара и Яркенда «два брата Ак-Ходжа и Гун-ходжа» около семи лет назад «посылали от себя с прошением о вспоможении» против Цян-Луна в города Карши, Шахрисябз, Ташкент, Балх и «в протчие тамошние места»[8]. Однако помощи им не оказали, и городами Малой Бухарии овладели маньчжурские войска. В пограничном с Туркестаном городе «Баркале» стоит цинская армия, а от Ходжента, Коканда и кочующих поблизости от этих городов «киргис-кайсак, подвластных тем городам», взяты в Пекин аманаты. Братья-ходжи, владевшие Малой Бухарией, после своего поражения бежали с пятью или шестью тысячами человек в Бадахшан, где хан Султан-шах «лестию приглашал их к себе в город для жительства по однозаконию». Один из братьев, Гун-ходжа, внял этому приглашению, приехал в город, но был убит. Узнав об этом, Ак-ходжа пытался бежать на юг, «к индейской стороне», но Султан-шах его настиг и убил. Богатства ходжей были захвачены правителем Бадахшана. Узнав об этом, Ахмад-шах послал к стоявшей в Малой Бухарии цинской армии своего «посланника» Мохаммед-Реза-бека «для истребования тех убитых владетелей двух сынов, кои ему и отданы и привезены в Балх». Точность этих известий подтверждают «бывшие в тех баталиях» и бежавшие оттуда джунгары, кашгарцы, казахи и «сверх их те известия и во всех местах о точности их подтверждены»[9]. Поскольку Асланов ни слова не говорит о походе Шах-Вали-хана в Бадахшан, надо полагать, что поход этот состоялся уже после отъезда Асланова из Герата.

Ахмад-шах, «покорив себе город Мешхед со всеми принадлежащими местами» и «города хоросанской провинции» Тебес, Калат, Кучан, Ширван и другие, «потом, как вознамерился итти с войском в Индию»[10], поручил защиту завоеванных им провинций, Балха — «афганскому Али-хану и узбекскому Аджи-хану с 50 000 войска из афганцев», Мешхеда — Шахруху, «а прочие города другим ханам»[11]. Далее Асланов сообщал, что, когда он был в Герате (осенью 1764 г.), Ахмад-шах

[7] Там же л. 37—38 и 94.

[8] Там же, л. 41.

[9] Там же, л. 41.

[10] Завоевание Хорасана Ахмад-шахом произошло в 1167—1168/1753—1754 гг. Хутба на имя Ахмад-шаха была прочтена в Мешхеде 19 сафара 1168 г. х. (в декабре 1754 г.); тогда же там была выбита монета с его именем (см. *O. Mann*. Quellenstudien zur Geschichte des Aḥmed Šâh Durrânî (1747—1773). «Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft» («ZDMG»). Leipzig, 1898, Bd. 52, Hft. II, S. 163—164.

[11] АВПР, ф. Афганские дела 1763—1766 гг., д. 1, л. 41.

со своей армией находился в Индии[12]. В связи с этим о намерениях Ахмад-шаха воевать с Цян-Луном в то время в Герате ничего не было слышно, равно как и о том, что Ахмад-шах якобы послал какие-то ультимативные требования цинскому богдыхану или приглашал казахских биев на «совет и в общество...за утесняемых ...магометан вступаться»[13]. Таким образом, войны с Цян-Луном здесь не ждали. Однако последний из опасения, что жители Восточного Туркестана «по однозаконию с афганцами могут с ними согласиться», держал на границе большую армию[14]. Асланов считал, что похода Ахмад-шаха против Цян-Луна нельзя было ждать потому, что полководец Ахмад-шаха Джехан (Джаан)-хан, командовавший 60-тысячной афганской армией, был разбит сикхами, которые затем нанесли поражение самому Ахмад-шаху. Поэтому последний, собрав 100-тысячную армию, в ноябре 1763 г. выступил из Кандагара в новый поход на Индию. Во время пребывания Асланова в Тебесе (начало августа 1764 г.) о результатах этого похода еще никаких сведений не поступало[15]. Было только известно, что Ахмад-шах присылал к Али-Мердан-хану «с требованием войска», которое, однако, Али-Мердан-хан ему не послал, отговорившись «множеством около себя неприятелей туркмен и курдов и протчих народов, от коих-де имеют всегда великое опасение»[16]. Незадолго до этого Ахмад-шах обращался с аналогичным требованием в Мешхед, к Шахруху. Последний в то время был занят подавлением восстания курдов, руководимых Алаверди-ханом Джелаиром. Против курдов было послано 10-тысячное войско Шахруха под командованием уже упоминавшегося Феридун-хана. По этой причине Шахрух также не послал Ахмад-шаху требуемого войска[17].

В силу того что Ахмад-шах был занят войной в Индии, Асланов не смог выполнить возложенной на него миссии — вступить в сношения с Ахмад-шахом и предложить ему установить с Россией дипломатические отношения, прислав в Петербург свое посольство. Вопрос же «о подкреплении» афганцев в их вооруженном столкновении с Цян-Луном отпадал сам собой, так как никакой войны с цинским богдыханом Ахмад-шах не вел.

Выясняя вопрос о возможностях ведения Россией торговли с Индией через Астрабад, Асланов пришел к заключению, что вести так торговлю нецелесообразно в связи с трудностью и дальностью пути, а также нападениями туркмен. Попутно он отметил полный упадок торговли в тех областях Ирана, которые он посетил,— «приметил я о торгу, что оного в Персии никакого нет»[18].

Узнав все, что его интересовало, Асланов нанял в Герате за 20 рублей двух проводников до города Мерва и 14 октября 1764 г. двинулся в обратный путь. Прибыв 22 октября в Мерв, он получил здесь от Бахрам Али-хана новых проводников и направился в Чарджоу, куда добрался 4 ноября, едва не став по дороге пленником туркмен. 29 января 1765 г. Асланов приехал в Бухару; здесь он, между прочим, «видел пленных русских людей более двух сот человек»; между пленными были четыре русских канонира, которых в Бухаре заставили служить в артиллерии. Асланов отмечает, что хивинские купцы и торговавшие с Бухарой астраханские татары тайно вывозили из России в Среднюю Азию русские ружья и металлы (свинец, сталь, железо), что было строго воспрещено. Товары эти в Бухаре ценились очень высоко: так, один

[12] Ахмад-шах вернулся в Афганистан только весной 1765 г.

[13] АВПР, ф. Афганские дела 1763—1766 гг., д. 1, л. 29.

[14] Там же, л. 40—42.

[15] Там же, л. 42.

[16] Там же, л. 40.

[17] Там же.

[18] Упадок торговли в Иране после смерти Надир-шаха отмечает также живший там русский консул М. Суляков: «Персидская торговля крайне подрыву подвержена, и никак не уповательно, чтоб в цветущее состояние скоро... приведена быть могла» (См. *М. Чулков*. Историческое описание российской коммерции. М., 1785, т. II, кн. II, стр. 625).

батман (6 русских пудов) железа продавался в Бухаре за 80 рублей («16 червонцев пятирублевых»), 17 фунтов стали стоили 20 рублей, одно ружье — 25 рублей, один фунт свинца — 1 руб. 30 коп.[19]

Из Бухары Асланов 18 февраля 1765 г. выехал в Ургенч, куда прибыл 28 марта. Из Ургенча он с купеческим караваном отправился на Мангышлак, откуда на корабле астраханского купца Ефима Бирюкова после трудного и опасного путешествия вернулся в Астрахань. Здесь Асланов 5 июля 1765 г. представил губернатору Бекетову рапорт и записку о своем путешествии, а также отчет о истраченных им деньгах и рекомендательные письма, полученные им в Дербенте, Реште и Мешхеде[20]. Всего Асланов за полтора года израсходовал 1 285 рублей; так как часть этих денег была взята им в долг, то Бекетов распорядился выдать ему для уплаты по векселям 585 рублей[21].

Направив 11 июля 1765 г. в Коллегию иностранных дел рапорт о возвращении Асланова и представленные им документы, Бекетов просил Коллегию за особое усердие Асланова, принесенную им пользу и перенесенные трудности и опасности наградить его «из особливой милости штаб-офицерским чином»[22]. При этом Бекетов отметил, что из своего путешествия Асланов вернулся больным и потому не может быть сразу же отправлен в Петербург. «А как скоро выздоровеет, то немедленно имеет быть отправлен»[23].

Впрочем, награды Б. Асланов не дождался. В Петербурге было решено, что «за нынешнюю его посылку переменять его чином не за что, а может доволен быть и тем, что дано ему на проезд казенных денег 1 200 рублей»[24].

Заслуга Богдана Асланова состоит в том, что он первым доставил в Россию точные и проверенные, лично им собранные данные об Афганском государстве Ахмад-шаха Дуррани. Сведения, которые он привез, благодаря неофициальному характеру его миссии, не были опубликованы и потому не стали достоянием науки. Многое из написанного им сохраняет свой интерес и по сей день, особенно рассказ об афгано-маньчжурских отношениях той эпохи. Другие источники дают об этом очень мало сведений — видимо, поэтому современные афганские историки, пишущие об Ахмад-шахе, и не освещают этого вопроса[25]. Благодаря собранным Аслановым данным мы можем уточнить также и некоторые другие вопросы. Так, посланное Ахмад-шахом в Пекин посольство никаких ультиматумов Цян-Луну (как об этом пишет Беллью) не предъявляло; поэтому и поход афганского полководца Шах-Вали-хана в Бадахшан был вызван не желанием Ахмад-шаха «отомстить за себя»[26], а стремлением посадить в соседнем Бадахшане правителя, дружески расположенного к Афганистану. В 1765 г. афганские войска нанесли поражение бадахшанскому миру Султан-шаху, который был взят в плен и передан в руки Мохаммед-Эмина, сына одного из убитых им ходжей; Мохаммед-Эмин казнил убийцу своего отца и стал правителем Бадахшана; после его смерти

---

[19] АВПР, ф. Афганские дела, 1763—1766 гг., д. 1, л. 31.
[20] Там же, л. 43—46; 47—48.
[21] Там же, л. 52.
[22] Там же, л. 95.
[23] Там же, л. 96.
[24] Там же, л. 50.
[25] Нет об этом никаких данных ни в биографии самого Ахмад-шаха, ни в биографии его сына Тимура, ни в ранее написанной общей истории Афганистана. См. میر غلام محمد غبار—احمد شاه بابا (*М. Губар*. Ахмад-шах — Баба). Кабул, 1322 г. х.; فوفلزائی عزیزالدین—تیمور شاه درانی (*Азиз-ад-дин Попользай*. Тимур-шах Дуррани). Кабул, 1332 г. х. (Биография сына Ахмад-шаха; автор дает несколько обширных экскурсов в более раннюю эпоху); فیض محمد—سراج التواریخ (*Фейз Мохаммед*. Серадж-ат-таварих). Кабул, 1331 г. х.
[26] *Беллью*. Кашмир и Кашгар. СПб., 1877, стр. 31.

ему наследовал его сын — Юсуф-ходжа[27]. Таким образом, М. Губар неправ, когда связывает поход Шах-Вали-хана с афгано-бухарским соперничеством по поводу Бадахшана[28] (тем более, что Бадахшан никогда не входил в состав государства Ахмад-шаха).

Причиной же того, что не состоялся проектировавшийся Ахмад-шахом в союзе с мусульманскими правителями Средней Азии поход в Восточный Туркестан, было не столько «несогласие между союзниками»[29], как те неудачи, которые в это время потерпел Ахмад-шах в борьбе против сикхов Пенджаба, как об этом прямо пишет Б. Асланов[30].

Изучение материалов второй половины XVIII в., хранящихся в наших архивах, проливает, таким образом, свет не только на начальный период русско-афганских отношений, но поможет и в изучении истории Афганского государства эпохи шахов Дуррани.

SUMMARY

The author of the article, basing his study on material taken from the Archives of Russia's Foreign Policy, tells us of an attempt made by the Government of Catherine II to establish diplomatic relations with Afghanistan during the reign of Ahmad-Shāh Durrani.

The article opens to us another page in the history of Russo-Afghan relations.

---

[27] Юсуф-ходжа не удержался в Бадахшане и был оттуда изгнан; после многих злоключений он погиб в районе Астрабада в столкновении с войсками каджаров, а в Бадахшане стал править сын Султан-шаха.
[28] *М. Губар*. Указ. соч., раздел 35.
[29] *Корнилов*. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903, стр. 14.
[30] АВПР, ф. Афганские дела 1763—1766 гг., д. 1, л. 42.

ЯПОНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(*Краткий очерк*)

КУРАХАРА КОРЭХИТО

Под наименованием «пролетарская литература» (прорэтария бунгаку) в Японии в 1921—1933 гг. успешно развивалось одно из самых важных по своему общественному значению литературных направлений. Огромную роль в выработке его общественных позиций и творческих приемов сыграла русская советская литература 20—30 гг. «Разгром» Фадеева и «Железный поток» Серафимовича — одни из первых произведений советской литературы того времени, переведенных на японский язык,— определили многое в содержании возникшего тогда «движения за пролетарскую литературу» (прорэтария бунгака ундо). Благодаря многочисленным переводам и статьям советских японоведов это движение стало известно и у нас.

В 30 гг. в связи с подготовкой нападения на Китай и с планами будущей войны против Советского государства правящие круги Японии обрушились с репрессиями на демократические организации. Дальнейшее развитие пролетарской литературы приостановилось. Только после второй мировой войны уцелевшие деятели пролетарской литературы смогли снова возобновить свою деятельность. Конечно, в настоящее время на арене демократической литературы действует много новых людей, и задачи этой литературы уже во многом отличаются от тех, которые стояли в свое время перед пролетарской литературой. Однако не подлежит никакому сомнению, что современная демократическая литература в Японии продолжает на новом этапе и в значительной мере в новом качестве то прогрессивное демократическое направление японской литературы, ярчайшей представительницей которого была пролетарская литература 1921—1933 г. Статья К. Курахара как раз и вводит в обстановку, в которой произошло возрождение демократической литературы в послевоенной Японии.

Курахара Корэхито — один из заслуженнейших деятелей движения пролетарской литературы в прошлом и один из крупнейших работников демократического фронта в Японии наших дней. Он родился в 1902 г.; высшее образование получил в Институте иностранных языков в Токио, в котором окончил в 1923 г. отделение русского языка и литературы. С этого времени он специализировался на русской литературе. С февраля 1925 г. по ноябрь 1926 г. находился в нашей стране, занимаясь изучением советской литературы. С возникновением движения пролетарской литературы стал одним из самых влиятельных участников этого движения, выступая как литературный теоретик и критик. 4 апреля 1932 г. был арестован и пробыл в заключении до 1940 г., когда по болезни был освобожден на поруки. С 1947 г. является членом ЦК КПЯ, выступая постоянным докладчиком по вопросам культуры и литературы на пленумах ЦК и съездах КПЯ. Ему принадлежит очень большое число критических статей, переводов и литературных работ как по японской литературе (работы о Кобаяси Такидзи и Миямото Юрико), так и по советской литературе (статьи о Горьком, о Фадееве). В ноябре 1957 г. он в качестве члена делегации КПЯ, приглашенной на празднование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, посетил Советский Союз.

Публикуемая ниже статья представляет собой изложение доклада, сделанного К. Курахара в Институте востоковедения АН СССР в дни его пребывания в Москве. Доклад переведен сотрудником Института В. М. Константиновым.

РЕДАКЦИЯ

До войны демократическая литература и особенно так называемое движение за пролетарскую литературу получили в Японии очень широкое развитие. Пролетарская литература Японии, так же как и пролетарская литература Германии, заслужила высокую оценку на первом съезде советских писателей в 1934 г.: было признано, что она развита больше, чем в прочих странах, и стоит на первом месте после литературы Советского Союза.

Но с 1932 г. японское правительство начало с особой жестокостью преследовать прогрессивное литературное движение: было арестовано около 400 человек, работающих в области культуры. Многие писатели были брошены в тюрьмы, в том числе Накано Сигэхару, Цубои Сигэдзи, Кубокава Цурудзиро, Миямото Юрико, Мураяма Томоёси, Курахара Корэхито и другие. Те немногие, которым удалось на первых порах избежать ареста, в частности Кобаяси Такидзи, Миямото Кэндзи, продолжали вести нелегальную работу, однако через некоторое время были арестованы и они.

В этой обстановке наступления реакции и жестоких репрессий отдельные писатели Японии начали отказываться от своих убеждений, изменять своим прогрессивным принципам. Это явление стало известно под названием — *тэнко* «поворот». К сожалению, оно имело место не только среди рядовых писателей, но и среди некоторых руководящих членов коммунистической партии Японии.

Однако следует иметь в виду, что далеко не все публично отказавшиеся от своих убеждений лица активно содействовали в дальнейшем агрессивной войне, затеянной японской военщиной. Многие из них, хотя и пассивно, но оказывали сопротивление попыткам заставить их сотрудничать с империалистами. Что же касается тех, кто категорически отказался помогать своим талантом и пером войне, то их или убили, как Кобаяси Такидзи, или надолго заточили в тюрьму, как Миямото Кэндзи, Нисидзава Рюдзи, Курахара Корэхито и других. Наконец, некоторым, например Миямото Юрико, Накано Сигэхару, запретили заниматься писательской деятельностью.

После капитуляции империалистической Японии (2 сентября 1945 г.) по инициативе группы писателей, в число которых входили лица, отказавшиеся от содействия милитаристам или не проявлявшие особенной активности в этом отношении, была создана организация прогрессивных деятелей литературы, названная «Син-Нихон бунгакукай» (Общество литературы новой Японии)[1]. Среди организаторов этого общества были: Акита Удзяку, Эгути Киёси, Кубокава Цурудзиро, Цубои Сигэдзи, Токунага Сунао, Накано Сигэхару, Фудзимори Сэйкити, Миямото Юрико и Курахара Корэхито.

«Общество литературы новой Японии» ставило своей целью объединить гораздо более широкий круг писателей, чем существовавшее до войны общество пролетарской литературы. Перечисленные выше инициаторы вошли в него в качестве советников и почетных членов, к «Обществу литературы новой Японии» присоединилось также много прогрессивных писателей. Общество было учреждено 30 декабря 1945 г., а в следующем году оно приступило к изданию журнала «Син-Нихон бунгаку» (Литература новой Японии). Примерно до 1950 г. члены «Общества литературы новой Японии» выпустили несколько новых произведений. Весьма характерной для них является повесть Миямото Юрико «Равнина Бансю» (Бансю хэйя), уже переведенная в СССР. В ней описываются страдания, которые испытывали люди во время войны, их радость полученному после войны освобождению, рисуются очень впечатляющие картины разрушений, нанесенных Японии войной, показано начало нового демократического и коммунистического движения.

К числу наиболее показательных для писателей — членов этого общества — произведений можно отнести ее же повести «Два дома» (Фтацу-но нива) и «Вехи» (Дохё),

---

[1] Некоторые литераторы слово «новый» в этом названии относят не к Японии, а к литературе и понимают название *Син-Нихон бунгаку-кай* как «Общество новой японской литературы», но ряд членов этого общества, и я в том числе, понимаем это название, как указано выше, т. е. «Общество литературы новой Японии».

посвященные судьбам японской интеллигенции в предвоенные годы; автобиографическую повесть писательницы Сата Инэко «Моя карта Токио» (Ватаси-но Токё тидзу), написанную в форме воспоминаний, встающих перед нею при взгляде на карту родного города; и, наконец, повесть Токунаго Сунао «Спи, жена!» (Цума ё, нэмурэ!), посвященную погибшей во время войны жене писателя. Это произведение знакомит читателя с жизнью литератора из рабочей среды в послевоенный период.

Названные писатели начали свою литературную деятельность еще до войны, в так называемый период пролетарской литературы. Вслед за ними появились и новые писатели, например Одзава Киёси, известный своей новеллой «Поселковая мастерская» (Матикоба), кореец Ким Даль Су, который создает свои произведения на японском языке. В одном из них, названном «Улица потомков», он описывает жизнь корейцев в период, когда их родина была еще японской колонией.

Творчество представителей группы новых писателей-реалистов, которые следуют традициям довоенной пролетарской литературы, неразрывно связано с злободневными проблемами, волнующими простого человека. Рассказы Ацуто Горо «Холодное окно» (Самуй мадо) и Сасаки Кадзуо «В клетке» (Ори-но нака) посвящены их жизни в тюрьме во время войны. Перу Танака Эйко принадлежит рассказ «Девочка» (Сёдзё) о забастовке на железной дороге. Писательница Такэмото Кадзуко в своем произведении «Идзоку» (Семья погибшего на войне) показывает тяжелую жизнь вдовы солдата. Из произведений, в которых описываются ужасы атомной бомбы, следует отметить «Город трупов» (Сикабанэ-но мати) Оота Ёко, «Летний цветок» (Нацу-но хана) Хара Тамики и сборник стихов об атомной бомбе «Гэмбаку сисю» Тогэ Санкити. Создавшие эти рассказы и статьи писатели были не просто свидетелями величайшей трагедии японского народа, они испытали непосредственно всю тяжесть атомной войны. Оота Ёко сейчас лечится от болезни, полученной при взрыве атомной бомбы, а Хара Тамики и Тогэ Санкити уже погибли в результате лучевой болезни.

Кроме вышеназванных, появились после войны еще некоторые писатели, которые пытаются облечь более или менее демократическое содержание своих произведений в «современные», «динамические» формы. Эту группу называют «сэнго-ха» или «апурэ-гэру», что и означает «послевоенная группа» (в первом случае исконно японское название, во втором — измененное французское après la guerre). В эту группу входят Сиина Риндзо, Умэдзаки Харуо, Нома Хироси, Абэ Кимифуса, Хотта Йосиэ и другие.

Сиина Риндзо считается типичным представителем тех японских писателей-реалистов, которые находятся под сильным влиянием Достоевского и Сартра. Сиина происходит из рабочей среды, но его идеология представляет собою эклектическое смешение элементов христианства с элементами марксизма. Вместе с тем он является горячим сторонником и участником движения за мир. К наиболее характерным работам первоначального периода творчества писателя относятся «Полночный пир» (Син'я-но сюэн), «В бурном течении» (Омоки нагарэ-но нака ни), «Эйёнару кёсё» и другие. В этих произведениях он пишет о революции и свободе, о любви и смерти и т. п.

Умэдзаки Харуо принадлежит, примерно, к тому же направлению, что и Сиина, но его произведения имеют более реалистический характер. Наиболее типичными для его творчества являются «Сакурадзима» (название места), в которой он описывает жизнь в армии во время войны, и «Конец дня» (Хи-но хатэ).

Нома Хироси стал известен вскоре же после войны благодаря таким своим работам, как «Темная картина» (Курай э), «Багровый свет луны на лицах» (Као-но нака-но акай цуки). В «Темной картине» он описывает марксистский кружок студентов Киотского университета, который продолжал существовать в 1937 г., несмотря на репрессии военного времени. В этой повести причудливо переплетаются прогрессивные мысли с пессимистическими настроениями, и она оставляет такой же тяжелый осадок на душе, как странные картины Брюгера. Некоторое время спустя после окончания войны, Нома Хироси вступает в ряды коммунистов и с энтузиазмом работает как член партии. Творчество писателя становится все более реалистическим. Роман Нома Хироси «Зона пустоты» (Синку титай), являющийся одним из наиболее выдающих-

ся произведений японской послевоенной литературы, характеризует его уже как зрелого реалиста.

Абэ Кимифуса пытается художественными приемами сюрреализма раскрыть актуальнейшие темы современности. Из его произведений можно назвать «Стена» (Кабэ), «Вторжение» (Тиннюся) и другие. В последнее время он стал писать сатирические пьесы в манере Маяковского.

Хотта Ёсиэ известен своей повестью «Одиночество» (Хироба-но кодоку). В ней показаны противоречия, в которые вступает совесть журналиста с его обязанностями газетного корреспондента во время войны в Корее. В творчестве Хотта тоже чувствуются реалистические тенденции. Из его последних произведений заслуживает внимания «Памятник» (Кинэнхи). Это крупное полотно, показывающее жизнь широких кругов населения в течение большого промежутка времени — до- и послевоенный периоды. В романе читатель знакомится с людьми самых различных профессий и убеждений — с прогрессивными деятелями, коммунистами, военными, а также деклассированными элементами, шпионами и т. д.

Наряду с вышеназванными имеются также писатели, продолжающие традиции довоенной японской литературы. Это — известный писатель Симадзаки Тосон (умер во время войны), лучшим произведением которого считается «Восточные ворота» (Тохо-но мон), и Токуда Сюсэй. Его «Изображение в миниатюре» (Сюкудзу) было написано еще во время войны, но увидело свет лишь после ее окончания. К их числу принадлежат также склонные к эстетизму Танидзаки Дзюнъитиро и Нагаи Кафу. Поскольку во время войны они не помогали своим пером милитаристам, их произведения смогли быть изданы и получили широкое распространение лишь после 1945 г. Характерным для творчества Танидзаки является его трехтомный роман «Мелкий снег» (Сасамэюки), в котором описывается жизнь четырех сестер из семьи осакского купца, вначале богатого, а затем разорившегося. Роман Нагаи Кафу «Ключ» (Каги), с полной откровенностью описывающий интимные стороны супружеской жизни, вызвал большую сенсацию после войны.

Традиции довоенной японской литературы продолжают также писатели, принадлежащие к «Син-гэсаку-ха» (Группа новой новеллы). Они в юмористической форме описывают жизнь и быт простого народа. По своему характеру некоторые из этих произведений напоминают рассказы Зощенко.

К группе «Син-гэсаку-ха» принадлежат Исикава Дзюн, Сакагути Анго, Ода Сакуноскэ, Дадзай Осаму, Ито Сэй и другие. Многие из них до войны прямо или косвенно были связаны с движением за пролетарскую литературу или с компартией. Но потом, во время войны, они отказались от своих убеждений. Среди них есть люди с выдающимся литературным талантом, но их произведения не свободны от известного налета нигилизма. Наиболее талантливыми из этой группы были Дадзай и Ода, но первый покончил самоубийством, а второй умер от запоя.

Некоторые писатели — Камбаяси Гё (Акацуки), Кавасаки Тётаро, Одзаки Кадзуо, Тономура Сигэру обращаются к традиционному для японской литературы жанру *ватакуси сёсэцу* (повести о себе) и примыкающими к нему *симпэн сёсэцу* (рассказы о том, что мне близко) и *синкё сёсэцу* (психологические очерки). В рассказах они описывают личную жизнь, свои душевные переживания. Камбаяси, например, пишет исключительно о своей жизни с психически ненормальной женой, а Кавасаки странно излагает историю своей любви.

Представители другой группы жанровых писателей посвящают свои произведения, героями которых являются главным образом спекулянты, демобилизованные военные, вдовы погибших на войне, проститутки, танцовщицы кабаре и т. п., разладу в общественной жизни во время войны, падению нравов. Многие из этих писателей пользуются реалистическими или натуралистическими средствами. Можно сказать, что в некотором смысле произведения такого рода являются как бы объективистской антитезой субъективистским «повестям о себе» (ватакуси сёсэцу). По своим художественным достоинствам они весьма не равноценны, тем не менее пользуются большой популярностью и помещаются в крупных газетах и журналах.

Нива Фумио, Исидзака Йодзиро, Тамура Тайдзиро, Исикава Тацудзо, представляющие эту группу, постепенно начинают переходить к более глубоким социальным темам. Ярким примером в этом отношении может служить произведение «Тростник под ветром» (Кадзэ-ни соёгу аси) Исикава Тацудзо. После поездки в Советский Союз Исикава идеологически стал ближе к социализму. Сейчас в газете «Асахи» печатается его роман из жизни профсоюза работников просвещения «Живая стена» (Нингэн-но кабэ), в котором он резко критикует политику правительства.

До сих пор мы рассматривали японскую демократическую литературу первых пяти послевоенных лет. Что же касается развития демократической литературы, центром которой является «Общество литературы новой Японии», за время после 1950 г., то его можно характеризовать следующим образом. В первый период после окончания войны некоторые слои интеллигенции питали известные иллюзии в отношении политики Соединенных Штатов Америки. Это объяснялось тем, что вначале Америка как будто взяла курс на устранение милитаристских и феодальных сил. Однако вскоре многим стало ясно, что в конечном итоге американская политика направлена лишь на усиление собственного господства в Японии. Вот почему прогрессивная японская интеллигения, особенно после запрещения забастовок и начала войны в Корее, стала более или менее активно выступать против американского господства, за независимость Японии, за мир и демократию.

К написанным в это время произведениям, подвергающим критике американскую оккупационную политику, относятся: «Бэйкэй нитидзин» Нисино Тацукити, переведенное в Ленинграде на русский язык Е. М. Пинус и названное «Дети смешанной крови», «Финкам» Кубота Сэй, в котором описывается жизнь японских рабочих, занятых на американской военной базе Финкам, и ряд других. Сюда же относится и произведение Ким Даль Су «Гэнкай-нада»[2]. Хотя он в нем и описывает жизнь корейцев, страдавших под гнетом Японии, но японский читатель воспринимает это как жизнь японцев в условиях американской оккупации.

В связи с произошедшим в свое время в компартии Японии расколом часть видных членов «Общества литературы новой Японии» вышла из него и стала издавать свой журнал под названием «Дзиммин бунгаку», т. е. «Народная литература». Вокруг «Дзиммин бунгаку» объединились Фудзимори, Эма Нагаси, Токунага, Нома, Такакура Тэру и другие. Миямото Юрико, Накано Сигэхару, Цубои Сигэдзи, Сата Инэко, Ким Даль Су, Нисино Тацукити и Эгути Киёси остались в «Син-нихон бунгаку-кай». В обстановке, сложившейся в тот период, появилось много произведений, критиковавших руководство компартии.

Сейчас все эти писатели вновь объединились в обществе «Син-нихон бунгаку-кай» и работают сообща, но в то время они составляли две враждовавшие друг с другом группы, что оказало вредное влияние на развитие демократической литературы Японии.

В заключение перечисляю наиболее выдающиеся произведения демократической прогрессивной литературы, появившиеся с 1950 г. по настоящее время: упоминавшийся уже роман Нома Хироси «Зона пустоты»; переведенный в СССР роман Токунага Сунао «Тихие горы» (Сидзука-на ямаяма); «Из глубины души» (Мурагимо) Накано Сигэхару — произведение, посвященное ранним марксистским студенческим кружкам в Японии; роман Асигару Садаюки «Рельсы гудят» (Тэцуро-но хибики), описывающий забастовку железнодорожных рабочих; «Партия бедных в Титибу» (Титибу комминто) Нисино Тацукити — произведение, посвященное крестьянскому восстанию в Титибу во время либерального движения 80-х годов прошлого столетия. Писатель Симота Сёдзи (Масадзи) недавно написал «Остров Окинава», сейчас это произведение переводится на русский язык в Москве. «Памятник» Хотта Ёсиэ и «Живая стена» Исикава Тацудзо, которые я упоминал раньше, также должны быть включены в этот перечень, который можно дополнить еще несколькими названиями.

[2] Японское название юго-западной части Цусимского пролива (между Японией и о-вом Цусима).

Среди демократических писателей Японии много женщин-писательниц. В своих литературных и публицистических произведениях они борются против войны, за демократические права японских женщин.

Помимо произведений покойной Миямото Юрико, большой популярностью пользуются книги Цубои Сакаэ, Сата Инэко, Куроянаги Фуми и других. Из их работ следует отметить «Нидзюён-но кураси» и «Перенаселенный дом» (Дзаккё кадзоку) Цубои Сакаэ, «Зеленая аллея» (Мидори-но намикимити), «Молодость среди машин» (Кикай-но нака-но сэйсюн) и «Ветер продувает насквозь» (Карада-но нака-о кадзэ-га фуку) Сата Инэко, «Когда цветут магнолии» (Кобуси-но хана-га саку коро) и «Сестры» (Симай) Куроянаги Фуми. Большая часть перечисленных выше произведений экранизирована.

Кроме них можно указать еще на «Песню со дна земли» Мацуда Токико, где рассказывается о работе военнопленных китайцев на каменноугольных шахтах в Японии во время войны, и «Стартовую дорожку» (Кассоро) Накамото Такако. Этот роман, посвященный борьбе против постройки военной базы в Супакаве, печатается сейчас из номера в номер в газете «Акахата».

Своеобразное место среди женщин-писательниц занимает Ямасиро Томоэ. В своих произведениях — «Фуки-но тора» и «Песня телеги» (Нигурума-но ута) она, используя национальный крестьянский колорит, рассказывает о тяжелой жизни деревенской женщины.

Из старых прогрессивных писательниц следует назвать Ногами Яэко. Она закончила большой роман «Лабиринт» (Мэйро), на который затратила 20 лет своей жизни. В этом романе показана семья из высших слоев японского общества и описывается жизнь интеллигенции до и во время войны. Это весьма прогрессивное произведение во многом напоминает трилогию Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Таково в самых общих чертах состояние японской демократической литературы послевоенного периода.

SUMMARY

The article gives a general outline of the state of Japanese democratic literature in the postwar period.

Reviewing the stages in the development of progressive literature, the author gives a brief analysis of the literary trends and groups which have taken shape in Japan since the end of the war.

Naming the most eminent writers, he gives a short characterization of their best known works.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГАЗЕЛИ В ТАДЖИКСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. С. БРАГИНСКИЙ

Любовная лирика у иранских народов, бесспорно, существовала издавна, и любовные песни, естественно, назывались иранскими же терминами, например «суруд»[1]. Слово газель (газал)— арабского происхождения[2], и не подлежит сомнению, что введение этого названия в ираноязычную поэзию для обозначения любовного стихотворения не могло не отразить традиций и норм арабской поэзии, ее воздействия на персидскую и таджикскую поэзию.

По истории арабской газели существует значительная литература, без учета которой невозможно делать никаких выводов о возникновении и развитии газели таджикской и персидской[3].

Арабская газель возникла еще в доисламской, так называемой джахилийской поэзии, не позднее VI в. Можно отметить различные ее разновидности, в частности целомудренно-любовные и непристойные. Газель выражала довольно непосредственно живые чувства воинов пустыни, и «поэты помещали свои газели в начале од». Для ранней, «классической» формы было свойственно деление на три части: а) описание разрушенной стоянки, где проживала возлюбленная; б) красочное описание самой возлюбленной; в) сетования поэта по поводу прошедшей молодости и поры любви[4].

Пуританизм раннего ислама сковывал в VII в. развитие газели и приспосабливал ее к требованиям религии. Однако и в первые века ислама (VII в.— середина VIII в.) традиции газели продолжали развиваться. По преданию, приводимому в

[1] См. у Рудаки: بدان زمانه ندیدی که در جهان رفتی سرود گویان گوئی هزار دستان بود (Не видела [ты его] в то время, когда он ходил по свету, [ты] сказала бы, что он был распевающим песни [суруд] соловьем). Цит. по *Саид Нафиси* احوال و اشعار ابوعبد الله جعفربن محمد رودکی سمرقندی (Жизнь и стихи Абу-абдулло Джа'фара ибни Мухаммада Рудаки Самарканди), т. Ш. Тегеран, 1940, стр. 981; باده انداز کو سرود انداخت (Начни лить вино, ибо он начал песню [суруд]). Там же, стр. 974; у Кисои: سرود گویم وشادی کنم بنعمت ومال ([Я пришел в мир, чтобы] петь песни [суруд] и радоваться богатству и имуществу). Там же, стр. 1197 и т. п.

[2] غزل 1) ухаживание; любезничание; флирт; 2) лирическое стихотворение. (Арабско - русский словарь. Составил проф. Х. К. Баранов. М., 1957, стр. 721).

[3] См. *A. Kh. Kinany*. The development of gazal in arabic literature (pre-islamic and early islamic periods). Damascus, 1951; там же указывается литература предмета, в том числе *H. Abu Rihab*. The arab ghazal. Cairo, 1946; *Al - Jiwari*. 'Udri love. Cairo, 1947.

[4] См. *A. Kh. Kinany*. Указ. соч., стр. 74,113

كتاب الاغانى (Книга песен), даже такой суровый ортодокс, как грозный наместник Омейядов — Хаджжаджа, как-то спросил знаменитого поэта Джарира, почему тот отказывается от включения в свои панегирические оды любовных вступлений.

В Хиджазе сложились два направления газельной лирики: «'омаритское» и «'узрайтское». Выдающимся представителем первого был 'Омар ибн абу Раби'а, которого Таха Хусейн называет «величайшим поэтом, какого когда-либо знала арабская газель»[5]. 'Омаритская газель выражает идею «любовь — наслаждение». Второе направление развивалось в основном поэтами племени 'узра, чьи сыны, по преданию, «полюбив, умирают», как прекрасно писал об этом Г. Гейне. 'Узрайтская газель воспевает любовь как страдание. «Заслуга как 'омаритских, так и 'узрайтских поэтов состоит в том, что они, во-первых, добились самостоятельности газели, посвящая ей все стихотворение, а не только прелюдию, во-вторых, их газели столь прекрасны, что любовные стихи оказались наиболее совершенной формой поэзии...»[6]

И. Ю. Крачковский, характеризуя арабскую поэзию периода господства Омейядов, подчеркивал, что в городах Хиджаза «рядом с *касидой*... вырабатывается самостоятельная любовная поэзия, уже законченная сама в себе, а не представляющая отрывка из вводной части *касиды*»[7]. Большего взлета достигла арабская газель— не без иранского влияния — во второй половине VIII—IX вв. Именно к этому периоду относится и восприятие ряда норм арабской поэзии поэзией на языке фарси, возникшей в Мавераннахре и Хорасане.

Как же относились сами творцы этой, таджикской и персидской, поэзии IX—XI вв. к культивированию уже сложившегося к тому времени (в арабской поэзии) жанра газели? Прежде всего, подобно арабским поэтам, они складывали сравнительно короткие, монорифмические любовные стихи, которые, естественно, и называли «газелями». Рудаки неоднократно употреблял это название применительно к своим собственным стихам:

خدای راستودم که کردگار من است
زبانم ازغزل و مدح بندگانش نسود

Восхвалил я господа, ибо он создатель мой,
Язык мой не истерся от газели и восхваления рабов его[8].

دریغ مدحت چون زرو آبدار غزل
که چاپکیش نیاید همی بلفظ پدید

Жаль хвалы, подобной золоту, и трогательной газели,
Ибо изящество ее не выразимо словами[9].

О Рудаки и его современнике Шахиде Балхи, как об авторах газелей, писал поэт XI в. Фаррухи:

دایم ازمطربان خویش ببزم
غزل شاعران خویش طلب
شاعرانت چو رودکی و شهید
مطربانت چو سرکش وسر لب

На пиру всегда у своих певцов
Требуй газели своих поэтов;
Поэты твои подобны Рудаки и Шахиду,
Певцы твои подобны Саркашу и Сарлабу.[10]

[5] Цит. по *A. Kh. Kinany*. Указ. соч., стр. 235, прим.

[6] Там же, стр. 364.

[7] *И. Ю. Крачковский*. Избр. соч., т. II. М.—Л., 1956, стр. 255.

[8] Цит. по *С. Нафиси*. Указ. соч., стр. 991

[9] Там же, стр. 994.

[10] Там же, стр. 1222.

В дошедшем до нас наследии Рудаки и Шахида имеется немало стихов, которые по своей форме вполне укладываются в понятие ранней персидской и таджикской газели (т. е. лирико-монорифмического стихотворения, без упоминания псевдонима—«тахаллуса» поэта в последних байтах). У Рудаки таковы, например, стихотворения, начинающиеся словами

بیار آن می که پنداری روان یاقوت نابستی

Принеси то вино, которое, ты подумал бы, есть переливающийся чистый яхонт[11].

شاد زی باسیاه چشمان شاد

Живи весело с черноокими, [живи] весело[12].

у Шахида —

مرا بجان تو سوگند و صعب سوگندی
که هرگز از تو نگردم نه بشنوم پندی

Клянусь твоею душой, клянусь тяжкой клятвой:
Не отвращусь от тебя никогда, не внемлю никакому совету[13].

Газелями именуются также стихи многих других ранних поэтов. Автор наиболее раннего из дошедших до нас (на языке фарси) пособий по поэтике Мухаммад ибни Умар ар-Родуёни (XI в). даже подчеркивает, что определенная поэтическая фигура (التشبیه المزدوج) наиболее применима именно в жанре газели (وبرین حال بیشتر غزل آید)[14]

Именно как особый вид стихов выделяет газели и поэт Кисои Марвази (X — первая половина XI в.) в следующих строках:

ای آنکه جزاز شعر غزل شعر نخوانی
هرگز نکنی سیردل از تنبل و ترفند

О, ты, не читающий иных стихов,
кроме стихов газели,
Никогда не насытишь сердце
хитростью и уловками[15].

Широко известны следующие строки крупного поэта XI в. Унсури, в которых подчеркивается выдающееся мастерство Рудаки в создании газелей:

غزل رودکی وار نیکو بود
غزلهای من رودکی وار نیست
اگرچه بکوشم بباریک وهم
بدین پرده اندر مرا بار نیست

Газель хороша такая, как у Рудаки,
Мои газели не такие, как у Рудаки;
Хотя я и стараюсь тонким умом,
Нет мне доступа за эту завесу[16].

[11] См. *С. Нафиси.* Указ. соч., стр. 1028.
[12] См. там же, стр. 986.
[13] См. *С. Нафиси.* Указ соч., стр. 1226.
[14] См. محمد بن عمرالرادیانی کتاب ترجمان البلاغة (*Muhammed b. 'Umar ar-Radūyānī.* Kitāb Tarcumān al-balāġa). Стамбул, 1949, стр. 53—54.
[15] Цит. по *С. Нафиси.* Указ. соч., стр. 1205.
[16] محمدعوفی لباب الالباب The Lubábu'l-albáb of Muḥammad ' Awfí. Ed. by E. G. Browne. London-Leide, 1903, part II, p. 6.

О том же свидетельствует и следующий байт поэта XII в. Сузани:

بلبل چه شود راذل و بخواند
بیت و غزل رودکی اندر حق عیار

Зачем соловью подличать и петь
Байт и газель Рудаки об Айёр[17].

Поэт X—XI в. Абумансур Имора Марвази писал, гордясь впечатляющей силой своей газели:

اندر غزل خویش نهان خواهم گشتن
تابر دولبت بوسه دهم چونش بخوانی

Я скроюсь в своей газели,
Чтобы поцеловать твои губы, когда ты
будешь читать ее[18].

Наконец, после опубликования дивана поэта XI в. Хасана Газнави стало очевидным, что уже в то время газель не только была особым жанром поэзии, но и включалась отдельным самостоятельным разделом в собрания стихов — диваны[19].

В специальном разделе дивана Хасана Газнави всего 83 газели, из которых лишь 17 посвящены восхвалению Бахромшаха Газневида и представляют, таким образом, своеобразные газели-панегирики. Остальные газели типичны для ранней любовной лирики и часто обнаруживают свое фольклорное происхождение, например, газель, начинающаяся байтом

قمری اندربهار یار من است
مونس نالهای زار من است

Горлица весною — возлюбленная моя,
Наперсница горьких стенаний моих[20].

Имя поэта встречается не менее чем в двадцати газелях, причем не обязательно в заключительном байте. Иногда упоминается имя восхваляемого Бахромшаха, иногда оба имени — и поэта и шаха[21].

[17] Цит. по *С. Нафиси.* Указ. соч., т. II, стр. 558.
[18] Там же, т. III, стр. 1188.
[19] دیوان سید حسن غزنوی ملقب به اشرف (Диван Сайида Хасана Газнави, прозванного Ашрафом). Подготовил к печати Таки Мударрес Резави, Тегеран, 1328/1949 (В дальнейшем — Диван Хасана Газнави).
[20] Диван Хасана Газнави, стр. 267. Очень близки к фольклорным многие газели поэта XI—XII в. Адиба Собира Тирмизи, как, например, газель, начинающаяся словами:

توئی که مهر تودر مهرگان بهار من است
که چهرهٔ توگلستانو لالهزار من است

Ты — та, любовь которой во время Мехргона [осеннего праздника] — весна моя,
ибо лицо твое — сад и цветник мой.
В заключительном байте ее говорится опять-таки о пристрастии поэта к газели и приводится известный по стихам Рудаки и, видимо, ставший постоянным эпитет газели آبدار 'чувствительная', 'трогательная' (غزلهای آبدار من است). Цит. по кн. *Бадиоз-заман.* سخن‌وسخنوران (Слово и мастера слова). Тегеран, 1308/1930, стр. 256.
[21] См. Диван Хасана Газнави, стр. 262, 264, 265, 266 и др.

Кстати, на примере газелей X—XI вв. можно проследить, как упоминание имени (псевдонима) поэта в заключительном байте становится лишь постепенно нормой газели. Так, в стихах поэтов X в. мы видим еще, что поэт включает свое имя в стихотворение любого жанра (касида, газель, рубои, кит'а). Например, Рудаки пишет о себе в третьем лице в касиде (تو رودکی را ای ماهرو همی بینی — 'Ты, о луноликая, видишь Рудаки'; نیست شگفتی که رودکی بچنین جای خیره شود بی روان و ماند حیران — 'не удивительно, что Рудаки в таком месте помутится разумом, потеряет душу, изумится'), в кит'а (رودکی چنگ برگرفت و نواخت — 'Рудаки взял чанг и заиграл'), в рубои (در عشق چورودکی شدم سیر از جان — 'В любви я, как Рудаки, пресытился жизнью'). Он же обращается к себе в касиде (رودکیا! ر نوردمدح همه خلق مدحت اوگو و مهر دولت بستان. 'О Рудаки! сверни похвалу всем людям, восхвали его и получи печать государства'). Дакики пишет о себе в третьем лице: دقیقی چار خصلت بر گزیدست 'Дакики избрал четыре качества'[22].

В XI в., насколько можно судить по дивану Хасана Газнави, упоминание своего имени (иногда наряду с именем восхваляемого) начинает уже входить в систему, становясь со второй половины XI в. все более обязательной нормой газели и закрепляясь за заключительным байтом.

Характерно для оценки того, как газель сложилась в жанр к XII в., что известный поэт XII в. Анвари в стихах, где он отрекается от своего раннего, придворного творчества, неоднократно говорит о панегирической оде-касиде и о любовной газели как о вполне *устоявшихся*, равноправных жанрах:

ای دریغا نیست ممدوحی سزاوار مدیح
وی‌دریغا نیست معشوقی سزاوار غزل

О горе! — нет человека, достойного панегирика!
О горе! нет любимого предмета, достойного газели[23].

دی مرا عاشقکی گفت غزل میگوئی
گفتم از مدح و هجادست بر افشاندم هم
غزل و مدح و هجا از پی آن میگفتم
که مرا شهوت و حرص و غضبی بود هم
غزل و مدح و هجا گوئیم یارب زنهار
بسکه بانفسی جفاکردم و با عقل ستم

«Вчера мне сказал влюбленный: «Ты (еще) пишешь газели?
(«Нет») — отвечал я,— «я отрекся и от хвалы, и от насмешки».
Я писал газели, панегирики и сатиры, потому
Что во мне кипела страсть, алчность и негодование...
Сохрани боже, чтобы я стал писать газели, панегирики и сатиры.
Я (и так уж) много душу насиловал и ум теснил[24].

Таковы реальные факты, свидетельствующие, что с IX—X вв. поэтами составлялись монорифмические газели; что существовало и понятие («термин») газели как особого жанра любовной лирики (в отличие, например, от четверостиший на любовные темы); что этот жанр признавали не только сами поэты, но и некоторые старые

[22] См. *С. Нафиси.* Указ. соч. т. III, стр. 974, 980, 1017, 1043, 1016 (Рудаки); стр. 1273 (Дакики).

[23] Цит. по кн. *В. А. Жуковский.* Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883, стр. 48.

[24] Там же, стр. 51 (текст), 52 (перевод).

теоретики поэзии (ар-Родуёни); что начиналось уже включение газелей и в качестве отдельного раздела в диваны (Хасан Газнави); что в XII в. крупнейшие поэты рассматривали этот жанр со стороны содержания, как противостоящий касиде и сатире (Анвари); что упоминание имени поэта вовсе не являлось differentia specifica газели, а лишь одним из признаков, появившимся значительно позднее возникновения газели как самостоятельного жанра. Поэтому нельзя согласиться с тем выводом о возникновении таджикской и персидской газели, к которому приходит в своей интересной работе на эту тему А. М. Мирзоев:

«В X в.,— пишет он,— газель еще не составляет особой формы поэзии. Она состоит из отдельных стихотворных отрывков (پارچها), которые, не являясь определенной, завершенной формой, выражали чувства страсти и любви, боли и страдания и т. п. Этот род стихов частично представлял собою в тот период также вводную часть (насиб) касиды... Период развития слагания газелей начинается в XII в.» [25].

Как же примиряет автор этот вывод с прямыми свидетельствами о том, что образцовая, классическая (как мы выразились бы сегодня) газель сложилась уже в X в. и именно в творчестве Рудаки? Только гипотезой о том, что следует отличать любовное стихотворение от газели в терминологическом смысле слова (غزل اصطلاحی).

Но такое проецирование на X век дефиниции, гипотетически выдвинутой в XX в., представляет собою отступление от принципа историзма в вопросе о *возникновении* газели. Этот отступление входит в противоречие с историзмом самого автора при разборе вопроса о *развитии* газели.

Есть лишь одно обстоятельство косвенно как будто бы подтверждающее гипотезу А. М. Мирзоева: старые теоретики арабской и таджико-персидской поэтики, подходившие к определению поэтических жанров лишь со стороны их формы, обычно не считали монорифмическую газель самостоятельным жанром, а признавали ее не чем иным как ответвлением касиды. Так, например, Кудама ибн Джа'фар (IX в.) в своей «Реторике» делит поэзию лишь по внешней форме на четыре вида: касида, раджаз, строфика и двухрифмные произведения [26]. Естественно, что при таком делении не остается места газели (сливающейся *по форме* с касидой).

Такой формалистический подход характерен не только для IX в. Он стал в дальнейшем традиционным и для авторов ряда таджико-персидских поэтик (Рашида Ватвота, Вахида Табризи, Сайфи Арузи и др.) [27]. Следовательно, этот формалистический подход, господствовавший в «поэтиках» на продолжении целого *тысячелетия*, не имеет никакого отношения к тому, возникла ли газель *в IX в. или в XII в.*

Кроме того, нельзя смешивать реальное существование газели как самостоятельного жанра и признание или непризнание ее таковым в традиционной поэтике. Одно дело, что иные авторы старых «поэтик» *не считали* газель самостоятельным жанром, другое — как *было в действительности*, являлась ли она на деле особым жанром. Весьма огорчительно, что автор интересной работы по истории газели считает, что «в X в. газель еще не составляла особой формы поэзии». Огорчительно потому, что этот, на первый взгляд хронологический, вопрос неразрывно связан с проблемой народных истоков литературы.

[25] XV—X عبدالغنی میرزایوف رودکی و انکشاف غزل درعصرهای (*А. Мирзоев.* Рудаки и развитие газели в X—XV вв.). Сталинабад, 1957, стр. 71—72.

[26] و منها الرجز ... و منها القصيد ... و الشعر ينقسم أقساماً منها المسمط ... و منها المزدوج См. *И. Ю. Крачковский.* Избр. соч., т. II, стр. 381.

[27] «... Различие форм в таджикской классической поэзии зависит от различия в расположении рифм в строфе:... маснави... касида... (газель тоже, так как она отделилась от насиба касиды)... рубои... мусаммат...», — так излагает традиционную точку зрения Б. И. Сирус, современный автор ценной книги «Рифма в таджикской поэзии» (Сталинабад. 1953, стр. 15).

Еще в 1926 г. в своей антологии таджикской литературы С. Айни со всей резкостью подчеркнул, что творцом поэзии была не династия Саманидов, а народ и, исходя из этого, призывал молодых исследователей-марксистов по-новому оценить историю таджикской литературы [28]. Уже это, раннее высказывание С. Айни было, по существу, направлено против тех литературоведов, которые считали, что персидская и таджикская поэзия зародилась во дворце, что первоначальной ее формой был панегирик; а ведь до выступления С. Айни такова была господствовавшая точка зрения [29].

Следовательно, в истории вопроса о газели суть состоит не в простом разногласии при определении хронологических вех ее возникновения, а в борьбе двух концепций по вопросу о возникновении классической поэзии на фарси вообще. И тот неоспоримый в свете историко-литературных данных факт, что газель отнюдь не является зависимой от придворной касиды, а существует как самостоятельный жанр уже с первых шагов поэзии на фарси, служит еще одним неопровержимым доказательством правильности тезиса марксистского литературоведения о народных истоках любой поэзии, на любом языке.

SUMMARY

Quoting extracts from 10-11th century poetry and referring to the history of the Arab ghazal, the author shows that as an independent form of poetry the ghazal originated in Tajik and Persian poetry in the 10th century. Much credit for the perfection of this form is due to Rudaki. The ghazal has its source in folk-lore.

[28] См. صدرالدين عينى نمونه ادبيات تاجيک (*Садриддин Айни.* Образцы таджикской литературы). Самарканд—Москва, 1926, стр. 3 и сл.

[29] В своем очерке о Саади (Шайх Муслихиддин Саъдии Шерози «Шарки сурх, № 5, 1940, стр. 12) С. Айни четко формулирует свою концепцию раннего возникновения и развития газели. Этой концепции и придерживается автор настоящей заметки.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА

Н. Д. АНДРЕЕВ

Проблема происхождения вьетнамского языка принадлежит к числу труднейших в науке прежде всего потому, что современный вьетнамский язык чрезвычайно далеко ушел как в фонетической, так и в грамматической эволюции от своего первоначального состояния. Решение этой проблемы значительно осложняет недостаточная изученность соседящих с ним языков Юго-Восточной Азии [1]. Следует также учесть, что эти языки в свою очередь подвергались далеко идущим изменениям: приходится сравнивать системы, развивавшиеся в совершенно различных направлениях и утратившие большую часть первоначального сходства. Можно утверждать, что только тщательное изучение всех материалов, уже введенных в научный обиход, и привлечение новых поможет, в конечном счете, решить проблему генезиса вьетнамского языка.

Следует с сожалением отметить, что такого тщательного рассмотрения конкретных языковых материалов не содержится в недавно опубликованной статье А. И. Блинова [2], где родство вьетнамского языка с мон-кхмерскими отрицается без какой бы то ни было аргументации, путем простой ссылки на авторитет Ж. Масперо [3], который, кстати сказать, не имел самостоятельных исследований по вьетнамскому языку и тем более не занимался специально проблемой его генезиса.

А. И. Блинов стремится опереться на лингвистическую аргументацию при рассмотрении вопроса о взаимном отношении между другими членами отвергаемой им австроазиатской семьи языков. Однако доводы, используемые А. И. Блиновым, не могут быть признаны убедительными. В самом деле, родство языка кхаси с мон-кхмерскими оспаривается им на том основании, что «язык кхаси резко отличают от языков мон-кхмер две особенности: наличие артикля и наличие категории грамматического рода». Если такого рода расхождения считать достаточным аргументом для отрицания родства языков, то придется признать, что немецкий язык, в котором наличествует и артикль и грамматический род, не имеет ничего общего с армянским языком, где обе эти грамматические категории отсутствуют. Однако вряд ли кто-либо рискнет опровергать на основе подобных типологических соображений всем известную принадлежность и немецкого и армянского языков к одной и той же индоевропейской семье.

Вопрос о связях между языками мунда и мон-кхмерскими, какова бы ни была природа этих связей, не может решаться на основании того, что «корни языка мон

[1] В статье повсюду сохраняются традиционные названия этих языков. Вместе с тем автор считает своим долгом отметить, что язык, традиционно именуемый *муонгским*, правильнее было бы называть *мыангсим* (mu'o'ng), и что, сохраняя название *тайской* группы языков, следует важнейший язык этой группы, сиамский, именовать *тхайским* (thai).

[2] *А. И. Блинов.* К вопросу о существовании австроазиатской семьи языков. «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 153—157.

[3] *G. Maspero.* Grammaire de la langue khmêr (cambodgien). Paris, 1915.

односложны, а корни языков мунда — многосложны, языкам мон-кхмер трифтонги не свойственны, а языкам мунда — свойственны и т. д.»[4]. Прежде всего, группа языков мунда должна сопоставляться не с одним лишь языком мон, а со всей мон-кхмерской группой, которой в целом нельзя приписать односложность как ведущую характеристику. В монском языке наряду с односложными bā 'два', tĭ 'земля', dak 'вода' мы находим двусложные kəcet 'убивать', kamlot 'вор', tahcait 'похожий'; в кхмерском наряду с pir 'два', dey 'земля', tĭk 'вода', встречаем kŏmbaŋ 'гореть', bânsăk 'засов', krâvéas 'кидать'; в стиенгском языке при bar 'два', tĕh 'земля', măt 'лицо' — двусложные pahi 'распылять', tremŭh 'нос', pədăm 'пять'; в бахнарском при kon 'ребенок', sem 'птица', puon 'четыре' — двусложные tŏmo 'камень', bŏlâu 'бетель', tŏpœh 'семь' и т. д. Санскритские заимствования в одних случаях сокращаются по количеству слогов: скр. marica 'перец' > кхмерск. morec, монск. mrak; в других — сохраняют это количество: скр. kāla 'время' > монск. kālĕ, скр. bhāṣā 'язык' > кхмерск. phīəsā. Таким образом, нужно говорить не об односложности мон-кхмерских языков, а лишь о сильной тенденции к сокращению состава слова. Известно, что многие из индоевропейских языков обнаружили в своем историческом развитии точно такую же тенденцию: др.-русск. трехсложное *жьнець* дало односложное *жнец*, ср.-инд. связка asati в современном хиндустани выступает в форме hæi̯, латинское animum перешло во фр. âme 'душа', др.-англ. hlāford 'хозяин дома' — в совр. англ. lord 'лорд'. И тем не менее все эти языки остаются родственными литовскому языку, где слова практически не подвергались слоговой редукции, в основном сохраняя позднеиндоевропейский слоговой состав.

Весьма важным для понимания процессов, свойственных эволюции мон-кхмерских языков, является сопоставление чамского и радэского языков[5] с родственными им индонезийскими языками: так, индонезийскому tahun 'год' соответствуют чамск., радэск. thun; индон. dahan 'ветка' — чамск., радэск. dhan; ачехск. kehim 'улыбаться' — чамск., радэск. khim; яванск. puluh 'десять' — чамск., радэск. pluh. Эти сравнения показывают, каким образом двусложный тип слова сменяется односложным. Одновременно с сокращением слова во многих случаях в радэском языке меняется начальный согласный: индон. tali 'веревка' — чамск. talei, радэск. klei; индон. tulang 'кость' — чамск. tulang, радэск. klang; индон. baru 'новый' — чамск. barau, радэск. mrâo; индон. besi 'железо' — чамск. basei, радэск. msei; иногда этот согласный переходит в ларингал (ʼ); индон. djalan 'путь' — чамск. jalan, радэск. ʼlan; индон. ratus 'сто' — чамск ratuh, радэск. ʼtuh; индон. langit 'небо' — чамск. langit, радэск. ʼngit; наконец, в определенных случаях начальный звук бесследно исчезает: индон. hidung 'нос' — чамск. idung, радэск. adung; индон. ikan 'рыба' — чамск. ikan., радэск. kan[6].

Чамский и радэский не только соседят с мон-кхмерскими языками, но и связаны с ними генетически, перекидывая мост внутри азионезийской семьи от индонезийской группы языков к мон-кхмерской. Данные чамского языка наглядно демонстрируют это: сопоставим индон. tanggal 'день, дата' с чамск. tangai 'день' и далее с монск. t-ngai, кхмерск. th-ngay (сравните вьет. ngày 'день'); индон. tanah 'земля' — с чамск. tănĕh, рёнгауск. tĕnih, бахнарск. teh, монск. tĭ, кхмерск. dey, стиенгск. tĕh, мойск. ko'-tĕk (сравните южновьет. đâ'k, сев.-вьет. đâ't 'земля'); индон. mata 'глаз' — с чамск. mŏta 'глаз, лицо', монск., бахнарск., стиенгск. măt (сравните вьет. măt 'глаз', mặt 'лицо').

Эволюция радэского и чамского языков отчетливо показывает, каким путем мон-кхмерские языки развились от дисиллабичности к преобладающей моносиллабичности и почему звуковой состав их корней с таким трудом поддается этимологизации: не имей мы необходимых промежуточных данных, вряд ли было бы возможно по односложным радэским формам msei и klei восстановить двусложные праиндонезийские besi и tali. В свете этого многосложность языков мунда не может рассматриваться как довод против их родства с мон-кхмерскими языками, точно так же, как отсутствие трифтонгов в последних не является фактором, отрицающим что-либо в генеалогическом смысле: известно, что трифтонги в английском языке есть, а в русском их нет, но это нимало не препятствует принадлежности русского и английского к одной языковой семье.

Вопрос о родстве между мон-кхмерской группой языков и языками мунда требует больших и серьезных сравнительно-исторических исследований; одни лишь общие соображения, не подкрепленные конкретным лингвистическим анализом, разумеется, ничего не дадут: здесь, как и всюду, генеалогия определяется не типологией, а этимологией.

В своей кхмерской грамматике Ж. Масперо[7] лишь вскользь затрагивает проблему генеалогии вьетнамского языка, причем он прямо отсылает к работе своего брата Анри Масперо и ограничивается кратким изложением его выводов. По мнению А. Масперо[8] вьетнамский язык возник в результате смешения одного из мон-кхмерских диалектов с одним из тайских диалектов и, может быть, еще с третьим языком, который пока неопределим; однако в ходе этого смешения решающим фактором было тайское влияние, и поэтому вьетнамский язык следует причислять к тайской языковой семье. Спустя три десятилетия А. Масперо в своем очерке вьетнамского языка, написанном для второго издания «Les langues du monde», повторяет ту же мысль в еще более отчетливой форме: вьетнамский язык сформировался на базе одного из тайских диалектов, испытав при этом сильное влияние мон-кхмерского субстрата[9].

А. Масперо признает, что слова мон-кхмерского происхождения во вьетнамском языке весьма многочисленны и обозначают простые, жизненно-важные понятия, тогда как слова, связанные с развитием цивилизации,— тайского происхождения; однако, с его точки зрения, эти пропорции отступают на задний план ввиду одного неодолимого препятствия: во вьетнамском языке, как в тайских, есть смыслоразличительные тоны, тогда как в мон-кхмерских языках тонов нет.

Концепция А. Масперо, в которой наличие тональной системы определяло генеалогию вьетнамского языка, была поставлена под сомнение другими крупными специалистами по языкам Юго-Восточной Азии. В первом издании книги «Les langues du monde» Ж. Пшилуский, возражая А. Масперо, писал: «До тех пор, пока не известны обстоятельства, при которых данный язык утрачивает или сохраняет систему тонов, благоразумнее не опираться на факт исчезновения или удержания этой системы при установлении родства языков»[10]. Действительно, еще Ч. Благден[11] в свое время обратил внимание на то, что шведский язык, в котором эволюция фонетики привела к возникновению смыслоразличительных тонов, пришлось бы по этому признаку исключить из германской группы языков. Добавим, что в аналогичном положении находится и язык панджаби: дезаспирация его звонких придыхательных сопровождалась появлением фонологической пары тонов, на основании чего, следуя методу А. Масперо, мы были бы обязаны классифицировать панджаби не в числе индо-

---

[4] *А. И. Блинов.* Указ. соч., стр. 156.

[5] Носители этих языков живут на территории Камбоджи, Южного и Центрального Вьетнама и Южного Лаоса.

[6] См. многочисленные примеры в статье *A.-G. Haudricourt.* De la restitution des initiales dans les langues monosyllabiques. «Bulletin de la Société de linquistigue de Paris» (в дальнейшем BSL), t. 52, fasc. 1, 1956, p. 319—322.

[7] *G. Maspero.* Указ. соч., стр. 18—19.

[8] *H. Maspero.* Etudes sur la phonétique historique de la langue annamite. «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», 1912, t. XII, № 1, p. 118.

[9] *H. Maspero.* L'annamite. «Les langues du monde». Paris, 1952, p. 581—585 (очерк написан около 1940 г.).

[10] *J. Przyluski.* Langues austroasiatiques. «Les langues du monde». Paris, 1924, p. 395—396.

[11] *C. O. Blagden.* The classification of Annamese language. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1913, p. 427—432.

арийских, а в числе расположенных по соседству тибетских языков с их тональным фонетическим строем.

Историческая фонетика бирманского языка показывает, как тональная система может в ходе своего развития расширяться и дополняться: в среднебирманском (XIII в.) конечные глухие смычные -k,-t,-p,-s еще произносились; однако в современном бирманском они регулярно заменены ларингальной смычкой, перед которой всякий гласный или дифтонг произносится с нарастающей к концу интенсивностью. Получилась артикуляция, весьма сходная с шестым вьетнамским тоном [12] и вошедшая в фонологическую систему бирманского языка как закрытослоговой тон.

Идея развития тональной системы легла в основу блестящей работы А. Одрикура [13], посвященной генезису тонов вьетнамского языка. А. Одрикур, в результате тщательного анализа тайских, кхмерских, древнекитайских и мяо-яоских лексических данных, установил зависимость между современными вьетнамскими тонами и сочетанием глухости/звонкости инициалей с определенными финалями в протовьетнамском языке. Эти зависимости сведены им в следующую эволюционную таблицу:

Начало нашей эры (без тона)	VI век (три тона)	XII век (шесть тонов)	современное состояние
pa	pa	pa	ba
sla hla	hla	la	la
ba	ba	pà	bà
la	la	là	là
pas , pah	pà	pả	bả
slas , hlah	hlà	lả	lả
bas , bah	bà	pã	bã
las , lah	là	lã	lã
pax , pa'	pá	pá	bá
slax , hla'	hlá	lá	lá
bax , ba'	bá	pạ	bạ
lax , la'	lá	lạ	lạ

Данная таблица не может, конечно, считаться окончательным решением вопроса, поскольку в ней рассматривается происхождение тонов лишь в открытых слогах, генезис тональных противопоставлений в полуоткрытых [14] (lai-lái), полузакрытых

[12] См. описание этого тона в статье *Н. Д. Андреев* и *М. В. Гордина*. Система тонов вьетнамского языка по экспериментальным данным. «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 141.

[13] *A.-G. Haudricourt*. L'origine des tons en viêtnamien. «Journal Asiatique», 1954, t. CCXLII, fasc. I, p. 69—82.

[14] См. классификацию вьетнамских слогов в упомянутой статье Н. Д. Андреева и М. В. Гординой, стр. 133.

ban-bàn) и закрытых (mát-măt) слогах остается пока не разъясненным. В частности, особого внимания заслуживают соответствия между вьетнамскими и муонгскими словами с древним плавным на конце: сравните вьет. chại 'бежать' — муонгск.-chả̄l, вьет. cháy 'жечь' — муонг. chả̄l, вьет. hai 'два'— южномуонг. har, вьет. gáy 'петь'— южномуонг. kăr, вьет. bay 'лететь' — южномуонг. pŏ̄r, причем последнее с циркумфлексным тоном, отсутствующим во вьетнамском языке. Эти факты свидетельствуют о том, что эволюция от протовьет-муонгского бестонального состояния к современному тональному вьетнамскому и муонгскому шла сложными путями, которые отнюдь не исчерпываются приведенной выше таблицей. Однако раскрыть эти сложные пути можно будет, только опираясь на основные линии, воссозданные А. Одрикуром.

Таким образом, возникновение тонов во вьетнамском и муонгском еще недостаточное основание для отнесения их к тайской группе. Генеалогия этих двух языков может быть установлена путем изучения древнейших слоев их лексики. Мы уже говорили ранее, что А. Масперо не оспаривал преобладающего мон-кхмерского характера вьетнамского корнеслова. Крупнейший знаток истории кхмерского языка Ж. Кёдес в 1948 г. писал, что «нельзя более отрицать глубоко мон-кхмерский характер вьетнамского словаря» [15]. Ограничимся несколькими примерами: вьет. cá [читается: ká] 'рыба' — монск., кхмерск., стиенгск., бахнарск., рёнгауск., кхаск. ka; вьет. con[-kon]/'ребенок' — монск., бахнарск., рёнгауск., кхаск. kon, стиенгск. kôn, кхмерск. kun; вьет. chim [tʃim] 'птица' — рёнгауск., стиенгск. chim, кхаск. sim, бахнарск. sem, монск. čem; средневьет. blái 'плод' (южно-нововьет. trái, с регулярным для современного южновьетнамского переходом bl > tr) — чамск. play, бахнарск. pley, кхаск. plêh, кхмерск. p'le, рёнгауск. pli; вьет. năm 'год' — кхаск. nŭ'm, монск. s-nam, кхмерск. č'-nam, стиенгск. so'-nam, бахнарск. sa-nâm, рёнгауск. ha-năm и т. д.

В другой своей работе, посвященной месту вьетнамского языка среди аустроазиатских [16], А. Одрикур подробно исследует этимологию вьетнамских названий частей тела и приходит к следующему заключению: слова для понятий «нос», «рука», «глаз», «волос» у вьетнамского языка бесспорно общи по происхождению со всеми эквивалентными мон-кхмерскими словами и не имеют ничего общего с соответствующими словами тайских языков; слова для понятий «голова», «ухо», «рот», «язык», «губа»— общи по происхождению со словами по крайней мере части мон-кхмерских языков и опять-таки не сходны с тайскими словами; только относительно слов для понятий «шея» и «подбородок» можно на равных правах допускать либо мон-кхмерскую, либо тайскую этимологию, поскольку в обеих группах языков соответствующие слова звучат почти одинаково.

Мон-кхмерская этимология вьетнамских слов во многих случаях далеко не очевидна по той причине, что в современном вьетнамском языке упростились начальные консонантные группы, утрачены финали h, s, l, r, озвончились некоторые из глухих инициалей, часть шипящих и свистящих перешла в смычные. Особенно резкое различие во внешнем виде слова создается исчезновением префиксации, свойственной как мон-кхмерским, так и индонезийским языкам. Подобные случаи полного исчезновения префиксации известны также в истории других языков Юго-Восточной Азии: так, ни один из шести префиксов пратибето-бирманского не сохранился в языках подгруппы И (напр., тибетск. bču — И ț 'où' 'десять'), все начальные слоги индонезийских слов исчезли в языках лайской подгруппы (ср. индон. lima — лайск. má 'пять').

Сравнение прамон-кхмерских префиксов k-, t-, p-, m-, s-, и инфиксов -n-, -m-, -l-, -r-, с праиндонезийскими префиксами ka-, ta-, pa-, ma-, ba-, sa-, a-, инфиксами -(i)n-, -(u)m-, и полуинфиксом -r- показывает, что система слово- и формообразователь-

[15] *G. Coedès*. Les langues de l'Indochine. «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», t. VIII, 1948, p. 72.

[16] *A.-G. Haudricourt*. La place du viêtnamien dans les langues austroasiatiques. BSL, t. 49, facs. 1, 1953, p. 125—127.

ных средств была в основных чертах общей у этих двух групп языков и восходила к единому первоисточнику. Поэтому анализ муонгских и средневьетнамских форм, в которых обнаруживаются бесспорные следы префиксации, преобретает особое значение. В средневьетнамском существовало большое количество слов с начальным сочетанием двух согласных; еще больше их в современном муонгском языке. Приведем несколько примеров: средневьет. blăng > совр. [ź'ăŋ] (орфографически giăng) — муонгск. plăng 'луна'; ср.-вьет. tlăm > совр. [tˢăm] (орф. trăm) — муонгск. tlăm 'сто'; ср.-вьет. mlát > совр. [ñát] (орф. nhát), южновьет. lát — муонгск. mlát 'удар'; южно-вьет. [tˢók] (орф. trô'c) — муонгск. klô'k 'голова'. Такое упрощение двухконсонантных сочетаний в одноконсонантные имело место также и у соседних вьетнамскому языков тай-дам и тай-кау. Аналогичные процессы наблюдаются в некоторых мон-кхмерских и тибето-бирманских языках; можно сказать, что здесь мы имеем дело с общей тенденцией языков Юго-Восточной Азии.

Исходя из того, что в средневьетнамском (XVI в.) наличествовали сочетания bl-, ml-, tl-, а в муонгских диалектах и сейчас представлены kl-, pl-, tl-, ml-, Ж. Пшилуский[17] сделал вполне обоснованный вывод, что на древнейшей стадии вьетнамский язык обладал по крайней мере четырьмя префиксами; k-, t-, p-, m-. Существование пятого префикса s — установил А. Одрикур при исследовании генезиса тональной системы (см. таблицу на стр. 104). Таким образом, историко-фонетический анализ приводит к заключению, что протовьет.-муонгский язык имел ту же самую систему префиксации, которая сравнительной грамматикой устанавливается для мон-кхмерской и индонезийской групп.

Сопоставляя вьет. [kon] (орф. con) 'ребенок' с прилагательным non 'молодой, нежный', Ж. Пшилуский предположил, что последнее восходит к *knon, т. е. к инфигированному [kon]. Данный тип инфиксации широко распространен в мон-кхмерских языках: ср. кхаск. sad 'причесывать' — snad 'гребень', šoŋ 'обитать' — šnoŋ 'деревня'; с фонетической же точки зрения переход *knon > non вполне подобен известному переходу др.-англ. knāwan > совр. англ. [noʊ] 'знать' (орфографически know). Дальнейшие этимологические разыскания покажут, является ли этот случай единственным остатком инфиксации во вьетнамском языке или имеются и другие следы.

Индонезийская, мон-кхмерская и вьет.-муонгская группа языков очевидным образом составляют некую общность с точки зрения формообразующей префиксации. Особенностью индонезийских языков, отличающей эту группу от двух других, является, наряду с префиксальным формообразованием, наличие префиксации другого вида, а именно — основообразующей. Праиндонезийское основообразование было детально рассмотрено Р. Брандштеттером[18]; сделанный им принципиальный вывод, согласно которому праиндонезийская двусложная основа делится на две части: переменную, т. е. префиксальную, и постоянную, т. е. корневую, — был впоследствии принят и поддержан Ж. Ферраном[19] и рядом других ученых. Иллюстрацией этого принципа могут служить следующие сопоставления: др.-яванск. pa-suk 'входить', a-suk 'вносить', skusu 'проникать', малайск ma-suk 'входить, вступать', кароск. pa-suk 'проникать', ачехск. ra-suk 'колышек для вбивания', даякск. ma-suk 'входить', сунданск. tu-suk 'проникать внутрь', ti-suk 'вонзать, колоть', тагальск. to-sok 'пронзать, делать дыру', бисайск. da-sok 'втискивать, запихивать', o-sok 'колышек', наболойск. u-sok-an 'вход', тирурайск. suk-u 'острый кол для вбивания'. Очевидно, что корнем этих слов является -suk- 'проникать, входить'; слоги же pa-, a-, su-, ma-, ra-, tu-, ti- и другие, предшествующие корню, являются разнородными формо- и основообразующими префиксами. Подобное разнообразие префиксов не составляет особенности рассмотренного корня: к примеру, понятие «жабры» по-тагальски и бисайски передается словом ha-sang, по-тонтембоански и булуски a-sang, по-гайоски i-sang, по-малайски in-sang и т. д.

Опираясь на данную закономерность праиндонезийского основообразования, можно искать новые пути для установления этимологии вьетнамских слов. Действительно, полагая, что в индонезийском слове kerbau 'буйвол' корневым является лишь слог -bau, а ke-r- представляет собой сочетание двух приставок, мы получаем разъяснение джарайского kə-bau 'буйвол' и семангского[20] ki-bao, как гомокорневых форм с более простой префиксацией, стиенгского k-ban 'буйвол', как частично редуцированной префиксальной формы, и, наконец, вьетнамского [tˢʌu̯] 'буйвол' (орфографически trâu), как формы с упростившимся сочетанием начальных согласных, т. е. с полностью поглощенным префиксом.

Знание законов праиндонезийского и мон-кхмерского основообразования позволяет также уточнить направление заимствований от одного к другому языку Юго-Восточной Азии. Обычно вьетнамское đêm 'ночь' возводилось к тайскому đăm 'черный'; однако сопоставление муонгского têm 'ночь' с монским be-tăm 'ночь' и индонезийским hi-tam 'черный' показывает, что корень -tam был исконно общим мон-кхмерским и индонезийским языкам, и, следовательно, тхайское đêm представляет собой одно из многочисленных заимствований тайских языков из мон-кхмерских. Поэтому вьет.-муонгское têm > đêm следует рассматривать как элемент лексического наследия той языковой общности, о которой мы уже говорили выше и из которой вышли индонезийская, мон-кхмерская и вьет-муонгская группы языков. Мы будем именовать эту общность *азионезийской* семьей языков.

Принадлежность вьетнамского языка к азионезийской семье не противоречит тому обстоятельству, что определенная доля вьет.-муонгского корнеслова оказывается общей с корнесловом тайских языков: ср. вьет. chuột 'крыса' — лаосск. dˇuột, тхайск. dˇuèt; вьет. đâm 'толочь' — тхайск., ахомск. tăm, лаосск. tăm, шанск. tăm; вьет. bìt 'закрывать' — тхайск. pˇit, лаосск. pˇit, шанск. püt. Бесспорен факт заимствований из тайских языков во вьетнамский, но столь же бесспорен факт и обратных заимствований в тайские языки из вьетнамского; установление того, какая часть общей тайско-вьетнамской лексики имеет тайское, и какая — азионезийское происхождение, составляет особую, очень нелегкую, но весьма интересную задачу, которую необходимо решать, привлекая, с одной стороны, — для вьетнамского — мон-кхмерские и индонезийские параллели, а с другой стороны, — для тайских — материалы тибето-бирманских и древнекитайского языков.

Нельзя забывать и о том, что некоторая часть вьетнамского корнеслова связана с языками группы мяо-яо. Так, вьетнамское xu'o'ng [sɨʌŋ] 'кость' явно связано со словами языков группы мяо-яо, имеющими то же значение: хай-яоск. sang [saŋ], хай-мяоск. song [soŋ], канаоск. 'shong [sʻóŋ], хмонгск. chang [tsʻáŋ]; подобным же образом вьет. đuôi [đu̯oi̯] 'хвост' связано с миенск. 'tuoy [tu̯ói], хай-яоск. 'toi [tói], канаоск. 'tue [tu̯é], хай.-мяоск. 'to [tó], хмонгск. 'tɯ [ty], хунчань-мяоск. tɯ [ty] — все со значением 'хвост'. Наличие мяо-яоского слоя во вьетнамской лексике раскрывает сложность исторического развития вьет.-муонгской группы, во-первых, ассимилировавшей мяо-яоские элементы, во-вторых, взаимовлиявшей с тайским адстратом и, в-третьих, уже в историческую эпоху вовлеченной в сферу могучего воздействия китайской культуры и китайского лексического влияния.

Ускоренное и далеко зашедшее фонетическое развитие несколько обособило вьет.-муонгскую группу от остальных двух групп азионезийской семьи, однако не настолько, чтобы исконные глубокие связи между ними стали неопознаваемыми. Эти связи все еще хорошо прослеживаются на числительных и в некоторых явлениях аналитической морфологии.

---

[17] *J. Przyluski.* Указ. соч., стр. 397.

[18] *R. Brandstetter.* An introduction to Indonesian linguistics. Essay I. London, 1916, p. 1—112.

[19] *G. Ferrand.* Langues malayo-polyonesiennes. «Langues du monde». Paris, 1924, p. 405—459.

[20] Наряду с радэским и чамским джарайский и семангский языки являются переходными от индонезийских языков к мон-кхмерским; стиенгский относится уже к последним.

Сопоставим мон-кхмерские числительные с числительными языков вьетнамского, муонгского, сантали (из группы мунда), общекитайского, древнекитайского и тибетского:

	‘один’	‘два’	‘три’	‘четыре’
сантали	mits	bar	pe	pon
монский	mu̯aḭ	ba :, bar[21]	pi	pan
кхмерский	muḭ	pir, -bâr[22]	beḭ	buon
муонгский	mộc	har, hal[23]	pa	pôn
вьетнамский	mộṭ	hai	ba	bôń
общетайский	ĕt	ñi	sam	si
древнекитайский . .	ʾyĕt$_4$	ñz′i$_3$	sam	si^3
тибетский	g-čig-s	g-ñi-s	g-sum	b-ź i

А. И. Блинов [24] упрекает Ж. Пшилуского в том, что он в своих анализах ограничивается первыми четырьмя числительными. Этот упрек не основателен: в языках мон-кхмерских и мунда сама система счисления была построена на числах 4 и 20, т. е. была четверично-двадцатиричной [25]; поэтому сходство или несходство именно первых четырех чисел в данном случае имеет решающее значение. При рассмотрении нашей таблицы не остается никаких сомнений в том, что мон-кхмерские и вьет.-муонгские названия первых четырех чисел восходят к одному первоисточнику (причем к тому же, что и в языках мунда), а тайские — к совершенно другому, но общему с древнекитайским и тибето-бирманским. Действительно, последние три группы входят в другую языковую общность, которую одни языковеды именуют сино-тибетской, другие — таи-китайской и которую, на наш взгляд, целесообразнее всего называть китайско-таи-тибетской языковой семьей, в одном названии отражая все три составные ее части.

Без затруднений определяется этимология и других вьетнамских числительных: вьет. năm ‘пять’ — бахнарск. s-nam, кхмерск. pram<*p-ḏăm, стиенгск. pədăm (при общетайск. r-ŋa, тибетск. l-ŋa, бирманск. ŋa, древнекит, ŋŋo$_2$); вьет. bâ̭y ‘семь’, муонгск. pâ̭y — монск. t- pah, стиенгск. poh, боловенск. poh (чье конечное — h обусловило четвертый вьет.-муонгский тон, см. таблицу выше); вьет. tám ‘восемь’ — боловенск. tham, монск. tecam, бахнарск. tehŋam, седангск. tehicam; вьет. chín ‘девять’ — боловенск. cin, стиенгск. sen, бахнарск. и седангск. tecin. Соответствующие им китайско-таи-тибетские числительные так же, как и в предыдущих случаях, восходят к одному первоисточнику, но с мон-кхмерскими и вьет.-муонгскими не имеют ничего общего.

Переходя к морфологии, отметим, что в условиях моносиллабичности, в сторону которой эволюционировала вьет.-муонгская группа, трудно было бы ожидать сохранения синтетических или агглютинативных средств выражения грамматических категорий. Однако одна особенность азионезийских языков оставила свой след во вьетнамской лексике; речь идет о морфологическом противопоставлении интранзитивных форм транзитивам:

	непереходные	переходные
монский	yo̤ ‘быть больным’	pă-yo̤ ‘сделать больным’
бахнарский	do̤ ‘треснуть, лопнуть’	pə-do̤ ‘расколоть’
и, в частности, в паре .	‘умирать’-	‘убивать’:
палаунгский и ламетский	yām	p-yam
кхмуский	han	p-han
кхмерский	s-lap	s-am-lap
куйтраский	k-cet	k-om-cet
монский	cet	kə-cet
фонгский	cet	pö-cet
тьрауский	ćĕt	tă-ćĕt
вьетнамский	chê′t	giê′t [ž′et]

Здесь (ž), как мы уже видели ранее, представляет упростившуюся двухконсонантную группу протовьет.-муонгского. Не исключена возможность, что при более тщательном исследовании во вьетнамском языке обнаружатся и другие следы прежних морфологических категорий, имевшихся в азионезийском праязыке.

А. Масперо хочет видеть во вьетнамских артиклях con и cái кальку с тайских «артиклей», обозначающих живые и неживые существа. Однако в действительности тайские языки не имеют артиклей [26]; слово ḏŭĕ, принятое А. Масперо за артикль, на самом деле является счетным словом для животных и ставится постпозитивно в отличие от вьетнамского артикля con, во-первых, употребляемого и без числительных (поэтому его нельзя рассматривать как счетное слово), во-вторых, ставящегося препозитивно к определяемому существительному. Точно так же и шанское ăn, счетное слово для неживых объектов, ставится постпозитивно, тогда как вьетнамский артикль cái употребляется препозитивно. В этом отношении вьетнамские артикли обнаруживают синтаксический и функциональный параллелизм с мяо-яоскими to̤ и lo̤: to̤ či

---

[21] В древних надписях с -r.

[22] В производном dăm-bâr — ср. также индонезийское par-o, par-uh ‘половина’.

[23] Переход p > h известен, например, в развитии армянского из позднеиндоевропейского.

[24] *А. И. Блинов*. Указ. соч., стр. 156.

[25] См. об этом: *H. Maspero*. Les langues mon-khmer. «Les langues du monde». Paris, 1952, p. 617—618; *его же*. Les langues mounda (там же, стр. 641).

[26] *F. Martini*. L'opposition nom et verde en vietnamien et en siamois. BSL, t. 46, 1950, p. 192.

‘отец’, lọ čệ ‘дом’; весьма любопытно то обстоятельство, что при слове со значением ‘нож’, т. е. при обозначении неодушевленного объекта, употребляется артикль одушевленности и в мяо-яоских и во вьетнамском языках: вьет. con dao, мяо-яоск. tọ̀ nêŋ. Это лишний раз демонстрирует роль мяо-яоских элементов в формировании вьет.-муонгской группы.

Вьетнамский показатель развивающегося действия, имеющий две фонетические формы, đtang [ḍaŋ] uđu’ o’ng [ḍɯŋ], рассматривается А. Масперо как заимствование из китайского. Однако китайское 當 [dāŋ] имеет значение ‘быть, становиться, делаться кем-либо’, если за ним следует существительное, и значение ‘должно, следует’, если за ним стоит глагол, т. е. данная китайская форма представляет собой либо полузначную связку, либо модальный глагол, и не имеет значения развивающегося действия (для выражения которого в китайском языке используется совершенно иной показатель).

На наш взгляд, вьетнамское đtang не является заимствованием из китайского. Исследуя происхождение этого показателя, мы обратимся к индонезийскому языку, где развивающееся действие обозначается показателем sedang. Поскольку в русском языке развивающееся действие не имеет особого грамматического выражения, мы используем сравнение с английским Present Continuous:

вьет. anhđangđọc sách = he is reading a book,
индон. dia sedang makan nasi = he is eating rice,
вьет. chịđang làm việc=she is working (a work),
индон. saja sedang menulis huruf = I am writing letters.

Функциональный и синтаксический параллелизм — полный. Необходимо теперь установить этимологическую связь между этими двумя показателями. Известно, что индонезийская приставка se может исчезать при удвоении: sedikit-dikitnja, segala-galanja, sekurang-kurangnja и легко присоединяется к словам, которые могут выступать без нее: sudah-sesudah, telah-setelah, orang-seorang-seseorang. Она может появляться и как основообразующий элемент при односложных корнях: se-bau при bau, se-gan при eng-gan (ср. eng-kau при kau).

Таким образом, есть все основания индонезийский показатель sedang членить на приставку se- и корень -dang, устанавливая его материальное и смысловое тождество с вьетнамским đang.

Следует далее обратить внимание на не отмеченное у А. Масперо формальное и функциональное сходство вьетнамского показателя будущего времени sẽ и кхмерского показателя будущего времени [sem] (где конечное-m, возможно, имеет ту же природу, что и -m- в s-am-lap при s-lap, т. е. кхмерское sem〈*se-m-h, а вьет. sẽ〈* seh).

Вьетнамский показатель прошедшего времени đã А. Масперо вполне правомерно сближает с южносакайским показателем прошедшего времени, ə-dah: в рамках схемы А. Одрикура (стр. 9) это сравнение фонетически безупречно. Однако следующее за этим у А. Масперо сопоставление обеих данных форм с индонезийским telah (через гипотетическое*t-l-ah, которое сам А. Масперо ставит под знак вопроса) нам представляется совершенно неудачным. Здесь имеется возможность гораздо более простого объяснения; в индонезийском языке, наряду с telah, употребляется показатель прошедшего времени sudah, где мы по уже известному закону выделим приставку su- (ср. su-suk от корня suk) и корень -dah, фонетически строго соответствующий вьетнамскому đã.

Наконец, А. Масперо вьетнамский показатель завершенного действия r’ôi[ž̀òi] связывает с тайским [lɛu, в транскрипции Масперо — lɛo[3]), вокализм которого вряд ли допускает такое сближение. По нашему мнению, вьетнамское r’ôi следует сопоставлять с кхмерским показателем прошедшего завершенного ho’i. Соответствие вьет. ź/кхмерск. h имеет место и в других случаях: вьет. ra[źā] ‘выходить, появляться, покидать, открывать’ — кхмерск. hâ ‘открывать, покидать, уходить, отделяться’, вьет. rộm [ž̀òm] ‘надувать, вздувать(ся), набухать’ — кхмерск. ho’m ‘надувать, раздувать(ся), опухать’; вьет. rạch [ź’ɛ’c] ‘равный’ — кхмерск. hêk ‘рвать, разрывать’. Такое соответствие не представляет собой чего-либо исключительного: различие между фр. *Жан* и исп. *Хуан* основано именно на нем; его же мы обнаруживаем при сравнении шанских hŭt ‘лить’ и hôt ‘тащить’ с вьетнамскими rót[ž́ót] и rút[ž́út] с тем же значением.

Таким образом, если система вьетнамских именных артиклей сформировалась под влиянием мяо-яоских элементов, то система вьетнамских глагольных показателей, как показывают предыдущие анализы, является и материально, и функционально всецело азионезийской.

Суммируя все приведенные выше фонетические, лексические и морфологические данные, мы приходим к выводу, что вьетнамский язык генеалогически связан с монкхмерскими и индонезийскими языками, входя вместе с ними в одну азионезийскую языковую семью. Имеющиеся во вьетнамском и тайских языках общие элементы порождены взаимовлиянием этих языков в условиях многовекового соседства. Если окажутся правыми П. Бенедикт [27] и К. Вульфф[28], предполагающие родство между семьями, называемыми нами китайско-таи-тибетской и азионезийской, можно будет говорить об отдаленных и опосредствованных генеалогических связях между вьетнамским и тайскими языками. Но эти связи, по всей вероятности, окажутся менее значительными, чем связи между вьетнамским языком и китайским, поскольку последние прослеживаются, начиная с самой глубокой древности.

SUMMARY

Endeavouring to trace the origin of the Vietnamese language, N. D. Andreyev compares the systems of some of the Southeast Asian languages. Summing up a wealth of information on phonetics, lexicography and accidence, the author arrives at the conclusion that the Vietnamese language is genealogically related to the Mon-Khmer and Indonesian languages and that it belongs, together with them, to the Asionesian family of languages. Some of the common elements found in the Vietnamese and Thai languages are caused by their mutual influence over a period of many centuries of close proximity.

[27] *P. K. Benedict*. Thai, Kadai and Indonesian, a new alignment in Southeastern Asia. «American Anthropologist», vol. 44, p. 576—601.

[28] *K. Wulff*. Über das Verhältniss des Malayo-polynesischen zum Indochinesischen. Kobenhavn, 1942.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

КИТАЙСКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

В газете «Жэньминьжибао» 11 декабря 1957 г. опубликован проект китайского фонетического алфавита, одобренный в ноябре 1957 г. 60 пленумом Государственного Совета КНР. В феврале 1958 г. этот алфавит был окончательно утвержден на 5 сессии Всекитайского собрания народных представителей в Пекине. Проект китайского фонетического алфавита создан на основе латинской графики.

Ниже приводим алфавит, обозначения начальных согласных, таблицу слоговых окончаний.

АЛФАВИТ
(с названиями букв в русской транскрипции)

Aa *а*	Bb *бэ*	Cc *цэ*	Dd *дэ*	Ee *э*	Ff *эф*	Gg *гэ*
Hh *ха*	Ii *и*	Jj *цзе*	Kk *кэ*	Ll *эл*	Mm *эм*	Nn *нэ*
Oo *о*	Pp *рэ*	Qq *цю*	Rr *ар(л)*	Ss *эс*	Tt *тэ*	Uu *у*
Vv *вэ*	Ww *уа*	Xx *си*	Yy *йа*	Zz *цзэ*		

Буква v будет употребляться только в словах, заимствованных из других языков и диалектов. Форма рукописных букв та же, что и в других письменностях с латинской графической основой.

ОБОЗНАЧЕНИЕ НАЧАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ КИТАЙСКИХ СЛОГОВ
(с русской транскрипцией)

b *б*	p *п*	m *м*	f *ф*	d *д*	t *т*	n *н*	l *л*
g *г*	k *к*	h *х*		j *цз(и)*	q *ц(и)*		x *с(и)*
zh *чж*	ch *ч*	sh *ш*	r *ж*	z *цз*	c *ц*		s *с*

В скорописи вместо двубуквенных обозначений zh *чж*, ch *ч*, sh *ш* допускаются написания $\hat{z}$, $\hat{c}$, $\hat{s}$ (с «шапкой» сверху).

СЛОГОВЫЕ ОКОНЧАНИЯ
(с русской транскрипцией)

	i *и*	u *у*	ü *юй*
a *а*	ia *я*	ua *уа*	
o *о*		uo *уо*	
e *э*	ie *е (ие)*		üe *юэ*
ai *ай*		uai *уай*	
ei *эй*		uei *уэй, уй*	
ao *ао*	iao *яо*		
ou *оу*	iou *ю, еу*		
an *ань*	ian *янь*	uan *уань*	üan *юань*
en *энь*	in *инь*	uen *унь*	ün *юнь*
ang *ан*	iang *ян*	uang *уан*	
eng *эн*	ing *ин*	ueng *ун*	
ong *ун*	iong *юн*		

В китайском фонетическом алфавите использованы все двадцать шесть букв современного латинского алфавита, включая *j* и *w*. Кроме них, принята буква ü для обозначения промежуточного гласного, передаваемого в русской транскрипции через *юй*. Три «твердых» (ретрофлексных) шипящих передаются диграфами *zh*, *ch*, *sh*. Диграфом же *ng* обозначается заднеязычный *n* (*н*—в русской транскрипции). В индивидуальном письме его разрешается писать через η (знак международной фонетической транскрипции). Букве *r* придано два значения: начального согласного (шипящего ретрофлексного) и конечного сонанта [в русской транскрипции в первом случае употребляется буква *ж*, во втором — *ар*]. Мягкие свистящие, передаваемые в русской транскрипции через *цз(и)*, *ц(и)*, *с(и)*, будут обозначаться латинскими буквами *j*, *x* с необычным для них фонетическим значением.

Буквы *y*, *w* решено использовать в качестве знаков слогораздела при отсутствии перед слоговыми окончаниями разрядов «i», «u», «ü» начальных согласных:

yi, ya, ye, yao, you — разряд «i».
yau, yin, yang, ying, yong
wu, wa, wo, wai, wei — разряд «u».
wan, wen, wang, weng
yu, yue, yuan, yun — (разряд «ü»).

Проектом предусмотрено обозначение тонов. Вводятся знаки; для первого тона [-], для второго [/], для третьего [v], для четвертого [\]. Слогораздел перед гласными *a, e, o* предлагается обозначать знаком апострофа ['']:pi'ao,'шуба', hei'an'темнота'.

Реформа письменности в КНР, согласно предложениям VIII Всекитайского съезда компартии по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (1958—1962 гг.), будет осуществляться «планово и последовательно». Китайский фонетический алфавит в ближайшее время будет использован в первую очередь для транскрибирования иероглифов согласно нормам единого китайского литературного языка, так называемого путунхуа. Это сделает более легким усвоение иероглифов массами китайского населения и поможет изучению и распространению путунхуа по всему Китаю.

SUMMARY

These are brief comments on the proposed Chinese phonetic alphabet adopted by the National People's Congress in February 1958. They give the new Chinese alphabet, the tabulations of initial consonants and syllabic endings.

ЯЗЫК ДАРИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Г. М. ПЕТРОВ

При изучении данных о населении 7-го остана Ирана (центр — г. Шираз), опубликованных в т. 7 «Иранского географического словаря» [1], внимание пишущего эти строки привлекли сведения о части населения этого остана, говорящего на языке дари.

В 7-м остане имеется 8 шахрестанов, которые делятся на 32 бахша. Они имеют 154 дехестана, в которых насчитывается 2885 деревень. Всего населения в 7-м остане 1 172 635 чел. (в том числе 230,6 тыс. жителей городов).

Носители языка дари проживают в шахрестане Лар и в бахше Ахрам шахрестана Бушир.

Ниже приводится сводка о численности населения, говорящего на языке дари, а также о районах распространения этого языка, сделанная нами на основе данных указанного издания. Заметим, кстати, что в остальных томах словаря, касающихся других останов Ирана, сведения о дари нам не встречались.

Составители словаря называют язык дари разновидностью персидского языка. Они указывают также, что этот язык, как мы уже отмечали, называется еще «степным (дашти)». Такое название он получил, по-видимому, потому, что носители его проживают в районе, который в Иране известен как Дашт или Даштистан. Составители выделяют также арабоязычное и тюркоязычное население, проживающее по соседству, а иногда даже в одних и тех же деревнях с населением, говорящим на языке дари.

---

[1] فرهنگ جغرافیای ایران (Иранский географический словарь), т. 7. Тегеран, 1330/1951.

В шахрестане Лар

Название бахша	Название дехестана	Общее число: деревень дехестана	Общее число: из них: деревень с населением, говорящим на яз. дари	Число жителей в тыс. чел.: всего	Число жителей в тыс. чел.: из них: говорящих на яз. дари
Говбанди [2]	Байрам	30	30	6,4	6,4
»	Хуме	26	9	9,9	2,4
»	Эшкатан	22	22	6,7	6,7
	всего	78	61	23,0	15,5
Ленге [3]	Хуме	29	15	17,2	16,5
»	Хамдади	9	7	2,8	2,7
»	Чарики	19	17	7,5	5,6
»	Марзуки	17	10	5,9	4,3
»	Бадави	10	5	3,9	1,4
	всего	84	54	37,3	30,5
Бастак [4]	Хуме	14	14	13,6	13,6
»	Гуде	25	25	8,0	8,0
»	Ламазан	6	6	1,8	1,8
»	Фарамарзан	11	11	5,6	5,6
»	Дежган	8	8	2,1	2,1
»	Руидар	9	9	2,4	2,4
	всего	73	73	33,5	33,5
Маркази [5]	Хондж	41	33	8,9	8,1
»	Арад	3	3	1,4	1,4
»	Сахрайе баг	9	8	3,9	3,6
»	Хуме	17	16	18,8	18,5
»	Дорз сайебан	4	3	0,6	0,4
»	Фадаг	4	4	2,1	2,1
	всего	78	67	35,7	34,1
Джуим [6]	Бонаруйе	12	8	6,7	3,8
»	Харм харийян	9	9	2,9	2,9
»	Джуим	12	6	1,1	0,8
»	Бидшахр	7	7	3,1	3,1
	всего	40	30	13,8	10,6
	Итого в шахрестане Лар	353	285	143,3	124,2

---

[2] Указ. соч., стр. 11, 44. В источнике сказано, что языком местных жителей служит язык дари.

[3] Там же, стр. 24, 69, 212, 219.

[4] Там же, стр. 100, 119, 163, 205, 208—209. 211.

[5] Там же, стр. 8, 90, 97, 150, 162, 209

[6] Там же, стр. 43, 240.

В шахрестане Бушир

Ахрам[7]	Самал	6	6	2,5	2,5
»	Хавиз	8	3	1,1	0,5
»	Багак	13	13	5,7	5,7
»	Хуме	4	4	4,4	4,4
»	Сахели	15	15	6,3	6,3
Итого в шахрестане Бушир		46	41	20,0	19,4
Итого в обоих шахрестанах		399	326	163,3	143,6

Таким образом, люди, говорящие на языке дари, составляют 15,2% сельского населения 7-го остана, а число деревень, в которых они проживают,— 11,3% всех деревень этого остана.

Итак, на территории Ирана, прилегающей к Персидскому заливу, сохранилась этническая группа, которая называет свой язык дари, хотя и владеет персидским языком. Возникает, естественно, вопрос о необходимости изучения грамматического строя, фонетических особенностей, лексики и истории этого языка, на котором в южной части Ирана сейчас говорит около 144 тыс. человек. Несомненно, что в свете многолетних споров о соотношении «персидский — дари — таджикский» и о том, что понималось в средневековой традиции под дари, данные о существовании в современном Иране языка с таким названием, близкого, насколько можно судить, к современному персидскому языку, приобретают тем больший интерес, а важность изучения его становится тем более очевидной.

SUMMARY

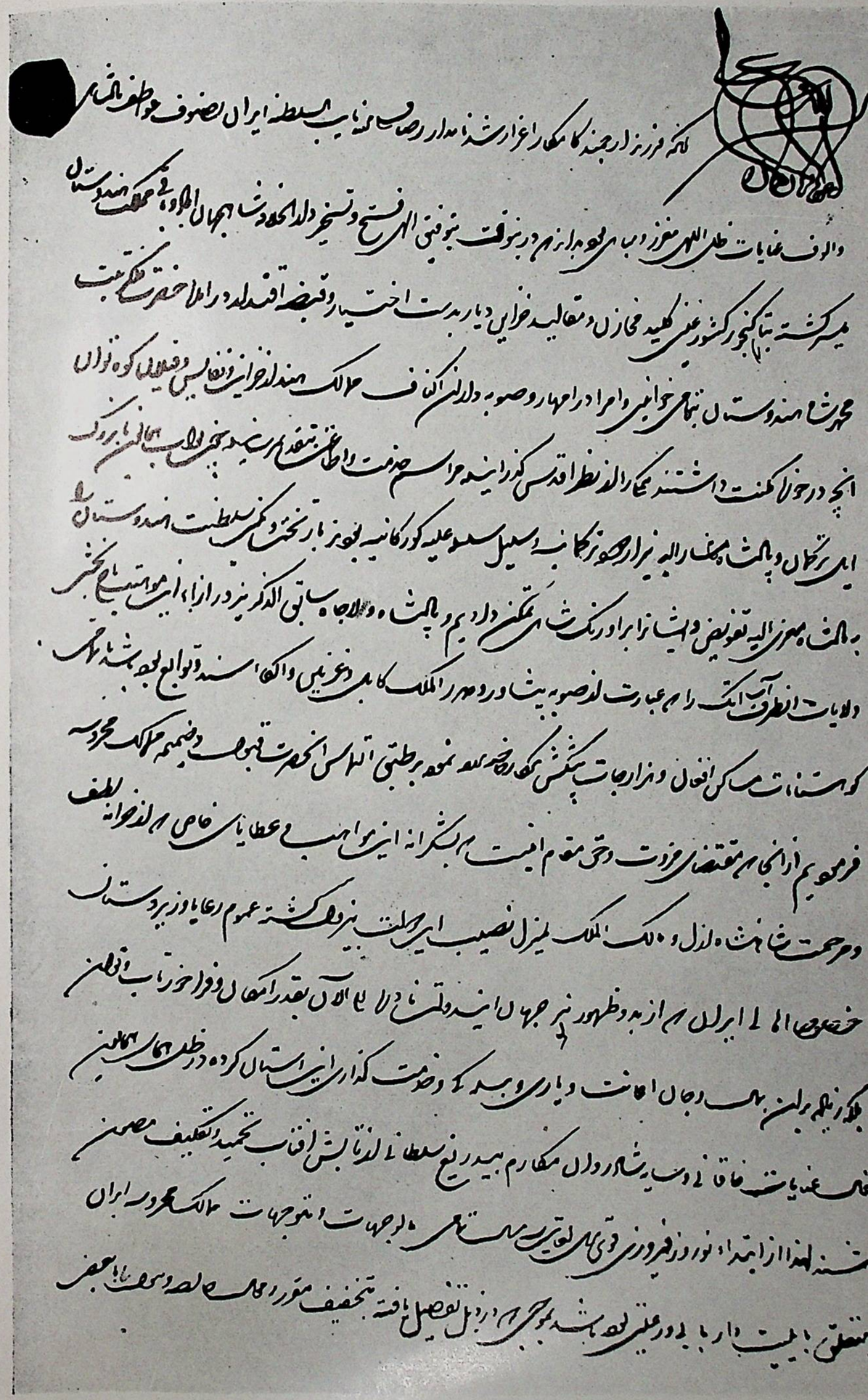
Using statistical data on the population in the Seventh Ostan of Iran (with Shiraz as its center), the author gives information about a group of 144,000 people in South Iran who speak the Darī language which is close to modern Persian. The author emphasizes the importance of studying this language having in view the discussion conducted for many years on the significance of the medieval term «darī» and the relationship between Tajik, Darī and Persian.

ФИРМАН НАДИР-ШАХА

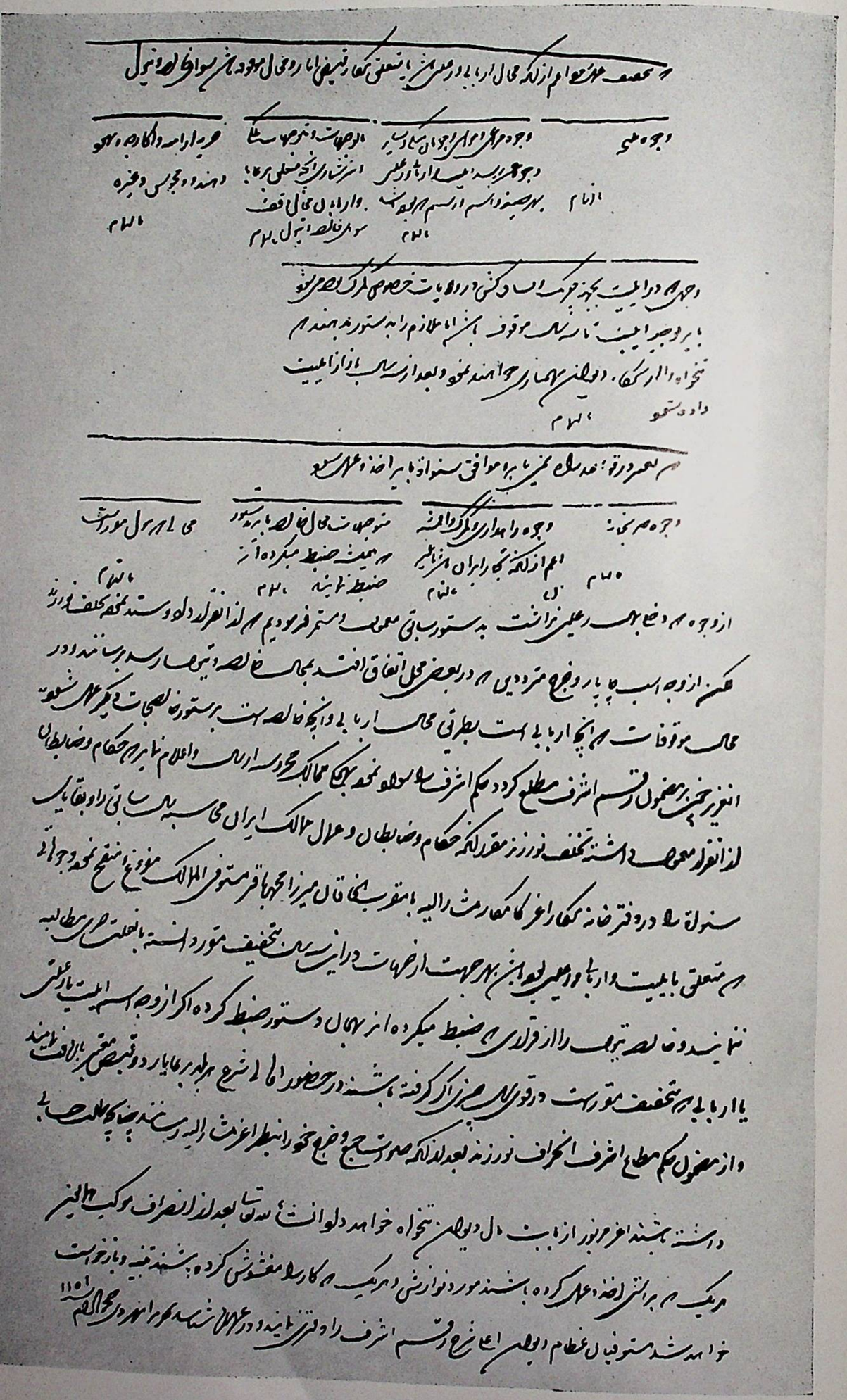
М. Р. АРУНОВА

Подлинных персидских документов, характеризующих важнейшие стороны феодальных отношений в Иране, сохранилось немного. Одним из таких документов является фирман Надир-шаха 1151/1739 г., в котором содержится перечень основных податей и повинностей.

[7] Указ. соч., стр. 16. Язык местных жителей источник называет: «персидский, местный (дари)» и сообщает, что «он называется также языком дашти».

Фирман Надир-шаха

Более ста лет назад * был опубликован приближенный перевод фирмана на русский язык, найденный в Астраханском архиве среди черновиков донесений русского резидента в Иране И. П. Калушкина. В 1878 г. был издан еще один перевод части фирмана**. Переводы эти неполные и неточные, персидские термины в них заменены русскими, которые во многих случаях неверно передают их действительный смысл, отсутствует научный комментарий. Вероятно поэтому они даже не упоминаются ни одним из отечественных или зарубежных исследователей.

Персидский текст фирмана был обнаружен нами в фонде «Сношения России с Персией» Архива внешней политики России (АВПР), в виде копии с подлинника фирмана, приложенной к реляции русского резидента в Иране И. П. Калушкина от 22 июня 1739 г. ***.

Фирман написан после взятия Дели в месяце зильхиджже 1151 г. х. от имени Надир-шаха и адресован его сыну Риза-Кули-мирзе, оставленному в Иране наместником. Ниже приводится текст фирмана и его перевод.

Перевод фирмана

Верность принадлежит Аллаху всевышнему.

Августейший указ вышел о том, чтобы достойный и счастливый дорогой старший сын именитый Риза-Кули-мирза, наместник султанской власти Ирана, возвеличенный и прославленный разного рода падишахской благосклонностью и тысячами милостей тени Аллаха [1] пусть знает, что ныне по милости божьей осуществились покорение и завоевание столицы Шахджеханабада и остального государства Индии.

По приказу обладателя богатой страны ключи от казны и ключи от сокровищниц края [2] перешли в [наше] распоряжение. Его величество небесносановный Мухаммед — шах Индии со всеми ханами, эмирами и правителями областей и местностей государства Индии из сокровищниц и редкостных драгоценностей и слонов, мощных, как гора, то есть то, чем они были богаты, все представил священному взору [3] и исполнил обычаи службы и повиновения. Так как наша августейшая особа [4] есть знатное лицо туркменского племени, а вышеупомянутый падишах также принадлежит к туркменскому [родословному] дереву и является потомком высокой курхановой династии[5], престол и перстень султанской власти Индии возвратили вышеупомянутому высокочтимому падишаху и утвердили его на царском престоле; тот упомянутый благородный падишах, а также взамен этого дара раздающего короны [6] области по ту сторону реки Аттока, что включают в себя Пешавар, Кабул и Газни и область Синд и подчиненные местности со всеми горными жилищами афганцев и Хезареджат, преподнес саркару [земель] хассэ- и шерифэ[7]. [Мы], согласно просьбе Его величества [Мухаммед-шаха], изъявили согласие и присоединили [их] к богохранимому царству[8].

Поскольку за необходимое великодушие и справедливость считаем, что [в знак] благодарности за все эти милости и особые дары, которые из казны благости и милосердия предвечного царя царей и обладателя вечного царства выпали на долю этой нетленной державы, и потому, что все подданные и подчиненные, особенно жители

---

* *В. Ильин.* О походе Надир-шаха в Индию (исторические материалы), «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 26—32.

** *И. Михайлов.* По вопросу о пути в Индию чрез Персию. «Церковно-общественный сборник», 1878, № 94-95.

*** АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739 г., д. 5, л. 247—249.

[1] Надир-шаха.

[2] ключи от казны отдельных местностей страны.

[3] Надиру.

[4] имеется в виду Надир-шах.

[5] Курканами назывались зятья чингизидов.

[6] имеется в виду Надир-шах.

[7] в фонд земель шахского домена.

[8] Ирану.

Ирана, которые с начала восхода светила мира, этой Надировой державы, до сих пор по мере возможности и соответственно силам и способности достойные терпение и силу проявляли, терпя убыток в имуществе и утеснение души, но даже и более того, высказывали готовность служить этому высокому порогу и, находясь под сенью этого августейшего царского попечения и тенью полога безграничных султанских щедрот, от зноя солнца и трудностей хранимы, мы с начала нового победного года Овцы в течение трех лет все подати богохранимого государства Ирана, все, что ни относилось бы к землям племен, землям арбаби и землям ра'йятов, согласно тому, как ниже подробно изложено, постановили к снятию. То, что постановлено снять независимо от того, будь то махалл арбабский [9], или ра'йятский [10] и будь то относящееся к [землям, управляемым] саркаром [ведомства], оставляющего благодатный след [11], или махаллы вакфа, за исключением халисэ и тиула:

подать натидже — полностью [снять], подати мара' и ва маваши, чобан-беги и остальные, существующие по названию [12] и обычаю подати, [которыми облагались] иляты, арбабы и ра'йяты [снять] полностью.

Мал у джихат, мутаваджихат- и мульки, саршомари — те, что касаются ра'йятов, арбабов и махаллов вакфа [13], кроме халисэ и тиула [снять] полностью;

джизью с армян, грузин, евреев, индийцев, гебров и других [снять] полностью; подать, [которой облагались] иляты, в виде черика и ясак-каша, в специальных таможенных округах [14], следует с илятов до трех лет не взимать, но мулязимов, согласно инструкции, пусть поставляют, за что им жалованье от управителя дивана неотложных дел будут платить, а по [прошествии] трех лет снова с илятов [эти подати] взимать.

В чем изменения обычая [взимания налогов] не будет и [что] подобно прежним годам следует взимать и исполнять: подать с монетных дворов [взимать] полностью; подать рахдари, таможенные пошлины и [подать за провоз] тканей, независимо от того, иранские купцы или другие [взимать] полностью; мутаваджихат [с населения земель] халисэ следует взимать полностью, согласно инструкции, по которой всегда взимали. С земель, которые определены в тиул, взимать полностью.

А [с населения] махаллов халисэ и тиула с некоторыми податями, которые не имели касательства к доходам от имущества подданных, согласно прежней инструкции, постановили, чтобы они, действуя на том основании, не оказывали неповиновения. Однако подати асб-и чапар и расходы на проезжающих чиновников, которые бывают в некоторых махаллах, пусть переложат на махаллы халисэ и тиула, а [если] в махаллах вакфа [имеется] арбабское владение, то надобно поступать тем же путем, что с махаллами арбабов [15], а с тем, что является халисэ, согласно инструкции о других землях халисэ, надобно поступать [16].

Таким образом, когда тот дорогой [17] узнает о содержании благороднейшего ракама, то пусть снимет с него копии, разошлет и известит по всему богохранимому государству Ирана, чтобы правители и забиты, действуя на этом основании, не проявляли ослушания.

Ввиду этого [следует], чтобы правители, забиты и уммали государства Ирана счета прошлого года и недоимки [прошлых] лет выплатили в канцелярию саркара прославленного и счастливого вышеупомянутого, приближенного государя Мирзы Мухаммед-Багира, мустоуфи ул-мамалека.

---

[9] владение мулькдара.

[10] владение свободных крестьян-общинников.

[11] очевидно, имеются в виду земли шахского домена.

[12] имеются в виду подати, установленные и записанные в дафтарах под определенным названием.

[13] т. е. взимались с земель ра'йятов, мулькдаров [арбабов] и махаллов вакфа.

[14] вероятно, имеются в виду пограничные вилайеты, где находились таможни.

[15] т. е. не взимать три года.

[16] т. е. взимать подати.

[17] Риза-Кули-мирза.

Подати, которые взимались с кочевников, арбабов и ра'йятов в эти три года постановлены к снятию, по этой причине пусть ничего не требуют, а с халисэ и тиула на основании, по которому [раньше] взимали, согласно этой инструкции взимать.

Если с [взимавшихся с] кочевников или ра'йятов, или арбабов, обычных податей, которые к облегчению утверждены в этом году Овцы, что-нибудь взяли, пусть в присутствии законоведов в каждой области возвратят ра'йятам, взяв [у них] заверенную расписку, и от смысла высочайшего, благороднейшего указа не уклоняются.

После того, как каждый свои ведомости доходов и расходов к славному взору вышеупомянутого представит, достойнейший вышеупомянутый из средств дивана выдаст вознаграждение, если то будет угодно всевышнему богу.

После отбытия священного кортежа [18] каждый, кто правильно взимал [налоги] и действовал, будет обласкан, а каждый, кто дела отправлял недобросовестно, подвергнется наказанию.

Высокие чиновники верховного дивана содержание этого благороднейшего ракама пусть запишут в канцелярские книги и выполняют.

Написано в месяце зильхиджже 1151 г. х.

Некоторая часть податей и повинностей, перечисленных в фирмане, существовала и в более ранние периоды истории и исследована в литературе, главным образом в работах проф. И. П. Петрушевского и проф. В. Ф. Минорского *. В то же время ряд податей и повинностей упоминается впервые, например, подать ясак-каш (подушная подать, взимавшаяся с илятов), воджух- и зарбханэ (подать, взимавшаяся с лиц, которым были даны на откуп монетные дворы), натидже (сбор «со сделки», взимавшийся, в пользу казны), асб-и чапар (обязанность населения предоставлять и содержать почтовых лошадей и другие перевозочные средства для шахских гонцов), хардж-и мутараддидин (расходы населения на содержание проезжающих шахских чиновников), агмише (пошлина с торговых людей за провоз тканей).

На три года были сняты: 1) джизья, 2) натидже, 3) чобан-беги, или мара'и ва маваши — с илятов, ра'йятов и арбабов (мулькдаров), 4) мал у джихат, 5) мутаваджихат- и мульки и 6) саршомари — с ра'йятов, арбабов (мулькдаров) и махаллов вакфа, за исключением населения, сидевшего на землях халисэ, и землях, пожалованных в тиул, 7) были сняты также подати под названием черик и ясак-каш, взимавшиеся с илятов.

Итак, ознакомление с текстом фирмана позволяет опровергнуть установившееся в литературе мнение о том, что *все* население в государстве Надир-шаха было освобождено от уплаты *всех* налогов, сроком на три года.

Фирман Надир-шаха немногим улучшил положение податного населения. Большая его часть, сидевшая на землях халисэ и землях, пожалованных в тиул, по-прежнему платила все подати. Та же часть населения, которая была освобождена от уплаты в казну некоторых налогов, продолжала эксплуатироваться владетелями земель, получивших, согласно фирману, возможность усилить налоговый нажим и присваивать то, что ранее отчислялось в казну.

По-прежнему взимались даже не упомянутые в фирмане подати на войско в виде продовольствия и фуража («улӯфэ» и «сурсāт»). Эти подати были наболее обременительны. Русский резидент в Иране И. П. Калушкин сообщал, что от постоянных поборов, собиравшихся с населения для отправки в шахский военный лагерь, «все подданные день от дня приходят в наивящее разорение» **.

---

[18] т. е. после отбытия Надира из Ирана.

* *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949; «Tadhkirat al-mulūk. A manual of Ṣafavid administration (circa 1137/1725)», transl and expl. by V. Minorsky. «Gibb Memorial» series. New Series, XVI, London, 1943; *V. Minorsky.* A Soyūrghāl of Qāsim b. Jahāngīr) Aq-qoyunlū (903/1498). BSOS, vol. IX, part 4, 1939.

** См. АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736—1747, д. 22, л. 24.

SUMMARY

M. R. Arunova's publication presents to scientists the complete text of Nādir Shāh's Farmān of 1151/1739. The document in question is of great value for those studying the social and economic relations in Iran. Knowledge of the farmān, says the author, permits us to refute the opinion current in literature that the entire population in Nādir Shāh's state was exempted from all tax payments for a term of three years.

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ФЕОДАЛИЗМА В КОРЕЕ

М. Н. ПАК

Со времени освобождения Кореи Советской Армией и победы народно-демократического строя в Северной Корее корейские историки создали ряд крупных сочинений, воссоздающих историю корейского народа и, прежде всего, историю его героической борьбы за национальную независимость и социальное раскрепощение[1]. Однако многие вопросы корейской истории еще не решены и служат предметом научных споров и дискуссий. Обсуждаются как общие вопросы (например, периодизация исторического процесса), так и многие конкретные проблемы, имеющие принципиальное значение для понимания отдельных периодов в истории корейского народа (роль рабства в древней Корее, характер феодальной собственности на землю, формирование народности и нации, зарождение капиталистических отношений, гегемония пролетариата в национально-освободительном движении и др.). В настоящем обзоре мы постараемся вкратце обобщить содержание дискуссий по двум проблемам, находившимся в последнее время в центре внимания историков Корейской Народно-Демократической Республики,—о генезисе феодализма и характере феодальной собственности на землю в Корее.

1

Проблема генезиса феодализма в Корее тесно связана с вопросом о характере предшествовавшей ему формации или, точнее, с вопросом о том, существовал ли в Корее рабовладельческий строй. Ранее, до освобождения Кореи и первое время после него, в корейской прогрессивной историографии на этот вопрос давался положительный ответ.

Широкое признание получила концепция акад. Пэк Нам Уна о рабовладельческом характере трех государств (Когурё, Пэкче и Силла). Пэк Нам Ун (ныне президент Академии наук КНДР) положил начало изучению социально-экономических проблем истории Кореи на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях. В своей монографии «Социально-экономическая история Кореи» он подчеркивал, что и в Корее самой ранней ступенью истории был период первобытно-общинного строя, который затем сменился классовым обществом трех «воинственных

---

[1] Перечень трудов, изданных в Северной Корее в период 1946—1955 гг., приведен в журнале ㄴ 력사과학 ㄱ («Ёкса квахак» — «Историческая наука» — Орган Института истории АН КНДР, 1955, № 8, стр. 117—128). См. также обзор М. Н. Пака «Новый исторический журнал в Корейской Народно-Демократической Республике» («Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 178—189) и заметки М. Н. Николаева «Новые книги по истории феодализма в Корее» («Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 177—179).

государств», что «период трех государств являлся временем рабовладельческого строя, когда рабы несли основное бремя общественного производительного труда» [2].

Хан Гир Ён, подытоживая в известной мере взгляды корейских историков (имелись в виду прогрессивные историки), в 1947 г. писал, что они единодушно характеризуют рассматриваемые три государства как рабовладельческие и считают, что первоначально сложились государства Когурё и Пэкче, позднее — государство Силла, хотя в датировке времени образования каждого из этих государств существуют значительные расхождения [3]. Обоснованию тезиса о рабовладельческом характере социально-экономического строя трех государств была посвящена также работа Ли Ын Су [4]. Особенно категорично этот тезис прозвучал в книге «Древняя история Кореи»: «... нет никаких сомнений в том, что способ производства и классовая структура трех государств, как видно по данным исторических источников, выявляет характерные черты рабовладельческого общества»[5].

Однако такая трактовка вопроса о социально-экономической сущности трех ранних корейских государств не является общепризнанной. Как показала дискуссия, организованная Академией наук КНДР в начале 1953 г., значительная часть корейских историков склонна рассматривать социально-экономический строй государств Когурё, Пэкче и Силла как раннефеодальный и считает, что это был период формирования феодальных отношений[6]. Особенно оживленные споры развернулись в последние годы. В 1955 г. появилась статья Ким Кван Чжина[7], в которой был выдвинут и обоснован тезис о том, что в Корее не было рабовладельческой формации, и после разложения первобытно-общинного строя совершился непосредственный переход к феодализму. С возражениями против основных положений Ким Кван Чжина выступили То Ю Хо[8] и Ли Ын Су[9], которые определяют общественный строй трех государств как рабовладельческий. Согласившись с некоторыми частными положениями То Ю Хо, Ким Кван Чжин выступил с новой статьей [10], в которой доказывал правильность своего основного тезиса о том, что Корея перешла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию.

---

[2] 白南雲著朝鮮社會經濟史 (*Пэк Нам Ун.* Социально-экономическая история Кореи). Токио, Изд-во «Кайдзо», 1933, стр. 447.

[3] 韓吉彥著朝鮮古代國家形成過程 (*Хан Гир ен.* Процесс формирования древнего государства в Корее) в книге 朝鮮歷史研究論文集 («Сборник исследовательских статей по истории Кореи»). Пхеньян, 1947, стр. 294.

[4] См. 李應洙著朝鮮奴隸時代史研究 (*Ли Ын Су.* Исследование истории рабовладельческой эпохи в Корее). 『歷史諸問題』 «(Вопросы истории»), 1949, № 9, 19, 11.

[5] 조선 고대사, 조선력사 편찬위원회[편집].. («Древняя история Кореи»). Пхеньян, Изд. комиссии по составлению истории Кореи, 1951, стр. 14.

[6] См. [조선 통사(상)], 평양, 1956년판, («История Кореи. Общий очерк», т. 1). Изд. Института истории Академии наук КНДР. Пхеньян, 1956, стр. 76—79.

[7] 김광진저 조선에 있어서의 봉건제도의 발생과정, ——노예소유자적 구성의 존부 여하에 대한 문제와 관련하여—— (*Ким Кван Чжин.* Процесс возникновения феодального строя в Корее. В связи с вопросом о том, существовала ли в Корее рабовладельческая формация). «Ёкса квахак», 1955, № 8, стр. 11—39; № 9, стр. 37—68; см. также «Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 180—181.

[8] 도유호저 조선 력사상에는 과연 노예제 사회가 없 는가——김광진 등지의 부정론과 관련하여—— (*То Ю Хо.* Действительно ли в истории Кореи не было рабовладельческой эпохи. По поводу отрицания ее тов. Ким Кван Чжином). «Ёкса квахак». 1956, № 3, стр. 15—17.

[9] 리응수저 다시 한번 조선 노예 시대 문제를 론함 (*Ли Ын Су.* Еще раз к вопросу о рабовладельческой эпохе в Корее). «Ёкса квахак», 1956, № 5, стр. 25—54.

[10] 김광진저 삼국시대의 사회—경제 구성에 관한 몇 가지 문제에 대하여 (*Ким Кван Чжин.* О некоторых вопросах, касающихся социально-экономического строя периода трех государств). «Ёкса квахак», 1956, № 5, стр. 1—24; № 6, стр. 10—40.

Полемика обнаружила значительные расхождения в понимании некоторых важных вопросов методологии. К числу таких общеметодологических разногласий относится, например, спор об обязательной последовательности в смене социально-экономических формаций. Так, Ким Кван Чжин утверждает, что тот или иной народ может миновать рабовладельческую формацию. В древней Корее, по мнению Ким Кван Чжина, имелись реальные условия для развития от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму. Оппоненты Ким Квана Чжина отрицают возможность такого «скачка» через рабовладельческую формацию. Более того, То Ю Хо, например, считает, что такого «скачка» не было и в истории европейских народов, в частности и древних германцев. Между тем известно, что древние германцы и некоторые другие европейские народы миновали рабовладельческую формацию.

Если Ким Кван Чжин признает наличие длительного переходного периода от первобытно-общинного строя к феодализму (когда формировались различные экономические уклады и классы) и видит различие между рабовладельческим укладом и рабовладельческой формацией,— то его оппоненты считают, что переход от первобытности к рабству произошел в очень короткий срок, т. е. отождествляют рабовладельческий уклад с рабовладельческой формацией, полагая, что рабовладельческая формация возникает уже с самого момента появления рабства.

Разногласия по методологическим вопросам привели к различной трактовке конкретных вопросов истории Кореи, к различному толкованию источников. Историки, рассматривающие три корейских государства как рабовладельческие, не учитывают, с одной стороны, тормозящего воздействия пережитков первобытно-общинного строя, с другой стороны,— огромного прогресса в развитии производительных сил (под влиянием Китая). Между тем, по мнению Ким Кван Чжина и других историков, последнее обстоятельство было одним из важных условий, ускорявших переход корейских племен от первобытно-общинного строя непосредственно к феодальному.

Признавая ошибочность своего первоначального тезиса о непосредственном переходе Кореи от каменного века к железному, минуя бронзовый, Ким Кван Чжин тем не менее во второй из названных выше статей подчеркивает, что уровень развития производительных сил в Корее к III в. был таким же, как в Китае [11], и что поэтому имелась реальная возможность развития Кореи по феодальному пути. В то время как сторонники определения трех корейских государств в качестве рабовладельческих исходят только из наличия в этих государствах рабов, Ким Кван Чжин наряду с сохранившимися первобытно-общинными отношениями и новым рабовладельческим укладом устанавливает и наличие в них нарождавшихся феодальных отношений, которые постепенно приобретали решающее значение в общественном развитии корейского народа в начале новой эры. Зарождение феодального уклада он усматривает во введении дани как первичной формы ренты и земельных раздач типа кормлений (сигып). Ссылаясь на высказывания Маркса и Энгельса о том, что крепостничество не является специфически средневековым институтом, что оно возникало и прежде, в ходе завоеваний [12], Ким Кван Чжин приходит к заключению, что крепостнический уклад может возникнуть уже в период разложения первобытно-общинного строя. В Корее, по его мнению, крепостнический уклад имел возможность вытеснить возникший ранее рабовладельческий, который как промежуточное звено сыграл свою роль в расчистке пути для развития феодального строя.

Большая часть населения завоеванных общин, указывает Ким Кван Чжин, во всех трех государствах превращалась не в рабов, а в данников, а данничество открывало путь к закрепощению зависимого населения. Основной формой эксплуатации крестьянства становится поземельный налог (рента) и различные виды отработок, происходит постепенная феодализация дани, возникшей в дофеодальный (переходный) период разложения первобытно-общинного строя.

---

[11] «Ёкса квахак», 1956, № 5, стр. 14—15.

[12] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 605—606.

То Ю Хо и Ли Ын Су полностью отвергают эти взгляды, по-иному толкуя исторические источники. Так, на основании относящегося к Пуе (народу, родственному Когурё) сообщения китайского источника: «В поселениях имеется богатый народ (хомин), а низшие дворы (хахо) народа сплошь составляют рабов (нобок)», (邑落有豪民, 民下戶皆爲奴僕), они, исходя из буквального значения слова «нобок» (раб), приходят к выводу, что все непривилегированное население (хахо) в период трех государств состояло из рабов. Считая, что между рабом и крепостным имелись лишь чисто внешние, количественные различия (в степени угнетения), То Ю Хо утверждает, что «между крепостничеством и рабством нет существенных различий» [13], а Ли Ын Су относит к числу рабов зависимых крестьян: «... рабы типа зависимых крестьян занимали главное место среди рабов, занятых в производстве» [14].

Ким Кван Чжин критикует эти взгляды То Ю Хо и Ли Ын Су. Он пишет, что для определения способа производства необходимо рассмотреть, как соединяется рабочая сила с условиями (средствами) производства, и формы извлечения прибавочного продукта труда непосредственных производителей. Исходя из этого, Ким Кван Чжин считает отождествление раба и крепостного методологически несостоятельным, точно так же неправильно отождествлять «хахо» с рабами, так как «хахо» не являлись собственностью рабовладельцев, а вели самостоятельное хозяйство и уплачивали аристократам дань (хлебом, рыбой, солью); фактически это были не рабы, а зависимые крестьяне периода складывания феодальных отношений. В китайском источнике («Саньгочжи») имеется прямое указание лишь на то, что «хахо» уплачивали подати «подобно рабам» но это не значит, что они были рабами [15].

Обосновывая рабовладельческий характер трех государств, То Ю Хо и Ли Ын Су ссылались также на факт существования человеческих жертвоприношений, захвата военнопленных в ходе войн между этими тремя государствами, на наличие трех тысяч юных рабов (奴童三千人) у силланского министра [16]. Ким Кван Чжин отвергает все эти доводы как малоубедительные, поскольку в источниках нет указаний на то, что рабский труд имел значение в общественном производстве.

Институт истории АН КНДР в конце 1956 г. вынес вопрос о социально-экономических отношениях в эпоху трех государств на общественное обсуждение.

На дискуссии [17] выступила большая группа историков, отрицающих существование рабовладельческой формации в древней Корее. Подвергнув критике концепцию своих оппонентов, Ким Кван Чжин теоретически обосновывал возможность для Кореи миновать рабовладельческую формацию, поскольку здесь существовал ряд условий, сдерживавших развитие рабовладельческого уклада. Временем формирования трех государств, которые он определяет как феодальные, Ким Кван Чжин считает период с III до VI в. нашей эры. Выводы Ким Кван Чжина на дискуссии поддержали Чон Сок Там, Но Чон Хван, Ким Се Ик и другие, а Ли Чен Вон, Чхэ Хи Гук и Чон Чхон Ён высказали кроме того дополнительные соображения о классовом составе корейского общества в эпоху трех государств, содержании понятий «рабы» и «зависимое крестьянство», а также о специфике государственного строя.

Высказывая мнение о феодальном характере трех государств, эти историки исходят из следующих соображений. В последний период существования первобытно-общинного строя в Корее был довольно высокий уровень производительных сил; основную массу производителей эпохи формирования трех государств составляли так называемые

---

[13] «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 19.

[14] «Ёкса квахак», 1956, № 5, стр. 47.

[15] «Ёкса квахак», 1956, № 6, стр. 14—15.

[16] Объяснение этого факта смотрите в нашей статье «О характере социально-экономических отношений в государстве Силла (III—VI вв.)» («Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 58)

[17] Краткий очерк о дискуссии дан в редакционной статье журнала «Ёкса квахак», 1957, № 1, стр. 87—90.

«низшие дворы» (хахо) или зависимые крестьяне; эксплуатация последних господствующим классом имела определенно феодальные формы; в государственном строе Когурё, Пэкче и Силла были феодально-иерархические черты; отсутствует достаточное число конкретных фактов, которые подтверждали бы наличие здесь рабовладения, для развития и расцвета которого в Корее не было благоприятных экономических условий. Большое значение сторонники рассматриваемой концепции истории трех государств придают также влиянию феодального Китая на развитие общественных отношений и политических институтов в корейских государствах.

Против главных выводов Ким Кван Чжина, выдвинувшего идею о переходе Кореи к феодализму через «варварские государства», на дискуссии выступил То Ю Хо. Он утверждает, что с начала новой эры до конца IX в. в Корее существовала рабовладельческая формация, что крупные восстания в Корее IX в. были своеобразной «революцией рабов», возвестившей наступление феодализма. Не признавая принципиального различия между рабством и крепостничеством (рабами и крепостными), То Ю Хо полагает, что в период трех государств, несмотря на преобладание мелкокрестьянского хозяйства, развивался рабско-крепостнический уклад, что общественная формация этой эпохи должна быть охарактеризована как рабовладельческая.

Несколько иначе понимает рабовладельческую формацию в Корее Лим Гон Сан. На основании данных «Самкук саги» и «Самкук юса» он относит время формирования трех государств к I — III вв., а общество государств до конца V в. считает рабовладельческим. При сохранении общинных отношений эксплуатация непосредственных производителей, осуществляемая в форме изымания дани государственной властью правящего класса, по мнению Лим Гон Сана, качественно отличается от форм феодальной эксплуатации — население зависимых общин королевская власть рассматривала как свою собственность. Поэтому Лим Гон Сан и предлагает общество периода трех государств считать рабовладельческим. Он утверждает, что элементы феодальных отношений стали появляться в корейских государствах только после V в. и лишь в VII в. с объединением страны под властью государства Силла в Корее утвердился феодальный строй [18].

В защиту тезиса о рабовладельческом характере трех государств выступил также Ли Нын Сик, считающий, что подобно странам Древнего Востока в Корее эпохи троецарствия рабовладельческий строй существовал в условиях сохранившихся общинных отношений и преобладания мелкокрестьянских хозяйств. Доводы Лим Гон Сана и Ли Нын Сика поддержал Пэк Нам Ун, который по-прежнему отстаивает идею существования рабовладельческой формации в трех ранних корейских государствах. Он признает необходимым внести некоторые коррективы в свою работу «Социально-экономическая история Кореи», вышедшую в 30-х годах, однако изложенные в ней основные идеи считает правильными. В выступлениях Хан Гир Ёна, Кан Бён До и других выдвинут ряд аргументов в поддержку тезиса о рабовладельческом характере трех государств.

Таким образом, историки, определяющие три государства как рабовладельческие, считают господствующей формой собственности в этих государствах не частную (как это имело место в странах классического рабовладения), а общинно-государственную собственность и что производственные отношения, при которых мелкие производители-крестьяне поставляли дань государству (причем зависимые крестьяне не считаются крепостными), качественно отличаются от феодальных; они полагают, что рабовладельческие отношения были определяющими производственными отношениями, несмотря на малочисленность рабов (патриархальных и государственных), и что существовала деспотическая форма государственной власти.

---

[18] В этом же духе изложена проблема зарождения феодализма в написанных Лим Гон Саном главах книги по общей истории Кореи, изданной в 1956 г. Институтом истории Академии наук КНДР. См. «История Кореи», т. 1, гл- II, III и IV.

Как отмечается в редакционной статье «Ёкса квахак» [19], у сторонников этой концепции нет ясного представления о различии конкретных исторических условий в странах рабовладельческого Древнего Востока и в Корее эпохи троецарствия. Кроме того, они не выявили конкретного содержания общинных отношений в корейских государствах, допустили односторонний отбор исторических фактов.

Кроме приведенных выше двух противоположных концепций социально-экономического строя эпохи троецарствия на дискуссии были высказаны и другие соображения. Так, академик Пак Си Хён считает государства Когурё и Пэкче рабовладельческими, а государство Силла, развивавшееся позднее,— феодальным. Чон У Гён и Чон Се Хо вообще возражают против того, чтобы связывать начало трех государств с концом первобытно-общинного строя, так как, по их мнению, зачатки классового общества надо искать в более раннее время, в период древнего Чосон.

Дискуссия уточнила позиции историков по вопросу о характере социально-экономических отношений в период трех государств, выявила существующие точки зрения и, несомненно, будет способствовать дальнейшему исследованию и успешному решению проблемы, являющейся одной из труднейших в истории Кореи.

В связи с тем, что эта узловая проблема остается пока еще нерешенной, в современной корейской историографии существуют различные мнения насчет главных предпосылок и времени возникновения феодальных отношений в Корее. Если историки, отрицающие существование рабовладельческой формации в древней Корее, относят складывание элементов феодальных отношений к III—IV вв. нашей эры, то историки, придерживающиеся противоположного мнения, датируют начало феодальных отношений VII в. Так, последователь академика Пэк Нам Уна Лим Гон Сан в коллективной работе по общей «Истории Кореи» (т. 1) вновь выдвигает идею, что феодализм стал утверждаться в Корее с VII в., после объединения страны в составе государства Силла [20]. По мнению Лим Гон Сана, в VII в. старая родовая аристократия Силла была вытеснена новой военной знатью из числа крупных землевладельцев, появившихся в результате классового расслоения в силланских общинах. Эта военная знать во главе с ваном (королем) распоряжалась всеми землями в государстве. Борьбу за объединение страны Лим Гон Сан связывает с усилением политической власти силланских феодалов, стремившихся к расширению сферы своего экономического господства в условиях, когда «силланский феодальный король (ван) сплачивал вокруг себя феодальных помещиков, признавая в определенной мере их земельную собственность», позволяя им присваивать со своих земель феодальную ренту на основе испольной системы или путем частичного применения труда подневольных ноби (рабов)[21]. Однако остается совершенно невыясненным вопрос о том, как возникла земельная собственность этих «феодальных помещиков». Правда, в книге приведены в качестве несомненных доказательств существования феодализма примеры таких типично феодальных земельных пожалований, как раздача силланской военно-феодальной знати (например, Ким Ю Сину и Ким Ин Муну) «уделов во владение» (понып 封邑) и «кормленных владений» (сигып 食邑)[22].

Возникает законный вопрос, почему Лим Гон Сан не придает такого же значения земельным дарениям типа «кормленных владений» (сигып), встречавшимся в более ранний период и в Силла, а также (как он сам отмечает) в Когурё в период становления этого государства [23].

Таким образом, слабой стороной в концепции историков, признающих рабовладельческий характер трех корейских государств, является то, что они не могут привести конкретных данных об упадке или кризисе рабовладельческого строя, которые свидетельствовали бы о неизбежности возникновения феодализма как нового

[19] «Ёкса квахак», 1957, № 1, стр. 90.
[20] «История Кореи», т. 1, стр. 118—119.
[21] Там же, стр. 116.
[22] Там же, стр. 113.
[23] Там же, стр. 33—34.

более прогрессивного способа производства, идущего на смену старой рабовладельческой формации. Пытаясь найти выход из этого затруднения, То Ю Хо объявил народные восстания в Силла в VIII—IX в. социально-политическими потрясениями конца рабовладельческой эпохи, и, исходя из этой предпосылки (не подкрепляемой данными источников), предлагает начало наступления феодализма в Корее датировать X в. [24]. Однако этот тезис о своеобразной «революции рабов» в Корее VIII—IX в. не находит признания среди корейских историков в виду его бездоказательности.

2

Единого утвердившегося мнения среди корейских историков нет еще не только по вопросу о времени возникновения феодализма в Корее, но и в понимании его характера и особенностей. Многое в этой области еще требует глубоких изысканий. Последнее время в КНДР развернулись оживленные дискуссии по одной из центральных проблем феодализма — по вопросу о характере феодальной собственности на землю в средневековой Корее [25].

После появления исследований Пэк Нам Уна [26] довольно значительное время до и после освобождения страны в прогрессивной корейской историографии существовало мнение, что характерной чертой феодализма в Корее было наличие государственной феодальной собственности на землю [27].

Идеи Маркса об особенностях земельной собственности в странах Азии (где государство выступало в качестве верховного собственника земли) Пэк Нам Ун распространил и на Корею. Однако в его работах не нашел четкого разрешения вопрос о соотношении между государственной собственностью и частным землевладением.

В настоящее время появилась серия статей, в которых делается попытка выяснить характер и особенности феодальной собственности на землю в Корее. В статьях Пак Си Хёна[28], Чон Хён Гю[29] и Ким Сок Хёна[30], в той или иной мере отрицается решающее значение в феодальной Корее государственной земельной собственности и подчеркивается, что главным фактором в развитии феодальных отношений была частная земельная собственность (как отдельных феодалов, так и крестьян).

По мнению Пак Си Хёна, принцип государственной собственности на землю, начиная с периода троецарствия, означал лишь право государства собрать налоги со всех

[24] «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 23—24.
[25] Вопрос этот уже затрагивался нами в статье о новом историческом журнале в КНДР («Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 181—182).
[26] *Пэк Нам Ун.* Указ. соч.; *его же* 「朝鮮封建社會經濟史」 (Социально-экономическая история феодальной Кореи), т. 1. Токио, 1937. Впоследствии основные положения этих работ были изложены в книге 「朝鮮中世史」, 上編 («История Кореи в средние века»), ч. 1. Пхеньян, 1954.
[27] Эти идеи нашли отражение в написанной до освобождения страны работе историка Мун Сок Чуна, погибшего в японской тюрьме (См. 文錫俊著 朝鮮歷史研究 *Мун Сок Чун.* Исследования по истории Кореи, Хамхын, 1946, а также в вышедшем в Сеуле (в 1946 г.) сборнике статей 李朝社會經濟史 («Социально-экономическая история Кореи при династии Ли») и в ряде учебников и популярных книг, вышедших в Северной Корее после освобождения.
[28] 박시형저 조선에서의 봉건적토지소유에 대하여 (*Пак Си Хён.* О феодальной собственности на землю). «Ёкса квахак», 1955, № 2, стр. 70—103.
[29] 정현규저 14—15세기 봉건조선에서의 민전의 성격 (*Чон Хён Гю.* Характер частновладельческих полей (минчжон) в феодальной Корее XIV—XV вв.). «Ёкса квахак», 1955, № 3, стр. 85—102; № 4, стр. 40—75.
[30] 김석형저 조선봉건 사회에 있어서의 토지소유 관계에 대하여 (*Ким Сок Хён.* Об отношениях поземельной собственности в феодальной Корее) в журнале 「조선민주주의인민공화국 과학원 학보」 («Вестник Академии наук КНДР»), 1955, № 7. 사회과학편 («Серия общественные науки», № 3, стр. 27—57).

земель; в фактической собственности государства даже в XIV—XV вв. находилось лишь около 100 тыс. кёль, что составляло примерно $^1/_{10}$ часть всех пахотных земель, бóльшая же часть этих земель находилась в частной собственности крестьян и крупных землевладельцев. Поэтому все формы государственных земельных дарений (ногып, чонсиква, квачжон) Пак Си Хён считает лишенными реальных земельных раздач. По его мнению, они означали лишь предоставление держателям их права собирать в свою пользу полагавшиеся с этих земель государственные поземельные налоги.

Реальное значение принципа государственной собственности в еще большей мере, чем в статье Пак Си Хёна, отрицается в работе Чон Хён Гю. Государственной собственностью он считает только земли, находившиеся в непосредственном распоряжении королевского дома и государственных учреждений, всю остальную землю он рассматривает как частную собственность феодалов и крестьян, поскольку они могли эту землю продавать и покупать, закладывать, передавать по наследству и т. д. Чон Хён Гю не видит особых отличий в становлении феодализма в Корее и в европейских странах. По его мнению, феодальные отношения и категория феодальной ренты возникают в Корее с захватом крупными землевладельцами крестьянской собственности, процесс закрепощения свободных крестьян и превращения их в зависимых от феодалов (будь это государственные учреждения или наследственная аристократия) крепостных происходил лишь в XIII—XIV вв. Чон Хён Гю утверждает, что до тех пор, пока феодальные отношения не стали господствующими и не появилась феодальная рента, в Корее существовали только государственные налоги, сохранившиеся и в феодальный период. В соответствии с этим Чон Хён Гю производит деление земель по характеру собственности на них (государственная и частная, феодальная и крестьянская) и по характеру взимания налогов (государственные земли, освобожденные от налогов; земли, налог с которых присваивает государство, и земли, налог с которых взимают частные лица, обычно из числа чиновников).

Ким Сок Хён подверг работы Пак Си Хёна и Чон Хён Гю справедливой критике за чисто юридический подход к вопросу о земельной собственности (с точки зрения «права собственности» и «права взимания налогов»), за то, что они не видят социально-экономических, классовых отношений. Сам Ким Сок Хён тем не менее признает наличие в феодальной Корее как крупной феодальной, так и мелкой крестьянской собственности, хотя последняя имела условный характер. Условный характер крестьянской земельной собственности, писал он, был связан с тем, что ее ограничивало феодальное государство, которое могло забирать у крестьян урожай, направлять их на различные работы и всячески ограничивать свободу так называемых свободных (государственных) крестьян. Таким образом, подчеркивая решающую роль помещичьей земельной собственности как средства феодальной эксплуатации подневольных ноби (крепостных) и безземельных крестьян-арендаторов, Ким Сок Хён отмечает и роль феодального государства в эксплуатации крестьянских масс, считая, что феодальная собственность на землю в Корее представляла собственность государства плюс отдельных феодалов.

Против игнорирования значения государственной феодальной собственности выступает другая группа корейских историков. В нашей печати отмечалась [31] статья Цой Бён Му [32], подчеркнувшего огромную роль государства в эксплуатации народных масс в феодальной Корее. Эту же мысль развивал и Чон Сок Там [33], подытоживший

---

[31] См. «Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 182.

[32] 최병무저 리조초기의 부역(賦役과) 호적)戶籍), 호패(號牌)법을 통해 본 우리나라 봉건제도의 몇 가지특징에 대하여 (*Цой Бён Му*. О некоторых особенностях феодального строя в Корее, выявляемых на основе законов об отработках (пуёк), подворных списках (хочжок) и именных таблицах (хопхэ) в начальный период династии Ли). «Ёкса квахак», 1955, № 8, стр. 40—65.

[33] 전석담저 조선에서의 봉건적 토지 국유제에 대하여 (*Чон Сок Там*. О феодальной государственной собственности на землю в Корее). «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 78—101.

в известной мере дискуссию в характере феодальной собственности на землю в Корее. Чон Сок Там критикует Ким Сок Хёна за то, что, рассматривая вопрос о поземельной собственности, он свел фактически социально-классовые отношения к чисто сословным и на этом основании пришел к признанию факта существования крестьянской собственности на землю. Сам Чон Сок Там отрицает существование крестьянской собственности, так как настоящим собственником земли, по его мнению, выступало феодальное государство. Чон Сок Там приходит к выводу, что Ким Сок Хён от отрицания государственной собственности по существу пришел к ее признанию. Свой основной тезис о реальном существовании государственной феодальной собственности на землю в средневековой Корее Чон Сок Там аргументирует тем, что феодальное государство не только непосредственно владело значительными угодиями пахотных земель и распоряжалось всеми пустошами и лесами, но и обладало правом контроля (и взимания налогов) в отношении всех земель, находившихся во владениях отдельных помещиков-феодалов [34].

Дискуссия по данному вопросу еще продолжается. Недавно Но Чон Хван в своей статье «О характере поземельных отношений в корейском феодальном обществе» [35], разобрав существовавшие в феодальной Корее различные типы поземельных (производственных) отношений — отношения между феодалами-дворянами (янбанами) и частновладельческими ноби (крепостными), между дворянами и лично свободными крестьянами, между феодальным государством и государственными крепостными, между государством и лично свободными крестьянами — пришел к заключению, что определяющим феодализм типом являлись отношения между дворянами и частновладельческими крепостными (ноби). И поскольку в эпоху, когда наиболее полно проявились особенные черты корейского феодализма (XV—XVI вв.), государство непосредственно владело лишь $^1/_{10}$ пахотной земли, Но Чон Хван делает вывод, что основу феодализма в Корее составляла частная (дворянская) собственность на землю. Право государства собирать налоги со всех земель, по его мнению, не вытекало из существовавшей государственной собственности на землю, так как уже раздельно существовали категории налога и ренты.

Вышеизложенным далеко не исчерпываются спорные моменты в вопросах, касающихся возникновения и характера феодализма в Корее.

Дальнейшее обсуждение этих вопросов, подкрепляемое конкретными исследованиями, несомненно обогатит историческую науку новыми выводами, углубляющими представление о путях развития феодализма в Корее.

---

[34] «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 97.

[35] 로정환저 조선 봉건사회에서의 토지 소유관계의 성격 «Ёкса квахак», 1957, № 3, стр. 45—59.

ТУРЕЦКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ К VIII СЪЕЗДУ ТУРЕЦКИХ ЛИНГВИСТОВ

Э. В. СЕВОРТЯН

Происходивший 1—5 июля 1957 г. в Анкаре восьмой съезд турецкого лингвистического общества [1] отметил двадцатипятилетие существования «Общества по изучению турецкого языка» (Türk Dili Tetkik Cemiyeti), которое впоследствии приняло свое нынешнее название.

В связи с юбилейной датой восьмого съезда «Общества турецкого языка» уместно, хотя бы в общих чертах, остановиться на тюркологической работе в Турции за минувшие 25 лет. Нам не нужно, думается, предупреждать своего читателя о том, что наш обзор, как в силу недостатка материала, так и стесненных рамок статьи не может быть полным [2].

За истекшие 25 лет в Турции проделана большая работа в области турецкого, древнетюркских и частично современных тюркских языков. Об этом можно судить по издательской деятельности названного Общества, опубликовавшего за этот период около 200 названий, среди которых имеется ряд трудоемких изданий.

Основным итогом истекших лет является оформление турецкой тюркологии в особую лингвистическую отрасль, учитывающую требования современной науки. Известно, что до 20—30-х годов турецкое языкознание, еще окончательно не выделившееся в самостоятельную науку, в значительной степени находилось в плену арабской филологии и не преодолело до конца схемы классической арабской грамматики.

Серьезной заслугой Общества за истекшее время является также его организаторская деятельность, которая способствовала перестройке литературного языка и приближению некоторых его сторон к общенародным нормам.

Одним из наиболее важных научных достижений Общества является то, что им подняты и предоставлены в распоряжение науки громадные пласты диалектальной лексики. В результате этой обширной и продолжительной работы, в выполнении которой принимало участие много добровольцев-сборщиков диалектальных слов, был создан шеститомный диалектологический словарь «Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi» [3]. Словарь этот не может служить справочным пособием для целей диалектографирования, так как лексический материал расположен в нем не по диалектам, а в строгом алфавитном порядке (с пометами о том, где зарегистрировано слово). Такое расположение вытекает из задач самого издания, задуманного в первую очередь как источник, откуда можно извлечь эквиваленты иноязычных элементов турецкого словаря. Несмотря на это, турецкий диалектологический словарь остается ценным справочным пособием при тюркологических разысканиях.

[1] О работе съезда см. *А. Н. Кононов.* VIII конгресс Турецкого лингвистического общества. «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 195—197.

[2] Частичный обзор отдельных лингвистических работ, вышедших за последние годы в Турции, дан в статье доцента Стамбульского университета Меджуда Мансуроглу «Neue sprachwissenschaftliche Publikationen in der Türkei». «Ural-Altaische Jahrbücher» (в дальнейшем UAJ). Wiesbaden, B. XXIX, H. 1—2, 1957.

[3] C. 1: A—D. İstanbul, 1939; c. 2: E—K. İstanbul, 1940; c. 3: L—Z. İstanbul, 1947, c. 4: Ulama A—Z. İstanbul, 1951; c. 5: index; c. 6: foklklor sözleri. Ankara, 1952.

Сбор диалектальной лексики в Турции продолжается и в настоящее время. В активе Общества около 900 постоянных добровольных корреспондентов [4], которые из различных уголков Турции шлют Обществу диалектальный словарный материал, пополняя имеющиеся в Анкаре фонды.

В истекший период было положено начало самостоятельной диалектологической работе в Турции. До этого времени турецкие диалекты изучались эпизодически, чаще всего зарубежными исследователями, в частности русскими востоковедами В. А. Максимовым и В. Писаревым, из которых первый по праву может считаться пионером турецкой диалектологии.

Начало современным диалектологическим описаниям положил Хамит Зюбейр (Кошай), который опубликовал в 1928 г. свою статью об авшарах [5]. Затем в 1933 г. в Газиантебе появилась первая редакция работы Омера Асыма (Аксоя) о диалекте этого города [6], разросшаяся впоследствии в обширное трехтомное произведение, которое охватило богатый диалектальный материал из области фонетики, грамматики, словаря и, отчасти, фольклора [7]. В 1934 г. появилась работа Х. Хюсню о диалектальной лексике г. Кайсери [8], а с 1940 г. в изданиях литературного факультета Стамбульского университета или «Общества турецкого языка» начали выходить материалы проф. Ахмеда Джафероглу по анатолийским диалектам [9], представляющие интерес не только для лингвистов, но также и для фольклористов и этнографов. Собрания автора вместе с ценными материалами финского тюрколога проф. Мартти Рэсэнена, О. А. Аксоя и других исследователей анатолийских диалектов и говоров составляют в настоящее время серьезную базу для углубленных диалектологических построений, касающихся территории Анатолии.

Можно отметить также исследование Кемаля Эбида Унселя о говоре г. Урфа [10].

Из диалектологических работ последних лет назовем публикации работающего в Турции венгерского тюрколога Яноша Экмана о караманских говорах [11], также принадлежащих к анатолийской диалектальной территории. Начали появляться и исследования молодых лингвистов. Так, в 1956 г. вышла из печати первая часть (фонетика) работы преподавателя Анкарского университета д-ра Зейнеп Коркмаз о западных диалектах турецкого языка [12]. З. Коркмаз показала себя подготовленным лингвистом, стоящим на уровне современной тюркологии.

Новой отраслью турецкой диалектологии явилось изучение арго. Пионером в этой области среди турецких языковедов может считаться Ферид Девеллиоглу (Девелю).

[4] VIII. Türk Dil Kurultayı. Yönetim Kurulu raporu. Ankara, 1957, s. 14.

[5] *Hamit Zübeyr.* Avşar Türk ağıtlarina dair. «Türk Yurdu», Mayis, 1928.

[6] *Ömer Asım (Aksoy).* Gaziantep dilinin tetkiki. Gaziantep, 1933.

[7] *Ömer Asım Aksoy.* Gaziantep ağzı, I—III. İstanbul, 1945—1946.

[8] *H. Hüsnü.* Kayseri sözlüğü. Kayseri, 1934.

[9] *A. Caferoğlu.* Anadolu dialektolojisi üzerine malzeme, I—VII. İstanbul, 1940—1951.

[10] *Kemal Edip Unsel.* Urfa ağzı. İstanbul, 1945.

[11] J. Eckmann, Anadolu Karamanlı ağızlarına ait araştirmalar. I: Phonetica. «Ankara Üniversitesi Dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi» (в дальнейшем DTCFd), VIII, 1950. Еще раньше Я. Экман опубликовал исследования о диалекте Варны и Разграда: Die türkische Mundart von Warna, «Körösi Csoma Archivum», B. III, H. 2. Budapest—Leipzig, 1941; Razgrad ağzı. Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar, I. Ankara, 1950.

[12] *Zeynep Korkmaz.* Güney-Batı Anadolu ağızları-Ses bilgisi (Fonetik). Doktora çalışması. Ankara, 1956.

Первое издание его книги «Турецкие арго» вышло в 1941 г. [13], в 1945 г. появилось расширенное второе издание [14], заключавшее в себе общее исследование турецких арго и, наконец, в 1955 г.— третье, дополненное издание [15]. Работа Ф. Девелю представляет собой не только надежное пособие для изучающих турецкие арго, оно является также важным источником при исследовании словарного состава общенародного разговорного, а в значительной мере и литературного языка.

Работы последних лет свидетельствуют об углублении диалектологических разысканий в Турции, способствующем более быстрому переходу от диалектографии к собственно диалектологии, начало чему было положено интегрирующим очерком о турецких диалектах польского тюрколога Тадеуша Ковальского [16]. Дальнейшие успехи турецкой диалектологии в значительной мере будут зависеть от того, в какой степени удастся наладить планомерное и систематическое обследование всего диалектологического массива Турции и привести в систему собирающийся материал.

Вторым продвинутым фронтом лингвистических работ в Турции являются разыскания исторического порядка как в области турецкого, так и в области древне- и старотюркских языков. Усилия турецких языковедов-историков в этой области сосредоточены пока преимущественно на выявлении и публикации старейших памятников турецкого языка. Вместе с тем уже появляются исследования, посвященные их лингвистическому анализу.

Из работ, связанных с историей турецкого языка, в первую очередь должен быть назван многолетний и фундаментальный труд Общества «Выборочный словарь с цитатами, извлеченными из книг, начиная с XIII века и до наших дней (из подготовительных материалов к историческому словарю турецкого языка)»[17]. Каждый том словаря состоит из иллюстрированных определенным контекстом древних и устаревших турецких слов, извлеченных из рукописных памятников и печатных изданий. Тома отличаются между собой не буквами, а составом памятников, и поэтому каждый том имеет самостоятельное значение. В первых двух использовано по 50 памятников, в остальных—по 30.

Выборочный словарь состоит из слов, не употреблявшихся в турецком литературном языке уже в момент реформы письменности.

Что касается публикации старейших памятников турецкого языка, то можно отметить стремление филологов к отбору прежде всего довольно редких, хотя, надо сказать, не всегда ясных в отношении своего языкового источника, памятников XIV и даже XIII вв. Вопрос о более точном определении языка самых ранних памятников ныне может быть решен значительно успешнее, так как в распоряжении историка турецкого языка имеется ряд ценных памятников, таких как Gülşehrī—Manṭıḳu't Ṭayr (XIV в.), подготовленный Агяхом Сырры Левендом (факсимиле и обширное введение издателя) [18]; два отрывка из Ашик-Паши, также изданные Агяхом Сырры Левендом [19], факсимиле известного дивана Kadı Burhanettin-a [20], сказание о Юсуфе и Зулейхе Şeyyad Hamza (XIII в.) [21], подготовленное к изданию Дехри Дильчином (факсимиле,

[13] *Ferit Develü*. Türk argosu (Tarihçe ve küçük sözlük). Ankara, 1941.

[14] *Ferit Devellioğlu* [*Develü*]. Türk argosu (Genel inceleme ve sözlük). İstanbul, 1945.

[15] *Ferit Devellioğlu* [*Develü*]. Türk argosu. Genişletilmiş 3 baskı. Ankara, 1955.

[16] *T. Kowalski*. Dialectes turcs-osmanlis. Encyclopédie de l' Islam, t. IV. Livraison O. Leide-Paris, 1931.

[17] XIII asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklariyle tarama sözlüğü. Türkiye türkçesinin tarihî sözlüğü hazırlıklarından», c. I. İstanbul, 1943; c. II. İstanbul—Ankara, 1943—1953; c. III. Ankara, 1954; c. IV. Ankara, 1957.

[18] «Gülşehrī, Manṭıḳu't-Ṭayr». Tıpkıbasım. Önsözü yazan Agâh Sırrı Levend. Ankara, 1957.

[19] *Agâh Sırrı Levend*. Aşık Paşa'nın bilinmiyen iki mesnevisi Faḳr-Nāme ve Vaṣf-ı hal. Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten (в дальнейшем TDAY), 1953.

[20] «Kadı Burhanettin divanı» I. Tıpkıbasım. İstanbul, 1943.

[21] *Şeyyad Hamza*. Yusuf ve Zeliha. Nakleden Dehri Dilçin. Istanbul, 1945. См. также: *Mecdud Mansuroğlu*. Drei Gedichte Sayyad Hamza's. UAJ, B. XXVI, H. 1—2, 1957.

транскрибированный текст, приближенный к современному турецкому языку, и словарь); Dastan-ı Ahmet Harami, подготовленный к изданию Талят Онаем (предисловие, транскрибированный текст, словарь) [22], памятник XV в. Şeyhi Divanı (предисловие, словарь, факсимиле) [23]; целый ряд новых изданий, посвященных произведениям и личности анатолийского поэта средневековья Юнуса Эмре [24] и другие.

Не меньший интерес представляет опыт лингвистического изучения памятников и первые синтетические работы по истории турецкого языка. Мы имеем в виду исследование А. С. Левенда «Этапы развития и упрощения турецкого языка» [25], посвященное главным образом судьбам турецкого литературного языка с эпохи танзимата и до наших дней. Этой основной теме исследования предпослан большой очерк о возникновении и сложении литературно-художественного и научного стилей турецкого языка. В конце книги рассматриваются вопросы письма и словаря приблизительно за последние 80 лет и суммируются господствующие в этой области взгляды.

По теме к книге А. С. Левенда отчасти примыкает работа Меджуда Мансуроглу о начальном периоде развития турецкого литературного языка[26].

Пока еще немногочисленные исследования историко-лингвистического порядка, выполненные языковедами среднего и молодого поколения, отличаются строго лингвистическим подходом к теме и методикой, характерной для современных сравнительно-исторических разысканий в области тюркских языков. Одной из первых работ этого типа является диссертация Тахсина Бангуоглу о языке одного староосманского памятника [27]. Бангуоглу принадлежит также небольшая грамматика современного турецкого языка. Сюда же относится хорошо выполненное исследование Ахмеда Атеша о сочинении Сюлеймана Челеби Vesiletü'n-Necât-Mevlid, состоящее из введения (о теме сочинения и личности автора, языке и стиле произведения, а также различных списках сочинений С. Челеби), критически сверенного транскрибированного текста, примечаний, вариантов разночтений, словаря и факсимиле одного из списков. [28]. Отметим далее исследование языка памятника XIII в. Çarhname Ахмеда Факиха (краткое введение, транскрибированный текст, характеристика памятника в фонетическом, грамматическом и лексическом отношениях, словарь и грамматический указатель), выполненное М. Мансуроглу [29]. М. Мансуроглу является также автором диссертации об анатолийско-турецком языке XIII в. [30] и очерка о «сельджукских» стихах [31]. Можно

[22] «Dastan-ı Ahmet Harami». Nâkili Çankırı Milletvekili Talât Onay. İstanbul, 1946.

[23] «Şeyhi Divani». İstanbul, 1942.

[24] *Burhan Umit*. Yunus Emre Divanı. Istanbul, 1933—34; *Abdül Bakı*. Yunus Emre'de öz türkçe kelimeler. «Türkiyat mecmuası» (в дальнейшем TM), c. IV, 1934; *Abdül Bakı*. Yunus Emre Divanı münasebetiyle. «Yeni Türk mecmuası», c. IV, 1934; *Abdül Bakı*. Yunus Emre hayatı. İstanbul, 1936.

[25] *Agâh Sırrı Levend*. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme safhaları. Ankara, 1949. См. также сб. «Dil dâvası». Ankara, 1952, s. 1—9.

[26] *Mecdud Mansuroğlu*. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, Türk dili ve edebiyatı dergisi (в дальнейшем TDED). İstanbul, c. IV, 1951.

[27] *Tahsin Banguoğlu*. Altosmanische Sprachstudien zu Süleyl-ü Nevbahar. Breslau, 1938.

[28] *Süleyman Çelebi*. Vesîletü'n-Necât-Mevlid. Yazarı ve mevlid hakkında araştırmalar ile birlikte bilinen en eski elyazması nüshalarına göre bastıran Ahmet Ateş. Ankara, 1954.

[29] *Ahmed Fakih*. Çarhname. Yayımlıyan ve işleyen Mecdud Mansuroğlu. İstanbul, 1956.

[30] «Anadolu Türkçesi (XIII asır). Dehhani ve manzumeleri». İstanbul, 1947.

[31] *Mecdud Mansuroğlu*. Celāladdin Rūmi's türkische Verse. UAJ, B. XXIV, H. 3—4, 1952.

назвать еще исследование о языке дивана Кады Бурханетдина (см. выше), принадлежащее Мухаррему Эргину [32], диссертацию лингвистки Халидэ Долу [33] и некоторые другие работы.

Крупным событием в турецкой лингвистике явилось издание грамматики турецкого языка, составленной в XVI в. в Стамбуле неким Кадри из Пергамы [34]. Издание подготовлено старейшим и неутомимым деятелем в области турецкого языкознания проф. Бесимом Аталаем по копии, оригинал которой утерян уже в наше время. Издание состоит из предисловия Б. Аталая, транскрибированного текста, указателя слов и форм и факсимиле. Вместе со старейшими итальянскими грамматиками турецкого языка, опубликованными ранее итальянским тюркологом Алессио Бомбачи, издание проф. Бесима Аталая может служить надежной базой для дальнейших занятий в области турецкого языка и особенно стамбульского говора XVI—XVII вв. Отметим также интересное исследование Османа Недима Туна, посвященное важному вопросу о традициях письменности на материале древнетюркских языков [35].

Сравнительно-исторические исследования в области турецкого языка еще только развертываются. Для освоения методики сравнительно-исторического анализа требуется, разумеется, известное время. Однако уже достигнутые результаты позволяют надеяться, что в дальнейшем такого рода работам будет уделяться еще больше внимания, и турецкие лингвисты смогут приступить к подготовке исторической грамматики и исторического словаря турецкого языка.

Из других разделов исторических штудий в Турции заслуживают быть отмеченными этимологические разыскания, которыми особенно регулярно занимается Хасан Эрен [36], а также лингвисты более старшего поколения А. Джафероглу [37], Абдюлькадир Инан [38], Хамит Кошай (Хамит Зюбейр)[39], переводчик турецкой грамматики Ж. Дени Али Ульви Элёве [40] и другие. Методика этимологических разысканий в названных работах является общепринятой в зарубежных тюркологических исследованиях и отличается от методики аналогичных работ в русской и советской тюркологии с присущим последней особым вниманием к истории реалий, связанных с предметом этимологии, а также к локализации этимологического анализа.

Много внимания уделяли турецкие лингвисты занятиям в области древнетюркских языков. В Турции вышел ряд изданий по старым и древним тюркским языками,

---

[32] *Muharrem Ergin*. Kadı Burhanettin divanı üzerine bir gramer denemesi. TDED, c. IV, sayı 3, 1951.

[33] *Halide Dolu*. Dastan-ı Varaka ve Gülşah. Gramer hususiyetleri. Tez 260. Türkiyat Enstitüsü, 1945—1946.

[34] *Bergamalı Kadri*. Müyessiret-ül-Ulûm [Muyassıratu-l-Ulûm] (Tıpkıbasım, çevriyazılı metin ve dizin). Yayınlıyan Besim Atalay. İstanbul, 1946.

[35] *O. Nedim Tuna*. Bazı imlâ gelenekleri, bunlarin metin incelemelerindeki önemi ve Orhon yazıtlarinda birkaç açıklama. TDAY, 1957.

[36] *Hasan Eren*. Beiträge zur türkischen Wortforschung, K.Cs. Archivum, B. III, H. 2, 1941; *его же*. Türkçe qarman kelimesi hakkinda, TM, c. IX, 1951; *его же*. Etimoloji araştırmalari: I. balçık. 2. sanduvaç, там же; *его же*. Zurufe an Tiere bei Türken. UAJ, B. XXIV, H. 3—4, 1952; *его же*. Etimologische Untersuchungen, 1—2, там же; *его же*. Türk yer adları hakkında araştırmalar. Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar». I. İstanbul, 1953; *его же*. Etimoloji araştırmaları. TDAY, 1954; *его же*. Kimek ve İmek boy adlari hakkında. «Türk dili» (в дальнейшем TD), c. IV, sayı 45, 1955; *его же*. Türkçe istabur kelimesi üzerine. TDAY, 1956.

[37] *A. Caferoğlu*. Etimolojik araştirma denemeleri. TDAY, 1957.

[38] *Abdülkadir İnan. Güvey*. TM, c. IX, 1951; *его же*. «Ulus» terimi üzerine. TD, c. IV, sayı 41, 1955.

[39] *Hamit Koşay*. Miscellanea — İlk Türklere ait. Z. V. Togan'a armağan. İstanbul, 1955.

[40] *Ali Ulvi Elöve*. «Bıldır, bir yıldır» kelimeleri üzerinde. TD, c. V, sayı 53, 1956.

которыми пользуются тюркологи всех стран. Первым должен быть назван здесь турецкий перевод известного в ориенталистике средневекового сочинения о тюркских языках Махмуда Кашгарского, подготовленный Б. Аталаем. Все издание вместе с факсимиле и большим указателем, начатое в 1939 г., было закончено в 1943 г. [41]. В качестве дополнения в 1957 г. был выпущен другой индекс, составленный в порядке арабского алфавита [42]. Несмотря на отдельные шероховатости в транскрипции и переводах, издание словаря Махмуда Кашгарского, осуществленное Обществом, уже стало справочным пособием для тюркологов. Можно надеяться, что в подготовленном еще до турецкого издания азербайджанском переводе словаря Махмуда Кашгарского, а также в узбекском переводе, выполненном уже после войны, будут учтены достоинства и недостатки турецкого издания, и новые переводы явятся следующим шагом в дальнейшем изучении ценнейшего памятника литературных и народно-племенных тюркских языков средневековья—«Диван»-а Махмуда Кашгарского.

Полезную роль в популяризации знаний о древнетюркских языках сыграл труд Хюсейна Намыка Оркуна [43], куда вошли все известные в науке надписи на древнетюркских языках, обнаруженные в долинах рек Орхона, Енисея и т. д. Труд Х. Н. Оркуна явился не только пособием при изучении древнейших памятников тюркских языков, но также опытом нового чтения и толкования отдельных мест в рунических надписях [44]. Еще раньше вышла брошюра Ахмеда Джевада Эмре о происхождении енисейско-орхонского алфавита, в которой автор подверг критике существующие взгляды на происхождение древнетюркского алфавита и выдвинул теорию идеографического происхождения знаков рунического письма [45].

В области древнеуйгурского языка можно назвать осуществленное Обществом издание факсимиле всех трех списков известного средневекового дидактического сочинения «Кутадгу Билиг» и публикацию сводного текста этого памятника, составленного Р. Р. Аратом [46], не считая более ранних работ [47].

Особо следует отметить новое после Неджиба Асыма [48] критическое издание другого средневекового дидактического сочинения Айбет-уль-Хакаик [49] Ахмеда Югнаки, подготовленное также Р. Р. Аратом [50]. Издание содержит обширное введение, посвященное языковым особенностям памятника в сравнении с данными других памятников и языков, в нем даются также сведения об авторе, эпохе возникновения памятника, его списков и т. д. В конце книги приложен глоссарий и факсимиле шести списков памятника.

---

[41] «Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay, c. I. Ankara, 1939; c. II, 1940; c. III, 1941; «Divanü Lûgat-it Türk tıpkıbasımı «faksimile». Ankara, 1941; «Divanü Lûgat-it-Türk dizini — Endeks». Yazan Besim Atalay. Ankara, 1943.

[42] «Arap alfabesine göre Divanü Lûgat-it-Türk dizini». Hazırliyan Dehri Dilçin. Ankara, 1957.

[43] *Hüseyın Namık Orkun*. Eski Türk yazıtları, c. I—IV. İstanbul, 1936—1941.

[44] См., например, *Hüseyin Namık Orkun*. Kara-yüş yazıtının yeni çözümü. Türk dili, Belleten, seri III, 1951.

[45] *Ahmet Cevat Emre*. Eski Türk yazısının menşeği. İstanbul, 1938.

[46] «Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım. «Viyana nüshası». İstanbul, 1942; «Fergana nüshası». İstanbul, 1943; «Mısır nüshası». İstanbul, 1943; *Reşit Rahmeti Arat*. Kutadgu Bilig, I. Metin, İstanbul, 1947.

[47] *R. Rahmeti Arat*. Uygur alfabesi, M. Cevdet hayati, eserleri ve kütüphanesi. İstanbul, 1937; *его же*. Kutadgu Bilig'de tabipler ve afsuncularla münasebet hakkında parçalar. «Ülkü», sayı 46, 1946.

[48] «Aybet-ül-Hakayık». İstanbul, 1334 (1910).

[49] Существует разное чтение названия этого произведения.

[50] *Reşit Rahmeti Arat*. Edip Ahmed b. Mahmud Yükneki, Atebetü'l-hakayık. İstanbul, 1951.

Реальное значение для распространения в научной среде стамбульского списка [51] известного сочинения Ибн-Муханны [52] имело издание, подготовленное Абдулла Батталом (Таймасом) [53] и его же статья, написанная в соавторстве с Хасаном Эреном о монгольской части сочинения Ибн-Муханны.

За обозреваемый период в Турции вышел также ряд изданий, относящихся к древнекыпчакским языкам. Наиболее ранней по времени явилась публикация известного сочинения средневекового филолога Абу-Хайяна Kitāb al-idrāk li-lisān al-Atrāk, подготовленная А. Джафероглу по спискам библиотек Велиэттина и Стамбульского университета [54]. Издание состоит из арабского текста с турецким переводом и словарем. Существенным дополнением к изданию А. Джафероглу было опубликование Велетом Избудаком 1359 слов, отмеченных на полях сочинения Абу-Хайяна неизвестным автором [55].

Полезным вкладом в изучение древнекыпчакских языков было подготовленное Б. Аталаем издание относящегося, по-видимому, к XIII—XIV вв. анонимного средневекового памятника Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-türkiyye [56], о котором ученый мир знал еще из статьи Фуада Кёпрюлю [57] и позже Халаши Куна [58], издавшего факсимиле памятника. Книга состоит из введения Б. Аталая относительно рукописи, ее автора, языковых и иных особенностей памятника; турецкого перевода, словаря и факсимиле. Несмотря на критические замечания, раздававшиеся в адрес издания Б. Аталая [59], оно было положительно оценено в научных кругах и сыграло свою роль, содействуя более широкому распространению среди читателей этого ценного памятника древнекыпчакского языка.

Следует отметить также издание Б. Аталаем другого кыпчакского памятника под названием E§-§üzur-üz-zehebbiyye vel kıtai'l-Ahmediyye fil Lûgat-it-Türkiyye, автором которого является Молла Салих [60]. Упомянем публикацию еще одного кыпчакского памятника XIV, представляющего собой перевод знаменитого «Гюлистана». Издание подготовлено проф. Феридуном Нафызом Узлуком [61]. Укажем, наконец, на издание известного памятника литературного языка Золотой Орды Nehcü'l-Feradis, подготовленное Яношем Экманом. Пока вышла первая часть задуманного труда — факсимиле списка [62], за ней должны последовать транскрипция с переводом и словарем и лингвистический анализ памятника. Из исследовательских работ, относящихся к выяснению соотношений между тюркскими языками, отметим работу А. Инана [63].

[51] Впервые было издано Килисли Рифатом в 1921 г. в Стамбуле. Об этом издании см. *С. Е. Малов*. Ибн-Муханна о турецком языке. «Записки коллегии востоковедов», т. III, 1928.

[52] См. *П. М. Мелиоранский*. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900.

[53] «İbnü-Mühenna lûgati (İstanbul müshasının türkçe bölüğünün endeksidir)». Aptullah Battal T. D. C. azasından. İstanbul, 1934.

[54] *Ahmet Caferoğ lu*. Abû-Hayyân, Kitâb al-İdrâk li-lisân a. -âk. İstanbul, 1931.

[55] «El-İdrak haşiyesi». Yazan Velet Izbudak Kastamonu saylavı. İstanbul, 1936.

[56] «Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-türkiyye». Çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1945.

[57] K. Cs. Archivum, B. I, H. 3, 1922.

[58] *T. Halasi Kun*. Die Mameluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Stambul. K. Cs. Archivum, B. III, H. I, 1940.

[59] *T. Halasi Kun*. Philologica, I—II, DTCFd, c. V, № 1, 1947; VII, № 2, 1949.

[60] *Molla Salih*. Eş-şüzur -üz-zehebbiyye vel-kıtai l-Ahmediyye fil-Lûgat-it-Türkiyye. Çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1949.

[61] Об этом издании мы узнали из статьи А. Баттал Таймаса: Seyf Sarayi'nin Gülistan tercümesini gözden geçiriş. TDAY, 1955.

[62] «Nehcü'l-Feradis. I. Tıpkıbasım». Onsözü yazan Janos Eckmann. Ankara, 1956.

[63] *Abdülkadir İnan*. XIII—XV yüzyıllarda Mısırda Oğuz—Türkmen ve Kıpçak lehçeleri ve «halis türkçe». TDAY, 1953.

Переходя к области лексикологии, можно констатировать общее для тюркологии оживление научной работы в этой отрасли языкознания, наблюдающееся также в Турции. Мы имеем в виду в первую очередь терминологическую работу, которой в турецкой лингвистике уделяется серьезное внимание еще с 30-х годов. В последние годы наметилось стремление турецких языковедов к стабилизации научной терминологии, в формировании которой заметная роль принадлежит элементам греко-латинского происхождения. Значение этих элементов в турецком языке оценено лингвистами[64]. Другой тенденцией в терминологической работе является установка на сплошной пересмотр терминологии всех отраслей и даже стилей языка [65].

Стремление к терминологической стабилизации прежде всего проявляется в предметах школьного преподавания и в лексике, относящейся к решающим областям хозяйства и культуры. В целях стабилизации важнейших терминов «Обществом турецкого языка» была выпущена серия терминологических французско-османско-турецких словарей для начальных и средних школ по грамматике, математике, физике, химии, биологии, ботанике, географии, геологии, астрономии.

Наряду со школьными изданиями за последние 10—15 лет в Турции вышло значительное количество более подробных словарей по технике[66], литературе и критике[67], философии[68], языкознанию[69], биологии[70], сельскому хозяйству[71], юриспруденции [72], фольклору[73], истории [74] и т. д.

Значительная по объему работа выполнена языковедами Турции в области лексикографии. За прошедшие годы выпущен целый ряд двуязычных, в основном турецко-иностранных словарей [75], а также толковые словари турецкого языка, словари иност-

[64] *Suat Y. Baydur*. Dilimiz ve Yunan-Lâtin asıllı kelimeler. TDAY, 1953.

[65] *M. N. Özdarendeli*. Dil devriminin giremediği «yasak bölge» ler. TD, c. V, 1956, sayı 52. См. с другой стороны *K. N. Özdem*. Terimler meselesi münasebetiyle dilimizin ıslahı üzerine muhtıra. İstanbul, 1942.

[66] «Teknik terimleri, I (Makina öğeleri, Elektro-teknik, Yapi makinları, İçten yanmalı motorlar, Bastıraklar, Teknibilim, Dayanım, Temeltekniği, Gereç). Ankara, 1949; «Teknik terimlerden birkaç örnek». Ankara, 1949.

[67] *Mustafa Nihat Özön*. Edebiyat ve söz sanatı terimleri sözlüğü. İstanbul, 1948; *его же*. Edebiyat ve söz terimleri. İstanbul, 1949.

[68] *Mehmet Ali Ağakay*. Türkçe felsefe terimlerinin dil bakımından açıklanması dolayısiyle bazı kelime yapı yolları. İstanbul, 1943; *его же*. Felsefe ve gramer terimleri. Türkçe-Osmanlıca-Fransızca. İstanbul, 1942.

[69] «Dilbilim terimleri sözlüğü». Ankara, 1949.

[70] «Diribilim (biyoloji) terimleri». İstanbul, 1948.

[71] «Tarım terimleri», c. I. İstanbul, 1949.

[72] «Türe terimleri». İstanbul, 1948.

[73] *Ömer Asım Aksoy ile M. Şakir Ülkütaşır*. Folklor sözleri. Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi, c. 6. Ankara, 1952.

[74] *Mehmet Zeki Pakalin*. Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü. İstanbul, 1946—1948.

[75] Мы приводим краткий список этих словарей: *İ. H. Danişmend, R. N. Güntekin, A. S. Delibaşı* ve *N. Ataç*. Fransızca-türkçe resimli büyük dil kılavuzu. İstanbul, 1936—1938; *R. N. Darago*. Türkçeden fransızcaya yeni lûgat. Istanbul, 1956; *A. Morak, A. Vahid*. A Turkish-English dictionary. İstanbul, 1945; *L. Dildeş*. İngilizceden türkçeye ve türkçeden ingilizceye tam lûgat (türkçe telâffuzlu), 1—2. İstanbul, 1956; *Z. C. Bakıçelebioğlu*. Türkçe-Almanca yeni lûgat. İstanbul. 1941; *A. Finazzer, Ş. Tabib, R. Tubino*. Türkçe-İtalyanca yeni lûgat. İstanbul, 1934, *A. Finazzer, S. Tabib, R. Tubino*. İtalyanca-Türkçe yeni lûgat. İstanbul, 1933; *P. V. Melitopulos*. Türkçeden Rumcaya sözlük. İstanbul, 1934; *Z. Şükûn*. Farsça-Türkçe lûgat. İstanbul, 1944—49 и некоторые другие.

ранных слов[76] и т. д. Наиболее важными среди всех этих изданий являются толковые словари турецкого языка, которые в силу своих особых задач несколько отличаются от словарей, издающихся у нас. Отличие касается нормативности турецкого словаря. Элементы нормативности, как известно, имеются и в наших двуязычных или толковых словарях и выражаются системой помет (обл., разгов., устар. и т. д.), отграничивающих слова, которые не подходят под литературную норму. Турецкие лексикографы помимо слов, уже укоренившихся в языке, кодифицируют в качестве нормы также значительное число неологизмов, которые, по мнению составителей, должны заменить собой иноязычные элементы турецкой лексики. Для исключаемых же арабско-персидских слов еще в 30-х годах были выпущены сопоставительные словари типа Osmanlıcadan Türkçeye söz karşılıkları tarama dergisi, I—II (İstanbul, 1934) или более краткие справочники типа Osmanlıcadan Türkçeye cep kılavuzu (İstanbul, 1935) и Türkçeden Osmanlıcaya cep kılavuzu(İstanbul, 1935). В течение 1943— 1945 гг. Обществом было подготовлено первое издание турецкого толкового словаря[77], а в 1955 г. вышло вновь переработанное и значительно расширенное за счет новых слов второе издание словаря[78]. Толковые словари турецкого языка выпускались и раньше, почти тотчас же после перехода на латиницу[79] (не говоря о более старых изданиях, выходивших до языковой реформы в Турции), но они в основном продолжали старые традиции словарной работы и слабо отражали тенденции современной турецкой лексикографии.

В последние годы в Турции появились новые виды словарей, почти неизвестные раньше. Мы имеем в виду синонимический словарь[80] и словарь метафор[81], оба составленные автором турецкого толкового словаря Мехмедом Али Агакаем. Синонимический словарь содержит около 4000 слов, образующих 459 синонимических групп. Не считая ссылочных слов, в каждой статье дается определенный синонимический ряд с описанием семантических отличий между синонимами и с примерами на их фразеологическое употребление. Являясь весьма существенным дополнением к толковому словарю, синонимический словарь имеет важное значение не только для повышения культуры речи и нормирования языка, но является также ценным справочником для лиц, изучающих турецкий язык.

Словарь метафорических выражений и их синонимов состоит из 5000 наиболее употребительных в литературном и разговорном языках слов и выражений, объединенных в семьсот групп. К этому изданию по своему характеру близок «Словарь турецких выражений» М. Н. Ёзёна[82].

Обратимся к исследованиям турецких лингвистов в области фонетики и грамматики.

Переход турецкой лингвистики к современным взглядам и методам в области грамматики совершался, кажется, медленнее, чем в других областях языкознания. Это объяс-

[76] См., например, *A. H. Taner*. Yabancı kelimeler lûgatı. İstanbul, 1941.

[77] «Türkçe sözlük» (Türk Dil Kurumu lûgat kolu çalışmalarıyle hazırlanmıstır). İstanbul, 1943—1945. В качестве подготовительной работы к большому турецкому словарю являлся словарь «Örneklerle tarama sözlügü denemesi. Türk kamusu hazirliklarından» İstanbul, 1942.

[78] *M. A. Ağakay*. Türkçe sözlük. 2-nci baskı. Ankara, 1955.

[79] *Ali Seyyidi*. Yeni Türkçe lûgat. İstanbul, 1930; *İbrahim Alâettin* (*Gövsa*). Yeni Türk lûgatı, 30.000 kelime ile 24 tablo, 16 harita ve 3 renkli harita ve tabloyu muhtevidir. İstanbul, 1930. Более новым по типу является словарь того же автора: *İbrahim Alâettin Gövsa*. Talebe lûgatı, dördüncü baskı. İstanbul, 1945.

[80] *Mehmet Ali Aˇakay*. Türkçede yakın anlamlı kelimeler sözlüğü — Bir deneme. Denetliyenler N. Ataç, H. Eren, S. Sinanoğlu. Ankara, 1956.

[81] *Mehmet Ali Ağakay*. Türkçede mecazlar sözlüğü (700 sınıfa ayrılmış 5000 madde). Ankara, 1949.

[82] *M. N. Özön*. Türkçe tâbirler sözlüğü, birinci cilt: A—D. İstanbul, 1943. Мы не располагаем данными о дальнейших выпусках этого словаря.

няется, помимо живучести традиций старой грамматики, еще и тем, что за прошедшие годы внимание языковедов Турции было сосредоточено на других разделах турецкого языкознания, в первую очередь на лексике. В настоящее время процесс научно-методической перестройки в области грамматики находится накануне своего завершения. Главная трудность, как она представляется со стороны, заключается в том, что окончательно еще не стабилизовались основные понятия и категории грамматики. Это достаточно заметно в морфологии, например, в учении о частях речи, о словообразовании и формообразовании, о грамматических категориях глагола, имени и других, но еще в большей мере в синтаксисе, более фундаментальная разработка которой началась позднее морфологии.

Окончательно стабилизовалась, по-видимому, фонетика, о чем можно судить по фонетическим работам или фонетическим разделам грамматик, вышедших за последние годы. Из больших по объему работ, выполненных в последнее время, можно назвать сравнительную фонетику проф. Ахмеда Джевада Эмре[83], в которой собраны фонетические факты тюркских языков, известные из литературы. Ценны наблюдения, сделанные в области турецкой фонетики, которые мы находим в диалектологических исследованиях, в частности в работе Зейнеп Коркмаз об этимологически долгих гласных в западно анатолийских диалектах, что имеет принципиальное значение[84]. Отметим также некоторые наблюдения в области исторической фонетики, относящиеся, например, к проблеме гласных «e»— «i»[85], согласных «g»—«γ»[86], исторические отношения которых занимают тюркологов со времен В. В. Радлова и еще не могут считаться окончательно выясненными, и другие. Вопросы теоретической фонетики в названных и других работах не ставились.

Переходя к морфологическим исследованиям, необходимо отметить большой интерес турецких лингвистов к вопросам словообразования, прямо связанный со словарной работой. Теме словообразования посвящено значительное число работ, начиная с первых книг Ибраима Неджми Дильмена[87] и Ахмеда Джевада Эмре[88] и до недавних пособий или исследований по данному вопросу. Центральное место в этих работах, в частности в работах А. Пекеля[89] и Б. Аталая[90] занимает вопрос о словообразовательных средствах турецкого языка. В этих исследованиях, особенно в «Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme» и «Türkçede kelime yapma yolları» Б. Аталая специалиста привлечет свежий, мало известный материал. Отметим еще другую работу того же автора об именном словообразовательном аффиксе-men||-man[91], заключающую в себе ценный фактический материал. К теме словообразования примыкает и работа С. Чагатай о парных словах в древнеуйгурском языке[92], которые уже много раз при-

[83] *Ahmet Cevat Emre*. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (Ilk deneme). I. Fonetik, İstanbul, 1949.

[84] *Z. Korkmaz*. Batı Anadolu ağızlarında aslı vokal uzunlukları hakkında. TDAY, 1953.

[85] *R. R. Arat*. Türkçe metinlerde e/i meselesine dâir. «Rocznik Orientalistyczny», t. XVIII (1951—1952). Kraków, 1953.

[86] *R. Rahmeti Arat*. Atebetü'l-hakayık'ta g ve γ seslerine dâir. TM, c. IX, 1951.

[87] *İbrahim Necmi*. Yeni türkçe dersleri: VIII, Türkçe gramer. İstanbul, 1933—1934.

[88] *Ahmet Cevat*. Türkçede kelime teşkili hakkında bir anket, birinci kitap. Ankara, 1933; ikinci kitap. İstanbul, 1933; *Ahmet Cevat*. Ekler lûgatçesi. İstanbul, 1934.

[89] *A. G. Pekel*. Türkçede kelime üreme yolları. İstanbul, 1943.

[90] *Besim Atalay*. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. İstanbul, 1942; *Besim Atalay*. Türkçede kelime yapma yolları. İstanbul, 1946.

[91] *Besim Atalay*. Türkçemizde men-man. İstanbul, 1940.

[92] *Dr. Saadet Çağatay*. Uygurcada hendiadyoinlar. Türk dili ve edebiyatı araştırmalar, 1940—1941 (Dil ve tarih-coğrafya fakültesi yıllık çalışmaları I sayısından ayrıbasım). İstanbul, 1941.

влекали внимание тюркологов, начиная, по крайней мере, с Карла Фоя. В работе С. Чагатай систематизирован тщательно выбранный из памятников древнеуйгурского языка фактический материал, важный при историческом изучении данного вопроса. К той же теме относится статья лексикографа Мехмет Али Агакая о парных словах в турецком языке [93]. Можно назвать еще статью Тахсина Банguоглу о формах, выражающих меру признака в прилагательном [94].

Среди работ, посвященных имени, необходимо особо отметить исследование проф. А. Дж. Эмре об «Именных основах в турецком языке (Из подготовительных работ к сравнительной грамматике турецкого языка)» [95]. Автор пытается установить общие индоевропейско-тюркские именные корни и тем самым практически обосновать теорию индоевропейско-алтайской языковой общности, которая остается пока проблематичной [96].

В ряде морфологических работ разбирается турецкий глагол — наиболее емкая и грамматически богатая часть речи в тюркских языках. К ним относятся статьи: С. Чагатай— о производных глаголах в староосманском языке[97], М. А. Агакая — о классификации глаголов[98], Б. Аталая — о показателе будущего времени[99], лингвистки Веджие Кылычоглу — о желательном наклонении [100] и т. д.

В области синтаксиса внимание турецких языковедов в последние годы было направлено на разработку учения о предложении. Эта тема, в частности, занимает важное место в новых трудах проф. А.Дж. Эмре, который до последнего съезда руководил грамматическим отделом Общества. Ему принадлежит большая «Турецкая грамматика» [101] и статьи о предложении в турецком языке [102]. В трактовке синтаксических явлений автор опирается на смысловой, понятийный принцип, который нередко переплетается с принципом формально-грамматическим. Такой подход вытекает из понимания А. Дж. Эмре задач грамматики, которая в синтаксике «должна исследовать психологические и социальные отношения между стремлением к высказыванию и синтаксическими формами» [103]. Следствием этого воззрения является методика синтаксического анализа, исходный пункт которого — ситуационная реально смысловая и понятийная сторона синтаксического явления и обусловленные ею самый выбор и порядок рассмотрения синтаксических фактов. С указанным воззрением связаны также фактическое допущение подвижности границ между членами предложения или между членами предложения и частями речи, трактовка предложения с однородными сказуемыми или личными и неличными формами глагола (при одном и том же подлежащем) в качестве «нити предложений»[104], откуда критерием предложения становится глагол, и т.д. В этом же плане написан А. Дж. Эмре синтаксический раздел грамматики, упомянутой выше.

---

[93] *M. A. Ağakay.* Türkçede kelime koşmaları. TDAY, 1954.

[94] *Tahsin Banguoğlu.* Türkçede benzerlik sıfatları. TDAY, 1957.

[95] *Ahmet Cevat Emre.* Türkçede isim temelleri. Mukayeseli Türk gramerine hazırlık irdemleri. İstanbul, 1943.

[96] *S. Mladenov.* Gemeinsame Eigentümlichkeiten und Elemente der indogermanischen und mongolischen Sprachen. «Списание на Бълг. Академия на науките», т. LV, 1937.

[97] *S. Cağatay.* Eski Osmanlıcada fiil müştakları. DTCFd, 5, 1947.

[98] *M. Ali Ağakay.* Fiillerin sınıflanması üzerine bir deneme. TD, seri 11, 1942.

[99] *Besim Atalay.* Türkçede gelecek zaman edatı. TD, seri 3—4, 1940.

[100] *Vecihe Kılıcoğlu.* Türk gramerinde yeni araştırmalar. TDAY, 1953.

[101] *A. C. Emre.* Türk dilbilgisi. Türkçenin bugünkü ve geçmişteki gelişmeleri üzerine gramer denemesi. İstanbul, 1945.

[102] *A. C. Emre.* Türkçede cümle. TDAY, 1954; *его же.* Türkçede cümle: II — İsim cümlesi. TDAY, 1955.

[103] Указ. соч., TDAY, 1954, стр. 115.

[104] Там же, стр. 152—176.

Функционального подхода придерживаются также авторы некоторых других работ, например, Таир Неджат Генджан, который в своей статье о сочетаниях с прилагательными писал: «Самый правильный путь исследовать слова, учитывая их употребление и оставляя в стороне вопрос о том, насколько уместна идея «исходного понятия» (konuluş anlami) в применении к словам» [105]. В статье рассмотрены определительные сочетания с прилагательными и синтаксические функции таких сочетаний.

Отметим еще статью М. Мансуроглу о союзах и союзных словах по материалам древних, старых и, в отдельных случаях, современных тюркских языков [106].

Кроме работ, посвященных фонетическим, морфологическим и синтаксическим темам, за обозреваемый период было выпущено также значительное количество грамматик. Большинство этих грамматик знакомо советским тюркологам. Среди них и более ранние работы, как, например, упоминавшаяся выше «Турецкая грамматика» Ибраима Неджми (Дильмена) или грамматика Митхада Садуллаха (Сандера) [107], а также более близкие к нам по времени грамматика М. Баха[108] и Т. Банguоглу [109] (последняя в отдельных случаях подверглась довольно основательной и, быть может, не вполне заслуженной критике) [110] и, наконец, вышедшая в 1945 г. грамматика проф. А. Дж. Эмре, о которой говорилось выше.

Авторы современных описательных грамматик турецкого языка, вышедших перед самой войной или после нее, за отдельными исключениями, не выдвигают специальных теоретических задач. Основная их цель дать возможно полное описание современного турецкого языка, выработав для этого собственную схему описания, но не отказываясь в то же время от использования европейской схемы.

Мы не располагаем данными относительно разработки в Турции общелингвистических проблем. Но известно, что оживленный интерес к общему учению о языке, наблюдавшийся в тридцатых годах, в период увлечения «солнечной теорией языка», уступил место разработке конкретных вопросов собственно турецкого языкознания, о чем свидетельствуют приводившиеся выше названия языковедческих работ.

В связи со сравнительно-тюркологическими разысканиями и интересом к ним появились работы, в которых поднимались также некоторые вопросы общетюркологического порядка. Среди них можно назвать очерк Р. Р. Арата, представляющий собой частичный обзор имеющихся классификаций тюркских языков с попыткой их синтеза [111]. Можно отметить также тесно связанные между собой статьи Акопа Дилячара «О формах распространения наречий и проблеме классификации тюркских языков и наречий» [112] и «Усиление и ослабление общих тенденций при образовании тюркских наречий» [113]. Отметим особо вторую статью, в которой автором выдвинута теория о развитии тюркских языков из единого источника, в процессе которого в одних языках происходило ослабление, а в других — усиление некоторых общих тенденций, существовавших в едином языке-источнике. Этот процесс, в принципе сформулированный в языкознании давно, А. Дилячар считает весьма важным при филиации исходного языка-источника, с чем в общем можно согласиться, хотя высказанное автором в иллюстративной части статьи мнение о позднем выявлении (XVIII в.) специфических черт азербайджанского

---

[105] *T. N. Gencan.* Sıfat birlikleri. TDAY, 1954, s. 181.

[106] *Mecdud Mansuroğlu.* Türkçede cümle çeşitleri ve bağlayıcıları. TDAY, 1955.

[107] *Mithat Sadullah.* Yeni türkçe gramer dersleri. İstanbul, 1934.

[108] *M. Baha.* Yeni türkçe gramer. İstanbul, 1940.

[109] *Tahsin Banguoğlu.* Ana hatlarıyle Türk grameri. İstanbul, 1940; см. также *Tahsin Banguoğlu.* «Dil bahisleri». İstanbul, 1942.

[110] *A. C. Emre.* Gramerimiz için. İstanbul, 1941, s. 7.

[111] *R. Rahmeti Arat.* Türk şivelerinin tasnifi. TM, c. X, 1953.

[112] *A. Dilâçar.* Lehçelerin yayılma tarzı ve Türk dil ve lehçelerinin tasnifi meselesi. TDAY, 1954.

[113] *A. Dilâçar.* Türk lençelerinin meydana delişinde genel temayüllerin koyulaşmasi ve körlenmesi. TDAY, 1957.

языка нуждается в доказательствах. Исследование проблемы филиации тюркских языков в большой степени зависит, естественно, от того, как решается другой трудный вопрос — вопрос о различиях тюркских языков между собой.

Турецкие лингвисты занимались отчасти и другими современными тюркскими языками. Можно назвать издание «Словаря Неваи» Мирзы Мехди Хана, подготовленное проф. Б. Аталаем [114], некоторые статьи проф. А. Джафероглу, относящиеся к лексике азербайджанского языка [115], статью С. Чагатай о карачайском фольклоре [116] и другие.

На турецкий язык переведены некоторые важные тюркологические труды, среди них ряд произведений отечественных тюркологов: первый том якутского словаря Э. Пекарского — от буквы «А» до буквы «М», киргизский словарь К. К. Юдахина, а также некоторые статьи: Е. Э. Бертельса — об Алишере Навои, А. К. Боровкова —на ту же тему, статья А. Н. Болдырева—«Навои в рассказах его современников» и другие.

Размеры журнальной статьи не позволяют остановиться более подробно на содержании основных изданий по турецкому и другим тюркским языкам, выходивших в Турции. Однако и из приведенных выше данных достаточно ясно вырисовываются контуры обширной и разносторонней научной и научно-прикладной работы в области турецкого и тюркского языкознания, которая обеспечила турецкой тюркологии прочное и видное место в науке о тюркских языках.

SUMMARY

The article reviews the main linguistic works published in Turkey for the last 25 years. The congress called in connection with the 25th anniversary of the «Turkish linguistic society» found the Turkish linguists with important achievements to their credit; the most noteworthy of them are the foundation of a modern Turcology and a certain reconstruction of the literary language.

In the period under review Turkish linguists have collected a considerable amount of material and conducted a great deal of research work. The greatest headway was made by Turkish Turcology in dialectical and national lexicography and in historic linguistics.

The dialectological dictionary (five volumes), historic dictionary (4 volumes), numerous Turkish and Turkic written memorials and other publications are well known to specialists.

[114] *Mirza Mehdi Mehmet Han.* Seng-Lâh.Lûgat-i-Nevai. Tıpkıbasım. Yayınlıyan Besim Atalay. İstanbul, 1950.

[115] *A. Caferoğlu.* Azerî şivesinde nohur ve lap kelimeleri. «Rocznik Orientalistyczny», t. XVII, 1953; *его же*, Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki moğolca unsurlar. TDAY, 1954.

[116] *Saadet Cağatay.* Karaçay halk edebiyatında avcı Bineger. Fuat Köprülü armağanı. İstanbul, 1953.

«Всемирная история» в десяти томах, т. II. М., Госполитиздат, 1956 (АН СССР. Институт истории, Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры). 900 стр., илл., 17 карт

Второй том начатого в 1955 г. десятитомного издания «Всемирной истории» охватывает эпоху примерно с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. Расцвет рабовладельческой формации, ее кризис и крушение, дальнейшее развитие первобытно-общинного строя, его разложение и возникновение классового общества у народов, живших за пределами рабовладельческой «ойкумены», но связанных с нею тысячами нитей,— таково содержание этой богатой событиями эпохи.

Исходя из марксистско-ленинского учения, авторы тома основное внимание уделили исследованию закономерностей рабовладельческого способа производства, анализу социально-экономических отношений. В работе показано, что содержанием исторического процесса в рабовладельческую эпоху была борьба между рабами и рабовладельцами, что на основе этой классовой борьбы развивались все остальные социальные противоречия древнего мира.

Второй том «Всемирной истории» не знает деления народов на «исторические» и «неисторические». В нем преодолен один из крупнейших пороков буржуазной историографии — «европоцентризм». Наряду с историей Греции и Рима в томе освещена история всех народов, населявших в древности Европу, Азию и Северную Африку, обстоятельно рассказано о конкретных особенностях социально-экономического, политического и культурного развития каждого из этих народов, о том вкладе, который они внесли в сокровищницу мировой цивилизации.

Мы остановимся здесь главным образом на тех главах тома, которые посвящены истории Востока, поскольку они представляют особый интерес для читателей журнала «Советское востоковедение». Несмотря на то, что история древнего мира, особенно древняя история Востока, таит в себе много нерешенных проблем, авторы тома сумели показать своеобразие развития рабовладельческих обществ Востока, выдвинуть некоторые новые проблемы и высказать оригинальные мысли, способствующие правильному пониманию и дальнейшему изучению истории народов Востока.

Внимание читателей прежде всего привлекут, несомненно, главы по истории Китая (XIV—XVI) и Индии (XVII—XVIII). История Китая рассматривается здесь с V в. до н. э. до 20-х годов III в. н. э. Авторы отмечают, что вопрос о характере способа производства в Китае этой эпохи является предметом серьезных дискуссий среди китайских, а также советских ученых. Китайское общество периода V в. до н. э.— III в. н. э. рассматривается в томе как общество рабовладельческое.

По мнению авторов, период Чжаньго (481—221 гг. до н. э.) был временем перехода от раннерабовладельческих отношений к развитому рабовладению (стр. 470—471). Изменения в развитии производительных сил, среди которых решающую роль сыграло освоение техники обработки железа (стр. 453), привели к серьезным переменам в области производственных отношений. Наивысшего расцвета рабовладельческий строй в Китае достиг в период Си Хан (206 г. до н. э.— 9 г. н. э.). Этот перио

характеризуется исключительным обострением классовой борьбы, завершившимся восстанием «красных бровей» (18—29 гг. н. э.), которое до основания потрясло рабовладельческий строй в Китае.

Период Дун Хань (25—220 гг. н. э.) авторы характеризуют уже как эпоху кризиса рабовладельческих отношений. На основе конкретных данных источников они показывают, как в результате роста производительных сил рабский труд становится нерентабельным, как среди непосредственных производителей главную роль начинает играть зависимое население кэ, бинь-кэ и другие. Не без основания авторы сближают положение кэ и бинь-кэ с положением позднеримских колонов (стр. 523—525, 818). Появление названных групп зависимого населения, стирание грани между свободными производителями и рабами, рост крупного землевладения и политической самостоятельности «сильных домов» в I—III вв. н. э. рассматривается как признак возникновения феодальных производственных отношений, зарождающихся в недрах рабовладельческой формации (стр. 523—525).

Как убедительно показано в рассматриваемом томе, огромную прогрессивную роль в историческом развитии Китая сыграли народные восстания.

Несомненной заслугой авторов, на наш взгляд, является то, что на примере истории Китая они камня на камне не оставили от так называемой теории «азиатского способа производства» и теории извечности феодализма в странах Азии. Показав, что развитие рабовладельческого строя в Китае происходило в основном так же, как и в античном мире, они вместе с тем подчеркнули специфические особенности рабовладельческой формации в Китае (стр. 471).

Большой интерес представляют страницы, посвященные развитию идеологии и культуры древнего Китая. Хорошо изложено учение великих философов-материалистов древнего Китая — Сюнь-Цзы, Ян Чжу и Ван Чуна, их борьба против идеализма. При этом идеологическая борьба показана в тесной связи с социально-экономическим развитием и классовой борьбой в Китае. К сожалению, при оценке идеологических течений древнего Китая почему-то не отмечено, что вопрос этот является в настоящее время предметом оживленной дискуссии среди китайских ученых. Показав весьма высокий уровень развития культуры в древнем Китае, авторы опровергли тем самым измышления буржуазных историков о неспособности китайского и других азиатских народов к самостоятельному культурному развитию. Они отметили значительное воздействие древнего Китая на социально-экономическое и политическое развитие соседних народов, особенно народов Кореи, Японии, Вьетнама, Восточного Туркестана, Монголии. Однако вопрос о культурном влиянии Китая остался фактически не освещенным.

В главах, посвященных истории Индии с VI в. до н. э. до V в. н. э., основное внимание уделено истории Северной Индии, где сложились крупнейшие индийские рабовладельческие империи династий Маурья (около 324—187 гг. до н. э.) и Гупта (IV — V вв. н. э.), оказавшие решающее влияние на историческое развитие всех народов Индии. Авторы считают, что расцвет рабовладельческой формации в Индии совпадает с эпохой династии Маурья. Особенности развития рабовладельческого способа производства в Индии, как правильно указано в томе, заключались, во-первых, в еще большей, чем в других странах древности, устойчивости сельской общины, во-вторых, в существовании государственной собственности на землю и, в-третьих, в своеобразных формах эксплуатации рабов, которые считались членами патриархальной семьи, располагали некоторыми имущественными правами и в значительной степени были соотечественниками своих господ (стр. 549—551).

Обстоятельно и правильно показан процесс складывания в недрах рабовладельческого строя феодальных отношений. Особый интерес представляет вопрос о возникновении кастового строя в Индии, впервые поставленный советским индологом А. М. Осиповым [1], установившим, что «варна» и «каста» (джати) — два различных социальных явления. Эта оригинальная точка зрения получила во втором томе «Всемирной истории» дальнейшее развитие и обоснование. Возникновение кастового строя авторы рассматривают как важную особенность формирования феодальных отношений в Индии (стр. 567). Вопрос о происхождении кастового строя не может пока что считаться окончательно решенным, но постановка его, безусловно, имеет очень важное значение.

[1] *А. Осипов.* Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948.

Внимание читателей, несомненно, привлекут страницы, посвященные идеологии и культуре древней Индии. Здесь дана характеристика идеологических течений в древнеиндийском обществе, прослежена их связь с общим ходом общественного развития и классовой борьбы в Индии.

Обоснована оценка буддизма как идеологии развитого рабовладельческого общества, пришедшей на смену брахманизму — религии раннерабовладельческого общества (стр. 553). Четко охарактеризована классовая сущность буддизма (стр. 554). Верно подчеркнуто, что «буддизм был связан главным образом с городом» (стр. 566), ибо в древности именно города были цитаделью развитых рабовладельческих отношений. Авторы сумели также показать эволюцию буддизма, тесно связанную с эволюцией рабовладельческого строя в Индии, правильно объяснили, почему поздний буддизм («махаяна») был вытеснен в Индии индуизмом. Неравномерность развития рабовладельческого строя в различных областях Индии привела к тому, что буддизм не смог полностью вытеснить старую религию — брахманизм. Последний продолжал оставаться религией основной массы сельского населения. Поэтому кризис рабовладельческого строя, причинивший ущерб прежде всего городам, и перемещение по мере роста феодальной раздробленности центра тяжести из города в деревню нанесли удар и буддизму (стр. 566—567).

К сожалению, в рецензируемом томе слишком мало сказано о джайнизме.

Древняя история Южной Индии изучена еще очень слабо. Поэтому авторы тома, излагая ее, были вынуждены ограничиться беглым очерком. Южная Индия в целом отставала в своем развитии от Северной Индии, «возникновение рабовладельческих отношений в этой части Индии происходило сравнительно поздно и, вероятно, было тесно связано с подчинением ее царями Магадхи» (стр. 558). Однако «в первые века нашей эры народы юга страны (особенно крайнего юга) уже мало отличались от народов Северной Индии по уровню своего общественно-экономического и культурного развития» (стр. 563).

Недостаточно полно освещена в книге культура древней Индии. Если хорошо изложена история развития научных знаний, литературы и письменности и показаны культурные связи Индии с соседними странами, могучее влияние ее на культурное развитие народов этих стран, то очень бегло описано развитие индийской философии (стр. 569—570). По существу, авторы ограничились лишь перечислением многочисленных философских систем, и читателю остается неясным, в чем же заключались «широта кругозора и глубина мысли» древней индийской философии. Еще меньше сказано об искусстве древней Индии (стр. 574).

Отдельная глава тома (глава XIX) посвящена древнейшей истории Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии и Цейлона. Древняя история этих стран также еще мало изучена, и авторам поневоле пришлось ограничиться ее кратким очерком. Читатель найдет здесь неплохой обзор археологических открытий, касающихся древнейших эпох истории этих стран, сможет проследить влияние Индии на их историческое развитие. К сожалению, недостаточно показано влияние Китая, особенно китайской культуры.

Авторы предполагают существование в этих странах рабовладельческого способа производства, что нам кажется вполне вероятным. Однако при этом желательно было бы упомянуть, что по этому вопросу существуют различные точки зрения среди корейских и японских историков.

Видное место в рецензируемом томе занимает история Передней Азии. Хорошо написаны главы по истории державы Ахеменидов (главы I и VII). В них убедительно показано, что социальной опорой господства Ахеменидов являлись местные крупные рабовладельцы, которые видели в персидских завоевателях надежную защиту от восстаний бедняков и рабов (стр. 31). Кроме того, «городская знать, храмы и торговые круги древних государств Восточного Средиземноморья были заинтересованы в создании такого объединения, которое могло бы способствовать расширению торговли» (стр. 21). Таковы были причины, приведшие к возникновению державы Ахеменидов, предшествен-

ницами которой были Ассирийская, Мидийская и Ново-Вавилонская державы. Авторы указывают далее на порожденные образованием рабовладельческих империй новые черты в развитии экономики, социальных отношений и в политическом строе рабовладельческих обществ Передней Азии: огромный рост рабства и появление практики поселения рабов на землю; превращение основной массы земель в собственность царей-завоевателей и развитие крупного землевладения рабовладельческой знати за счет царских пожалований; массовое разорение рядовых общинников, доведенных почти до уровня рабов; рост городов как торгово-ремесленных центров, развитие их самоуправления в рамках рабовладельческих империй (стр. 20—21).

Весьма обстоятельно изложены причины упадка державы Ахеменидов (стр. 209). Обозревая путь, который прошли рабовладельческие общества Передней Азии за два столетия персидского господства, авторы приходят к выводу, что «развитие рабовладельческого способа производства в Западной Азии, особенно в ее крупнейших экономических центрах, уже создало некоторые предпосылки политической организации, сочетающей в себе военную монархию с системой самоуправляющихся рабовладельческих городов», что созданные в ходе греко-македонских завоеваний эллинистические государства «имели, таким образом, свою предысторию, которая началась задолго до этих завоеваний» (стр. 210).

Большой интерес представляют разделы, посвященные эпохе эллинизма. Отвергая концепции буржуазной историографии, сводившие понятие эллинизма «к распространению греко-македонского господства и греческой культуры на Востоке» (стр. 232), авторы справедливо указывают, что эллинистические государства Западной Азии и Египта возникли на почве, подготовленной многовековой историей живших здесь народов, и что эллинизм представляет собою результат синтеза двух типов развития рабовладельческого общества, греческого и древневосточного (стр. 232, 448).

Особенно обстоятельно изложена история Птолемеевского Египта и державы Селевкидов. На богатом фактическом материале показано, что народы Востока вовсе не были «инертной» массой, которой греко-македонские завоеватели навязали свои порядки. То новое, что принесли на Восток завоеватели — античные формы рабства, полисную структуру и т.п.— смогло привиться лишь потому, что накануне похода Александра Македонского здесь имелись уже сходные формы рабства и всей общественной жизни (стр. 232).

Рассматривая развитие эллинистической культуры, авторы сумели показать роль, которую сыграли в ее создании покоренные греками народы. Буквально во всех проявлениях культуры эпохи эллинизма чувствовалось восточное влияние, особенно в области научных знаний, искусства, религии. Наряду с этим продолжалось развитие самобытной культуры различных народов, населявших территорию эллинистических государств. Однако эта сторона культурной жизни эллинистического Востока освещена в рецензируемом труде недостаточно.

К сожалению, отсутствует четкое определение исторического места эллинизма в общем ходе истории стран Средиземноморья. Чувствуется влияние различных точек зрения по этому вопросу, что приводит к ряду противоречивых утверждений, особенно при изложении истории римского Востока. Так, положение о том, что с середины II в. до н. э. в связи с римскими завоеваниями «в пределах всего Средиземноморья происходит бурный рост рабовладения, притом главным образом в форме античного рабства» (стр. 317), совершенно верное в отношении Италии и других стран Запада, сомнительно в отношении Греции и Востока. Сами же авторы неоднократно указывают на то, что античные формы рабства не имели преобладающего значения на Востоке ни в эллинистическую, ни в римскую эпохи (стр. 234, 239, 251, 628), что «рабовладение изжило возможности своего дальнейшего развития в Греции еще до возникновения империи» (стр. 655). Если в Риме «развитие рабовладения привело к расцвету рабовладельческого хозяйства», то «общее экономическое положение восточноэллинистических стран во II в. сильно ухудшилось» (стр. 303). Эти страны во II—I вв. до н. э. вступили в полосу социального и политического кризиса и глубоких сдвигов в структуре рабовладельческого общества (стр. 306—307).

Утверждая, что «установление мирового господства Рима сопровождалось распространением рабовладельческих отношений в небывалых до того масштабах», авторы тут же отмечают, что в восточных провинциях дело обстояло иначе: «Римское господство не внесло существенных изменений в их социально-экономический строй, лишь укрепив и расширив элементы частной собственности на землю, а вместе с тем расширив и сферу применения рабского труда» (стр. 722). Римские завоеватели продолжали политику эллинистических царей (стр. 628). Таким образом, римское господство вовсе не было для Ближнего Востока эпохой прогресса. Более того, оно ставило преграды развитию Востока, искусственно консервируя здесь старые отношения, что наиболее отчетливо видно на примере Египта (стр. 608, 657).

Совершенно правильным является утверждение, что кризис рабовладельческого общества «выражался прежде всего в том, что начался процесс разложения основных классов — рабов и рабовладельцев» (стр. 725), стиралась грань между свободным трудящимся населением и рабами. «Основной фигурой производства становятся такие категории трудящегося населения, как колоны в Римской империи, аназаты в Армении, кэ и бинь-кэ в Китае и т. п.» (стр. 818). Процесс этот, по мнению авторов, происходил быстрее в Передней Азии, чем, например, в Италии (стр. 683). Эта важная мысль иллюстрируется на примере Ирана и Армении в I в. н. э., т. е. тех стран Передней Азии, которые еще во II в. до н. э. сбросили иго эллинистических завоевателей и сумели отстоять свою независимость от Рима. Разложение рабовладельческих отношений и зарождение феодального способа производства, как указывают авторы, произошло на Востоке раньше, чем на Западе (стр. 814). Так, Армения в IV—V вв. (стр. 763), Картли, Лазика и Албания в V в. (стр. 772, 774, 775), государство эфталитов в V в. (стр. 783) были уже раннефеодальными обществами, в Сасанидском Иране формирование феодальных отношений происходило в III—V вв. (стр. 756). Эти факты еще раз подтверждают, что римское господство на Востоке явилось тормозом социально-экономического развития, ибо оно консервировало рабовладельческий строй.

История стран Закавказья, Средней Азии и Ирана в рассматриваемую во втором томе «Всемирной истории» эпоху разработана еще недостаточно. Большой вклад в дело изучения исторического прошлого этих стран, в частности, характера их социально-экономического строя и культуры, сделали советские археологи. В рецензируемом труде обобщены важнейшие результаты их работ. Это придает главам по истории Закавказья, Ирана и Средней Азии особую ценность.

Привлекают внимание страницы, посвященные социально-экономическому строю, политическому устройству, культуре и религии Парфянского царства, одной из великих рабовладельческих империй древнего мира (стр. 432—437). Авторы высказывают очень интересную, на наш взгляд, мысль о том, что «восточный полис парфянского времени, вероятно, генетически связан не только с эллинскими полисами Малой Азии и материковой Греции, но и с древними самоуправляющимися городскими общинами Месопотамии, Сирии и Палестины», что, возможно, «такие городские общины существовали независимо от греко-македонского влияния и в Иране и в Средней Азии» (стр. 434). Это предположение ставит под сомнение укоренившееся среди историков древнего мира представление о полисе как о специфической особенности греко-римского мира. Между тем на примере финикийских городов-государств, древнего Ашшура, городских общин Шумера и Аккада можно заключить, что городские общины, подобные полису, были знакомы Востоку задолго до греков. Система самоуправляющихся рабовладельческих городов, столь характерная для державы Селевкидов и Римской империи, стала складываться уже в пределах Ассирийской и Ново-Вавилонской монархий (стр. 210). Современный китайский историк Хоу Вайлу утверждает, что в Китае рабовладельческое государство возникло в форме города-государства, как и в античном мире[2].

Таким образом, авторы второго тома «Всемирной истории» выдвинули очень важную проблему, которая, надо полагать, получит дальнейшую разработку в специ-

[2] 侯外廬○中國古代社會史 (*Хоу Вай-лу*. История древнего общества Китая). Шанхай, Сяньлянь шудянь, 1949.

альных исследованиях советских и зарубежных историков.

Неплохо изложена история древних государств Средней Азии. Открытия советских археологов привели к совершенно новому освещению ее. Эпоха существования Кушанского царства, включавшего в свои пределы почти всю Среднюю Азию, западную половину Индостана до Бенареса на Ганге и Восточный Туркестан, рассматривается как период наивысшего расцвета рабовладельческого способа производства на этой огромной территории. Своеобразие в развитии рабовладельческих отношений на территории Кушанской державы заключалось, как указывают авторы, в сохранении здесь огромных масс не согнанного с земли крестьянства и общинной организации (стр. 671). Хорошо показана роль Кушанского царства в деле культурного развития древнего мира. Кушанская культура, в основе которой лежали культурные достижения народов Средней Азии, впитала и творчески переработала ряд иранских, греческих, индийских и китайских элементов и, в свою очередь, оказала сильное влияние на соседние страны, в частности, на Китай и Индию (стр. 672—674).

Недоумение вызывает характеристика армянского общества времени Тиграна как общества рабовладельческого, но еще сравнительно мало развитого. «На это указывают долговое рабство, практика поселения рабов на землю и другие аналогичные явления. Античные формы рабовладения получили развитие в Армении лишь в эллинистических городах» (стр. 421). Прежде всего непонятно, с чем авторы сравнивают Армению. Далее, вряд ли наличие долгового рабства и практика поселения рабов на землю указывают на неразвитость рабовладельческого способа производства. Долговое рабство существовало на протяжении всей эпохи рабовладельческой формации на Востоке и притом в рабовладельческих обществах, которые никак нельзя назвать «сравнительно мало развитыми», например, в таких, как держава Ахеменидов, эллинистические государства (стр. 234—239), восточные провинции Рима, Парфия (стр. 433), Китай эпохи династий Цинь и Хань (стр. 485, 497). Практика же поселения рабов на землю скорее свидетельствует не о малоразвитости рабовладельческого строя, а его разложении. Сами авторы, говоря о начале разложения рабовладельческого способа производства в Армении с I в. н. э. (стр. 683), считают главными признаками этого процесса появление рабов, посаженных на землю («анашхархик») и наличие долговой кабалы свободных производителей.

Рассмотрение глав по истории античного мира не входило в задачу автора настоящей рецензии. Однако нельзя не остановиться на одном принципиально важном вопросе. Речь идет о характеристике античной демократии: «Несмотря на классовую ограниченность рабовладельческой демократии — демократии привилегированного меньшинства, — пишут авторы, — этот первый в мировой истории пример демократии как государственной формы, и его глубоко прогрессивное для того времени значение становится особенно ясным, если сравнить эту форму государства с восточными деспотиями» (стр. 8).

Такое категорическое утверждение, на наш взгляд, неверно с исторической точки зрения. И античная демократия, и восточная деспотия были формами политической надстройки рабовладельческого общества в разных странах и на разных уровнях развития, а потому нельзя говорить, что античная демократия всегда и при всех условиях была прогрессивнее восточной деспотии. В условиях Афин V в. до н. э. демократия действительно была прогрессивной формой рабовладельческого государства. Но уже в IV в. до н. э. в тех же Афинах она превратилась в оковы для дальнейшего развития рабовладельческого способа производства. Демократия вполне подходила в качестве политической надстройки для наиболее развитых греческих полисов. Но она совершенно не годилась как форма государства для больших рабовладельческих государств Востока, в которых только восточная деспотия могла обеспечить развитие рабовладения. И когда в эпоху эллинизма греко-македонские завоеватели создали на Востоке свои государства, то они вынуждены были избрать в качестве государственной формы эллинистическую монархию, унаследовавшую основные свои черты не у греческой демократии или олигархии, а у восточной деспотии Ахеменидов и египетских фараонов, ибо эта форма оказалась единственно пригодной и прогрессивной [3]. Точно так же и в Риме демократия в I в. до н. э. совершенно разложилась, и прогрессивным оказалось установление режима империи, о чем, между прочим, говорят и сами авторы (стр. 373, 379, 393).

Кроме истории рабовладельческих обществ древнего мира, в рецензируемом томе рассмотрена история племен и народов, населявших огромную территорию от Рейна и Дуная до Тихого океана и от гор Кавказа и Великой Китайской стены до Ледовитого океана. Развитие населения этой территории находилось на уровне первобытно-общинного строя и лишь у некоторых племен и народов, территориально граничивших с рабовладельческим миром, возникли классы и государственные образования. Авторам удалось осветить основные черты экономики, общественного строя и культуры этих племен и народов, показать их связи с рабовладельческим миром и роль, которую они сыграли в развитии и крушении рабовладельческой формации.

Достоинством второго тома «Всемирной истории» является обилие тщательно отобранного и интересного фактического материала. Однако нельзя не отметить отдельных досадных фактических ошибок и неточностей, могущих ввести читателя в заблуждение. Укажем на некоторые из них.

Говоря о восстаниях 209—202 гг. до н. э. в Китае, авторы пишут, что «основным требованием повстанцев было свержение циньской династии» (стр. 487). Но это утверждение в какой-то мере искажает действительный характер народных восстаний в Китае, имевших, как правило, легитимистский характер. Чэнь Шэн и У Гуан подняли восстание не против династии Цинь, а против императора Эр Ши хуанди в защиту прав его старшего брата Фу Су (о его смерти в народе тогда еще не знали). Точно так же и Лю Бан, выступая в роли народного вождя, даже после взятия циньской столицы Саньяна не осмелился посягнуть на корону и жизнь последнего циньского императора Цзы Ина. Против династии Цинь была настроена прежде всего старая китайская аристократия, и именно ее вождь Сянь Юй истребил всех представителей династии Цинь, что и позволило Лю Бану после победы над Сянь Юем на «законных» основаниях принять титул «ди» и основать новую династию Хань. И во время восстания «красных бровей» (18—29 гг. н. э.) повстанцы боролись под лозунгом свержения узурпатора Ван Мана и восстановления на престоле «законной» династии Лю (или Хань). Каждая из боровшихся друг против друга группировок повстанцев выдвигала своего претендента на престол только из дома Лю — Лю Сюаня (Ген-ши, 23—25 гг. н. э.), Лю Пынцзы (25—26 гг. н. э.), и, наконец, Лю Сю (Гуан У-ди, 25—27 гг. н. э.), основавшего династию Дун Хань.

Авторы напрасно приписывают Цао Цао убийство последнего ханьского императора Сянь-ди (стр. 541). Цао Цао убил императрицу, но всячески оберегал жизнь Сянь-ди, используя его в качестве ширмы своей узурпации. Только Цао Пэй, сын и преемник Цао Цао, почувствовал себя настолько прочно, что убил Сянь-ди и открыто провозгласил создание новой династии Цао Вэй.

Излагая историю возвышения Магадхи, авторы останавливаются на брахманской версии, согласно которой Бимбисара был пятым царем династии Шайшунага (стр. 544). Между тем следовало упомянуть о существовании других версий.

Отмеченные выше отдельные недостатки, неизбежные при издании такого большого труда, не умаляют значения и достоинств работы в целом. Второй том «Всемирной истории», несомненно, является серьезным достижением советской исторической науки.

В. А. Белявски

[3] См. предисл. *С. И. Ковалева* в кн. В. Тарна «Эллинистическая цивилизация». М., 1949, стр. 16—17.

SUMMARY

According to the reviewer one of the chief merits of the «World History», vol. II, is its analysis of the social and economic development and of the class struggle in the ancient world from the standpoint of Marxism-Leninism.

Great attention is devoted by the reviewer to the chapters dealing with the history of the peoples of the East which comprise almost one half of the volume. The reviewer notes that the authors have not only traced the general trend in the development of Eastern slave-owning societies, but have brought out the specific features of slavery in different countries.

The reviewer observes that the authors have raised some important new problems on the history of the peoples of the East. Most interesting is the authors' view on the nature of the social and economic system of China between the 5th century before our era and the 3rd century of our era. They cite weighty arguments in support of their belief that it was based on slavery. Of great importance are the problems raised by the authors in relation to the origin of the caste system in India, and the question of the «Eastern Polis in the Days of Parthia». The authors shed new light on the complicated problem of the origin of Hellenism and regard the latter as a synthesis of the two ways followed by the development of slave-owning societies — the Grecian and the Ancient Eastern.

The reviewer agrees with the authors who hold that the epoch of Hellenism was prepared in the countries of the Middle East first of all by their inner development.

Volume II of «World History» is appraised by the author of the review as an outsanding achievement of Soviet historic science.

А. Н. КОНОНОВ. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 569 стр.

Еще сравнительно недавно выходившие у нас грамматики по восточным языкам уступали в методическом отношении капитальным исследованиям индоевропеистов. Однако за последние годы фонды востоковедной языковедческой литературы пополняются зрелыми работами, всесторонне и полно освещающими избранную тему. Именно такой и является последняя работа А. Н. Кононова, которому принадлежат еще две грамматики турецкого языка [1].

Рецензируемая «Грамматика современного турецкого литературного языка» отнюдь не является новым, переработанным изданием Грамматики 1941 г. Даже беглое знакомство с обеими книгами убеждает в том, что работа 1956 г. от начала до конца написана заново, хотя в основе многих разделов — что вполне естественно — лежат старые концепции автора.

Первое, что бросается в глаза при чтении рецензируемого труда,— это наличие в нем обширного языкового материала. Громадная работа по сбору языковых фактов (которых, впрочем, в отдельных главах оказалось все же недостаточно) позволила автору достичь главного — исчерпывающей полноты изложения если не во всех, то, во всяком случае, в очень многих разделах книги. С другой стороны, достижению этой цели, несомненно, способствовала большая эрудиция автора, его глубокое знание тюркологической литературы. Особенно тщательно изучены автором монографии, статьи, авторефераты диссертаций наших отечественных тюркологов всех поколений. Все это обогатило грамматику, а в некоторых случаях позволило устранить ошибки, характерные для прежних изданий. К сожалению, в рецензируемой книге почти не нашли отражения послевоенные работы зарубежных тюркологов (в меньшей степени это относится к работам турецких ученых).

К достоинствам Грамматики следует отнести ее композиционную стройность, отсутствие повторов (что имело место в работе 1941 г.), ясность стиля, четкость и научную обоснованность грамматических формулировок, хорошо выполненные переводы языковых примеров.

Как и всякий крупный труд, «Грамматика современного турецкого литературного языка» не лишена некоторых недочетов, однако почти все они имеют частный характер. Из недостатков общего порядка отметим лишь один — некоторую неравномерность в освещении различных вопросов грамматики: если одни из них изложены с предельной полнотой, при филигранной отделке всех деталей, то другие требуют дополнений или уточнений. Так, например, автор Грамматики весьма последовательно приводит сведения о всех разысканиях по вопросам этимологии аффиксов турецкого языка ,но, как правило, воздерживается от изложения различных взглядов исследователей по другим спорным вопросам турецкой грамматики.

«Грамматика современного турецкого литературного языка» состоит из краткого Введения и трех больших частей: «Фонетика» (§§1—69), «Морфология» (§§70—747) и «Синтаксис» (§§ 748—1095).

В первой части в сжатой форме, но с достаточной полнотой изложены все основные вопросы, раскрывающие особенности фонетической системы турецкого языка: классификация гласных и согласных фонем и описание их артикуляции; сингармонизм и регрессивная ассимиляция; падение гласных и согласных; особенности начала, середины и конца слова; комбинаторные изменения звуков, слог и слогоделение. Особенно значительное место отведено здесь (в отличие от Грамматики 1941 г.) вопросам ударения. Большой интерес представляют наблюдения автора, касающиеся ударения в заимствованных словах, а также детализация известного положения о смыслоразличительном значении ударения, которое выявлено в 12 случаях.

Критические замечания по первому разделу Грамматики можно свести, в основном, к следующим: в разделе «Описание согласных фонем», в сущности, ничего не сказано о том, что для турецкого языка характерно почти полное отсутствие явления палатализации согласных перед гласными переднего ряда, чем турецкая фонетическая система значительно отличается, в частности, от русской (ср. русское *дик*[*д'ик*] и турецкое dik).

Неудачно, как это было и в Грамматике 1941 г., изложены явления сингармонизма. Здесь совершенно игнорирован тот факт, что гармония гласных действует по линии нёбного и губного притяжения. Кстати говоря, в работах последнего времени стало традицией утверждать, будто сущность принципа губного притяжения заключается в том, что «при наличии губного гласного в начальном слоге слова последующие гласные основы и аффиксов также бывают губными» [2]. Между тем, сущность губной гармонии состоит не только и даже не столько в том, что за губными гласными следуют губные (ибо эта закономерность в турецком языке часто нарушается), сколько в том, что за негубными гласными следуют негубные, например: geleceğimizden (а не geleceğümüzden!), olmasi (а не olmasu!) и т. п. Учитывая, что широкие губные o и ö в составе турецких аффиксов не используются, можно утверждать, что при наращении аффиксов к основе слова принцип нёбного притяжения выдерживается почти на 100%, а принцип губного притяжения — приблизительно на 75%.

В разделе «Комбинаторные изменения гласных и согласных» неполно изложен вопрос о переходах a>ı, e>i под воздействием y (§ 55). Следовало бы отметить, что это явление имеет место тогда, когда y оказывается в окружении широких гласных; при формуле же a + y + ı или e + + y + i оно не отмечается, например: arayıniz, arayıp, arayınca, aramayız, arayıver, yazayım.

Вторая часть — «Морфология» включает следующие крупные разделы: именные части речи, глагол, наречие, незнаменательные части речи, междометия и звукоподражательные слова. В вводной части дается определение каждой части речи и кратко обосновывается необходимость использования «триединого» (морфолого-синтактико-семантического) критерия для классификации турецкой лексики по частям речи. Как известно, этого критерия

---

[1] *Х. Джевдет-заде* и *А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934; *А. Н. Кононов*. Грамматика турецкого языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941.

[2] *Э. В. Севортян*. Фонетика турецкого литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 37. См. также *Ф. Г. Исхаков*. Гармония гласных в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Фонетика. М., Изд-во АН СССР, стр. 138 и сл.

придерживается большинство советских тюркологов, однако полного единообразия взглядов по данному вопросу нет [3], и считать его окончательно решенным, пожалуй, еще нельзя.

С большой обстоятельностью и глубиной написаны главы, посвященные именным частям речи. Достаточно полно изложен вопрос о категории склонения (§§ 109—127). К этому подразделу можно предложить, пожалуй, лишь одно небольшое дополнение: на наш взгляд особым случаем синтаксического употребления основного падежа следует считать его использование в качестве «предикативного дополнения» (типа iş kavga kokuyor ‘дело пахнет дракой’). Вряд ли можно усматривать здесь прямое дополнение (см. § 794), поскольку дополняемым может быть как переходный, так и непереходный глагол.

В подразделе, трактующем категорию определенности и неопределенности, большой интерес вызывает постановка вопроса об определенном члене, выражаемом аффиксом принадлежности 3-го лица. Правда, отождествление определенного члена с определенным артиклем во французском или немецком языках (kitabı ‘le livre’, ‘das Buch’, стр. 98, сн.1) представляется все же рискованным, поскольку за дефинитным значением аффикса -(s)ı в той или иной мере почти всегда кроется либо посессивное значение (ср. ehemmiyeti yok ‘это не имеет значения’ →‘неважно’, ‘пустяки’), либо релятивное (ср. ne fabrikası?, ne işi? и т. п.).

Глава «Имя прилагательное» начинается словами о том, что «прилагательное не имеет отношения ни к одной грамматической категории, свойственной имени существительному (категории: пола, числа, определенности-неопределенности, принадлежности, падежа)» (§ 223). Такое утверждение справедливо только в отношении прилагательного, находящегося в синтаксически зависимой позиции (что, впрочем, наиболее для него характерно). Однако прилагательное, подвергшееся *окказиональной* субстантивации — и остающееся, следовательно, *прилагательным*,— получает то же морфологическое оформление, что и имя существительное, например: karpuzların iyisi ‘лучший (из) арбузов’, şu elbiseleri çikar da şu temizleri giy.. ‘сними эту одежду, а (эту) чистую надень...’ (стр. 172).

В том же § 223 упоминаются «функционирующие в качестве п р и м ы к а ю щ е г о определения» слова типа baş, ana и другие. (Ср. baş doktor ‘главный врач’, ana hat ‘генеральная линия’), которые причислены к разряду имен существительных, а не прилагательных на том основании, что они «не могут быть использованы в качестве приглагольного определения». Такая аргументация представляется неубедительной, поскольку многие «стопроцентные» прилагательные — yeşil (зеленый), sarı (желтый) и т. п.,—также, по-видимому, не выступают в роли приглагольного определения. С другой стороны, если слова типа baş и ana признаются (в этой функции) существительными, то почему о словосочетаниях указанного типа ничего не говорится в разделе «Изафет» (§§ 807—808)?

В главе «Имя числительное» особый подраздел посвящен слову bir. К отмеченным (основным) значениям этого слова следует, как нам кажется, присовокупить еще два: bir ‘один’, ‘только’, bir — своеобразная препозитивная усилительная частица, например: kaldırımlar bozuk, fakat tepede bir ay var (H. Edip. Sinekli bakkal) [4] ‘мостовые — испорченные, но над головой-то луна’.

Компактная, но содержащая все необходимые сведения глава «Местоимение» завершается новым и очень ценным разделом, посвященным прономинализации (§§ 330—359). Материалы этого раздела еще раз подтверждают тезис об отсутствии четких границ между смежными языковыми явлениями, в данном случае — между отдельными частями речи.

Наречия турецкого языка настолько тесно соприкасаются с именами, что целесообразно было бы поместить соответствующую главу сразу же после глав, в которых рассматриваются именные части речи. В

[3] См. *П. И. Кузнецов*. О принципах выделения частей речи. «Сборник трудов по языкознанию», № 1. М., Изд-во ВАСА, 1957, стр. 66—83.

[4] Цит. по *С. С. Майзель*. Категория дефинитивности в турецком языке. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 179.

этой главе, изобилующей фактическим материалом, с исчерпывающей полнотой трактуется вопрос о наречиях турецкого языка. Предлагаемая в книге классификация наречий по значению (6 главных разрядов) удовлетворяет во всех отношениях.

В обширной главе «Глагол» с гораздо большей, чем в Грамматике 1941 г., обстоятельностью и глубиной освещены темы «Залоги» и «Словообразование глаголов». Здесь описаны все значения залоговых форм глагола, все основные процессы глаголообразования. Достаточно полными являются также разделы «Виды глагола» и «Перифрастические формы глагола», написанные, правда, не без влияния известной монографии М. С. Михайлова [5]. По разделу «Наклонения и времена глаголов» необходимо сделать несколько замечаний.

Анализируя значение прошедшего-категорического, А. Н. Кононов пишет, что «это время обозначает однократное действие...; соответствует русскому прошедшему времени совершенного (или однократного) вида» (§ 466). Перевод же прошедшего категорического времени прошедшим временем несовершенного вида автор связывает с наличием в предложении обстоятельства меры или степени. Между тем, отличие прошедшего-категорического времени, а также формы на -mış (tır) от русского прошедшего времени совершенного вида в том именно и состоит, что время на dı совершенно нейтрально по отношению к таким категориям, как однократность или многократность, результативность или нерезультативность, ср. например: O sordu, biz sustuk (S. Üstüngel. Savaş yolu). ‘Он спрашивал, [а] мы молчали’ [6].

Время на -mış имеет, на наш взгляд, два основных значения, а не одно. Второе (результативное) значение легко выявляется, например, в следующем предложении: Ne kadar iyileşmişsiniz! ‘Как вы поправились!’ (стр. 233). Мы не усматриваем субъективных» оттенков в форме давнопрошедшего на-mıştı. Это время часто имеет ярко выраженный «результативный» оттенок, являясь аналогом прошедшего-настоящего на -mış (tır) в плоскости прошедшего времени.

Наименее изученным является давнопрошедшее время с показателем dıydı. К сожалению, значения этой формы иллюстрированы всего одним примером. Нехватка иллюстративного материала ощущается и в некоторых других разделах книги. Так, в § 783 говорится о «связке прошедшего времени условного наклонения» (iseydim). Подтверждающие примеры были бы здесь вполне уместны, так как еще Ж. Дени отмечал, что эта форма «больше не употребляется. Ее заменяют формой olsa (y) idim...» [7].

При разборе долженствовательного наклонения ничего не сказано о неопределенно-личном значении форм 3 лица, ед. ч., например: almalı ‘нужно (следует) взять’.

В § 510 сохранена старая формулировка: «Условная модальность (модальность на ise) дополняет и уточняет значение форм условного наклонения»... и т. д. Пожалуй, с таким же основанием можно говорить о том, что русский союз «если», в сочетании с какой-либо (любой) формой изъявительного наклонения, «дополняет и уточняет» значение союза «если бы», сочетающегося с формой прошедшего времени (и только!). Однако основное различие между «если» и «если бы» заключается в том, что первый союз используется для обозначения реального, а второй — нереального условия. Примерно таково же соотношение между условной модальностью и условным наклонением турецкого языка.

Глава «Послелоги» подразделяется на две части: послелоги-частицы и послелоги-имена. Ни одно положение первой части главы возражений не вызывает. Параграф, посвященный послелогу ile (§ 666), следовало бы, пожалуй, дополнить еще одним значением этого послелога — ограничительным (аналогично ограничительному значению русского творительного падежа). Во второй части главы некоторое недоумение вызывают слова о том, что послелоги-имена сочетаются с управляющим словом «посредством конструкции изафета II» (§ 684).

[5] *М. С. Михайлов*. Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе. М., Изд-во МИВ, 1954. См. также *П. И. Кузнецов*. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М., 1956, вып. XVIII.

[6] См. *М. С. Михайлов*. Указ. соч., стр. 12—13.

[7] *J. Deny*. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920, p. 356.

Ведь чаще всего используется как раз изафет III (притяжательный). Поэтому правильнее сказать не masa üstüne || üzerine ‘на стол’, masa yanına ‘к столу’ и т. д. (стр. 328), а masanın üstüne || üzerine, masanın yanına и т. д. Например: ...Ziya, masanın üzerine oturdu (*S. Üstüngel.* Savaş yolu). ‘Зия сел на стол’. Вряд ли также можно категорически утверждать, что послелоги-имена «сочетаются только с падежами, передающими пространственные отношения: дательным, местным, исходным» (стр. 328). Ср. Kapının önü tenha idi (*S. Ali.* Kazlar). ‘Перед ворот(ами) был(о) пуст(о)’.

Главы «Частицы и модальные слова», «Союзы», «Междометия» и «Звуко-образоподражательные слова», в которых материал излагается достаточно подробно, нуждаются лишь в двух-трех мелких уточнениях (ile в функции союза не требует постановки предшествующего местоимения в родительном падеже: benle sen ‘я с тобой’; пример, приводимый в § 735, не подтверждает того, что союз veya употребляется в повторном виде — veya... veya и т. п.). По существу же есть только один вопрос, остающийся спорным: следует ли считать «Звуко-образо-подражательные слова» (§§ 743—747) отдельной частью речи, или можно ограничиться выделением особого «звукоподражательного» разряда в составе наречий (а также существительных и глаголов).

Третья часть — «Синтаксис» распадается на две большие главы: «Словосочетание» и «Предложение». В обеих главах, написанных с большой обстоятельностью и проникновением в сущность изучаемых явлений, содержится немало нового, ставится и решается ряд вопросов, которые до настоящего времени фактически обходились молчанием во всех грамматиках турецкого языка. К числу таких вопросов можно отнести, в частности, следующие: «Обстоятельственное определение» (§§ 820—829); «Обстоятельство» (§§ 830—850, особенно § 841—«Обстоятельства образа действия, выраженные вводными предложениями»), «Обособление второстепенных членов предложения» (§§ 851—860); «Вводные члены предложения и вводные предложения» (§§ 993—999); «Семантическая классификация» (предложений) (§§ 1002—1017, особенно §§ 1003—1011 — «Повествовательно-отрицательное предложение»); «Сложноподчиненные предложения», особенно раздел «Лексическое подчинение» (§§ 1040—1050); «Интонация» («союзная пауза» — §§1070—1075); «Косвенно-вопросительное предложение» (§ 1076); «О слове diye» (§§ 1081—1088) и некоторые другие.

В этой части наряду с бесспорными имеются и такие, впрочем общепризнанные, положения, истинность которых еще не может считаться вполне доказанной. К ним следует отнести: трактовку качественного и относительного типов изафета (§§ 806, 807 и др.); трактовку имен действия на -dık и -acak, которые якобы представляют собою предикат развернутого члена предложения, а не сказуемое придаточного предложения (§ 878 и др.); трактовку формы на -ma, которая «может обозначать само действие, т. е. сближается по значению с формой на -dık» (§ 917, 925). На наш взгляд, сближение между формами на -dık и на -ma всегда является кажущимся. Оно подобно «сближению» между глаголом и отглагольным именем в русских предложениях «Я рад, что он приехал» и «Я рад его приезду». Формы на -dık || -acak обозначают действие в наиболее *конкретной* его форме, то есть сближаются с временами изъявительного наклонения. Форма на -ma обозначает название действия, то есть является *абстрактной* глагольной формой. С этой точки зрения представляется неоправданным и сам факт объединения под одной рубрикой («имена действия») таких разнородных форм, как -dık и -acak, с одной стороны, и -ma, -mak,-maklık, -ış, с другой (§ 874).

Несколько односторонне выглядит трактовка примыкающего прямого дополнения, данная в § 790. Здесь, по существу, все сведено к «тесному соединению дополнения с глаголом» (kitap okumak, söz vermek и т. п.— всего четыре пункта), хотя в сочетаниях типа bir kitap okumak, bir adam görmek и т. п. «тесного соединения» уже не чувствуется.

В разделе «Инверсия» нуждается в уточнении утверждение, что «сказуемое, оказавшееся в середине предложения, становится вершиной логического ударения» (§ 870). По нашим наблюдениям, вершиной логического ударения в этом случае становится чаще одно из предшествующих сказуемому слов. Например: Onları da indirdiler tramvaydan (*F. Erdinç.* Hakaret) ‘Их тоже высадили из трамвая’. В этом же разделе следовало особо упомянуть об инверсии определяемого в конструкции притяжательного изафета в тех случаях, когда оно несет на себе сильное экспрессивно-логическое ударение. Пример: «Adı neymiş o profesörün?» diye sertçe sordu (*S. Ali.* Böbrek) ‘«Звать-то как (э)того профессора?»,— спросил он сердито’.

Интересный параграф, рассматривающий двуподлежащные предложения (771), недостаточно иллюстрирован примерами. В единственном примере к пункту 1 (Sükûtu ilk bozan ben oldum) глагол olmak может рассматриваться как вспомогательный, и тогда ben окажется уже не подлежащим, а именной (присвязочной) частью сказуемого.

Недостает примеров и в § 777, где говорится о сочетании связки dır с подлежащим, обстоятельством, дополнением и определением. Последнее сочетание иллюстрируется всего одним примером (Karadır gözleri sürmeli değil ‘Не надо подмигивать черными глазами’), в котором, кстати говоря, в слове karadır можно видеть и инверсированное сказуемое: ‘Черные у нее глаза, а не подведенные сурьмой’.

По разделам «Причастие» и «Деепричастие» можно высказать следующие замечания. О причастии на -miş сказано, что оно «выражает прошедшее время» (§ 962). Этого, безусловно, недостаточно. Причастие на -miş отвечает на вопросы nasıl? ‘какой?’ hangi? ‘что за?’, т. е. обозначает такое прошедшее действие, которое представляет собою характерный признак предмета, постоянный (kızarmış et ‘поджаренное мясо’) или временный (Avrupadan yeni gelmiş bir mühendis ‘недавно приехавший из Европы инженер’).

Неверно утверждение, будто деепричастие на -iken при одинаковых субъектах обозначает действие, «характеризующее другое действие с точки зрения обстоятельства образа действия» и является «грамматическим синонимом деепричастий на -(y)arak и на -(y)ıp (§ 989). Значение деепричастия на -iken не меняется от того, имеет оно или не имеет свое особое подлежащее,— меняется лишь способ его перевода на русский язык (то же следует сказать и о деепричастии на -[y]ınca).

О деепричастии на -dıkça говорится: «в главной и подчиненной частях предложения — всегда разные субъекты» (§ 983.) Это наблюдение ошибочно, ср. например: Ama onun yüzüne baktıkça... küçük «Çilli»yi görüyordum (*S. Ali.* Çilli). ‘Но вглядываясь в ее лицо, я видел маленькую «Веснушку»...’ Деепричастие на -ıp, по нашему мнению, является «соединительным» деепричастием и не передает оттенков образа действия («как?») и времени («когда?»).

Языковым материалом для раздела «Безличные предложения» (§§ 1026—1031) послужили предложения типа bir adamı tanımasına imkân var mıydı? ‘Возможно ли ему было узнать человека...’ и им подобные. Если и можно считать данные предложения безличными, то, по крайней мере, следовало отметить, что в грамматическом отношении они не являются таковыми (imkân ‘возможность’ — подлежащее, var mıydı? ‘имелась ли?’ — сказуемое).

Упомянем вкратце и о некоторых других недочетах раздела «Синтаксис». Форма -acak (-acağı)yerde ‘«вместо того, чтобы» + инфинитив’ не является грамматическим синонимом формы — maktansa ‘«чем» + инфинитив’ (см. § 903 и 953). Сложные формы (словосочетания) -dığına ||-(y)acağına ait, dair несинонимичны форме dığına || -(y)acağına göre, и ими не выражается «развернутый вводный член предложения» (§ 908). Можно возражать против некоторых положений раздела «Условный период» (§§ 1060—1068). Недостаточны сведения, даваемые в в Грамматике по интересному вопросу о так называемой «аберрации залога» [8]. Специальный раздел следовало бы посвятить вопросу о смысловом членении турецкого предложения [9].

* * *

Хотя в настоящей краткой рецензии—по понятным причинам — несколько больше

---

[8] См. *С. А. Соколов.* К вопросу об «аберрации залога» в турецком языке. «Сборник трудов по языкознанию», № 1, М., Изд-во ВАСА, 1957, стр. 173—190.

[9] См. *К. Г. Крушельницкая.* К вопросу о смысловом членении предложения. «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 55—67.

места уделено критике недостатков анализируемой Грамматики, однако в действительности достоинства явно превалируют над недостатками. Рецензируемый труд представляет собою наиболее полное описание грамматики современного турецкого литературного языка за всю историю его изучения как в нашей стране, так и за ее пределами.

П. И. Кузнецов

SUMMARY

Analysing A. N. Kononov's «Grammar of Modern Turkish Literature», published in 1956, the reviewer observes that its author, who has collected a wealth of material, has presented more complete and systematic chapters on Accidence and Syntax than the authors of earlier grammars. Many problems touched upon and solved in the book under review are new; at the same time, some chapters, and, in particular, the chapter about the «verb» require some corrections and supplements.

On the whole, the reviewer appraises A. N. Kononov's work as a valuable contribution to the development of the grammatical system of modern Turkish.

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА О НЕЗАВИСИМОМ ЦЕЙЛОНЕ

Выход в свет специального исследования по вопросам экономики и внешней торговли Цейлона[1] заставляет нас вновь обратиться к проблемам, стоящим перед этой небольшой страной, десять лет назад вставшей на путь самостоятельного развития.

Длительное господство иностранных колонизаторов привело к тому, что на острове получило развитие производство лишь трех сельскохозяйственных монокультур — чая, каучука и кокосовой пальмы, продукция которых почти целиком предназначена для экспорта. В этих отраслях сконцентрировано до 95% национальных богатств страны. В то же время другие отрасли промышленности и сельского хозяйства не могут удовлетворить потребностей Цейлона, что ставит его в зависимость от состояния внешней торговли и создает трудности в достижении экономической независимости.

Естественно, что изучение проблем внешней торговли автор тесно увязывает с анализом экономического положения Цейлона. Общеизвестно, что Цейлон относится к аграрным странам, что на острове полностью отсутствует производство средств производства, а стоимость валовой продукции цейлонской промышленности без продукции чайных фабрик, предприятий по обработке каучука и кокосового ореха составляет всего лишь около 5% валового национального продукта Цейлона. Анализируя убедительные цифровые данные о состоянии важнейших отраслей сельского хозяйства острова, автор показывает причины, приведшие к тому, что Цейлон тратит огромные средства на закупку продовольствия, тогда как на острове имеются все условия для удовлетворения потребностей населения в продовольствии. Основные валютные поступления, необходимые для финансирования импорта, поступают от экспорта чая, каучука и продуктов кокосовой пальмы. По сбору чайного листа Цейлон занимает второе место в мире, а выручка от экспорта чая составляет около 65% всей стоимости цейлонского экспорта. Крупнейшим покупателем цейлонского чая является Англия. В руках английских плантаторов находится подавляющая часть площадей под чайным кустом, а основная часть английских капиталов на Цейлоне инвестирована в чайное производство. Велика доля английских компаний и отдельных плантаторов также в производстве каучука (им принадлежит до 45% всех каучуковых плантаций), большие площади под кокосовой пальмой, какао, кардамоном и другими культурами также являются их собственностью. Автор показывает, как путем создания так называемой системы управляющих агентств английские компании взяли под свой контроль деятельность цейлонских плантаторов и еще больше укрепили свои позиции.

Колебания цен на мировом рынке на три важнейших статьи цейлонского экспорта непосредственно отражаются на общем экономическом положении страны, а падение цен приводит к значительным финансовым затруднениям, так как до 55% всех бюджетных поступлений приходится на экспортные и импортные пошлины. Так, падение цен на основные экспортные товары страны приводит к тому, что Цейлон имеет отрицательное сальдо внешнеторгового баланса. Однако превышение экспорта над импортом характерно для внешней торговли Цейлона.

Основные доходы от внешней торговли получают иностранные монополии. Крупные капиталистические страны осуществляют с Цейлоном неэквивалентный обмен, стремясь увеличить в свою пользу разрыв между экспортными и импортными ценами.

Совсем иной характер носит торговля Цейлона со странами социалистического лагеря. Автор показывает большое значение соглашения между Цейлоном и КНР по обмену каучука на рис и другие товары. Следует также отметить, что благодаря этому соглашению стабилизировался рынок каучука — одной из важнейших статей цейлонского экспорта, а доходы от продажи этого продукта идут на расширение и обновление каучуковых насаждений. Цейлон стремится также стабилизировать цены на рынках чая и продуктов кокосовой пальмы, поэтому он заинтересован в торговле этими товарами со странами социалистического лагеря.

Как явствует из приводимых автором материалов, правительство, возглавляемое С. Бандаранаике, проводит политику, направленную на увеличение роли цейлонских национальных компаний во внешнеторговом обороте страны.

Подписание в начале 1958 г. нового экономического соглашения между СССР и Цейлоном позволит последнему существенно укрепить свои экономические позиции.

Ю. А. Ершову не удалось глубоко проанализировать состояние внутреннего рынка и положение трудящихся масс, хотя этому вопросу и посвящена специальная глава. Автор увлекается описанием различных предприятий, не вскрывая социального значения новых явлений в экономике страны. Отказавшись от анализа проблемы издержек производства на Цейлоне и в конкурирующих с ним странах, автор не вскрыл причины ликвидации в 1951—1953 гг. ряда промышленных предприятий. В работе имеются повторения, что несколько загромождает ее.

В целом исследование Ю. А. Ершова, построенное на большом цифровом и фактическом материале, является актуальной и полезной работой по малоизученному в советской литературе вопросу.

Э. Д. Талмуд

SUMMARY

The reviewer observes that Y. A. Ershov has correctly defined the main problems connected with the development of Ceylon's economy and foreign trade.

---

[1] *Ю. А. Ершов.* Цейлон. Экономика и внешняя торговля. М., Внешторгиздат, 1957, 134 стр.

Н. ГРОДКО. Кредитно-денежная система Индии в период колониальной зависимости. М., Госфиниздат, 1956, 340 стр.; *Л. И. ФРЕЙ. Денежно-кредитная система и международные расчеты Республики Индии.* М., Внешторгиздат, 1956, 232 стр.

Советская литература по экономике современной Индии довольно бедна. Если не считать отдельных статей и главы в учебном пособии проф. Э. Я. Брегеля («Денежное обращение и кредит капиталистических государств», М., Госфиниздат, 1950), то перед нами первые монографии советских ученых, посвященные исследованию денежно-кредитной и отчасти финансовой системы Индии. Эти работы следует признать в целом удачными.

Н. Гродко критически обобщил большую литературу о кредитно-денежной системе Индии и изложил историю денежного обращения, кредита и состояние кредитной системы до второй мировой войны (Имперский, Резервный, иностранные, индийские банки, ростовщический капитал и кредитная кооперация).

Отдельная глава посвящена особенностям финансирования индийской промышленности и системе так называемых управляющих агентств.

Автор показал сущность Имперского банка и созданного в 1935 г. Резервного банка как орудий британского империализма, особо реакционную роль иностранных валютных банков, тесно связанных с ростовщическим капиталом и тормозивших индустриализацию Индии. В книге Н. Гродко дана правильная оценка роли так называемых управляющих агентств и разоблачается характер закона 1936 г., направленного якобы против этих агентств.

Л. И. Фрей анализирует новые явления в денежно-кредитной и финансовой системе республики Индии, включая и вопрос о международных расчетах. Специальную главу посвятил Фрей государственным финансам Республики Индии, платежному балансу, рынку золота и серебра и финансово-промышленным корпорациям. Исследуя бюджет Республики Индии, автор подчеркивает рост удельного веса затрат на производительные цели в соответствии с пятилетним планом. В книге правильно подчеркивается, что «в странах малоразвитых, со слабой банковой системой перед Центральным банком стоит задача не только быть банком банков, но и непосредственно кредитовать народное хозяйство» (стр. 99).

Л. И. Фрей касается вопросов современного состояния кредитной кооперации. Он подчеркивает не только ее слабость, но и постепенное усиление ее роли, в то же время отмечает большую роль кулачества в кредитной кооперации.

В книге Л. И. Фрея убедительно, на конкретных примерах, противопоставляется дружественная равноправная политика Советского Союза по отношению к Индии корыстной политике США и Англии.

В книге подчеркивается зависимость отдельных отраслей экономики Индии от английских монополий, капиталовложения которых, как и других иностранных держав, все возрастают.

Оба рецензируемые издания содержат большой и интересный материал, важные обобщения и выводы, позволяющие судить о современном экономическом положении Индии. Однако в обеих работах имеются существенные недостатки. Нельзя, например, отождествлять, как это делается обоими авторами, характер индийской валюты 1899—1914 гг. и 1927—1931 гг., с одной стороны, и 1914—1927 гг. и в период после 1931 г., с другой (*Н. Гродко*, стр. 71—76, 84 и *Л. И. Фрей*, стр. 80—81). Между тем, оба автора утверждают, что во всех случаях индийскую валюту следует считать стерлингово-девизной. На самом же деле в 1899—1914 гг. и 1927—1931 гг., когда английский фунт разменивался за золото, индийская валюта являлась разновидностью золотой валюты, иначе говоря, золото-девизной валютой стерлингового типа, ибо она, хотя и в ограниченных для Индии размерах, косвенно (при посредстве английского фунта) разменивалась на золото. После же прекращения размена фунта на золото в период 1914 и 1931 гг., а еще точнее в период 1914—1927 гг. и с 1931 г., индийская валюта стала стерлингово-девизной.

На том основании, что индийское казначейство во время реформы 1926—1927 гг. имело право разменивать бумажные рупии, по своему желанию, либо на бумажные фунты (в виде, главным образом, переводов, выраженных в фунтах), либо на золотые слитки, Л. И. Фрей называет эту систему золотослитковым стандартом. На деле же золотослитковый стандарт существовал лишь в Англии и Франции, где эмиссионные банки были обязаны разменивать банкноты на сумму не менее 1500 ф. ст. на золотые слитки. А в Индии и других странах золото-девизной системы указание на размен на слитки имело только формальное значение, ибо казначейство разменивало бумажные рупии только на фунты, да и то только в виде переводов в Англию платежей за товары и по другим статьям платежного баланса.

В обеих книгах, помимо этого, не отмечено различие индийской валюты периода 1899—1914 гг. и периода 1927—1931 гг. Поскольку в 1899—1914 гг. серебряная рупия, наряду с бумажной рупией, сохраняла неограниченную платежную силу в Индии, то такую систему следует назвать «хромающей» золото-девизной системой стерлингового типа в отличие от золото-девизной стерлинговой системы 1927—1931 гг.

В рецензируемых книгах обойден и вопрос о воздействии британского империализма на импорт товаров в Индию посредством установленных им вассальных систем валюты. Именно подобная система заставляла индийцев покупать товары преимущественно в Англии, и последняя могла навязывать индийцам желательный для себя ассортимент товаров. Английские монополии, в частности, отказывались продавать Индии оборудование, необходимое для ее индустриализации, а покупать оборудование в других странах Индия не могла, так как не имела другой валюты, кроме английской. Не указывается и то, что Индия несла крупные потери из-за обесценения фунта (например в 1931—1933 гг.).

Не вполне удалось авторам рецензируемых книг раскрыть замаскированную систему участия англичан в индийских банках.

В обеих рецензируемых работах недостаточно полно охарактеризованы скрытые связи английского и американского капитала в Индии. Система участия рассматривается лишь на примере Аллахабадского банка, хотя этот банк открыто контролируется английским банком.

Авторы обеих рецензируемых книг недостаточно полно показали роль американского капитала в банковской системе Индии. Между тем два крупных индийских акционерных банка — Бхарат и Индийский банк, имеющие 277 отделений, с общей суммой вкладов, составлявших в 1945 г. 410 млн. рупий, тесно связаны с морганавским Фэрст Нэйшн Сити бэнк. Удельный вес капиталов чисто-индийских акционерных банков в 1945 г., несомненно, был ниже 50%, а удельный вес капиталов иностранных банков—выше. Индийским акционерным банкам предстоит еще очень серьезная борьба против иностранных банков.

В обеих книгах влияние группы Моргана недооценивается и по другой линии. Как известно, Морган проник в Индию через свою дочернюю английскую акцептную банкирскую контору Морган-Гренфелл, контролировавшую крупнейшее из управляющих агентств Индии — «Эндрью Юл». Это агентство и поныне господствует в джутовой промышленности и участвует в чайных плантациях, угольных рудниках Бенгалии, каучуковой, сахарной, мукомольной, бумажной, полиграфической, электроэнергетической отраслях промышленности, в судоходстве, страховании и, кроме того, контролирует Меркантайл банк оф Индия, считающийся английским.

Важный вопрос о ростовщическом капитале в Индии изложен обоими авторами недостаточно четко, в особенности это относится к работе Н. Гродко. Автор считает ростовщичество в Индии одним «из порождений феодализма» (стр. 250), тогда как ростовщичество возникло в Индии еще раньше. В книге имеется противоречие, поскольку автор не разграничил четко понятий «ростовщик» и «банкир». Между тем уже К. Маркс в свое время подчеркнул принципиальное отличие ростовщика от банкира: «Между банкиром и ростовщиком лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя» [1]. Хотя и существует переходная форма банка-ростовщика, тем не менее необходимо разграничивать два типа — ростовщика и банкира, существующих и в Индии.

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 609.

В заслугу Л. И. Фрею следует как раз поставить то обстоятельство, что он разграничивает ростовщика и банкира. «В настоящее время, — пишет Л. И. Фрей,— различают ростовщиков, предоставляющих кредиты из собственных средств, и банкиров, привлекающих и чужие средства в форме депозитов» (стр. 209). Но говоря о древней Индии, Л. И. Фрей включает в сферу деятельности ростовщика и кредитные и меняльные операции (стр. 209). С этим нельзя согласиться, так как если ростовщики и могли заниматься одновременно и меняльными операциями, то наряду с этим существовали ростовщики как представители капитала, приносящего процент в докапиталистических формациях, и менялы — представители денежно-торгового капитала.

Недостаточно четко в обеих книгах освещается вопрос об ограблении Англией сокровищ Индии в 1931—1939 гг., когда англичане присвоили 1300 млн. долл. Авторам следовало бы указать на то, что этот вопрос связан с вассальным характером денежной системы Индии. Н. Гродко считает, что в основном было скуплено золото у малоимущих слоев населения. Л. И. Фрей утверждает, что имущие круги реализовали часть своих сбережений в золоте (стр. 81). Но почему тогда это золото получило в Индии название «золото нужды»?

В работе Л. И. Фрея нечетко изложен вопрос, является ли Индия в настоящее время страной-кредитором или страной-должником. Л. И. Фрей, видимо, склоняется к мысли, что Индия является все еще страной-кредитором, особенно в отношениях с Англией. Этот вывод он делает, суммируя долгосрочные вложения за границей с краткосрочными, чего нельзя делать ввиду их различного характера. Кроме того, он недооценивает английские частные капиталовложения в экономику Индии (стр. 126—130).

Если бы Л. И. Фрей правильно оценил стерлинговую задолженность Англии, сократившуюся почти в два раза, и указал, что английские вложения значительно недооценены вследствие маскировки, тогда стало бы ясно, что Индия—страна-должник, что Индии предстоит весьма нелегкая задача вырваться из все еще серьезной экономической зависимости от Англии.

Н. Гродко неправильно применяет термин «частные банкиры» и «частные банки, противопоставляя банкирские дома акционерным банкам (стр. 103, 210, 216), тогда как акционерные банки также являются частными. Неправильно употребляет он также понятие «основной капитал банков», имея в виду акционерный капитал (стр. 152).

Вследствие небрежности издателей в книге Л. И. Фрея встречается много опечаток, искажающих смысл. Так, на стр. 73 в фразе «облигации, выдаваемые заминдарами», нужно «заминдарам». На стр. 203 напечатано «фирма Бабкос энд Вильсон», следовало же «Бэбкок энд Вилькокс». На стр. 120 в результате неверного перевода (с английского) искажен смысл. Речь идет об оловянных листах (tin plate), закупленных Индией в США по крайне дорогой цене, а при чтении получается, что олово куплено весьма дешево. Следовало перевести не «оловянные листы», а «белая жесть», тогда цена в 200 долл. за тонну будет такой, какой она была,— завышенной.

Авторы обеих работ сделали первый серьезный шаг в изучении денежно-кредитной системы Индии. Экономисты-индологи должны продолжать исследование многих, не вполне еще ясных проблем экономической жизни Индии.

М. Ю. Бортник

SUMMARY

The reviewer emphasizes the importance of the two monographs written by N. Grodko and L. I. Frey on India's finances and currency.

Among the shortcomings noted by the reviewer are: the incomplete characterization of the specific features of India's monetary system; of the masked participation of foreign banks in Indian economy and, in particular, of the role of the USA monopolies; of the activities of the British banks and usurers' capital.

Ф. ГАСЫМЗАДӘ. XIX *әср Азәрбайҹан әдәбиjаты тарихи* (*Ф. Касумзаде. История азербайджанской литературы XIX в.*). Баку, 1956, 574 стр.

Рецензируемая книга проф. Ф. Касумзаде является результатом его почти тридцатилетней работы в области изучения истории азербайджанской литературы XIX в. Книга базируется на многочисленных рукописных и печатных источниках, с чем связана убедительность ряда новых выводов автора.

Работе предпослано небольшое предисловие, в котором определяется характер исследования и дается краткий обзор использованной литературы (преимущественно на восточных и русском, а частично и на западноевропейских языках).

Глава первая посвящена азербайджанской литературе первой половины XIX в. После краткого обзора исторической обстановки автор подробно говорит о русско-азербайджанских литературных связях, которые стали более тесными в результате присоединения Азербайджана к России.

Во второй главе исследуются просветительские идеи в азербайджанской литературе. Автор в основном правильно характеризует предпосылки и причины их возникновения, отмечая, что появлению этих идей способствовало присоединение Азербайджана к России.

К сожалению, автор не показывает, как наряду с передовой русской культурой, хотя и в меньшей степени, оказывала плодотворное воздействие на творчество азербайджанских писателей-просветителей и западноевропейская демократическая литература. Данные, говорящие об этом, несомненно, автору были доступны.

Последующие три главы посвящены литературным портретам А. Бакиханова, И. Куткашенли и Мирзы Шафи Вазеха. Особенно полно и хорошо, на богатом фактическом материале показаны художественное творчество и научная деятельность А. Бакиханова. В главах же, посвященных И. Куткашенли и Вазеху, именно из-за того, что не использованы многие материалы и работы, посвященные этим писателям, читатель не находит почти ничего нового.

В шестой и седьмой главах автор дает анализ народной, в частности ашугской, поэзии XIX в. Следует отметить, что азербайджанская народная поэзия данного периода пока еще недостаточно изучена, и посвященные ей главы книги являются одной из первых удачных попыток в этом направлении. Ф. Касумзаде приводит краткие сведения о десятках ашугов различных районов Азербайджана. К сожалению, об одном из наиболее выдающихся, на наш взгляд, представителей ашугской поэзии XIX в.— Алескере —автор говорит лишь несколько общих фраз, бегло упомянув о творчестве этого блестящего народного импровизатора. Правильно подчеркивает Ф. Касумзаде значение творчества Вагифа для развития стиля ашугской поэзии в литературе письменной; дает сведения и о многочисленных представителях «школы Вагифа», в том числе и о малоизвестных.

В восьмой главе мы находим краткие сведения об антиреалистическом, по терминологии автора, течении в азербайджанской литературе XIX в, к наиболее крупным представителям которого в книге отнесены Аббас Шо'ле, Сагари, Диде, Мирза Мухсин Навваб, Гумри. Говоря об антиреалистическом характере поэзии этого течения, автор, несомненно, имеет в виду ее религиозно-мистическое и реакционное содержание. Однако Ф. Касумзаде обрушивается и на ее форму и, прежде всего, жанр газели. Последнее, на наш взгляд, не совсем верно, ибо тем самым народная форма поэзии и жанр газели противопоставляются друг другу. Известно, что сотни представителей поэзии народов Востока писали и ныне пишут на любую тему прекрасные газели. Разве не наполнил форму газели революционным содержанием талантливый персидский поэт Фаррухи Йазди? Немало примеров, подтверждающих неправильность указанного положения Ф. Касумзаде, можно найти и в творчестве азербайджанских советских поэтов, поэтов Таджикистана и Узбекистана.

Девятая глава представляет собою общий очерк сатирической поэзии первой половины XIX в. Отдельные разделы автор отводит двум известным поэтам Шакиру и Надиму.

Выдающемуся поэту-реалисту Закиру автор посвящает десятую главу. Ф. Касумзаде подробно останавливается на сатирических произведениях и баснях. Говоря о значении сатиры Закира в развитии азербайджанской реалистической литературы, автор также правильно указывает на ограниченность, обусловленную, разумеется, историческими условиями, в которых жил и творил поэт.

В одиннадцатой главе автор дает краткий обзор общественной, культурной и литературной жизни 50—60-х годов. Творчество М. Ф. Ахундова, анализ которого занимает центральное место в книге, исследуется в пространной двенадцатой главе. Автор довольно обстоятельно разбираэт шесть комедий Ахундова в хронологическом порядке их написания. На материале этого анализа автор показывает зарождение и утверждение реализма в азербайджанской литературе. Специальный раздел посвящен также «Письмам Кемал уд-Доуле». Глава написана на основе большого фактического материала, хотя можно упрекнуть автора в неполноте сведений о переводах произведений Ахундова на европейские языки.

Недостаток этой главы заключается в том, что автор порою делает выводы, которые никак не вытекают из анализа разбираемого им произведения. Например, разбирая повесть «Обманутые звезды», где Ахундов разоблачает жестокий деспотизм иранского шаха и высмеивает глупые поступки его вельмож, автор голословно, не приводя абсолютно никаких доказательств, утверждает, что критика писателя направлена против русского царизма. То же самое мы видим в анализе образов русских чиновников в пьесах Ахундова. Автор, всячески стараясь «оправдать» Ахундова, непременно желает найти в этих образах отрицательные черты. Он заявляет, что Ахундов хотел создать отрицательные образы царских чиновников, но по соображениям цензуры вынужден был внешне дать их в положительном плане.

Далее, основываясь на двух эпизодических крестьянских образах в комедии «Приключение скряги», автор работы утверждает, что Ахундов ставил крестьянский вопрос. Если автор уверен в постановке Ахундовым крестьянского вопроса, то, несомненно, следовало бы привести более веские доводы, подтверждающие справедливость этого. Анализируя комедию Ахундова «Дервиш Масталишах», автор говорит, что писатель в этом произведении высмеивал французского ботаника и приветствовал февральскую революцию 1848 г. во Франции. Таким образом, Ф. Касумзаде объявляет Ахундова убежденным республиканцем. Сторонником народовластия называет его автор и при разборе повести «Обманутые звезды». Между тем, несколько далее, Ф. Касумзаде признает, что Ахундов стоял за конституционную монархию. Такие противоречащие друг другу суждения автора могут ввести читателя в заблуждение.

Тринадцатая глава суммарно рассматривает развитие литературы 70—80-х годов. Следующая глава посвящена деятельности Н. Везирова. Эта глава более лаконична и стройна, чем предыдущие. Это как бы итог многолетних и успешных трудов автора в области изучения творчества выдающегося азербайджанского драматурга и публициста.

Глава пятнадцатая представляет собой очерк истории азербайджанской литературы последних трех десятилетий прошлого столетия. Автор отмечает, что критический реализм, уже тогда утвердивший себя в прозе и драматургии, в поэзии был еще слаб. Здесь даны также интересные и во многом новые сведения о многочисленных литературных кружках, существовавших в разных районах Азербайджана.

Исследование Ф. Касумзаде заключается главой, посвященной поэту-лирику и сатирику Сеид Азиму Ширвани. Очень убедительно показано прогрессивное значение поэтического творчества Сеид Азима Ширвани. В то же время справедливо подвергаются критике его недостатки. Однако с некоторыми претензиями автора к творчеству Сеид Азима Ширвани трудно согласиться. Например, автор требует от поэта, умершего в 80-х годах XIX в., чтобы он «пошел по пути классовой борьбы» (стр. 529). Разбирая одну сатиру Сеид Азима Ширвани, направленную против бесчинства беков, автор упрекает поэта за то, что он «не ставил вопрос о ликвидации бекства как класса» (там же). Подобные требования, предъявляемые автором к творчеству поэта, в основе своей антиисторичны.

В целом работа Ф. Касумзаде, при частных недостатках и спорных моментах ее,— серьезное научное исследование, правильно освещающее зарождение и пути развития критического реализма в азербайджанской литературе XIX в. Она, несомненно, является ценным вкладом в азербайджанское литературоведение.

Г. Ю. Алиев

SUMMARY

In his book F. Qasimzade treats the history of 19th century Azerbaijan literature which entered a new period of development after the incorporation of Azerbaijan into Russia. The author, a prominent specialist in this field, has accomplished an important scientific study which sheds light on the origin and development of critical realism in Azerbaijan literature. Notwithstanding some of its errors and shortcomings, F. A. Qasimzade's book s a valuable contribution to the history of Azerbaijan literature.

М. Х. ГАЙНУЛЛИН. Татар әдәбияты. XIX йөз. (*М. Х. Гайнуллин. Татарская литература. XIX век*). Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Казань, 1957, 653 стр.

Выход в свет рецензируемой книги, которая вместе с работой Дж. Вазеевой и М. Х. Гайнуллина «Татар әдәбияты XX йөз. (Татарская литература. XX век. Казань, 1954) составляет единую серию по истории дореволюционной литературы,— значительное событие для татарского литературоведения.

Изучению истории татарской литературы XIX в. были посвящены работы ряда исследователей, которые стремились осветить как общие вопросы литературного процесса, так и дать оценку творчества отдельных татарских писателей. Джамал Валидов в труде «Очерк истории образованности и литературы волжских татар» (Москва, 1923) привел значительный материал по татарской дооктябрьской литературе. Но его стремление предпослать очерку культуры и литературы описание деятельности религиозных реформаторов, сочетаясь с несколько социологическим подходом, привело к неправильной, в известной мере, оценке творчества отдельных писателей и развития татарской культуры в целом, а также к чрезвычайной суммарности и беглости изложения самой истории литературы.

Очень коротко излагались основные факты татарской литературы 1-й половины XIX в. и в книге Г. Рахима и Г. Газизова تاتار ئەدەبیاتی تاریخی (История татарской литературы. Казань, 1925). Литература же второй половины XIX в. в этой книге не освещалась совсем. Шагом вперед по сравнению с работой Дж. Валидова, явилась работа Г. Сагди تاتار ئەدەبیاتی تاریخی (История татарской литературы. Казань, 1926), отличающаяся большей фактической полнотой и более систематическим изложением материала, хотя и в ней литература XIX в. рассматривается довольно бегло. Г. Сагди делает попытку дать свою систему периодизации татарской литературы. Однако в ряде случаев его оценка творчества некоторых татарских писателей является неверной.

Ошибки, допущенные в вышеупомянутых трудах, в значительной степени были связаны с состоянием науки того времени: с неразработанностью истории татарского народа и с известным увлечением социологизмом в оценке литературных явлений.

Рецензируемая нами книга отличается от упомянутых выше изданий, как глубиной и широтой охвата материала, так и неизмеримо более правильным освещением хода литературного процесса, ибо автор опирался на значительные достижения исторической науки и литературоведения последних лет.

Книга разбита на два основных раздела: 1) первая половина XIX в., где после общего очерка развития литературы и культуры в этот период рассматривается творчество поэтов Каргали (Абульманих Габдессалямова, 1782—1826), Хибатуллы Салихова (1794—1867) и Габдулджаббара Кандалыя (1797—1860) и 2) вторая половина XIX в., где, также после общего очерка, рассмотрено творчество выдающегося просветителя и писателя Каюма Насыри (1825—1902), поэтов Гали Чокрый (1826—1889), Акмуллы (1831—1895), Якова Емельянова (1848—1893), Курмаши (Ахмада Уразаева, точные даты жизни неизвестны), первых представителей татарской реалистической литературы —прозаиков Мусы Акджигитова (1864—1923) и Захира Бигиева (1870—1902), зачинателей жанра драматургии в татарской литературе Габдрахмана Ильяси (1856—1895) и Фатыха Халиди (1850—1923). После характеристики творчества каждого писателя в книге приводятся образцы его произведений.

Работа задумана и выпущена как пособие для высших учебных заведений, но значение ее гораздо больше. Это, по существу, первый за долгие годы систематизированный свод очерков и материалов по татарской литературе XIX в. В книге анализируется творчество ряда писателей, которые долгое время были незаслуженно забыты татарским литературоведением (Каргали, Акмулла, Яков Емельянов, Муса Акджигитов и др.). Следует отметить и то, что большинство опубликованных и использованных в книге материалов извлечено автором непосредственно из первых публикаций, давно уже ставших библиографической редкостью, а также собрано из дореволюционной татарской и русской прессы: из газет — «وقت» (Время), «فكر» (Мысль), «الاصلاح» (Реформа), «Казанский телеграф» (на русск. яз.) и журналов— «الدصر الجديد» (Новый век), «شورا» (Совет), «Деятель» (на русск. яз.) и др.

Достоинством книги является также и то, что развитие литературы в ней излагается на широком историческом фоне. Автор подчеркивает большое воздействие на движение общественной мысли Татарии как событий в масштабе всей России (Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, реформы 60-х гг., возникновение марксистских кружков и др.), так и значительных культурных явлений в самой Татарии (основание Казанского университета в 1804 г. и создание при нем отделения Восточной словесности, а позднее организация Общества археологии, истории, этнографии, открытие ряда типографий в Казани; создание Татарского учительского института в 70-е годы и др.).

Автор стремится выявить основные прогрессивные тенденции развития литературы XIX в. (гуманизм, патриотизм, освободительные идеи, борьба за просвещение народа; зарождение критического реализма; возникновение новых жанров и жанровых форм), которые во всей полноте раскрылись в литературе начала XX в. в творчестве наиболее выдающихся писателей Габдуллы Тукая, Галиасгара Камала, Маджита Гафури, Галимджана Ибрагимова. Развитие татарской литературы шло путем непрерывной идейной борьбы, путем преодоления косных религиозно-мистических течений.

В книге правильно, на наш взгляд, ставится вопрос о зарождении в татарской литературе метода критического реализма не в начале XX века, как считали некоторые татарские литературоведы, а во второй половине XIX века, когда появились новеллы К. Насыри, повести и романы М. Акджигитова и З. Бигиева. Правильна в общих чертах и характеристика просветительского движения, а также джадидизма, хотя многое тут остается еще спорным и нераскрытым.

Центральное место в книге занимает очерк о творчестве выдающегося ученого-энциклопедиста и писателя-демократа Каюма Насыри, с именем которого автор справедливо связывает начало просветительского движения в Татарии. Вопреки проповеди национальной ограниченности и мусульманского фанатизма, которую вели идеологи ислама и реакционное духовенство, К. Насыри был неустанным пропагандистом достижений передовой русской культуры и художественных ценностей, созданных классической литературой Востока. Автор правильно подчеркивает особую значимость литературного творчества К. Насыри как одного из зачинателей критического реализма в татарской литературе. Однако, стремясь раскрыть во

всей полноте значение многогранной просветительской деятельности К. Насыри, рассматривая его педагогические высказывания, труды по истории, этнографии, лингвистике, литературоведению, М. Х. Гайнуллин несколько сокращает анализ художественных произведений К. Насыри, их стилистических особенностей и творческой манеры писателя.

Содержателен очерк о творчестве Захира Бигиева, прозаика-реалиста, создателя жанровой формы романа в татарской литературе, который в своих произведениях вскрывал пороки буржуазного общества. Его романам до сих пор не уделялось достаточного внимания: после 1903 г. они ни разу не переиздавались. В рецензируемой книге полностью воспроизводятся в современной татарской графике два романа писателя «Өлүф яки гүзәл кыз Хәдичә» (Тысячи или красавица Хадича) и «Гөнаһе кәбаир» (Великие грехи), кратко излагается его интереснейшее публицистическое произведение «Мавәраәннәһрда сәяһәт» (Путешествие по Мавераннахру), резко критиковавшее схоластическую мертвящую систему обучения в медресе. Уместно приведены М. Х. Гайнуллиным высказывания Фатыха Амирхана о том, что своим «Путешествием по Мавераннахру» З. Бигиев заново открыл Среднюю Азию для татарской интеллигенции, а также элегия Габдуллы Тукая на смерть З. Бигиева, которого великий поэт высоко ценил за силу критического таланта писателя.

Особо хочется подчеркнуть как удачу составителя книги подбор образцов творчества поэта Г. Кандалыя, который одним из первых вырвался из плена религиозно-суфийских мотивов, стал певцом земной жизни и человеческих чувств, обличителем религиозного ханжества.

Большой интерес представляет глава книги, посвященная «Чистопольской комедии»— анонимному сценическому произведению, которое имело известный успех в театральных кругах татарского общества. К сожалению, глава эта написана очень кратко. Существенным изъяном ее является почти полное отсутствие анализа художественных особенностей комедии.

В книге приведено много материалов, свидетельствующих о благотворном воздействии русской науки и культуры на развитие литературы татарского народа, как по линии общего идейного обогащения, так и по линии чисто литературной: рождение драмы, повести, романа; рост художественного мастерства писателей (так, З. Бигиев создавал свои романы под сильным воздействием романов Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, а драмы Г. Ильяси и Ф. Халиди возникали в значительной мере под влиянием пьес А. Н. Островского). Ценно, что в книге уделено много внимания роли русских ученых-ориенталистов в развитии науки и культуры Татарии, их непосредственной связи с татарскими писателями и учеными (в частности, с К. Насыри и Ш. Марджани), приведены интересные высказывания Б. А. Дорна, И. Н. Березина, В. В. Григорьева, Н. Ф. Катанова, В. Д. Смирнова и др. о произведениях ряда писателей Татарстана.

Несомненной удачей автора является включение в книгу сведений о связи татарской литературы с культурой и литературой других народов Востока.

До последнего времени в работах татарских литературоведов вопрос об этих связях почему-то обходился, а иногда усматривалось только отрицательное влияние восточной религиозно-мистической и мусульманско-богословской литературы. Между тем передовые умы Востока оказали значительное влияние на произведения татарских писателей. Так, Каргали упоминает в стихах о Фирдоуси и Дж. Руми, а Халиди использует в своем творчестве сюжеты арабских сказок, следуя форме «Тысячи и одной ночи», создает произведение «Тысяча и один день»; поэты Кандалый и Курмаши обращаются к таким известным на Востоке поэмам, как «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин». Поэт Курмаши при создании своей поэмы «Тахир и Зухра» использует, кроме татарского фольклора, ближневосточную версию этого сказания, а также образы и художественные приемы казахских лирических дастанов. К. Насыри в своих «Фәвакиһ әл-жөләса фи-л-әдәбият» (Плоды для собеседников по литературе) приводит обширные выдержки из «Маҳбуб ул-Кулуб» (Возлюбленный сердец) Алишера Навои, перерабатывает рассказы и предания об Абу'Али ибн Сине и циклы новелл «Сорок вазиров» и «Сорок садов», переводит знаменитое «зерцало» «Кабус-наме». Г. Файзханов переводит в конце XIX в. «Калилу и Димну» и одну

из переработок «Тутинаме» (Книга попугая) Зия ад-дина Нахшаби. В книге приведены как эти, так и многие другие факты. Но весь этот большой и разнообразный материал не сгруппирован вместе, не оценен и из него не сделано соответствующих выводов.

Автору книги следовало бы в одном из двух обобщающих очерков специально осветить этот вопрос, ибо гуманистическая литература Востока, вместе с татарским фольклором, поэзией ранних веков и русской литературой была одним из основных факторов, влияющих на развитие татарской литературы, причем воздействие восточной литературы на татарскую с особой силой сказалось именно в XIX веке.

Как положительный момент нужно также отметить то, что для характеристики писателей XIX в. автор часто привлекает критические оценки и высказывания самих писателей — К. Насыри, Г. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и др., что делает изложение гораздо более ярким и убедительным.

Признавая несомненную научную ценность рецензируемой книги, нельзя пройти мимо ряда ее частных недостатков. Так, не все очерки и обзорные статьи книги написаны равноценно. Несколько слабее остальных представляются нам статьи о поэзии Х. Салихова и Курмаши. Следовало бы, на наш взгляд, углубить анализ художественных особенностей творчества некоторых поэтов — Каргали, Чокрыя, Акмуллы, в частности в плане изучения особенностей стихосложения, что, безусловно, дало бы интересные результаты. Подробнее надо было бы остановиться на взаимодействии фольклорной и литературной традиции в творчестве писателей XIX в., между тем этой весьма существенной проблемы автор касается лишь мимоходом.

Вряд ли правомерно то, что в работе отсутствует очерк о творчестве Утыза Имяни (1754—1834), так как хронологически наиболее зрелый период его творчества падает на XIX век. Не следовало также ограничиваться простым упоминанием поэта Шамсутдина Заки (1795—1865), а хотя бы кратко дать объективную оценку его творчества.

Обращает на себя внимание тот факт, что в книге не выдержан единый принцип цитирования русских книг и русских авторов: чаще всего они приводятся в оригинале, по-русски, но иногда даны в переводе на татарский язык (стр. 131, 138, 145). Следовало бы также более тщательно отработать транскрипцию арабских и персидских имен и названий. В книге они даны в татарском произношении, и принцип этот правилен, но проведен он не всегда последовательно и обоснованно. Некоторые написания, нам кажется, следовало бы унифицировать с принятым в востоковедении написанием, пока они еще не вошли в традицию в татарском литературоведении. Нужно устранить также неточности в написании имен: Җәлалетдин Руми вместо Җәлал Руми (стр. 35), Зәмәхшәри вместо Зимахшари (стр. 154), Саади вместо Саяди (стр. 285), а также разнобой в транскрипции: например называется роман З. Бигиева «Великие грехи» на стр. 402, 408, 411— «Гөнаһе кәбаир», а на стр. 483—485 — «Гөнаһ кәбаир».

Жаль, что в конце книги отсутствует библиографический список использованных источников и литературы. Это, несомненно, сделало бы издание более полным.

«Татарская литература. XIX век»— полезная и нужная книга. Она по существу является основой для создания развернутого монографического исследования по истории татарской литературы XIX в., в котором литературоведение республики очень нуждается.

А. А. Валитова

SUMMARY

The book under review covers a wider range of materials than the earlier works on Tatar literature of the same period; it also gives a more correct appraisal of the development of literature, because the author bases his study on latest achievements in history, history of literature and literary criticism.

It is the first systematized study of 19th century Tatar literature to appear in many years, and is a valuable and useful book, notwithstanding some of its shortcomings.

김한주. 홍달선 저 우리 나라에서의 농업 협동화 운동의발전, 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 출판사, 평양, 1957.

(КИМ ХАН ЧЖУ, ХОН ДАЛЬ СОН. Развитие движения за кооперирование сельского хозяйства нашей страны. Изд. АН КНДР). Пхеньян, 1957 г., 147 стр.

В конце 1957 г. Институт экономики и права АН Корейской Народно-Демократической Республики выпустил в свет труд Ким Хан Чжу и Хон Даль Сона «Развитие движения за кооперирование сельского хозяйства нашей страны». Эта книга является по существу первой крупной работой корейских экономистов, обобщающей опыт кооперирования мелкокрестьянских хозяйств. В ней собран и обобщен значительный фактический материал, характеризующий специфику и особенности кооперативного движения в сельском хозяйстве КНДР.

Одной из центральных проблем, рассматриваемых в книге, является проблема общих закономерностей развития сельского хозяйства в стране как в мирный период, так и во время войны, а также возникновение в сельском хозяйстве Северной Кореи первых кооперативных хозяйств.

Ким Хан Чжу и Хон Даль Сон подчеркивают то обстоятельство, что после осуществления в Северной Корее демократических реформ в экономике страны усиливается социалистический сектор. В промышленности окончательно утвердился социалистический уклад. В 1946 г. на долю социалистического сектора в валовой продукции промышленности приходилось 72,4%, в 1949 г.— 90,7%. С другой стороны, в деревне преобладало мелкотоварное хозяйство. В 1949 г. на долю социалистического уклада приходилось всего лишь 1,7% посевных площадей и 3,2% валового сельскохозяйственного продукта.

На первых порах, пока в промышленности шел процесс ликвидации колониального наследия и развитие новых отраслей промышленности делало лишь первые шаги, сельское хозяйство, основанное на мелкотоварной форме производства, еще могло в какой-то степени удовлетворять потребности города в продовольствии и сырье. Однако уже тогда стала возникать диспропорция в темпах восстановления и развития промышленности и сельского хозяйства. Возникла необходимость в поднятии сельского хозяйства до уровня требований промышленности. В условиях же преобладания в сельском хозяйстве мелкотоварного производства отставание сельского хозяйства ликвидировать было невозможно. К тому же это отставание усилилось в результате войны.

Поэтому государство уже в годы войны, в целях поднятия сельскохозяйственного производства, создало в деревне государственные хозяйства (госхозы) и машинопрокатные станции (МПС).

Большое внимание в книге уделено условиям социалистической реконструкции сельского хозяйства. К августу 1953 г., когда VI Пленум ЦК Трудовой партии Кореи принял решение о переходе к социалистической реконструкции сельского хозяйства, в КНДР уже объективно назрела необходимость перехода к кооперированию. В стране победил строй народной демократии, была проведена земельная реформа, получили развитие госхозы, машинно-прокатные станции, кредитная и потребительская кооперации, значительно поднялся уровень сознательности крестьян, быстрыми темпами развивалась промышленность и т. д. Огромное значение для развития кооперирования в Северной Корее имел опыт социалистического строительства в деревне в СССР и в Китайской Народной Республике.

Авторы делят процесс кооперирования на два периода. Первый — экспериментальный период (с августа 1953 г., по январь 1955 г.). В этот период создаются в порядке опыта кооперативы всех форм в незначительных количествах. Второй период начинается с 1955 г., когда движение за кооперирование принимает массовый характер. Этот период продолжается и до настоящего времени.

В книге дается глубокий анализ двух указанных периодов. Большой интерес представляет разбор хозяйственных успехов сельскохозяйственных кооперативов и

отдельных недостатков, допущенных при их организации.

Авторы отмечают следующие основные недостатки. В экспериментальный период кооперирование охватило в основном равнинные области и почти не имело места в горных районах, где проживала основная масса бедноты. Создавались лишь зерновые кооперативы, в то время как партия указывала на необходимость создания смешанных кооперативов (например, земледельческо-рыболовецкие) в целях поднятия жизненного уровня рыбаков. Нередко нарушался принцип добровольности при организации кооперативов, не учитывались степень сознательности крестьян и их экономическое положение, неправильно выбирались формы и масштабы сельскохозяйственных кооперативов. В дальнейшем, в период массового кооперирования, когда в стране было уже 15 893 кооператива, объединивших 85,5% всех крестьянских хозяйств, партия указала на новые недостатки в кооперировании, допущенные на местах. Так, были осуждены два уклона в организации кооперативов. Первый уклон заключался в том, что зачастую создавались очень крупные кооперативы без учета реальных возможностей (не учитывался уровень знаний, был еще низок уровень техники, отсутствовали средства транспорта и связи в деревне и т. п.). Партия определила примерный размер кооператива в зависимости от условий в 40—100 дворов. Решительная борьба была развернута и против второго уклона — слияния кооперативов, что нарушало принципы социалистической организации труда в кооперативах, порождало иждивенческие настроения у членов маломощных кооперативов, сливаемых с кооперативами с более мощной экономической базой.

Большой интерес представляет содержащийся в книге анализ особенностей кооперативного движения в сельском хозяйстве. Значительное внимание в работе уделено вопросам организационно-хозяйственного укрепления кооперативов.

С завершением кооперирования в Северной Корее будет окончательно разрешена проблема коллективизации единоличных хозяйств в горных районах и ликвидированы кулацкие хозяйства в деревне. Большое внимание в книге уделено вопросу механизации сельского хозяйства, как одной из важнейших задач на пути завершения кооперирования сельского хозяйства.

В настоящее время, как отмечают авторы, кооперирование сельского хозяйства в КНДР переживает ответственный период своего развития. Начавшись в 1953 г., оно сделало крутой скачок вперед и является сегодня мощным движением, укрепляющим основы социализма в Северной Корее. К концу 1957 г. в стране кооперировано 95,6% всех крестьянских хозяйств. В речи на первой сессии Верховного народного собрания КНДР второго созыва Ким Ир Сен говорил: «Кооперирование сельского хозяйства явилось огромной революцией в нашей деревне. Оно не только обеспечило быстрое восстановление сельского хозяйства, но и создало основные предпосылки для коренных перемен к новому, к повышению техники нашего земледелия, материальной и культурной жизни крестьян и их сознания».

Рецензируемое исследование корейских экономистов является ценным вкладом в изучение социалистического преобразования сельского хозяйства в народно-демократических странах Азии.

П. Г. Королев

SUMMARY

The author appraises favourably the first big work written by the Korean economists Kim Han Chu and Hon Dal Son on cooperation in agriculture in the Korean People's Democratic Republic.

ОБЗОР ЖУРНАЛА «NEW AGE» *

В ноябре 1957 г. в Дели вышел в свет специальный выпуск журнала «Нью Эйдж», политического ежемесячника Коммунистической партии Индии, посвященный сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. В номере помещены разнообразные материалы, освещающие влияние Октября на исторические судьбы народов Индии, показывающие интерес в Индии к различным сторонам жизни советского общества.

Номер журнала открывается статьей генерального секретаря Коммунистической партии Индии Аджоя Гхоша «Октябрьская революция и индийское национальное движение». Советский читатель уже знаком с этой работой в русском переводе[1]. К работе А. Гхоша примыкает статья известного индийского историка-марксиста Амит Сена «Октябрьская революция и история». Автор стремится показать всемирно-историческое значение социалистической революции.

Значительный интерес представляют мемуарные материалы, помещенные в ноябрьском выпуске журнала. Перу одного из видных деятелей Коммунистической партии Индии Б. Т. Ранадива принадлежит основанная на личных воспоминаниях статья «Октябрьская революция и рабочие Бомбея». Автор показывает в ней глубокое влияние социалистической революции на рабочее движение и национально-освободительную борьбу в Бомбее. Правда, в первые годы после Октября в Индии еще мало знали о русской революции.

Например, та часть радикально настроенной молодежи, к которой принадлежал автор, познакомилась с подлинной историей социалистической революции уже после спада революционной волны 1919—1922 гг. Знакомство с опытом Октябрьской революции, изучение его привело к тому, что в национально-освободительном движении сравнительно широко распространились идеи о необходимости сочетать борьбу за независимость с демократическими преобразованиями. Поэтому, замечает автор, постепенная радикализация программы Национального конгресса в 20—30-х годах непосредственно связана с воздействием Октября. Еще более глубокое влияние оказала социалистическая революция в России на передовую часть молодой интеллигенции, сумевшей увидеть не только ее общедемократическое значение, но и классовое, социальное содержание. Этой группе (к ней принадлежал и автор) Октябрьская революция открыла глаза на всемирно-историческую роль пролетариата. Приходу передовых интеллигентов к социализму способствовали также героические стачки бомбейских текстильщиков 1924—1925 и 1928—1929 гг. С этого времени Ранадив и его товарищи принимают непосредственное участие в рабочем движении под руководством таких опытных коммунистов, как С. А. Данге, Мираджкар, Гхате.

Многие годы практической деятельности среди рабочих Бомбея показали автору, что Октябрьская революция и ее идеи, несмотря на завесу лжи и дезинформации, оказали глубокое влияние на широкие массы индийских рабочих. Рассказы о событиях в России, об уроках борьбы русского пролетариата, сообщает автор, являлись в те годы едва ли не основным средством политической агитации и пропаганды для социалистических элементов Бомбея. Подобная пропаганда явилась одним из важнейших обстоятельств, обусловивших политическую направленность рабочего движения в Бомбее, его общенациональную авангардную роль. Бескорыстная помощь советских профсоюзов во время забастовки 1928 г. показала бомбейским текстильщикам образец пролетарского интернационализма. Героическая борьба советского народа и богатейший опыт Коммунистической партии помогли воспитать в Бомбее замечательные профсоюзные кадры, которые, наряду с членами Лиги рабочей молодежи, стали в 30-е годы костяком коммунистической организации в Бомбее.

Несколько иной теме посвящены воспоминания одного из руководителей Коммунистической партии Индии, главы правительства штата Керала, Е. М. С. Намбудрипада. Они озаглавлены «Мое первое знакомство с большевизмом».

* New age, November 1957, vol. 6, № 11.

[1] См. *А. Гхош.* Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Индии. М., 1957.

Автор рисует в них этапы своего пути от буржуазного национализма к коммунизму. Намбудрипад вырос в консервативной среде, куда проникали лишь самые фантастические сведения о большевиках и ленинизме. Лишь впоследствии, в конце 20-х годов автор получил более правдивое представление о Советском Союзе. Намбудрипад почерпнул его из книги Дж. Неру «Советская Россия». Книга эта разоблачала распространенные в Индии измышления английской прессы об Октябрьской революции и Советской власти. Однако в те годы Намбудрипад еще не мог полностью оценить всемирно-историческое значение Октябрьской революции, ее принципиальное отличие от буржуазно-демократических движений. Большевизм в его представлении был лишь одной из форм борьбы с иностранным империализмом, такой же, как гандизм в Индии, движение синфейнеров в Ирландии, националистических групп в Китае и Японии, сторонников Ататюрка в Турции. Мирутский процесс руководителей рабочего движения и так называемое лахорское дело против террористов казались автору явлениями одного порядка.

Действительный перелом в отношении Намбудрипада к роли Октябрьской революции и Советского Союза произошел уже в 30-е годы. Разительный контраст между успехом первой пятилетки в СССР и экономическим кризисом, охватившим весь капиталистический мир, показал автору социальную природу Советской власти. Он понял, что коммунизм есть не только антиимпериалистическое движение, но и борьба против всяких форм гнета, за построение нового общества, свободного от эксплуатации. С этого момента начался переход Намбудрипада к научному социализму, приведший его сначала к вступлению в Конгресс — социалистическую партию, а затем в Коммунистическую партию Индии.

Формирование коммунистического мировоззрения составляет также тему «Воспоминаний» Сохан Сингх Джоша. Джош начал свою политическую деятельность как мелкобуржуазный революционер. Первые сведения о марксизме он получил в 1924 г. в лахорской тюрьме, где Джош находился вместе с другими руководителями движения акали. Однако знакомство автора с марксизмом носило в 1924 г. еще крайне поверхностный характер — оно ограничивалось материалами, почерпнутыми из либеральной американской брошюры «Свобода и великие свободолюбцы». Лишь по выходе из тюрьмы (1925 г.) Джош начал более углубленное изучение марксизма-ленинизма. Однако стремление автора к овладению теорией научного социализма наталкивалось на серьезные трудности. Одним из самых больших препятствий являлось, как отмечает Джош, почти полное отсутствие марксистской литературы в Индии 20-х годов. Ввоз такого рода книг был официально запрещен колониальными властями. Отдельные марксистские произведения, попадавшие в руки автора, были вплетены в издания совершенно иного рода. Большое значение имели также известия о китайской революции. Уже с 1925 г. редактируемая Джошом газета «Кирти» («Рабочий»), орган партии «Гадр», призывала к установлению власти рабочего класса, передаче фабрик рабочим, а земли — крестьянам. Однако, как замечает автор, в настоящее время он понимает, что по существу его тогдашняя позиция мало чем отличалась от позиций левых националистов. Следующим этапом на пути Джоша к ленинизму были 1926 и 1927 гг., когда он порвал с акали и принял активное участие в созыве рабоче-крестьянской конференции в Хошиарпуре (1926 г.) и создании «Нава джаван Бхарат сабха». Последняя организация прямо заявила о своей приверженности марксизму. На деле, впрочем, Джош и его друзья были захвачены революционной страстностью марксизма-ленинизма, но они еще не понимали его научного содержания. Лишь встреча со зрелыми коммунистами, такими, как Музаффар Ахмад, Бредли и Спратт, которая произошла на 1 Всеиндийской конференции рабоче-крестьянских партий, завершила переход Сохан Сингх Джоша к коммунизму. Впоследствии Мирутский процесс, во время которого обвиняемые под предлогом подготовки защитительных речей смогли получить произведения классиков марксизма-ленинизма, стал для Джоша настоящим университетом теории научного социализма.

В ряде статей ноябрьского выпуска журнала характеризуются достижения СССР в области развития техники и культуры. Так, например, известный индийский ученый и общественный деятель Сахиб Синг Сокхей в своей статье «Советская техника» показывает неразрывную связь громадных успехов советской науки и техники с социалистической общественной системой. Поскольку Индия и другие бывшие колониальные страны Азии, указывает автор, также должны в течение небольшого периода преодолеть свою отсталость, то пример Советского Союза имеет для них особое значение.

Статья Рам Билас Шармы озаглавлена «Мысли о советской литературе». Полемизируя с людьми, пытающимися принизить достижения социалистической культуры, автор подчеркивает народность и гуманизм советской литературы, ее многонациональность и верность принципам реализма.

В заключение Шарма останавливается на вопросе о растущем культурном сближении народов Индии и СССР.

Л. Гордон

جامعة الدول العربيّة مجلّة معهد المخطوطات العربيّة
المجلد الأول والثانى القاهرة مايو ١٩٥٥–نوفمبر ١٩٥٦

(*«Лига арабских стран». Журнал Института арабских рукописей*, т. 1—2). Каир, май 1955 — ноябрь 1956.

Рецензируемый журнал публикует материалы по всем вопросам, касающимся рукописей и документов на арабском языке. Журнал является периодическим научным органом находящегося в Каире Института арабских рукописей при Лиге арабских стран и выходит на арабском языке два раза в год. Этот Институт был учрежден специальным постановлением Лиги арабских стран 4 апреля 1946 г., однако организационно он оформился лишь в 1956 г., когда 23 января в соответствии с постановлением Лиги арабских стран был образован Высший совет Института (ал-маджлис ал-а‘лā), в обязанности которого входит решение принципиальных вопросов работы Института, а также координация его деятельности, со всеми научными и культурными учреждениями арабских стран, входящих в Лигу. В состав Высшего совета вошли крупные деятели науки и культуры, такие, как председатель Комитета по делам культуры Лиги арабских стран Тāхā Ḥусейн, директор Института Ṣалāḥ ад-дīн ал-Мунаджжид, а также представители Туниса, Египта, Ливана, Сирии, Ирака и Саудовской Аравии. На первом общем заседании Высшего совета Института, происходившем 23—31 марта 1956 г., были утверждены основные документы, определяющие статут Института, характер и и направление его работы (внутренний устав Института, положения о материальных средствах, правила микрофильмирования, хранения, описания и издания рукописей и т. п., т. 2, вып. 1, стр. 219—225). Согласно этим документам, Институт арабских рукописей является «научным учреждением единой арабской нации, представляемой Лигой арабских стран».

Создание Института арабских рукописей является не только крупным событием в культурной жизни арабских стран, но и глубоко патриотическим актом. Создатели Института руководствовались благородной патриотической целью учесть и сохранить неоценимые богатства научного и культурного наследия, созданного на арабском языке более чем за тысячелетний период.

Программа деятельности Института, как она была изложена еще в 1946 г., состоит в следующем: 1) создать генеральный каталог арабских рукописей на основе существующих каталогов или списков рукописей общественных и частных библиотек и собраний; 2) изготовить микрофильмы рукописей всех сколько-нибудь ценных сочинений на арабском языке; 3) обеспечить свободный доступ к этим микрофильмам всех ученых; 4) организовать издание фототипическим способом наиболее ценных рукописей, имеющих доброкачественный и удобочитаемый текст; 5) наладить регулярный взаимный обмен информацией о наличии рукописей и работе над ними; 6) периодически давать информацию о напечатанных или печатающихся арабских сочинениях.

Осуществляя эту программу, Институт

в 1947—1955 гг. организовал ряд командировок своих сотрудников для обследования рукописных хранилищ Ближнего Востока, Индии и Западной Европы. В результате этих обследований был создан фонд микрофильмированных рукописей, насчитывающий около 12 тыс. единиц. Предварительный список микрофильмов был опубликован в 1948 г. и продолжен в 1954 и 1955 гг. В 1955 г. Институт приступил к созданию карточных каталогов по авторам (с указанием источников сведений о них) и по названиям сочинений, а также предметного каталога. По поручению Института д-р Салāḥ ад-дīн ал-Мунаджжид выработал единые правила подготовки и издания критического текста (т. 1, вып. 2, стр. 317—336). В настоящее время Институт силами ученых ряда арабских стран приступил к подготовке издания многотомного труда известного арабского историка XIV в. аз-Захабī «Сийар ан-нубалā'» («Жизнеописания благородных»).

Задачи Института, естественно, определили и программу журнала, который начал выходить с мая 1955 г. Журнал дает систематическую и довольно полную информацию об открытии новых рукописей, о ведущихся работах по изучению и изданию сочинений арабских авторов, публикует обзоры коллекций арабских рукописей известных и, что особенно важно, мало и совсем не известных рукописных хранилищ, включая и частные библиотеки.

Кроме того, журнал регулярно помещает исследования главным образом арабских ученых по общим и частным вопросам, касающимся документов, рукописей сочинений и их авторов. Важное место занимает отдел рецензий на выходящие издания и исследования, а также отдел информации, отражающий деятельность Института и его связи с учеными и научными учреждениями других стран. В конце отдела информации помещается аннотированный список изданных за предыдущий год в арабских странах и за их пределами рукописных памятников арабской литературы и приводятся сообщения о ведущихся над рукописями работах. В конце каждого тома приводится алфавитный список всех упомянутых в данном томе сочинений и рукописей.

Первый том журнала содержит исключительно важные обзорные статьи, посвященные описанию коллекций арабских рукописей ряда хранилищ и библиотек некоторых стран Востока. В них рассказывается история создания этих коллекций, приводится перечень всех или наиболее интересных рукописей и сообщаются данные о каталогах или списках рукописей этих собраний. Таковы статья ʿУмара Ридā Каххāла о собрании рукописей библиотеки аз-Захирīйа в Дамаске (вып. 1, стр. 5—7, коллекция насчитывает 7.970 единиц); статья д-ра Мухаммада Ас'ада Таласа «Рукописи и их хранилища в г. Халабе» (вып. 1, стр. 8—36), содержащая исторический очерк искусства переписки, переплета и художественного оформления рукописной книги в г. Халабе; статьи Гургиса ʿАувāда о рукописях библиотеки Иракского музея в Багдаде (вып. 1, стр. 37—48, коллекция насчитывает 2246 единиц) и о библиотеках Басры (вып. 2, стр. 163—169); обзор собрания арабских рукописей в Йемене Фу'āда Саййида (вып. 2, стр. 194—214); небольшие сообщения о собраниях арабских рукописей в Африканском университете (вып. 1, стр. 49—50) и Ливанской библиотеке в г. Бейруте (вып. 1, стр. 51—53), написанные Набīх Амīн Фāрисом и Нур ад-дīн Байхамом. Две небольшие заметки посвящены собраниям рукописей в Марокко — «Рукописи Публичной библиотеки в Рабате» Й. С. ʿАллӯша (вып. 1, стр. 54—55) и «Арабские рукописи в Татуане» ʿАбдаллāха Канӯна (вып. 2, стр. 170—189). Сведения о хранилищах арабских рукописей в Египте даны в кратких сообщениях Абӯл-Вафā' ал-Марāгī — о коллекции ал-Азхара (вып. 1, стр. 51—61, насчитывает 22 578 томов), Фу'āда Саййида — о рукописном собрании «Египетской библиотеки» (Дāр ал-кутуб, вып. 1, стр. 62—67, насчитывает 38 583 тома), Ибрāхīма аш-Шандī — о коллекции городской библиотеки в Александрии (вып. 1, стр. 68—70), Аḥмада Мухаммада ал-Ḥатīба — о коллекции библиотеки ал-Аḥмадīйа в г. Танта (вып. 1, стр. 70), — мэра г. Танта — о коллекции «Дома книги» г. Танта (вып. 1, стр. 71). и ʿАбд ар-Раḥмāна Джалāла — о собрании рукописей Религиозного института в Дамьетте (вып. 1, стр. 71). Большой интерес представляет также обзор рукописей редких сочинений в собрании библиотеки верхнеегипетского городка Сӯхāдж, составленный Ришāд ʿАбд ал-Мутталибом (вып. 2, стр. 190—193).

Раздел «Исследования рукописей» представлен: статьей известного тунисского историка и филолога Ḥасана Ḥуснī ʿАбд ал-Ваххāба (вып. 1, стр. 72—90) — об истории книжного дела и книгохранилищ в Тунисе в IX—X вв. н. э.; исследованием д-ра ʿАбд ал-ʿАзīза ал-Ахуāнī (вып. 1, стр. 91—120) типов составлявшихся в арабской Испании списков ученых (барнāмидж); к исследованию приложено издание «Барнāмиджа» Ибн абӯ-р-Рабīʿа (XIII в.) по рукописи Британского музея (вып. 2, стр. 252—271). Д-р Халīл Маḥмӯд ʿАсāкир издал со своим предисловием небольшой, но весьма любопытный трактат по истории арабского письма, принадлежащий, как предполагает автор, арабскому филологу начала XI в. Абӯ Ḥайīāну ат-Тауḥīдī (вып. 1, стр. 121—127).

Привлекает внимание обзорная работа д-ра ʿАбд ар-Раḥмāна ал-Бадавī, посвященная арабским рукописям сочинений Аристотеля (вып. 2, стр. 215—231, продолжение — т. 2, вып. 1, стр. 46—62). Работа включает сведения об арабских рукописях сочинений, принадлежащих Аристотелю или приписываемых ему, а также библиографию важнейших работ арабских, западноевропейских и русских ученых. Следует заметить, что д-ру ал-Бадавī осталась неизвестной имеющаяся в Ташкенте рукопись псевдоэпиграфа «Теология Аристотеля»[1].

Д-р Салāḥ ад-дīн ал-Мунаджжид поместил содержательное исследование свидетельств различных авторов и ученых, которые подтверждали идентичность того или иного списка сочинения и его оригинала (вып. 2, стр. 232—251). Свидетельства эти встречаются в конце некоторых ранних рукописей.

Особый интерес представляет работа Лутфиʿ Абд ал-бадиʿ, посвященная открытому им новому источнику по истории арабской Испании. Во вступительной статье (вып. 2, стр. 272—280) д-р Лутфи устанавливает название сочинения — «Фарḥат ал-анфус», имя автора — Муḥаммад ибн Аййӯб ибн Гāлиб ал-Андалусī и время его жизни — XII в. н. э., и дает высокую оценку сочинению. Работу завершает публикация по уникальной стамбульской рукописи) текста большого отрывка из «Фарḥат ал-анфус» об областях и городах арабской Испании (вып. 2, стр. 281—310).

В томе помещено 15 фотографий, воспроизводящих листы наиболее ценных рукописей и автографы ряда арабских ученых.

Второй том журнала открывается большой обзорной статьей де Борекейя (P. S. L. Beaurecueil) о рукописных собраниях Афганистана (вып. 1, стр. 3—33). Автор кратко характеризует обследованные им хранилища рукописей, в том числе и частные. В статье приводится список рукописей (с небольшими аннотациями) личной библиотеки шаха Афганистана, библиотеки Управления по делам печати, библиотеки Министерства просвещения, а также библиотеки Герата и его музея. Среди перечисленных рукописей преобладают сочинения богословского содержания, много трактатов по философии, а также рукописей переводов сочинений греческих ученых и философов.

Статья Ḥасана Ḥуснī ʿАбд ал-Ваххāба «Папирус, пергамент и бумага в Тунисе» (вып. 1, стр. 34—45) посвящена истории появления письменных документов на папирусе и пергаменте в Северной Африке, в частности в Тунисе, а также роли Туниса в распространении секрета изготовления бумаги в средиземноморских странах Европы.

Д-р Салāḥ ад-дīн ал-Мунаджжид напечатал сводную работу «Дамасские историки и их рукописное наследие с III в. х. до конца X в. х.» (IX—XVI вв. н. э.) (см. вып. 1, стр. 63—145). Материал о каждом из 51 историке расположен по единому плану: краткие биографические данные об авторе; источники сведений о нем в мусульманских сочинениях; его сочинения (включая описания их структуры); рукописи его сочинений (местонахождение рукописи, состав, дата; если сочинение не сохранилось, то указывается, где имеются извлечения из него или упоминания о нем); издания сочинения, если таковые имеются; факсимиле автографа. Работа заканчивается алфавитным списком их авторов. Салāḥ ад-дīну ал-Мунаджжиду принадлежит в этом томе

[1] См. «Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 14—1.

также публикация дамасской рукописи-уника 616/1219—1220 г. сочинения видного египетского традиционалиста XI в. Абу Исҳака Ибрāхӣма ал-Хаббāза (1000—1089) «ал-Вафайāт каум мин ал-мисрӣйӣн ва нафар сивāхум мин санат 375». Сочинение содержит список известных лиц, умерших в Египте и других местах за период с 375 по 456/985—1063 гг. (вып. 2, стр. 286—338). Издание текста предваряет небольшое введение, в котором приведены сведения об авторе, история открытия рукописи, описание ее и изложение принципов издания.

Мухаммад Хамӣдаллāх поместил обзорную статью «Арабские рукописи в Париже» (вып. 2, стр. 239—246). В статье дается история создания парижских коллекций арабских рукописей, обзор каталогов и перечень наиболее интересных списков.

На стр. 246—263 второго выпуска помещено окончание работы д-ра Мухаммада Ас'ада Таласа «Рукописи и их хранилища в г. Халабе», содержащее перечень (с краткой характеристикой) частных рукописных хранилищ в г. Халабе и имеющихся в них рукописей. Наконец, на стр. 264—285 напечатана статья д-ра ʿАбд ар-Рахмāна ʿАбд ат-Тавāба «Список рукописей библиотеки Шабин ал-Кума» (небольшой город в 79 км к северо-востоку от Каира). Во введении автор кратко характеризует собрание арабских рукописей этой библиотеки, а затем приводит аннотированный список 199 рукописей и рукописных сборников.

Большой интерес для истории мусульманской палеографии представляет работа Ибрāхӣма Шабӯха «Старый архив библиотеки соборной мечети Кайрувана» (вып. 2, стр. 339—372), содержащая изложение истории образования архива, описание и аннотированный список хранящихся в нем материалов, главным образом фрагментов Корана на пергаменте, а также отрывков богословских и нескольких исторических сочинений.

Статья С. Дж. Шоу «Египетские документы эпохи Османов (1517—1914)» посвящена обзору архивных материалов, относящихся к истории Египта в правление турецких султанов с XVI по XX в. и находящихся в государственном архиве в Каире. Материалы касаются самых разнообразных вопросов истории и экономики Египта в этот период. Статья Фу'āда Саййида, помещенная на стр. 162—177 первого выпуска, содержит историографическое введение и издание пяти «заключений» (фетв) о принципах и методах составления исторических сочинений, о требованиях, каким они должны отвечать. Эти «заключения» принадлежат пяти главным қāдӣ XV в., в частности, известным историкам Шихāб ад-дӣну ал-ʿАсқалāнӣ и ал-ʿАйнӣ. Текст этих «заключений» был извлечен автором из рукописного сборника библиотеки ал-Āсфӣйа в Хайдарабаде.

В отделе рецензий напечатаны отзывы о последних изданиях и исследованиях сочинений арабских авторов: Салāҳ ад-дӣн ал-Мунаджжида — на издание мединской рукописи «Джавāми' ас-сӣра» и пяти других посланий Ибн Хазма, выполненное Ихсāном ʿАббāсом и Нāсир ад-дӣном ал-Асадом (вып. 1, стр. 189—192); — на первый выпуск издания «Харӣдат ал-қаср», сочинения одного из выдающихся историков XII в. ал-ʿИмāда ал-Исфахāнӣ, изданного д-ром Шукрӣ Файсалом в Дамаске в 1955 г. (вып. 1, стр. 193—196); — на издание «Табақāт ал-атибба' ва-л-хукама'», автора X в. н. э. Ибн Джалджала ал-Андалусӣ, выполненное Фу'āдом Саййидом (Дамаск, 1955, вып. 1, стр. 196—197); — на издание первого тома «Списка рукописей Египетской библиотеки», подготовленного Фу'āдом Саййидом (Каир, 1955, вып. 2, стр. 373—374); — на второй выпуск осуществляемого Мухаммадом Ахмадом Даххāном издания «Китāб ал-қала'ид ал-джаухарӣйа фӣ та'рӣх ас-салиҳӣйа» дамасского историка XVI в. Шамса ибн Тӯлӯна (Дамаск, 1956; вып. 2, стр. 375—376); — поправки к своему изданию (Дамаск, 1950) «Китāб ал-и'лāм фӣ фада'ил аш-Шāм ва Димашқ» ʿАлӣ ибн-Мухаммада ар-Рабаʿӣ (ум. 1043 г.; вып. 2, стр. 382—390). Напечатаны также рецензии: ʿАбд ас-Салāма Харӯна на издание «Китāб ал-бигāл» ал-Джāхиза, выполненное французским арабистом Ш. Пелла (Каир, 1956; вып. 1, стр. 178—188); д-ра Лутфӣ ʿАбд ал-бадӣ' на первую часть издания «Ал-Иҳāта фӣ ахбāр Гарнāта» Лисāн ад-дӣна ибн ал-Хатӣба, выпущенную Мухаммадом ʿАбдаллāхом ʿИнāном (Каир, 1956; вып. 1, стр. 198—206); Нāсир ад-дӣна ал-Асада на «ал-ʿУсмāнӣйа», вышедшую третьей книгой в серии «Библиотека ал-Джāхиза» и изданную ʿАбд ас-Салāмом Мухаммадом Харӯном (Каир, 1955; вып. 1, стр. 212—215); Рāтиба ан-Наффāха на издание «Сурийской касыды» исмаилитского проповедника второй половины XI в. Мухаммада ибн ʿАлӣ ас-Сурӣ, выполненное ʿĀрифом Тāмиром (Дамаск, 1955; вып. 1, стр. 216—218).

В разделе информации помещен отчет об экспедиции Института в г. Тунис (вып. 2, стр. 391—394) для обследования четырех старейших библиотек города, где хранится большая коллекция ценнейших рукописей; в их числе имеется много автографов и рукописей, написанных старым магрибинским почерком. Там же напечатан отчет о состоявшейся в сентябре—октябре 1956 г. в Дамаске конференции Сирийской Академии наук по вопросу об издании и переиздании важнейших памятников арабской литературы. На конференции был создан специальный постоянный комитет по вопросам изучения и публикации рукописей (председатель Салҳā ад-дӣн ал-Мунаджжид), а также приняты весьма важные решения, касающиеся организации сбора, хранения, изучения, описания и издания памятников арабской литературы (вып. 2, стр. 395—402).

В заключение следует сказать, что «Журнал Института арабских рукописей», несомненно, сыграет свою положительную роль в деле дальнейшего развития науки и привлечет внимание всех специалистов, занимающихся историей арабских стран и их литературы.

П. Грязневич и *А. Халидов*

ОБЗОР ЖУРНАЛА «AFRICA SOUTH»*

Южноафриканский союз стяжал себе позорную славу заповедника расизма. Вопрос о расовой дискриминации в ЮАС ставился почти на каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Против расовых преследований в этой стране гневно протестовала Каирская конференция солидарности стран Азии и Африки. Дискриминация по расовым и национальным признакам является не только главной стороной государственной политики, она глубоко укоренилась в сознании многих живущих в ЮАС европейцев, отравила своим ядом не только правящие классы, но и часть интеллигенции, а также верхушку рабочего класса.

Осенью 1956 г. в ЮАС начал выходить новый общественно-политический журнал «Africa South», осуждающий апартхейд — расистскую политику стоящей у власти националистической партии. К началу 1958 г. вышло 5 номеров журнала. Южноафриканское правительство уже после выхода второго номера журнала не разрешило продажу этого издания в киосках на железных дорогах, что оценивается в ЮАС как первый шаг к его запрещению.

«Африканский Юг» не является органом какой-либо одной политической партии. В журнале сотрудничают в основном представители европейской интеллигенции ЮАС — политические деятели, члены парламента от либеральной и лейбористской партий, ученые, писатели, публицисты, а также ряд общественных деятелей Англии и США. Дух журнала наиболее близок к политической линии либеральной партии ЮАС. Наряду с этим, однако, в журнале сотрудничают и представители массовых демократических организаций страны, таких, как Африканский национальный конгресс и Южноафриканский индийский национальный конгресс. Английский ежемесячник «Лейбор мансли» (редактор Р. Палм-Датт) охарактеризовал линию журнала как «смелую попытку выразить либеральную точку зрения на проблемы, будоражащие сейчас Южноафриканский Союз» («Labour monthly», March 1957, p. 144).

Выход нового журнала свидетельствует об определенных изменениях, произошедших во взглядах части европейского населения страны в течение последних нескольких лет. Идейное банкротство официальной оппозиции — объединенной партии, тщетно пытавшейся противопоставить националистической проповеди расовой ненависти «джентльменский» расизм,

---

* «Africa South». Cape Town.

привело к усилению влияния либералов. Либеральная партия опирается на растущую прослойку европейцев, проникшихся убеждением в пагубности апартхейда. Для широких общественных кругов европейского населения становится все более ясным, что правительство националистической партии под видом защиты «белых» от «черной опасности» ведет усиленное наступление на гражданские свободы. Сознательная часть европейского рабочего класса открыто выступает за объединение сил трудящихся всех национальностей в борьбе против фашизма. С этим не может не считаться лейбористская партия ЮАС, выступающая в последнее время против апартхейда. Недовольство апартхейдом все чаще высказывают и промышленники, считающие абсолютную изоляцию неевропейцев экономически невыгодной. Эти сторонники «рациональной» эксплуатации дешевого труда призывают к применению более осторожных и упорядоченных методов сегрегации, опасаясь, как бы крайности националистов не вызвали взрыва возмущения угнетенных масс.

В журнале отмечается, что он «основан для того, чтобы создать международную трибуну для изучения и обсуждения проблем Африки, в особенности проблем части континента, расположенной южнее Сахары» (т. 1, № 3, стр. 12). Он призывает европейское население страны объединить свои усилия с африканцами, метисами и индийцами в борьбе против апартхейда. Журнал обращается к мировой общественности с просьбой поднять свой голос против разгула расизма в ЮАС.

Наибольший интерес для советского читателя представляют публикуемые в журнале материалы демократических организаций Южной Африки. В апрельско-июньском номере опубликован полный текст Хартии Свободы — программного документа, вокруг которого объединяются передовые силы страны. Он был принят 26 июня 1955 г. на Конгрессе Народов, созванном по инициативе Африканского национального конгресса, Южноафриканского индийского национального конгресса, Южноафриканской организации цветного населения и Конгресса демократов. Все эти организации получили общее название— Движение конгресса. Конгресс Народов явился самым представительным собранием в истории Южной Африки — в нем приняли участие 3 тысячи делегатов из разных частей страны.

Хартия Свободы содержит требования предоставления равных прав для всех национальных групп, права для каждого мужчины и женщины избирать и быть избранными во все законодательные органы, равенства всех перед законом, возвращения народу национальных богатств страны. В документе нашли место требования трудящихся о распределении земли между теми, кто ее обрабатывает, о равной оплате за равный труд для мужчин и женщин всех цветов кожи, о сорокачасовой рабочей неделе, минимуме зарплаты, ежегодном оплачиваемом отпуске, отпусках по болезни и беременности. Хартия требует отмены детского труда, ликвидации системы компаундов. Хартия призывает к миру и дружбе между народами. В противовес захватнической политике правящих кругов ЮАС, стремящихся аннексировать Бечуаналенд, Басутоленд и Свазиленд, Хартия заявляет, что народы бечуана, басуто и свази должны быть свободны в выборе своего будущего. Одно из заключительных положений этого программного документа гласит: «Южная Африка должна быть полностью независимым государством, уважающим права и суверенитет всех наций».

Во втором номере журнала напечатана содержательная статья «Борьба Южной Африки за демократию», написанная одним из лидеров Африканского национального конгресса Уолтером Сисулу. Автор отмечает, что после прихода к власти националистов (1948 г.) оппозиционные партии европейского населения, и в первую очередь крупнейшая из них — объединенная партия, показали свою беспомощность в деле сопротивления политике апартхейда. По словам Сисулу, они скомпрометировали себя тем, что подменили действенную борьбу бессмысленными словопрениями на тему: «Что означает апартхейд, каков смысл этого таинственного слова — апартхейд?». В противоположность этому неевропейцы не копались в словарях —«они знали, что апартхейд означает то же, что гитлеровская расистская политика...». Поэтому политические организации неевропейцев предупреждали страну о гибельности апартхейда. В борьбе против

националистического правительства политические организации неевропейцев крепли и завоевывали доверие широких народных масс. И в настоящее время, пишет Сисулу, европейцы начали понимать правильность этих предостережений, сделанных почти десять лет назад.

Автор указывает, что во главе борьбы за свободу в Южной Африке стоит Движение Конгресса. Требования партий Движения, записанные в Хартии Свободы, он считает наиболее отвечающими интересам народа. Однако он подчеркивает готовность Движения сотрудничать с любыми политическими организациями, выступающими против апартхейда, даже если они не принимают Хартию Свободы. В первую очередь речь идет о либеральной, лейбористской и федеральной партиях. Сисулу подчеркивает громадную важность объединения всех сил страны, выступающих против националистов, и приветствует решения состоявшейся в октябре 1956 г. конференции представителей африканского населения в Блумфонтейне, отвергнувшей составленный в расистском духе «Доклад комиссии Томлинсона» и выступившей за создание единого фронта борьбы против апартхейда.

Полный текст решений конференции в Блумфонтейне, которые иногда называют Блумфонтейнской Хартией, также помещен во втором номере журнала. Журнал предваряет этот документ статьей, разбирающей основные положения так называемого отчета Томлинсона, стоящего сейчас в центре внимания южноафриканской общественности и являвшегося предметом обсуждения конференции. Статья «Значение томлинсоновского доклада» написана профессором Родсовского университета Д. Хобартом Хоктоном.

Комиссия во главе с проф. Ф. Р. Томлинсоном была назначена националистическим правительством в 1950 г. с целью подкрепить «авторитетом» современной буржуазной науки политику апартхейда и наметить практические пути ее осуществления. Комиссии было поручено разработать схему создания специальных районов, куда можно было бы переселить африканцев из всей страны, и продумать пути социально-экономического развития этих районов. В 1956 г. комиссия закончила свою работу и представила на рассмотрение правительства 18 объемистых томов своих материалов и заключений.

Комиссия выразила мнение, что перед «многорасовыми» государствами имеются в принципе лишь два пути — полная интеграция или полная сегрегация. Однако для ЮАС комиссия сразу отмела всякую возможность первого пути, как якобы «не соответствующего традициям страны», и выступила сторонницей полной расовой сегрегации. Комиссия подсчитала, что число африканцев-банту в ЮАС должно к концу XX в. увеличиться с 8,5 млн. (данные переписи 1951 г.) до 21 млн., а число европейцев — с 2,6 млн. лишь до 6 млн., и задалась вопросом, каким путем изолировать африканское население. Резерваты для африканцев, в которых сейчас проживает 3,6 млн. чел., по признанию комиссии, уже предельно перенаселены и весь прирост африканского населения неизбежно заполнит города и фермы европейцев. По мнению комиссии, это должно усугубить вражду между европейцами и африканцами, и лишь полная расовая сегрегация может гарантировать мирное развитие страны.

Встав перед вопросом, как же практически создавать африканские районы поселения, комиссия вынуждена была признать, что вследствие катастрофического состояния хозяйства африканцев и эрозии почвы эти районы смогут прокормить свое население лишь при современных методах ведения хозяйства, новейшей технике и капиталовложениях, исчисляющихся сотнями миллионов фунтов стерлингов. Даже при соблюдении этих условий, по мнению комиссии, в конце XX века удастся сосредоточить в африканских районах поселения лишь $^2/_3$ африканцев, живущих в стране.

Д. Хобарт Хоктон, анализируя отчет комиссии, приходит к заключению, что выводы комиссии не только не могут служить обоснованием политики апартхейда, но, напротив, ставят под вопрос самую возможность ее осуществления. Признавая необходимость введения в африканских районах современных сельскохозяйственных методов, доклад разрушает миф националистов о «специфически африканском пути развития», африканских способах ведения хозяйства. Высчитав, что в конце XX в., несмотря на 50 лет последовательного проведения апартхейда, в

«европейских районах поселения» африканцев будет жить все же больше, чем европейцев, комиссия Томлинсона на деле продемонстрировала невозможность полной расовой сегрегации. Иными словами (в статье Д. Хоктона этот вывод звучит недостаточно ясно), попытавшись наметить конкретный план проведения полного апартхейда, националисты столкнулись с тем, что ни промышленность, ни сельское хозяйство «европейских районов» не смогут существовать без труда африканских рабочих и батраков.

Конференция в Блумфонтейне выявила отношение африканского населения к докладу Томлинсона. 394 представителя населения, участвовавших в конференции, отражали мнение самых различных групп африканцев, как из городов, так и из сельских районов. Публикуемые в журнале решения конференции категорически отвергают и рекомендации комиссии Томлинсона, и политику апартхейда в целом. Конференция указывает, что путь к экономическому и культурному развитию Южной Африки надо искать не в расовой сегрегации, а, наоборот, в сотрудничестве всех народов, населяющих страну. Конференция обращается к европейскому населению и просит его не верить вымыслам националистов, будто африканцы, метисы и индийцы угрожают самому существованию европейцев в Южной Африке. Блумфонтейнская Хартия призывает всех жителей страны объединиться в борьбе против апартхейда.

Много статей посвящено так называемому «иоганнесбургскому процессу» — делу о «государственной измене», по которому 5 декабря 1956 года были арестованы 156 лидеров демократических организаций ЮАС. Апрельско-июньский номер журнала посвящен трем обвиняемым по этому процессу — члену парламента Л. Ли-Уордену, президенту Африканского национального конгресса Альберту Лутхули и президенту Южноафриканского индийского национального конгресса Дж. Найкеру. Здесь приводится заявление, сделанное в суде Ф. Беранжем в ответ на обвинительное заключение. Беранж высмеивает противоречия и нелепости, которыми изобилует обвинительное заключение. Интересные материалы о процессе содержатся в статьях Г. Сондерсона «Белые либералы и аресты по делу о государственной измене» и Т. О'Дауд «Процесс принимает отчетливую форму». Уже после выхода последнего номера журнала за 1957 г. стало известно, что народные массы ЮАС одержали большую победу — правительство вынуждено было объявить в декабре 1957 г. о снятии обвинения с шестидесяти одного человека. Однако суд над остальными 95-ю обвиняемыми возобновился в январе 1958 г.

Несколько статей посвящено преследованию индийцев в ЮАС. В статье «Закон о гетто» (октябрьско-декабрьский номер за 1957 г.) один из лидеров Южноафриканского индийского национального конгресса Юсуф Качалия, обвиненный правительством в «государственной измене», пишет, что националисты намереваются создать гетто для индийцев, лишив их при этом почти всего имущества. Уже началось насильственное выселение индийцев из западных пригородов Иоганнесбурга. Бывший президент южноафриканского института расовых отношений М. Вебб в статье «Угроза Наталю» (апрельско-июньский номер) приводит лозунги расистов в отношении индийского населения, которые сами по себе настолько пропитаны духом откровенного человеконенавистничества, что не нуждаются в комментариях: «Индийцам нет места здесь. Они должны отправляться обратно в Индию», «Индийцы слишком плодовиты. Они грозят подавить нас своей численностью», «Индийцы практикуют полигамию», «Индийцы — нечестные торговцы», «Индийцы нарушают мир в Южной Африке тем, что ездят в Индию со своими жалобами» и т. п.

В передовой статье октябрьско-декабрьского номера за 1957 г., озаглавленной «Пол и подрывная деятельность», рассказывается об одном из наиболее уродливых проявлений расизма. Близость между мужчиной и женщиной разных цветов кожи считается в ЮАС тяжким преступлением и карается все строже и строже. В 1927 г. был принят закон, запрещающий даже внебрачные отношения между африканцами и европейцами под угрозой пяти лет тюремного заключения. В 1949 г. были запрещены браки, а в 1950 г.— и внебрачные связи между европейцами и всеми категориями неевропейцев. В 1957 г. наказание за связи между европейцами и африканцами повышено с 5 лет тюрьмы до 7. С каждым годом все большее число европейцев осуждается за нарушение этих законов. Полиция заглядывает в окна частных домов, устанавливает сложную систему слежки за «нарушителями нравственности».

Журнал не ограничивается показом внутренней жизни Южной Африки, он помещает ряд статей о проблемах других стран африканского континента. Интересны статьи известного демократического деятеля Кении Тома Мбойя «Профсоюзное движение в Кении», Дж. Козонгуизи, гереро из Юго-Западной Африки — «Юго-Западная Африка», статьи о Федерации Родезии и Ньясаленда, о проблеме равной оплаты за равный труд во Французской Западной Африке.

Журнал откликается на проблемы международной политики, поскольку они затрагивают Африку. В передовой статье «Африка и Запад» (№ 4) журнал советует западным странам вести в их же собственных интересах более уступчивую политику по отношению к народам Африки. Статья предупреждает, что «если Южноафриканскому Союзу будет позволено продолжать свою оргию насилия, если Франция, Бельгия, Португалия, Британия и Америка будут уделять больше внимания отчетам своих компаний, чем борьбе и чаяниям людей, в Африке вырастет столь громадный страх и ненависть к Западу и всему идущему с Запада, что лишь столетие яростной вражды сможет их погасить». Статья советует Соединенным Штатам не тешить себя надеждой, что они имеют популярность в Африке, а помнить, что американцы в представлении африканцев являются колонизаторами: «Америка может думать, что она говорит с Африкой голосом праздничного оживленного мистера Никсона. Но она говорит с африканцами Мозамбика голосом Португалии и с африканцами ЮАС голосом националистического правительства».

Журнал уделяет значительное место художественной литературе, печатает рассказы и стихотворения, в том числе переводы с языков банту. В двух последних номерах журнала помещена большая статья преподавателя языков банту в Кейптаунском университете доктора А. Иордана «Относительно африканской литературы». Он резко выступает против мнения, что народный эпос банту очень беден и примитивен. Иордан считает порочным стремление многих исследователей подходить к фольклору банту с западными мерками. Он высмеивает американского миссионера И. Л. Дёна, утверждавшего, что южные банту не имеют собственной поэзии. Иордан пишет, что местные языки Южной Африки, в том числе зулу, «имеют богатейшие поэтические традиции, охватывающие по своей тематике весь круг человеческого опыта и чувств», и доказывает эту мысль рядом стихотворных отрывков, как народных, так и принадлежащих перу современных поэтов-банту.

Журнал печатает также обзоры новейших книг по Южной Африке.

Выход журнала «Africa South» отражает растущее стремление различных слоев населения ЮАС к созданию широкого фронта борьбы против апартхейда, против диктатуры откровенно фашистского толка. Будущее покажет, насколько последовательно будут отражать эту тенденцию отдельные политические партии и группировки, сотрудничающие в журнале. Но уже сейчас можно сказать, что появление на страницах журнала материалов, обличающих расизм, несомненно, играет положительную роль.

А. Б. Давидсон

П. А. ВАДИЯ и К. Т. МЕРЧЕНТ. Экономические проблемы Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, 658 стр.

Освобождение от колониального ига открыло перед Индией путь к строительству независимой экономики, к повышению жизненного уровня народа. На первый план выдвигаются перспективы экономического развития страны, пути преодоления нищеты и безработицы миллионных масс населения, а также роль государства и различных классов индийского общества в начавшемся возрождении

народного хозяйства. Наступило значительное оживление экономической науки, ставшей ближе к практическим нуждам хозяйства.

В исследовании видных индийских экономистов П. А. Вадия и К. Т. Мерчента «Экономические проблемы Индии», вышедшем недавно в русском переводе, отражены существенные особенности переживаемого Индией исторического момента. Уже сама постановка задач исследования свидетельствует о стремлении авторов активно участвовать в преобразованиях, которые проводятся в современной Индии. «При написании данной книги мы преследовали двоякую цель,— пишут П. А. Вадия и К. Т. Мерчент,— дать аналитический и исторический обзор экономической жизни Индии и тех проблем, которые встали перед страной в настоящее время, а также показать, что может достичь свободная Индия уже сейчас путем осуществления продуманной программы экономического переустройства» (стр. 31).

Содержащийся в рецензируемой книге обширный материал по важнейшим вопросам индийской экономики сам по себе представляет значительную ценность. Однако еще больший интерес вызывают основные идеи, которые проводятся в книге, общий подход ее авторов к решению коренных проблем индийской экономики.

В «Экономических проблемах Индии» дан не только анализ стоящих перед страной проблем, но и делается попытка увязать проблемы экономического развития Индии с тенденциями развития мировой экономики. Положения авторов книги, относящиеся именно к этим вопросам, вызывают больше всего возражений. Индийские экономисты считают определяющей тенденцией в течение последних десятилетий растущее вмешательство государства в хозяйственную жизнь развитых капиталистических стран. Это вмешательство является своеобразной реакцией на крах свободного предпринимательства и на растущую мощь монополистических объединений (см. стр. 23—26). По мнению авторов книги, после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. началась новая фаза капитализма, которая может быть охарактеризована как «контролируемый» или «планируемый» капитализм, а современное развитие Индии отражает именно эту тенденцию (стр. 383). По сути дела здесь оказались смешанными два различных явления: государственный капитализм в империалистических странах, где политика государства определяется интересами крупнейших монополий, и государственный капитализм в Индии, объективно противостоящий иностранному монополистическому капиталу и являющийся главным рычагом строительства независимой экономики страны. Кроме того, часто они не связывают вопрос о государственном секторе и планировании с вопросом о роли различных классов в современном индийском обществе и государстве, что создает впечатление о надклассовом характере государства в Индии.

Призыв к активному переустройству экономических и социальных отношений в Индии, вера в будущее — определяет общий дух книги П. А. Вадия и К. Т. Мерчента, несмотря на встречающиеся в ней отступления и колебания в сторону от этой главной линии. Интересно следующее высказывание авторов о путях разрешения аграрного вопроса в Индии: «Никакая реформа не была бы слишком радикальной, никакие мероприятия — слишком революционными, никакие планы — слишком дорогостоящими, если в результате проведения их в жизнь мы имели бы довольное и счастливое сельское население» (стр. 321).

Развитие частнокапиталистического предпринимательства не разрешит основных проблем, стоящих сейчас перед Индией,— эта идея пронизывает книгу индийских экономистов. Особенно резко выступают авторы против проникновения в индийскую экономику иностранного капитала. На конкретных примерах, взятых из истории химической, спичечной и других отраслей индийской промышленности, они показывают, как иностранный капитал, маскируясь индийской вывеской, тормозил развитие национальной промышленности и выкачивал из страны средства, необходимые для развития ее производительных сил. Отмечая активность иностранных фирм, действующих под вывеской «Индиа, лимитед», П. А. Вадия и К. Т. Мерчент справедливо пишут: «мы без колебаний заявляем, что на той стадии экономического развития, на которой Индия находится в настоящее время, необходимый ей

иностранный капитал следует получать путем займов за границей на разумных условиях. Индия не должна разрешать частным вкладчикам и акционерным компаниям эксплуатировать свои ресурсы; она не должна допускать такого же проникновения в страну иностранного капитала, которое происходило в более ранний период промышленного развития Индии» (стр. 579). Авторы книги критикуют, в частности, невыгодные для страны условия соглашений с частным американским капиталом о строительстве нефтеперерабатывающих заводов в Индии.

Резко критикуя частнохозяйственный и иностранный капитализм, П. А. Вадия и К. Т. Мерчент отчетливо видят его отрицательные свойства в росте силы и влияния финансового капитала в Индии (система управляющих агентств), в колоссальных прибылях, извлекаемых капиталистами, и в тяжелом положении рабочего класса в Индии.

Авторы не мирятся с ролью простых созерцателей происходящего и не хотят, по их собственному выражению, «сидеть сложа руки, не вмешиваясь в стихийное развитие событий, пока ливень разрушит постройку, фундамент которой уже размыт» (стр. 336). Они считают, что наступило время смелых и решительных действий, радикальных изменений, отсрочка которых только ухудшит положение страны, продлит неимоверные лишения масс и может привести к серьезному кризису. В первую очередь это относится к индийской деревне. Авторы указывают, что основное противоречие сельскохозяйственного производства в Индии состоит в том, что крестьянское хозяйство, оставаясь мелким хозяйством потребительского типа, в то же время связано с мировым рынком, с его резкими колебаниями цен (стр. 267, 338). Справедливо считая, что проблема развития сельского хозяйства в Индии не является чисто технической, а прежде всего экономической и социальной проблемой (стр. 347), они подробно анализируют характерные черты экономики индийской деревни, как она сложилась в условиях колониального режима (гл. XI—XVI). По их мнению, в нынешних условиях требуются быстрые и решительные шаги. «Одно из двух: либо решительные и радикальные мероприятия с целью изменения общественного и экономического строя Индии, либо сохранение существующего положения с его спорадическими попытками проведения половинчатых реформ, которые могут закончиться кризисом сельского хозяйства и насильственной революцией» (стр. 256). Авторы выступают за конфискацию помещичьих земель без выкупа, ссылаясь на высказывания Ганди в 1948 г. (стр. 319). Оценивая ограниченные возможности частнокапиталистического предпринимательства, они высказываются за кооперативный и плановый путь развития индийской деревни при государственной поддержке по примеру Советского Союза. «Полное радикальное преобразование сельского хозяйства в Индии повлекло бы за собой полную ликвидацию паразитической системы частного крупного помещичьего землевладения и перераспределение земли» (стр. 346). Не без оговорок и не без колебаний выдвигают П. А. Вадия и К. Т. Мерчент эту программу переустройства индийской деревни. На многих страницах, посвященных этому вопросу, дают себя знать влияние мальтузианства, опасения возможных последствий экономических перемен и т. д. Однако верх берет стремление демократически и в интересах крестьянства разрешить аграрные проблемы Индии, чтобы «превратить Индию из страны средневековых феодалов, с одной стороны, и уплачивающих непомерно высокую арендную плату, задавленных нищетой крестьян — с другой, в страну изобилия» (стр. 341).

Серьезное внимание уделяется в книге индийских ученых и вопросам промышленного развития страны, проблеме индустриализации. Этой теме посвящена вторая часть их обширного труда. Авторы отстаивают необходимость индустриализации Индии для «достижения относительной экономической самообеспеченности» (стр. 603—604). При этом П. А. Вадия и К. Т. Мерчент приветствуют лишь такое развитие крупной промышленности, которое принесет пользу всему обществу, а не кучке крупнейших капиталистов. «Если индустриализация необходима и если мы, исходя из широких интересов Индии в целом, заинтересованы в ускорении дальнейшего развития промышленности, то финансовый капитализм и концентриро-

ванный контроль над экономикой должны быть заменены национализацией таких ключевых отраслей нашего хозяйства, как добывающая промышленность, банковское дело, страхование, связь, основная химия, черная металлургия» (стр. 610). Критикуя существующую организацию индийской промышленности и видя реальную угрозу в том, что «смешанная экономика (то есть сосуществование частного и государственного сектора в рамках единой экономики.— *Л. Р.*) может привести к утверждению диктатуры в интересах частного бизнеса» (стр. 654), авторы книги считают необходимым национализировать также самую крупную отрасль индийской фабричной промышленности — хлопчатобумажное производство.

Индийские экономисты подчеркивают необходимость для Индии опираться при строительстве национальной промышленности главным образом на внутренние ресурсы и проводить индустриализацию за счет богатых слоев населения (стр. 656). Они с сочувствием говорят о методах индустриализации, примененных в СССР, однако считают, что Индия в настоящее время еще не готова к тем радикальным социально-экономическим изменениям, которые неизбежно последуют за такого рода индустриализацией (стр. 581).

В некоторых местах книги авторы склоняются к мысли, что в современной обстановке главные усилия государства в Индии необходимо сосредоточить на развитии мелкого нефабричного производства (стр. 598). Мелкая промышленность Индии, в которой сейчас занято около 20 млн. человек, составляет важную и неотъемлемую часть индийской экономики. При финансовой и организационной поддержке государства она способна сыграть важную роль в разрешении проблемы безработицы (это нашло свое отражение во втором пятилетнем плане Индии). Как признают не раз сами авторы, главной экономической задачей страны было и остается развитие крупной, в первую очередь тяжелой, промышленности, то есть индустриализация в подлинном смысле этого слова. Только тогда, по их мнению, можно будет рассчитывать на то, чтобы Индия «перестала быть просто источником сырья и рынком сбыта для промышленной продукции Европы, Америки и Японии» (стр. 84).

Индийские ученые, написавшие содержательную и интересную книгу о насущных проблемах экономического развития Индии, глубоко верят в творческие способности индийского народа. Вместе с тем они считают, что никакие планы не принесут полного успеха и никакая политика не даст должного результата, если они не будут опираться на поддержку всего населения Индии, если не будет разбужена творческая энергия миллионных масс трудящихся.

Книга П. А. Вадия и К. Т. Мерчента является ценным вкладом в изучение важнейших проблем экономики Индии.

Л. И. Рейснер

SUMMARY

The reviewer notes that the book of Wadia and Merchant is a valuable contribution to the study of the most important economic problems of India to-day. Special attention is devoted by theauthors to the agrarian problem and to agriculture in India, as well as to the problems connected with her industrial development. The book is especially valuable as its authors have not confined themselves to a purely theoretical analysis, but have tried to find concrete ways of improving the living conditions for millions of working people in that country.

चित्तरञ्जन नेपाली। जनरल भीमसेन थापा र तत्कालीन नेपाल।

ЧИТТАРАНДЖАН НЕПАЛИ. Генерал Бхимсен Тхапа и современный ему Непал. Катманду, самват 2013/1957 г., на непальском языке, 335 стр.

За последние годы историческая наука Непала пополнилась рядом ценных исследований. Широкую известность приобрели труды Дилирамана Регми, Балчандры Шармы, Сурьявикрама Джавали и ряда других непальских историков и общественных деятелей.

В отличие от западноевропейской, в первую очередь английской, буржуазной историографии, пытающейся скрыть истинный характер колониальной политики Англии в Непале и освещающей его историю с позиций колонизаторов, труды ряда современных непальских исследователей рисуют правдивую картину длительной и упорной борьбы непальского народа против английской экспансионистской политики. В них содержится ряд ценных и неизвестных до сих пор документов и материалов.

Рецензируемая книга издана «Обществом культуры Непала», важнейшей задачей которого, как указывает в предисловии к книге секретарь общества Пракаш Бахадур, является раскрытие подлинной истории Непала.

Книга Читтаранджана Непали посвящена деятельности Бхимсена Тхапы, видного государственного, военного и политического деятеля Непала первой трети XIX в., являвшегося на протяжении 33 лет (с 1804 по 1837 г.) мукхтияром (премьер-министром) Непала.

Во вступлении к своей работе Читтаранджан Непали подчеркивает, что в трудах английских буржуазных исследователей преднамеренно искажено историческое значение деятельности Бхимсена. «Я ставлю перед собой задачу,— пишет Непали,— на основе анализа первоисточников дать всестороннюю и объективную характеристику деятельности Бхимсена» (стр. XII).

Книга состоит из следующих глав: I. Историческая обстановка в Непале в период деятельности Бхимсена и обзор событий; II. Внешняя политика Бхимсена и организация армии; III. Государственный строй Непала во время деятельности Бхимсена и его реформы; IV. Указы Бхимсена, его переписка и фотокопии документов.

Во второй половине XVIII в. на территории Непала происходило становление централизованного феодального государства. Еще не окрепшее, раздираемое феодальными распрями, оно столкнулось с безжалостным колониальным хищником в лице английской Ост-Индской компании, которая очень быстро оценила возможность использовать географическое положение Непала для своего проникновения в Тибет и во внутренние районы Китая. С этой целью английские власти хотели воспользоваться традиционными торговыми и культурными связями Непала с Тибетским районом Китая и Индией. Однако осуществление планов Ост-Индской компании осложнялось действиями правителя гуркхов Притхви Нараяна, направленными на объединение раздробленных на многие княжества непальских земель[1].

В связи с этим Ост-Индская компания пыталась поддержать тех правителей княжеств, которые сопротивлялись объединению. В 1767 г. она послала в помощь неварскому правителю княжества Катманду Джайпракасу военный отряд под командованием капитана Кинлока. Однако войскам Притхви Нараяна удалось остановить и разбить этот отряд.

Происки английских колонизаторов в

---

[1] К тому времени Непал не представлял собой единого государственного образования. В Непальской долине были расположены княжества Катманду (Кантипур), Бхатгаон (Бхактапур) и Патан (Лалитапур). Эти княжества, правители которых являлись отпрысками неварской династии Малла, были ослаблены многочисленными междоусобными войнами. К западу от Непальской долины находилось несколько десятков княжеств, а к востоку — страна киратов.

Правитель княжества Горкха Притхви Нараян, вступивший на престол в 1742 г., сделал первую серьезную попытку объединить непальские княжества в единое централизованное государство. В первую очередь он поставил задачу объединить под своей властью княжества, расположенные в Непальской долине.

Непале усиливаются после 1801 г., когда с захватом Горакхпура (Ауд) северная граница владений Ост-Индской компании в Индии непосредственно соприкоснулась с южной границей Непала. Воспользовавшись усилением раздоров между правящими феодальными группировками в Непале, Ост-Индская компания навязала непальскому дарбару (двору) соглашение «О торговле и союзе». По этому соглашению в Катманду был допущен английский резидент. Другие статьи соглашения предусматривали всемерное поощрение и защиту торговли между Ост-Индской компанией и Тибетом через Непал.

В соответствии с соглашением 1801 г. на пост английского резидента в Катманду был назначен капитан Нокс. Сразу же по прибытии в Непал Нокс столкнулся с сильной оппозицией. Уже в 1803 г. он вынужден был вернуться в Индию. Соглашение Непала с Ост-Индской компанией было фактически расторгнуто.

Такова была обстановка, когда премьер-министром Непала стал Бхимсен — представитель влиятельного феодального рода Тхапа.

Читтаранджан Непали дает всесторонний анализ внешней и внутренней политики Бхимсена. Бхимсен, указывает автор, понимал, что в создавшихся условиях военное столкновение между Непалом и Ост-Индской компанией неизбежно. Англичанам тоже было ясно, что подчинить Непал своему диктату они смогут силой оружия (стр. 41).

Характеризуя внешнюю политику Непала, Читтаранджан Непали подчеркивает, что Бхимсен не шел на уступки Ост-Индской компании и в то же время направлял свои усилия на налаживание дружественных связей со своим северным соседом — Китаем (стр. 94). Вместе с тем во внешней политике Бхимсена допускались и серьезные просчеты и ошибки. К их числу следует отнести в первую очередь форсирование крупными силами непальской армии во главе с Амаром Сингхом реки Сатледж и нападение на княжество Кангра. Непальская армия встретила здесь упорное сопротивление сикхов, возглавляемых Ранджитом Сингхом. Более двух с половиной лет Амар Сингх безуспешно пытался захватить крепость Кангра. Эти действия вызвали недоверие к Непалу со стороны многих индийских княжеств, и, как говорит Читтаранджан Непали, в «столкновении с англичанами Непал уже не мог рассчитывать на возможную помощь со стороны индийских княжеств» (стр. 104). К сожалению, автор объясняет эти действия непальского правительства главным образом личными качествами Амара Сингха, возглавлявшего в то время непальскую армию. В действительности же влиятельные феодалы стремились использовать верховную власть гуркхского короля в целях увеличения своей земельной собственности за счет расширения непальской территории.

Деятельность Бхимсена в области внутренних преобразований была направлена в первую очередь на укрепление центральной власти и объективно отражала потребности экономического и политического развития Непала в период становления централизованного феодального государства. Это нашло свое отражение в указах о введении единой системы мер и весов, организации регулярной почтовой связи, создании регулярных базаров и т. д. Все эти мероприятия способствовали установлению более прочных и постоянных контактов между различными районами страны.

Важным мероприятием по укреплению обороноспособности Непала перед угрозой вторжения войск Ост-Индской компании была, как об этом свидетельствует автор, реорганизация и увеличение численности непальской армии. В целях получения необходимых для этого средств Бхимсен в 1806 г. обложил налогом феодалов, владевших землей на правах бирты[2]. Этот шаг Бхимсена вызвал резкую оппозицию со стороны биртавалов, в первую очередь брахманов, владевших в те годы большей частью земли, освобожденной от уплаты налога государству (стр. 85).

Бхимсен организовал регулярное снабжение армии продовольствием и обмундированием, ввел военные звания по европейскому образцу. В Катманду был построен арсенал. «Повсюду,— пишет автор,— возводились укрепления, строились новые, переоборудовались и восстанавливались старые крепости. При военных городках

[2] Бирта — система крупнопомещичьего землевладения, при которой помещик был освобожден от уплаты налога государству.

были оборудованы лавки. Купцам, торговавшим в них, предоставлялись определенные льготы. Солдаты жили в бараках и были взяты на казенное довольствие» (стр. 88).

В 1814 г. Ост-Индская компания объявила Непалу войну. Автор разоблачает лживую версию английских буржуазных историков, усматривавших причину англо-непальской войны в том, что непальская армия захватила ряд населенных пунктов в районе Горакхпура. В действительности, пишет Читтаранджан Непали, это был лишь повод, но не причина. Во время войны Англии с Наполеоном Ост-Индская компания в течение ряда лет улаживала инциденты на непало-индийской границе мирными средствами. Только после поражения Наполеона английские колонизаторы перешли к осуществлению политики дальнейших захватов на Индостанском полуострове. Ост-Индская компания, которой в течение 50 лет никакими средствами не удавалось сломить сопротивление непальского дарбара, решилась на крайнюю меру: использовать инцидент в Ауде как предлог, чтобы силой оружия заставить Непал подчиниться диктату (стр. 109).

На первом этапе войны англичане, несмотря на военное превосходство над Непалом, терпели поражение. Лишь к концу 1816 г. они вынудили Непал начать переговоры о мире. Был подписан Сегаульский договор, важнейшим политическим условием которого явился допуск в Катманду английского резидента. Внешняя политика Непала была поставлена под контроль английских властей.

Текст Сегаульского договора в значительной степени напоминал субсидиарные договоры Ост-Индской компании с индийскими княжествами. По этим договорам индийские княжества полностью теряли свой суверенитет и становились вассалами Ост-Индской компании. Однако английские власти не рискнули разместить свои войска на территории Непала и обложить его данью, как они это делали с большинством индийских княжеств. Это свидетельствовало о том, что Непал в значительной мере сохранил самостоятельность в своих внутренних делах.

Захват Ост-Индской компанией Индии, как известно, в огромной степени был облегчен ее раздробленностью. Что же касается Непала, то здесь Ост-Индская компания столкнулась с организованным сопротивлением непальского народа. К началу войны 1814—1816 гг. Непал представлял собой централизованное государство. Нельзя также упускать из виду и то обстоятельство, что на опыте войны с Непалом английские захватчики убедились в том, что (как об этом конфиденциально сообщил генерал-губернатору генерал Октерлони, возглавлявший английские войска в войне с Непалом) «солдаты компании никогда не смогут окончательно справиться с гуркхами на территории этой горной страны».

Бхимсен и после англо-непальской войны оставался непримиримым врагом Ост-Индской компании. Он, в частности, запретил английскому резиденту общаться с местным населением и ограничил круг лиц при дворе, которые могли обращаться к резиденту. По инициативе Бхимсена для организации совместных действий против распространения английского господства была сделана попытка установить тайные связи с рядом индийских княжеств (Гвалиор, Сатара, Барода, Бунди, Рева, Джайпур, Джодхпур), а также с Бирмой, Персией и Афганистаном.

В целях дальнейшего укрепления центральной власти Бхимсен предпринял ряд мер, направленных на ослабление сепаратистских тенденций среди крупных феодалов. Последние в своих владениях располагали довольно внушительной силой (в первую очередь рабами), которую могли противопоставить центральной власти. «Вот почему политика Бхимсена, направленная на укрепление центральной власти,— пишет Читтаранджан Непали,— означала в то же время борьбу против рабства» (стр. 187).

Бхимсен издал ряд указов, направленных на ограничение системы рабства: запрещение торговли рабами, отмена долгового рабства (в 1836 г.) и обычая бетх бегари, по которому крестьяне выполняли различные трудовые повинности без оплаты их труда и т. п. Однако указ об отмене рабства Бхимсену не удалось провести в жизнь из-за противодействия феодалов. В стране активизировалась деятельность враждебно настроенной Бхимсену феодальной группировки Панде. Этим не преминул воспользоваться английский ре-

зидент, видевший в Бхимсене и его сторонниках врагов Ост-Индской компании. Совместно с феодальной группировкой Панде он организовал заговор против Бхимсена. В 1837 г. последний был отстранен от должности мукхтияра, ложно обвинен в попытке отравить королеву и заключен в тюрьму. Не выдержав издевательств над собою и своей женой, Бхимсен покончил жизнь самоубийством. Английская буржуазная историография, повторяя лживые обвинения, всячески пыталась скрыть действительные причины ареста и самоубийства Бхимсена.

Читтаранджан Непали вскрыл полную несостоятельность обвинений, послуживших причиной ареста Бхимсена. Автор показал, что отстранение Бхимсена от должности мукхтияра и его арест явились результатом политики враждебной ему феодальной группировки, поддерживавшейся и поощрявшейся Ост-Индской компанией, которая видела в Бхимсене своего врага и плела сеть заговоров и интриг.

Анализируя многогранную деятельность Бхимсена, Читтаранджан Непали сумел создать подлинно научный труд по истории Непала первой трети XIX в.

Хотя время деятельности Бхимсена отдалено от нас более чем столетием, тема, избранная автором книги, отнюдь не лишена актуальности. Читтаранджан Непали, являющийся выразителем интересов нарождающейся буржуазии и молодой национальной интеллигенции, отчетливо проводит антифеодальную и антиимпериалистическую линию, выступает за осуществление политики, которая соответствовала бы национальным интересам народа Непала, интересам его прогресса, экономического и политического развития.

И. С. Рабинович, И. Б. Редько

SUMMARY

Chittaranjan Nepali's «General Bhimsen Thapa and Nepal of his time» is appraised favourably by the reviewers. Unlike some of the West European authors who have deliberately distorted the historic importance of Bhimsen, C. Nepali characterizes Bhimsen as a prominent statesman and political leader of Nepal.

C. Nepali has written a genuinely scientific work on the history of Nepal in the beginning of the 19th century, based on original sources. The theme chosen by the author is rather urgent. C. Nepali favours a policy which would promote the national interests of the people of Nepal, their progress and economic and political development.

HELMUT HOFFMANN. Die Religionen Tibets. München. Karl Alber. Freiburg, 1956, 214 S.

Проф. Г. Гоффманн — автор нескольких прекрасных работ по истории и культуре Тибета. Его перу принадлежат большая монография о древнетибетском шаманизме, или Пён (H. Hoffmann. «Quellen zur Geschichte der Tibetischen Bon-Religion». Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1950, 4. Wiesbaden, 1950), которая должна выйти во втором издании, и две очень обстоятельные статьи по истории Тибета —«Tibet's Eintritt in die Universal-Geschichte». «Saeculum», Bd. I. Muenchen, 1950; «Die Graeber der Tibetischen Koenige in District 'P'yis-rgyas». «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften». Goettingen, 1950, 1. Ему же принадлежит раздел по истории Тибета в серии «Abriss der Weltgeschichte», Bd. II. Muenchen, 1954. Рецензируемая работа посвящена истории буддизма в Тибете. В отличие от прежних работ в этой области, автор почти исключительно использовал доступные первоисточники на тибетском языке: «Историю буддизма» Пу-тёна (), апокрифическую литературу из цикла Падмасамбхавы, «Синий Дэбтэр», или , «Историю буддизма в Индии»

Таранатхи (), а также известные хроники XVIII — XIX вв. | и |). Автор излагает историю религиозной борьбы в VIII — IX вв. и впервые дает связное изложение возникновения буддийских сект в Тибете и укрепления «теократического феодализма» в стране. В дальнейшем потребуется монография об экономическом строе буддийских монастырей и роли так называемых |, или дворцов лам-перерожденцев, способствовавших превращению буддийских монастырей в крупные политические и экономические центры.

Автор отмечает влияние манихейства на тибетский буддизм (стр. 40, сл., 179). Хотя нельзя отрицать возможности влияния уйгурского манихейства на тибетский буддизм, упоминание «людей в белых шапках» в письме Ц'э-ванг раптэн'а () чжунгарского могло относиться и к последователям буддийских сект в Тибете, облаченным в белые одежды[1]. Так, последователи тантрических систем, принятых в секте |, обычно носят белый плат (|)[2].

На стр. 132 автор пишет, что Sa-skya paṇḍita встретил царевича Годана в 1246 г. около г. Лань-чжоу. Известно, однако, что встреча состоялась лишь в 1247 г. по возвращении Годана с Великого хурултая в Каракоруме и имела место в ставке Годана около г. Ля-чжоу. Надлежит также уточнить сведения об изданиях тибетского буддийского канона (стр. 157). Ни в Кумбуме, ни в Лавране не существует изданий тибетского Канджура. Не было также отдельного издания Канджура в Пунакхе в Бхутане. Большой печатный двор в Пунакхе был уничтожен пожаром несколько лет тому назад, причем погибли многие ценные издания, и в том числе «Собрание сочинений» (|). Пэма-карпо (). Сведения автора, вероятно, относятся к отдельному изданию отдела парамит в 16 томах, так называемого |, имевшегося в Пунакхе. Тибетские издания Канджура имеются или имелись в следующих монастырях Тибета: Дэргэ гёнч'эн (|), изд. 1733 г. (Канджур и Тэнджур); Нар-т'анг (|), 2-е изд. 1741 г. (Канджур и Тэнджур); Чо-нэ (|), изд. 1772 г. (Канджур и Тэнджур). Печатные доски были уничтожены дунганскими войсками в середине тридцатых годов нынешнего столетия; Ли-т'анг (| красное издание Канджура (|). Согласно Б. Лауферу («Dokumente der Indischen Kunst». Leipzig. 1913, p. 43, прим.) Ли-т'ангское издание является тибетской перепечаткой так называемого дворцового издания Цянь-луна. Согласно тибетским данным, издание Канджура в Ли-т'анге относится ко времени шестого | , 1584—1630 гг.). Издание было уничтожено во время военных событий 1908 г. Последним по времени является Потальский Канджур в 100 томах, изготовленный по указу XIII Далай-Ламы в 1920—1934 гг. Автор называет 1951 г., год воссоединения Тибета с Китаем, «концом целой эпохи». Будем надеяться, что судьбы буддийской культуры в Тибете, воссоединившемся с родной для его населения Китайской Народной Республикой, получат в дальнейшем от автора заслуженную, справедливую оценку.

Ю. Н. Рерих

---

[1] См. *E. S. Kraft.* Zum Dsungarenkrieg im 18. Jahrhundert. Das Mongolische Weltreich, Bd. IV, Leipzig, Harrassowitz, 1953.

[2] У последователей | нижняя () и верхняя |) одежда — зеленого цвета. Волосы на голове связаны в узел, в который вкладывается небольшой серебряный ларец, или |, внутри которого находится миниатюрное изображение тантры, последователем которой является носитель ларца.

SUMMARY

In general, the reviewer highly estimates H. Hoffman's book, although he finds some inaccuracies and has some corrections to offer. He hopes, however, that the author will justly appraise the destinies of Buddhist culture in Tibet which is developing freely in the Chinese People's Republic that has become the real Motherland for its peoples.

MUHSIN MAHDI. Ibn Khaldûn's Philosophy of History. London, 1957, 325 p.

Жизни и деятельности великого арабского историка и мыслителя XIV в. Ибн Ҳалдӯна, его политико-экономическим, философским и историко-социологическим взглядам посвящено огромное количество исследований и статей. В последнее время в связи с развитием национально-освободительного движения арабских народов интерес к Ибн Ҳалдӯну в научной литературе еще более вырос.

Среди посвященных Ибн Ҳалдӯну работ, вышедших в последнее время, привлекает внимание исследование Муҳсина Махдӣ. Автор книги — араб, работавший над своей темой в Чикагском университете (США). Его работа, в которой рассматриваются философские основы историко-социологической теории Ибн Ҳалдӯна, является результатом длительного исследования, проведенного на основе широкого круга арабских источников с учетом европейской специальной и философской литературы.

Муҳсин Махдӣ знакомит читателя с эпохой Ибн Ҳалдӯна, с его биографией, более подробно останавливаясь на формировании мировоззрения ученого. К сожалению, автор не раскрывает полностью противоречивости личности Ибн Ҳалдӯна и на протяжении всей работы не ставит вопроса, какие общественные тенденции нашли отражение в его творчестве.

Автор подробно рассматривает трактовку Ибн Ҳалдӯном природы философии и ислама, его понимание роли философа в обществе, его гносеологические воззрения. При этом он подчеркивает, что деятельность Ибн Ҳалдӯна протекала в феодальном обществе с его религиозной ортодоксальностью, схоластикой, нетерпимостью к философии как проявлению свободомыслия. Естественно поэтому, что подобно многим философам средневековья, он не решался открыто выступать против основных догматов ислама. Более того, многие из них нашли отражение в знаменитом труде Ибн Ҳалдӯна, широко известном под условным названием مقدمة (Введение). Означает ли это, что он их признавал?

Чтобы показать, как отвечает на этот вопрос Муҳсин Махдӣ, сошлемся для примера на его анализ отношения Ибн Ҳалдӯна к феномену пророчества — одной из центральных проблем мусульманской философии, по словам автора. Муҳсин Махдӣ признает, что вся трактовка феномена пророчества Ибн Ҳалдӯном насквозь рационалистична и вытекает из рационалистического понимания природы знания, высшей формой которого и признается пророчество. «Когда мы,— пишет автор,—преодолеем набор традиционных формул, которые он повторяет к месту и не к месту, чтобы подтвердить благочестивость своей ортодоксальной позиции, его объяснение природы и назначения пророчества становится безошибочно ясным и последовательным: пророк — это особое человеческое существо, обладающее способностью, характером и интеллектом, которые дают ему возможность подниматься до познания вещей, скрытых от его собратьев-людей» (стр. 91). Однако, по мнению автора, в этом следует видеть лишь попытку совместить рационализм с основами мусульманского религиозного мировоззрения. В аналогичном плане решает он проблему отношения Ибн Ҳалдӯна и к другим вопросам мусульманской философии.

Однако такого рода выводы автора находятся, как представляется, в известном противоречии с тем, что он сам утверждает и обосновывает далее. Муҳсин Махдӣ убедительно показывает, как, выступая против смешения богословия, философии и мистицизма, которое было свойственно ал-Ғазалӣ и его последователям, Ибн Ҳалдӯн стремился вновь выделить философию в самостоятельную дисциплину.

Подчеркивая близость философских позиций Ибн Ҳалдӯна и ИбнРушда (Аверроэса), который характеризуется в книге как идейный предшественник Ибн Ҳалдӯна, Муҳсин Махдӣ пишет: «Оба, Аверроэс и Ибн Ҳалдӯн, пытаются избавить философию от диалектической теологии и мистицизма и повернуть ее к подлинному пути древних, т. е. к подлинному учению Аристотеля» (стр. 109).Подытоживая философские позиции Ибн Ҳалдӯна, Муҳсин Махдӣ приходит к выводу, что Ибн Ҳалдӯн «отчетливо, хотя и осторожно, защищал философию Платона и Аристотеля против нео-платонизма, атомизма и логического номинализма» (стр. 285). В то же время автор снова старается подчеркнуть, что Ибн Ҳалдӯн стоял на позициях сочетания религии и философии, был платоником мусульманского типа: «Его (т. е. Ибн Ҳалдӯна.— *И. И.*) исследование пророчества, религиозного закона и характера мусульманского общества,— утверждает Муҳсин Махдӣ,— доказывает, что он был верным учеником мусульманской платоновской традиции политической философии» (стр. 285). Последнее положение вряд ли может быть признано обоснованным и, во всяком случае, требует дополнительных более детальных доказательств, выходящих за рамки формального анализа источника.

В следующем разделе автор прослеживает развитие арабской историографии и исторической мысли, анализируя критику Ибн Ҳалдӯном своих предшественников в области истории. Попутно он характеризует основные принципы метода исторических исследований Ибн Ҳалдӯна. В связи с этим Муҳсин Махдӣ пытается выяснить мотивы, побудившие Ибн Ҳалдӯна создать новую науку—науку об ‘умрāне. Термин‘умрāн автор книги передает словом«культура», подробно аргументируя свое толкование (стр. 184 и сл.). Как уже отмечалось, Муҳсина Махдӣ не интересуют те общественные тенденции, которые могли повлиять на стремление Ибн Ҳалдӯна создать новую науку, имевшую практическое значение — служить руководством в искусстве управления. Отмечая все же намерение Ибн Ҳалдӯна понять сущность экономического и политического состояния Магриба его времени и характеризуя это состояние как упадок[1], автор говорит о стремлении ученого создать новую рационалистическую философскую дисциплину, задачи и метод которой вытекают из попытки понять закономерности истории и человеческой культуры (‘умрāн), под чем понимается вся совокупность социальных обычаев, учреждений и искусств.

Историко-социологическая теория Ибн Ҳалдӯна основывается, согласно автору, на трех исходных положениях, являвшихся, как он утверждает, для ученого равноценными: 1) общество есть необходимость; 2) человек и общество внутренне и внешне связаны с окружающей средой; 3) человек и общество связаны с духовным миром, находящимся за пределами восприятия обычных людей.

Основными проблемами, поставленными и решенными Ибн Ҳалдӯном, Муҳсин Махдӣ считает следующие: 1) «примитивная культура» и ее переход в «цивилизованную культуру»; 2) государство; 3) город; 4) экономическая жизнь и 5) науки.

Переходя к объяснению основных положений историко-социологической теории Ибн Ҳалдӯна, автор сразу же отмечает, что для Ибн Ҳалдӯна культура (‘умрāн) не является независимой субстанцией, а представляет лишь свойство другой субстанции — человека. Поэтому ее характер зависит от того, что присуще человеку и что отличает его от остального животного мира. Прежде всего человеку свойственно стремление жить сообща, сотрудничать, помогать и защищать друг друга. В этом заложен источник ‘аṣабийи[2], значение которой в историко-социологической теории Ибн Ҳалдӯна исключительно велико. Не вникая в другие детали, рассмотренные Муҳсином Махдӣ, следует лишь подчеркнуть несомненно верный, на наш взгляд, вывод его, что коллективная деятельность людей рас-

---

[1] Ср. характеристику этого периода как времени экономического и политического подъема Магриба, данную в статье С. М. Бациевой «Историко-философское учение Ибн Ҳалдӯна» («Советское востоковедение», 1958, № 1).

[2] Термин «аṣабийа» Муҳсин Махдӣ перевел на английский язык словом «солидарность», которое, однако, не передает точного содержания этого термина у Ибн Ҳалдӯна.

сматривается Ибн Ҳалдӯном как результат относительно постоянных причин, которые могут быть поняты разумом.

Развитие человеческого общества и возникновение государства понимаются Ибн Ҳалдӯном в основных своих чертах довольно материалистически, хотя Муҳсин Махдӣ в своей работе всячески старается подчеркнуть идеалистические тенденции в теории Ибн Ҳалдӯна. Коллектив, жизнь сообща, по мнению Ибн Ҳалдӯна, это естественное состояние людей, поскольку они могут обеспечить и воспроизвести себя, только совместно производя орудия, добывая или изготовляя средства к существованию, сотрудничая на основе разделения труда. Однако разделение труда позволяет производить больше, чем необходимо для удовлетворения жизненных потребностей. «Экономическое изобилие,— пишет Муҳсин Махдӣ, излагая взгляды Ибн Ҳалдӯна,— трансформирует общество необходимости в общество роскоши. В этом обществе . . . животные побуждения, которые в скрытом виде всегда были у людей, но до этого подчинялись высшему побуждению сохранения жизни, начинают играть свою роль. Люди начинают «захватывать» собственность других и «растягивать» границы своей собственной» (стр. 188—189). Солидарность (‘аṣабийа) ослабевает, начинаются раздоры. Для сохранения общества необходимо, чтобы люди управлялись наиболее сильным из них, который мог бы сдерживать и примирять их. Появляется институт королевской власти (султӑн) и государство (дауля). Наконец, закон, переданный пророком, призван сохранять и защищать человеческое общество. Надуманность и искусственность роли пророка в этой схеме совершенно очевидна. Тем не менее автор утверждает, что пророчество, магия, астрология, прорицание и т. п. входили как интегральная часть в историко-социологическую теорию Ибн Ҳалдӯна.

Различные проблемы политической экономии, которые теоретически и практически рассматриваются Ибн Ҳалдӯном (спрос и предложение, ценообразование, стоимость, прибыль, занятость, налоги и пр.), освещаются Муҳсином Махдӣ очень кратко и фактически не анализируются. Эти вопросы автор, по-видимому, счел выходящими за рамки своего исследования.

К сожалению, отсутствует специальный раздел, посвященный проблеме племен, являвшихся для Ибн Ҳалдӯна главными носителями ‘аṣабийи, и их роли в истории. Практически Муҳсин Махдӣ свел проблему племен к проблеме соотношения примитивной и цивилизованной культур.

Из числа общих закономерностей истории, установленных Ибн Ҳалдӯном и рассмотренных Муҳсином Махдӣ, прежде всего следует отметить следующее: как самоочевидное и не требующее особых доказательств Ибн Ҳалдӯном принимается положение, что культура (‘умрӑн) и все ее проявления находятся в состоянии постоянного изменения. Эти изменения не случайны, а целенаправленны. По мнению Муҳсина Махдӣ, Ибн Ҳалдӯн отвергает прямолинейную и циклическую теории развития истории и культуры. «Культура постоянна и вечна лишь вследствие беспрерывного прихода и ухода индивидуальных культур» (стр. 255).

Изменения, которые претерпевают три атрибута культуры — качество, количество и место[3] — происходят, согласно Ибн Ҳалдӯну, во времени и необходимы. Автор справедливо указывает, что Ибн Ҳалдӯн, отрицая абсолютную необходимость, отнюдь не сводит исторические события к случайному.

«Отношение... между государством и солидарностью, — отмечает далее Муҳсин Махдӣ, — крайне важно для понимания концепции культуры Ибн Ҳалдӯна» (стр. 261). «Логически выведенные правила» и мусульманская религия могут изменить лишь цели, которым служит «солидарность», но не подменяют ее как непосредственную причину любого режима, его эволюции и т. д. Развитие «солидарности», как это видно из предшествующего изложения, понималось Ибн Ҳалдӯном довольно материалистически. Однако Муҳсин Махдӣ ограничивается в данном случае кратким повторением предшествующей главы своей работы, пренебрегая анализом источника. В этом уклонении от анализа

[3] Примером качественных изменений, рассматриваемых Ибн Ҳалдӯном, может быть, по Муҳсину Махдӣ, переход примитивной культуры в цивилизованную; количественных — рост или уменьшение населения; местных — завоевание, движение населения из деревни в город и т. д.

материалистических сторон историко-социологической теории Ибн Ҳалдӯна, в стремлении принизить материалистическую суть его концепции истории проявилась, как представляется, тенденциозность автора, снижающая научную ценность его труда.

Исследование Муҳсина Махдӣ ярко показывает противоречивость мировоззрения Ибн Ҳалдӯна, его колебания между материализмом и идеализмом. Что же было основным в его учении, что превалировало? Очевидно, что труд Ибн Ҳалдӯна поразил современников смелостью, новизной и оригинальностью, рационализмом, материалистическим в своей основе, а отнюдь не ученически верным следованием по стопам «мусульманской платоновской традиции». Недоверие, сомнение и страх приверженцев правоверия, переходившие в недоброжелательность и враждебность к ученому, конечно, вызывались не «набором традиционных формул», которыми он стремился зарекомендовать свою благонадежность перед правителями Магриба и Египта. Несомненно, Ибн Ҳалдӯн не был последовательным материалистом. Однако трудно согласиться с выводами автора о том, что идеализм, особенно религиозное правоверие, входили в историко-социалогическую теорию Ибн Ҳалдӯна как органическая интегральная часть.

Н. А. Иванов

SUMMARY

The reviewer considers Muhsin Mahdi's book, «Ibn Khaldûn's Philosophy of History», to be a profound study of the philosophical principles of Ibn Khaldūn's theory of history and sociology. He sees the author's main shortcoming in his partiality, in his tendency to represent philosophical idealism as an integral part, an organic component of Ibn Khaldūn's world outlook.

---

7. *LAZARD. Grammaire du Persan contemporain.* Paris, 1957, 297 p.

Рецензируемая работа Ж. Лазара представляет собою описательную грамматику персидского языка в его современном состоянии. Весьма ценно, что автор не ограничивается лишь литературным языком, а подробно рассматривает и разговорный язык (так называемое тегеранское просторечие), имеющий значительные фонетические и лексико-стилистические особенности. Работа состоит из следующих частей: «Фонетика и письменность», «Морфология», «Синтаксис», «Словообразование».

В первой части автору удалось высказать много интересных и тонких наблюдений относительно комбинаторных изменений согласных и гласных звуков в разговорной речи. Подробно описывается здесь ударение в простых и сложных словах, в различных формах глаголов, а также в группах слов. Менее полно освещены в работе вопросы интонации.

Несколько своеобразно построена морфологическая часть. Так, предлоги не рассматриваются в ней наряду с другими частями речи, а характеризуются в связи с анализом грамматических свойств имен существительных и второстепенных членов предложения; союзы перечисляются только в синтаксисе; междометия включены в раздел частиц,— сами же частицы специально не выделяются, а характеризуются попутно в других разделах. Такой способ рассмотрения служебных слов все же, на наш взгляд, приводит к тому, что их состав и грамматические признаки раскрываются недостаточно полно.

Подробно рассматривается в данной части грамматическая категория числа, наиболее ярко характеризующая имя существительное как часть речи. Однако в связи с этой категорией следовало бы, как кажется, более детально остановиться на употреблении показателей множественного числа с именами существительными абстрактными и вещественными, на характеристике имен существительных собирательных.

К сожалению, в работе не дана лексико-грамматическая классификация имен существительных: не выделены имена существительные одушевленные и неодушевленные, не рассмотрены персидские имена собственные, звукоподражательные слова.

Подробно раскрываются Ж. Лазаром случаи употребления изафета, отмечается частый пропуск его в просторечии. Что же касается изафетных конструкций, то их было бы более закономерно рассматривать не здесь, а в синтаксисе среди именных словосочетаний. Трудно согласиться с положением автора о том, что строй языка вынуждает включить синтаксис словосочетаний, или, как сказано в работе, синтаксис «групп слов» в морфологию (стр. VIII). Принятая в грамматике классификация изафетных словосочетаний, на наш взгляд, неудачна, так как она неполно охватывает виды изафетных сочетаний, и в ее основу кладется то морфологическое значение второго члена сочетания, то его синтаксическая функция, то семантика всего словосочетания.

Одним из наиболее трудных и малоразработанных вопросов грамматики персидского языка является вопрос об артикле. Ж. Лазар справедливо отказался от традиционного выделения категорий определенности и неопределенности, но не нашел еще, как представляется, достаточно четкого критерия для определения артикля. В отдельных случаях количественное числительное یک ‘один’, действительно, употребляется в функции, очень близкой к функции артикля, однако рассматривать это слово как артикль, нам кажется, нет еще достаточных оснований. Не всегда последовательно проводится в работе взгляд на ‘*и*’ безударное, как на артикль; иногда оно называется просто частицей. В разделе «Артикли» рассматривается и другая неударная частица ‘*и*’ (§ 49), служащая, по выражению автора, для связи существительного с определяющим его относительным предложением. Остается неясным, считает ли Ж. Лазар это ‘*и*’ также артиклем. Случаи употребления артикля, к сожалению, в работе почти совсем не рассматриваются.

Довольно полно раскрыты в работе грамматические свойства имен прилагательных. Отмечаются случаи использования прилагательных в значении существительных, указывается возможность препозитивного употребления некоторых прилагательных по отношению к определяемому слову. Следовало бы все же, на наш взгляд, более подробно остановиться на характеристике синтаксического использования сравнительной и превосходной степеней прилагательных, указать на отличие качественных прилагательных от относительных.

Весьма спорным представляется отнесение к наречиям слов, имеющих возможность выступать в синтаксической функции обстоятельств. Так, вряд ли основательно отнесение к наречиям таких слов, как بالا ‘верх’, پائین ‘низ’, پیش ‘перед’, زیر ‘низ’, نزدیک ‘близкий’, قبل ‘перед’, پس ‘после’ и др.

Очень интересный новый материал содержит раздел, посвященный местоимениям. Здесь впервые всесторонне раскрываются синтаксические функции местоименных энклитик, имеющих чрезвычайно широкое распространение в разговорном языке. Ж. Лазар рассматривает не только употребление энклитик с именами существительными, как это имеет место в других грамматиках, но и подробно описывает случаи их использования с предлогами и личными формами глагола, показывает, в чем состоит своеобразие их функций в разговорной речи.

Автором выделена группа взаимных местоимений (همدیگر, یکدیگر ‘друг друга’), которые, несмотря на большое распространение (выступают в роли дополнений и определений), обычно не упоминаются ни в грамматиках, ни в учебниках персидского языка. Ж. Лазар отмечает, что в функции взаимных местоимений может употребляться частица هم. На наш взгляд, в этой функции هم должно рассматриваться как взаимное местоимение, ибо от соответствующей энклитической частицы это слово отличается не только *семантически*, но и *фонетически* (имеет самостоятельное ударение) и *грамматически* (может употребляться с предлогами или присоединяться к предшествующему имени при помощи изафета).

Совершенно правильно в грамматике отмечено, что в персидском языке нет простого относительного местоимения. Что касается включения в разряд относительных местоимений таких сочетаний, как آنچه ‘то, что’, همانچه ‘то же самое, что’, هر که, هر آنکه ‘каждый, кто’ и др. (стр. 118), то этот вопрос, как кажется, может быть окончательно решен только после специального исследования.

Вряд ли оправдано включение в группу неопределенных местоимений сочетания существительных شخص کس ‘личность’, ‘человек’, چیز ‘вещь’, جا ‘место’, وقت ‘время’ и т. п. с артиклем или числительным یک ‘один’, ибо эти сочетания могут легко распадаться, а сами существительные получать определения и показатели множественного числа. Неясно, почему среди неопределенных местоимений рассматриваются слова خیلی ‘очень’, بسیار ‘много’, کم ‘мало’, هرگز ‘никогда’, بس ‘достаточно’ (стр. 121—122), некоторые из которых, как указывает сам автор, являются наречиями, другие выступают как прилагательные-наречия.

С большой полнотой описаны в работе грамматические свойства глагола, хотя нельзя не отметить отсутствия специальной характеристики лексико-грамматических классов глаголов: переходных и непереходных, модальных, безличных, недостаточных и т. п. Обстоятельно представлены случаи употребления простой формы сослагательного наклонения — так называемого аориста — в независимых предложениях, правильно объяснены случаи употребления претерита в придаточных временных и условных предложениях, когда действие относится к будущему, а также случаи употребления претерита в значении настоящего немедленного. Менее подробно раскрыты значение и случаи употребления сложной формы сослагательного наклонения, более часто называемой прошедшей предположительной формой. Нельзя согласиться с автором, что эта форма в отличие от аориста не употребляется в самостоятельных предложениях (стр. 149); употребление ее в простом предложении встречается довольно часто (کاش آمده باشد ‘О, если бы он пришел’ и т. п.). Приводимый же в работе пример حالا باید رفته باشد ‘Сейчас он должен был уже уйти’ (стр. 149) скорее следовало бы рассматривать как простое предложение со сложным глагольным сказуемым.

Говоря об именных формах глагола, автор, как нам представляется, недостаточно четко показывает их именные и глагольные свойства. Неясно также, почему в число именных форм глагола включен так называемый усеченный инфинитив (стр. 158), не обладающий никакими признаками имени.

Менее полно освещены в работе вопросы синтаксиса. Не рассматривая специально виды простого предложения, автор упоминает лишь некоторые типы безличных предложений в связи с характеристикой подлежащего и сказуемого и дает общую характеристику вопросительных и восклицательных предложений. Интересный материал собран по согласованию сказуемого с подлежащим. Однако раздел о подлежащем и сказуемом мог бы получиться более ценным, если бы в нем были изложены способы выражения главных членов предложения и рассмотрены типы сказуемых.

Из второстепенных членов предложения в работе рассматриваются различные виды дополнений. Наиболее подробно характеризуется объектное дополнение (complément d'objet), под которым автором фактически понимается все многообразие употребления (и пропуска) послелога ‘ра’ как с переходными, так и с непереходными глаголами. По существу здесь объединены разные виды дополнений и даже обстоятельств, что, естественно, вызывает возражения.

В число дополнений включены и обстоятельства под принятым в нормативных французских грамматиках названием compléments circonstanciels. Характеристика их сводится к детальному описанию различных предлогов и выражаемых ими значений.

Значительный интерес представляет характеристика порядка слов в предложении. Наряду с нормальным порядком слов рассматриваются случаи инверсии различных членов предложения. При этом подчеркивается, что инверсия особенно часто наблюдается в разговорной речи.

Известное место отведено в работе характеристике как союзных, так и бессоюзных сложносочиненных предложений. Кроме сочинительных союзов, упоминаются союзы چون, زیرا, چه ‘так как’, اگرچه ‘хотя’, درصورتیکه ‘тогда как’, являющиеся

чисто подчинительными. Ж. Лазар отмечает, что эти союзы употребляются после длительной паузы. Однако, если предложения, которые объединяются ими, считать частями единого целого, то нет оснований образующееся предложение рассматривать как сложносочиненное, ибо союзы не теряют своего подчинительного значения.

Неясно, почему среди сложносочиненных предложений рассматриваются случаи замены нескольких однородных глаголов-сказуемых (кроме последнего) причастиями прошедшего времени (§ 198). Поскольку глаголы-сказуемые во всех приводимых примерах относятся к одному подлежащему, речь должна идти не о сложносочиненных предложениях, а о простых предложениях с однородными сказуемыми.

Рассмотрению различных типов сложноподчиненных предложений в работе предшествует общая характеристика подчинительных союзов, причем совершенно правильно указывается, что употребление форм сослагательного наклонения не зависит механически от того или иного подчинительного союза. Автором дано описание основныхструктурно-семантическихсвойств следующих типов придаточных предложений: дополнительных, относительных, временных, условных, уступительных, цели, сравнения, следствия и причины. Перечисленные типы придаточных предложений неполно отражают разновидности подчинительных отношений, существующих в современном персидском языке. Отсутствуют, например, такие типы подчиненных предложений, как придаточные подлежащие, сказуемые, образа действия и некоторые другие. Тем не менее следует отметить, что Ж. Лазар внес значительные дополнения в характеристику структурно-грамматических особенностей отмеченных выше сложноподчиненных предложений по сравнению с другими грамматиками персидского языка. Наиболее полно раскрыты им свойства придаточных дополнительных, относительных, временных и условных предложений.

Вызывает возражение отнесение к придаточным дополнительным предложений, в которых имеются формы 3 л. ед. ч. от глагола بایستن 'долженствовать' — باید، میبایست и др., например: باید ساعت نه حاضر باشی 'Ты должен быть готов в девять часов' (стр. 219). Эти слова воспринимаются в языке как застывшие безличные формы глагола, после них подчинительный союз که обычно не употребляется. Они образуют с последующим смысловым глаголом сложное сказуемое, и поэтому нет, как нам кажется, оснований рассматривать подобные грамматические конструкции в качестве сложных предложений с придаточными дополнительными.

Вызывает также возражение включение безличных предложений с усеченным инфинитивом в число дополнительных придаточных (стр. 220).

Нельзя признать удачным название «относительные придаточные», данное в соответствии с подчинительным средством, связывающим придаточное предложение с главным, тогда как наименования всех других типов придаточных предложений даны в соответствии с выполняемой ими синтаксической функцией в составе сложного предложения. Возникает, кроме того, вопрос, можно ли вообще говорить об относительных придаточных предложениях в персидском языке, поскольку в нем отсутствуют относительные местоимения.

Подчиненные предложения, названные в Грамматике неопределенными относительными предложениями (§ 211), включают в себя по существу различные типы придаточных предложений: придаточные уступительные (هرچه باشد من حاضرم 'Что бы ни было, я готов'), придаточные определительные, вводимые без союза (هر کاری میکند بمن میگوید 'Он мне говорит все, что делает') и др. Поэтому выделение подобного рода зависимых предложений в особый тип представляется неоправданным.

Ж. Лазар впервые в грамматической литературе так обстоятельно и тонко отмечает особенности использования экспрессивной частицы که. Однако эта частица совершенно отлична по своим функциям от универсального подчинительного союза که, и поэтому ее следовало бы рассматривать среди других частиц, а не в синтаксисе сложного предложения.

Заключительная часть работы, основанная на обобщении большого лексического материала, посвящена вопросам словообразования.

В словообразовании имен автором рассматриваются следующие способы: переход слов одной части речи в другую, суффиксация, префиксация, сложение и соположение (juxtaposition). В особую группу выделены отглагольные существительные без суффиксов типа فروش 'продажа' خرید 'покупка', ساخت 'производство'.

В раздел префиксации, по нашему мнению, следовало бы также включить случаи образования имен прилагательных путем соединения имен существительных с предлогами با 'с', بی 'без', به 'к', بر 'на', превратившимися в словообразовательные префиксы. В Грамматике эти случаи рассматриваются в разделе словообразования по способу соположения (стр. 282).

Интересный материал собран в разделе «Словообразования глагола». Здесь рассматривается образование так называемых «деноминативных» и «каузативных» глаголов, характеризуются глаголы с превербами и «сложные» глаголы. Сделана попытка классифицировать «сложные» глаголы в зависимости от состава именной части и слитности компонентов. Однако эта классификация нуждается в уточнении и дальнейшей разработке.

Подводя итоги, можно сказать, что при всей отмеченной выше спорности и неполноте ряда разделов работа Ж. Лазара является ценным вкладом в изучение современного персидского языка.

Ю. А. Рубинчик

SUMMARY

The author of the article reviews the «Grammar of the Modern Persian Language» compiled by the French Iranist G. Lazard. One of the merits of the book, according to the reviewer, is that it describes not only the literary language, but gives a full characterization of the present-day colloquial language (the so-called Tehrani common parlance).

This is the first grammar to give a detailed account of the syntactical use of the enclitics in pronouns, reciprocal pronouns, expressive participle, etc. In spite of certain shortcomings in the explanation of some grammatical forms and categories, the book is a valuable contribution to the study of the Persian language.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

С. А. МХИТАРЯН. Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир. М., Изд-во АН СССР (АН СССР. Институт востоковедения), 1957, 198 стр.

Книга С. А. Мхитаряна характеризует путь, пройденный Демократической Республикой Вьетнам за 10 лет—от Августовской революции до первого мирного 1955 г. В работе широко использованы вьетнамские источники, и в этом ее несомненное достоинство. В книге шесть глав.

В первой главе кратко описываются события во Вьетнаме, предшествовавшие второй мировой войне. В книге показан героический путь, пройденный индо-китайской коммунистической партией с момента ее образования 6 января 1930 г., борьба партии за массы. Под ее руководством в сентябре 1930 г. в трех уездах северного Аннама были созданы народные советы, просуществовавшие несколько месяцев. Коммунистическая партия Индо-Китая возглавила национально-освободительное движение вьетнамского народа против японских оккупантов и сотрудничавших с ними французских колонизаторов в годы второй мировой войны. По ее инициативе был создан фронт Вьет-мин, в рядах которого сплотились все патриотические силы страны.

После тщательной подготовки к вооруженному восстанию 14 августа 1945 г. 9-я конференция Коммунистической партии Индо-Китая, состоявшаяся в освобожденном районе Вьет-Бака, приняла решение о проведении этого восстания. В книге подробно описываются ход и победа восстания против колонизаторов и их приспешников, увенчавшегося созданием Демократической Республики Вьетнам. О героической борьбе народов Вьетнама под руководством Коммунистической партии Индо-Китая, а затем ее преемницы Партии трудящихся Вьетнама против интервенции французских колонизаторов рассказывается в третьей главе книги (стр. 60—105).

Защищая свою родину, вьетнамский народ в неимоверно трудных условиях осуществил важнейшие социально-экономические и культурные преобразования (глава четвертая). 4 декабря 1953 г. Национальное собрание Вьетнама приняло закон об аграрной реформе.

Автор отмечает, что с восстановлением мира в Индо-Китае национально-освободительное движение вьетнамского народа вступило в новую фазу. Характерной чертой этой фазы, как отмечал в своем обращении к народу Хо Ши Мин в сентябре 1954 г., является необходимость управлять не только деревнями, как это было в период партизанской войны, но также крупными городами, промышленностью и железными дорогами (стр. 133).

В строительстве своего независимого государства вьетнамский народ опирается на поддержку Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических стран. Эти страны строят свои отношения с Демократической Республикой Вьетнам на основе полного равноправия и братской взаимопомощи. В то же время Демократическая Республика Вьетнам широко использует опыт социалистического строительства в СССР, Китайской Народной Республике и других социалистических странах. В книге С. А. Мхитаряна читатель найдет ряд примеров того, как Партия трудящихся, твердо придерживаясь марксистско-ленинских принципов, творчески применяет в конкретных условиях вьетнамской революции общие принципы социалистической революции и социалистического строительства. Так, в области аграрных преобразований вьетнамские коммунисты учитывали конкретную обстановку, соотношение сил, сложившееся в стране. В первые годы после Августовской революции, например, они не считали возможным осуществлять экспроприацию помещиков и вели линию лишь на ограничение феодальной эксплуатации (стр. 115). Когда же перевес оказался на стороне народа, Партия трудящихся приняла решение об осуществлении лозунга «земля тем, кто ее обрабатывает». В настоящее время аграрная реформа в основном завершена и класс помещиков ликвидирован (стр. 132). В области сельского хозяйства делаются первые шаги по пути социалистического преобразования. Правительство ДРВ решительно встало на путь развития социалистического сектора в промышленности, на путь планового хозяйства (стр. 186). Большие достижения имеет республика в области культурных преобразований. Успешно решается вопрос о национальных кадрах.

Сейчас перед народным правительством, партией трудящихся и всем вьетнамским народом стоит задача превратить Северный Вьетнам в прочную базу борьбы за мирное воссоединение страны. С. А. Мхитарян показывает успехи вьетнамского народа в восстановлении и дальнейшем развитии экономики ДРВ. В заключение автор характеризует политику американских империалистов и их южновьетнамских марионеток, направленную на раскол страны.

Книга С. А. Мхитаряна не свободна, к сожалению, и от некоторых недостатков. Порой ее язык чрезвычайно сух. В ней имеется ряд неточных данных. Особенно много в книге опечаток и неверных названий (Ха-Зманг вместо Ха-Зианг, Тенкин, вместо Тонкин, «Нес Итсала Лао»—вместо Нео Итсала Лао и т. д.).

Книга С. А. Мхитаряна будет с интересом прочитана советскими читателями.

И. Подкопаев

Г. И. ЛЕВИНСОН. Рабочее движение на Филиппинах. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 84 стр.

Вопрос о становлении и развитии рабочего движения в странах зарубежного Востока пока еще не нашел должного освещения в советской литературе. Поэтому следует приветствовать появление книги Г. И. Левинсона о рабочем движении на Филиппинах.

В книге показаны исторические условия, в которых формировался пролетариат и развертывалось массовое рабочее движение. Автор правильно отмечает, что неокрепший пролетариат сталкивался в первую очередь не с национальной буржуазией, которая развивалась на Филиппинах еще более медленно, чем сам пролетариат, а со всесильными американскими монополистами, уже имевшими достаточный опыт борьбы с рабочими.

В 1902 г. был создан Рабочий демократический союз, а несколько позже — Союз труда и Рабочая лига. Эти первые организации находились еще в значительной степени под буржуазным влиянием. Рост профсоюзного и, на его основе, стачечного движения в 1918—1922 гг. способствовал дальнейшей консолидации пролетариата. В 1924 г. на Филиппинах оформилась Рабочая партия, развернувшая большую работу по искоренению реформизма и сегла-

шательства из профсоюзного и рабочего движения. Рабочая партия стремилась заложить основы союза между рабочими и крестьянами. Ей удалось объединить крестьянские организации на Лусоне в Филиппинскую национальную конфедерацию крестьян. Был установлен и контакт с международным рабочим движением. Рабочая партия возглавила ряд стачек и политических демонстраций.

Оживление рабочего движения на Филиппинах в 1920-х годах было прямым результатом благотворного влияния Великой Октябрьской революции. В 1930 г. распыленные марксистские кружки объединились в коммунистическую партию.

Коммунистическая партия развернула активную работу в профсоюзах и крестьянских объединениях, сочетая ее с организа-

цией массовых забастовок, стачек и политических демонстраций. Компартия выдвинула лозунг обеспечения защиты Филиппин от угрозы японской агрессии. На основе выдвинутой коммунистической партией программы в 1939 г. был создан Народный фронт, объединивший в своих рядах антиимпериалистические силы. Когда японские милитаристы вторглись на Филиппины, коммунистическая партия, как отмечается в книге, оказалась единственной партией, сумевшей организовать народ для отпора интервентам.

Еще более ответственные задачи встали перед пролетариатом и его коммунистической партией после окончания войны. Политическая независимость отнюдь не ликвидировала и даже не подорвала основ империалистического господства в стране. В 1946 г. по приказу из Вашингтона реакция повела открытое наступление на завоевания пролетариата и трудового крестьянства. Были запрещены и разгромлены прогрессивные рабочие и крестьянские организации, объявлена вне закона коммунистическая партия. На полицейские репрессии пролетариат ответил решительными контрмерами. В 1948 г. коммунистическая партия призвала народ к вооруженной борьбе, которая не прекращается по сей день.

В книге Г. И. Левинсона имеются отдельные недочеты и погрешности. Наиболее существенные из них состоят в следующем. На протяжении всего исследования автор подчеркивает отрицательное влияние, которое оказывала на рабочий класс и его организации американская империалистическая политика. Однако, как нам кажется, в книге недостаточно четко показано содержание экономической политики американских монополий, практикумые ими формы и методы эксплуатации. Касаясь положения рабочего класса, Г. И. Левинсон утверждает, что рабочие-надомники зарабатывают примерно столько же, сколько и плантационные рабочие. Это не совсем правильно, поскольку надомник и кустарь подвергаются большей эксплуатации, чем плантационный кули.

Г. И. Левинсон лишь мимоходом касается закона 1951 г. о минимуме заработной платы, отмечая (стр. 79), что он не претворяется в жизнь. Если бы автор ознакомил читателя с установленными этим законом ставками оплаты труда рабочих, то стало бы ясно, что, даже если этот закон и был бы осуществлен на практике, он не принес бы облегчения рабочим. В то же время официальная пропаганда старается выдать этот куцый закон за радикальное решение проблемы зарплаты. На наш взгляд, автор не совсем правильно в качестве одной из причин медленной консолидации пролетариата указывает на слабую концентрацию промышленности, распространяя это положение на послевоенные годы. Трудно говорить о всей промышленности, но такие первостепенные виды производства, как выработка сахара, кокосового масла, добыча отдельных ископаемых, достигли в настоящее время относительно высокой степени концентрации.

В целом книга Г. И. Левинсона бесспорно является ценным подспорьем для всех интересующихся историей Филиппин, борьбой рабочего класса этой страны.

Н. А. Савельев

J. M. VAN DER KROEF. Indonesia in the Modern World, Part II. Masa Baru Ltd— Bandung. Indonesia, 1956, 386 p.

Автор — профессор государственного колледжа в Мичигане (США).

В этой работе затрагивается большой круг проблем как социально-экономических, так и политических и идеологических. В первой главе анализируется вопрос о природе индонезийской национальной буржуазии и ее роли в обществе. В одной из следующих глав излагается история развития и характеристика важнейших политических партий и их взаимоотношений. В главе о внешней политике Индонезии автор отмечает ухудшение отношений с США и Нидерландами, стремление установить дружеские связи с социалистическими странами, а также с мусульманскими государствами Ближнего Востока, солидарность с недавно обретшими независимость странами Азии и Африки. Несколько глав автор посвящает вопросам идеологии и культуры в Индонезии.

Характер освещения ряда важных проблем обнаруживает тенденциозный подход автора к их пониманию. Вместе с тем книга содержит большой и интересный фактический материал.

W. F. WERTHEIM. Indonesian society in transition. The Hague. Bandung, W. Van Hoeve Ltd, 1956, 360 p.

Автор — профессор новой истории и социологии в Университете Юго-Восточной Азии в Амстердаме. Целью его исследования является социологический анализ истории Индонезии начиная с XVIII в. Через всю книгу красной нитью проходит мысль, что современная Индонезия — закономерный плод исторического развития. Индонезия, отмечает автор, стоит сейчас на пути социального прогресса, которому ничто не сможет помешать. Отмечая тот важнейший факт, что впервые за сотни лет своей истории Индонезия сама определяет свою политику, автор подчеркивает ее независимый характер и благоприятное влияние на международную атмосферу. Говоря о трудностях, стоящих перед экономикой Индонезии, автор считает в целом правильной политику индонезийского правительства по ограничению деятельности иностранного капитала в Индонезии.

Специальная глава посвящена автором индонезийской культуре, ее большим перспективам.

Книга заканчивается послесловием, содержащим данные о ходе выборов в Индонезийский парламент.

H. J. VAN OORSCHOT. De Ontwikkeling van de Nijverheid in Indonesië. Bandung, 1956, 146 bl.

В книге излагается история развития промышленности Индонезии начиная с периода голландского завоевания и до настоящего времени. Автор отмечает, что до начала XX в. правительство метрополии, по существу, не занималось проблемой развития промышленности в Индонезии. Более того, национальное ремесленное производство, удовлетворявшее нужды местного населения, пришло к этому времени в сильный упадок, что было связано с конкуренцией импортируемой с Запада промышленной продукции. Первая мировая война, когда Индонезия была оторвана от европейских поставщиков товаров, дала толчок развитию промышленности в этой стране, главным образом предприятий, принадлежащих иностранному капиталу.

Этот процесс продолжался и в дальнейшем, хотя он и шел неравномерно. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. тяжело отразился на всей экономике Индонезии, он также обнажил «недостатки односторонней экономической структуры» страны (стр. 41). Колониальное правительство приступило к разработке «руководящих принципов» политики в отношении промышленности. Но прежде, чем эти планы были воплощены в жизнь, пишет автор, началась вторая мировая война.

В период японской оккупации, указывает автор в 4-й главе, экономике страны был нанесен огромный ущерб. Национальное индонезийское правительство поставило своей главной задачей индустриализацию страны. Однако автор скептически относится к мероприятиям правительства, направленным на преобразование колониальной экономики в национальную, объясняя их малую эффективность недостатком капитала, отсутствием

специальных технических знаний, коррупцией в государственном аппарате.

Последняя глава книги посвящена конкретным результатам развития промышленности в Индонезии, а также его перспективам. Приводится обширный статистический материал.

Е. Заказникова

John Bond. They were South Africans. Oxford University Press. Cape Town, London, New York 1956, 224 p.

Автор — известный английский журналист — исходит из посылки, что в Южной Африке за последние годы все большую роль играют африканеры (буры) и их политические организации, в ущерб английскому влиянию. Автор выступает в роли защитника британских колонистов в Южной Африке, утверждает, что их вклад в историю этого района незаслуженно забыт. Этот «вклад» Бонд видит в том, что Англия охраняла и расширяла «границы цивилизации» в Южной Африке путем захватнических войн, деятельности миссионеров, созданием капиталистической экономики. Большое внимание он уделяет материалу, доказывающему, что англичане проникли на территорию современного Трансвааля задолго до бурского трека (переселения).

Книга Бонда отражает наличие определенных противоречий между английским империализмом и правительством националистической партии, стоящей ныне у власти в Южноафриканском Союзе. Горячо отстаивая свое право на господство в Южной Африке, каждая из сторон игнорирует права и интересы коренных жителей — законных хозяев страны. *А. Д.*

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ

В 1955—1956 гг. были опубликованы две многотомные серии по истории Японии, написанные коллективами известных японских историков: 『新日本史大系』全七巻 朝倉書店(«История Японии в новом освещении») в 7 томах, выпущенная издательством «Асакура сётэн» в Токио в 1955 г., и 『日本歴史講座』全八巻 河出書房 («Лекции по истории Японии») в 8 томах, под ред. Нисиока и Уэхара, выпущенная издательством «Кавадэ сёбо» в Токио в 1956 г., а также 『日本歴史大辞典』全十六巻 河出書房 («Большой японский исторический словарь»).

Каждый том первой работы посвящен определенному историческому периоду и состоит из отдельных очерков по наиболее важным вопросам. 1-й том — «Формирование государства» написан Вакаяма Таро и посвящен древней истории; 2-й том — «Древнее общество» составлен Иноуэ Мицусада и охватывает период с VI по XII вв.; 3-й, наиболее удачно написанный том — «Средневековое общество» (автор — Тоёда Такэси) затрагивает период развитого феодализма с XII по XVI в.; 4-й том — «Феодальное общество», написанный Обата Дзюн, освещает период позднего феодализма (объединение страны и правление сёгунов Токугава); 5-й том — «Мэйдзи исин» написан Кониси Сиро и посвящен описанию последних лет токугавского владычества и революции 1868 г.; 6-й том — «Общество нового времени» повествует о периоде с введения первой конституции и до первой мировой войны включительно, авторы — Кониси Сиро и другие; последний, 7-й том, написанный коллективом авторов, состоит из трех разделов: «Японская агрессия в Китае», «Крушение японской империи» и «Япония в период оккупации».

Каждый том сопровождают очерки культуры, библиография и хронологические таблицы.

При многих положительных качествах этой серии (в ряде случаев новое освещение важнейших проблем, хороший научный аппарат и проч.) она, тем не менее, не свободна от некоторых недостатков. К недостаткам надо отнести произвольную периодизацию; слабый показ борьбы крестьянства и других трудящихся масс; очерковый характер, вследствие чего иногда недостаточно раскрываются причины и следствия исторических событий.

Во второй работе, так же как и в первой, каждый том посвящен определенному историческому периоду, но написан коллективом авторов. Том начинается с общей статьи, в которой кратко излагаются события данного периода, затем следует несколько статей (6—8), освещающих ряд проблемных вопросов, далее — очерк культуры данного периода, библиография, хронология и биографии (около 5 в каждом томе) наиболее выдающихся лиц эпохи. 1-й том сборника — «Исторические теории» целиком посвящен теоретическим вопросам исторической науки, методу исследования и месту истории как науки, авторы тома — Нисиока, Уэхара, Вакамори, Идзу и другие; во 2-м томе излагается история «Первобытного строя», в 3-м — «Средних веков», ч. 1, в 4-м — «Средних веков», ч. 2, в 5-м — «Новая история», ч. 1, в 6-м — «Новая история», ч. 2, в 7-м — «Новейшая история». 8-й том посвящен вопросам преподавания истории и снабжен проектом методической разработки.

Серия «Лекции по истории Японии» выгодно отличается от серии «История Японии в новом освещении» более правильной методологией, большей стройностью в подборе материала и изложении, а также хорошей общей редакцией. Можно не соглашаться с некоторыми положениями авторов, но очень важно, что они не обходят острые исторические проблемы, а, наоборот, ставят и освещают их в духе последних достижений японской исторической науки в той или иной области.

Третья работа — «Большой японский исторический словарь» — справочник, рассчитанный на 16 томов (60 тыс. статей), начал выпускаться издательством «Кавадэ сёбо» с 1955 г. В СССР получено 4 тома (на 6 знаков из 50- значной слоговой азбуки). В словаре освещаются вопросы политики, экономики, культуры; включены также персоналии. По времени он охватывает древнюю, среднюю, новую и новейшую историю, чем выгодно отличается от предыдущих исторических словарей, обычно не выходивших за пределы XIX в. или в лучшем случае доводивших изложение до кануна первой мировой войны.

К составлению словаря привлечена большая группа известных японских историков, всего 63 человека, в числе которых Иноуэ Киёси, Тояма Сигэки, Нисиока Тораноскэ, Вакамори Таро, Нарамото Тацуя, Исимота Тадаси и другие. Такой широкий состав специалистов различных областей истории обеспечивает полноту и более высокий уровень этой науки.

Перечисленные работы свидетельствуют о значительном подъеме японской исторической науки.

Г. И. Подпалова

MALCOLM HAY. Failure in the Far East. Why and how the breach between the Western World and China first began. London, Neville Spearman, 1957, 202 p.

Книга «Провал на Дальнем Востоке», выпущенная при содействии Шотландского университета, принадлежит перу известного английского историка Малькольма Хэя. Она написана на основании относящихся к XVII—XVIII вв. материалов из архивов шотландских колледжей в Париже и Риме, которые во время французской буржуазной революции конца XVIII в. были переведены в колледж Блэйр около Абердина. Автор использовал также английскую, французскую и итальянскую литературу, не использованной осталась новая китайская и советская литература.

Работа Хэя отражает тяготение буржуазной историографии к изучению проблемы «Восток — Запад» и посвящена истории католического миссионерства на Дальнем Востоке. Объективно в ней разоблачается агентура иезуитов и католическая экспансия, связанная с общей колониальной политикой европейских держав в XVII — XVIII вв. Все это, однако, не мешает автору выдвигать тезис о «друже-

ственном контакте миссионеров-иезуитов с Китаем» (стр. VIII).

Книга, внешне объективно представляющая материалы о политике иезуитов на Дальнем Востоке, в действительности ставит задачу ретроспективной критической оценки деятельности католических миссионеров. В конце книги приводится Декрет святой конгрегации от 8 декабря 1939 г., который дает общую оценку католических усилий иезуитов в Китае. Цель книги — «пересмотр истории XVII века» (стр. IX), извлечение исторических уроков католической миссионерской пропаганды в странах Востока. Не случайны поэтому и формулировка подзаголовка книги: «Почему и как впервые открылась брешь между Западным миром и Китаем», и помощь фонда Карнег и в издании этой книги.

Е. С.

A. F. L. BEESTON. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Part III. *Additional Persian Manuscripts.* Oxford, Clarendon Press, 1954, VIII + 178 p.

Первый каталог персидских рукописей Бодлеянской библиотеки был выпущен Дж. Ури[1] в 1787 г. и содержал описание 177 рукописей, составлявших в то время весь персидский рукописный фонд библиотеки. К середине XIX в. количество персидских рукописей в библиотеке возросло в несколько раз, и было решено приступить к подготовке серии каталогов, которые должны были заменить все ранее выпущенные каталоги и содержать полное описание коллекции, сделанное в соответствии с возросшими научными требованиями. В соответствии с этим планом в 1889 г. была выпущена I часть каталога персидских рукописей, составленная Э. Захау и Г. Этэ[2]. В каталоге было описано 2038 номеров рукописей, но в нем отсутствовали указатели, которые должны были войти во вторую часть каталога. К 1900 г. Г. Этэ фактически закончил описание всех персидских рукописей Бодлеянской библиотеки и составил указатели названий сочинений, технических терминов и др., не был готов лишь указатель имен авторов. Печатание II части каталога заняло почти 25 лет, в 1930 г. он, наконец, вышел в свет, но без указателя имен.

Таким образом, составитель рассматриваемой III части каталога имел перед собой две задачи: во-первых, составить описание персидских рукописей, поступивших в Бодлеянскую библиотеку за период с 1900 г. по 1952 г.; во-вторых, составить указатель имен для всех трех частей каталога. Последняя задача представляла значительные трудности. Так, в I части каталога описаны 9 тазкира (антологий), в которых упоминается более 6500 имен персидских поэтов, причем часто имя одного и того же автора приводится в трех-четырех различных написаниях, а бывает и так, что под одинаковыми именами скрываются совершенно разные авторы. Поэтому для окончательной идентификации всех имен потребовались бы многие годы работы. Чтобы не затягивать публикацию каталога, составителю пришлось от этой задачи отказаться.

Основную часть описанных рукописей составляют сочинения, поступившие в Бодлеянскую библиотеку из библиотеки Института Индии (Indian Institute). Всего III часть содержит 420 описаний (№№ 2428 — 2847), которые распределены по следующим четырем крупным разделам: A. История (сюда же входит биография, космография и география, романы, повести, легенды). B. Поэзия (сюда же входят суфизм и эпистолярная литература). C. Науки (включены теологические сочинения). D. Зороастрийская литература. E. Miscellanea. F. Сборные рукописи. G. Дополнительные рукописи.

При составлении III части каталога автор придерживался тех же принципов, что и Э. Захау и Г. Этэ, т. е. описание списка

[1] *J. Uri.* Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptoru morientalium.... catalogus. Oxonii, 1787.

[2] *Ed. Sachau, H. Ethé.* Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî, and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Part I. Persian Manuscripts. Oxford, 1889, part II, 1930.

у него следует за описанием сочинения и выделено мелким шрифтом. Имеются, впрочем, два отличия: названия сочинений приводятся только в латинской транслитерации и выделены жирным шрифтом (в I и II частях названия приводились и в арабской графике, и в транслитерации); имя прежнего владельца или название коллекции, в составе которой находилась рукопись до поступления ее в Бодлеянскую библиотеку, выделено жирным шрифтом и помещается перед описанием сочинения, а не после описания списка, как это было раньше.

Среди наиболее интересных рукописей, описанных в каталоге, следует особо выделить «Хидāйат ал-Мута'аллимūн фū т-Ṭибб» (№ 2841) — медицинскую энциклопедию, составленную учеником знаменитого ученого Муḥаммада ибн Закарийā ар-Рāзū Абӯ Бакром Рабū' ибн Аḥмал ал-Ахавайн ал-Буḫāри. Рукопись переписана в 478/1085 г. и является второй по древности из имеющихся в Европе датированных рукописей. В редких и ранее не засвидетельствованных исторических сочинениях содержатся новые материалы по истории Индии: 1) Анонимный исторический очерк порта Бхарӯч (Broach расположен к северу от Сурата) за период с 1714 по 1785 г. (№ 2474)» 2) «Тар'ūḫ-и джадūд», история навабов княжества Аудх, начиная от Са'āдат Ḫāна и до смерти Āṣаф ад-Даула (1787 г.), составленная Ḥкūм Нāрāин Риндом в 1817 г. (№ 2478); 3) История княжества Хунза (Hunza), расположенного на северо-западной границе Кашмира, составлена Муḥаммад Ризā Бегом в 1920 г. (№ 2482).

Значительный интерес для истории Средней Азии XVII в. представляет доселе не засвидетельствованное биографическое сочинение «Анūс ат-Ṭālибин», составленное между 1693—1713 гг. Шāх Маḫмӯд ибн Мūрзā Фāẓил Чурāсом (№ 2494).

Интересный материал о персидско-турецких отношениях в эпоху Сефевидов содержится в сборнике дипломатических и исторических документов и писем иранских шахов к турецким султанам, составленном около 1600 г. (№ 2711).

В каталоге описано несколько редких и новых сочинений по суфизму. К их числу следует отнести «Байāн ат-Танзūл», ʿАзūз ад-Дūна ан-Насафū (ум. в 661/1262—1263 гг.), в котором содержится краткая история происхождения различных суфийских сект (№ 2672); «Чихил иḫбāрāт-и Йаḫйāвūйа» (№ 2682); Фāẓил ибн Шайḫ Файрӯз (так), о жизни и учении Пūрдастūра из секты Чиштū; «Ṭарūḳа-йи ʿАлūйа-йи Наḳшбандūйа», анонимный трактат о суфийской секте наḳшбандū (№ 2690) и некоторые другие.

Большую художественную ценность представляет рукопись «Лайлā Маджнӯн» Низāмū, переписанная около 1563 г. и украшенная девятью великолепными раннемогольскими миниатюрами (№ 2845).

Аппарат каталога: 1) Конкорданс шифров рукописей и номеров описаний (стр. 93—97); 2) список рукописей, переписанных ранее 1000/1591 г. н. э. (стр. 98—99); 3) добавления и исправления к частям I и II каталога (стр. 100—103); 4) указатель названий сочинений III части; 550 названий в латинской транслитерации (стр. 104—107); 5) указатель имен авторов, переписчиков и владельцев рукописей ко всем трем частям каталога в латинской транслитерации (стр. 108—177); 6) список лиц, принесших свои рукописи в дар Бодлеянской библиотеке (стр. 178).

Отметим некоторые исправления наиболее значительных ошибок, допущенных составителями первых двух частей каталога: 1) сочинение, принятое Г. Этэ за «Та'рūḫ-и Хāфиз̣-и Абрӯ» (другое название «Зубдат ат-Тавāрūḫ») Шихāб ад-дūна 'Абдаллāха Хāфиз̣-и Абрӯ, на самом деле является безымянным географическим сочинением того же автора; кроме того, имя автора у Г. Этэ приведено в неправильном написании (т. 1, № 33), 2) сочинение по всеобщей истории «Мирāт ал-Алам», написанное в 1667 г., ошибочно приписано Мухаммад Баḫтāвар Ḫāну, тогда как подлинный его автор — Мухаммад Баḳа Гулāм Муḥаммад Сахāранпӯрū (т. 1, № 114); 3) учтена работа В. В. Бартольда, который установил, что не опознанное Г. Этэ сочинение (т. 1, № 149) является вторым томом упомянутого выше безымянного географического сочинения Хāфиз̣-и Абрӯ.

Каталог прекрасно издан и является достойным завершением серии каталогов Бодлеянской библиотеки, предыдущие тома которой прочно заняли свое место в науке.

Ю. Борщевский

«Восточный альманах». Вып. I. М., Государственное изд-во художественной лит-ры, 1957, 392 стр.

Трудно в одной книге представить все то, чем богата литература Китая, Индии и других восточных стран. Составители альманаха избрали правильный путь, решив публиковать только те образцы писательского и народного творчества, которые никогда раньше не появлялись в русских переводах. Этим альманах как бы прокладывает путь к сердцу советского читателя новым именам и новым произведениям. Достоинством первого выпуска «Восточного альманаха» является также то, что он включает в себя произведения самых разнообразных жанров, от проблемных статей китайских писателей до камбоджийских народных сказок.

Наиболее широко и разнообразно представлена в альманахе китайская литература. Мы встретим здесь письма и статьи Лу Синя и Мао Дуня, с интересом прочтем нисколько не утратившую своей актуальности, полную страстности статью об аполитичности некоторых литераторов, написанную пламенным революционером и публицистом Цюй Цю-бо, погибшим в 1935 г. в гоминдановском застенке. Символом интернационализма звучат стихи Ай Цина о негритянской девушке, поющей «о счастьи, ей незнакомом», стихи Тянь Цзяня, посвященные герою болгарского народа, поэту Христо Ботеву.

В альманахе опубликовано несколько новых для русского читателя стихотворений Рабиндраната Тагора в превосходных переводах Бориса Пастернака и Анны Ахматовой.

Читатель, ознакомившись с этими стихами, почувствует их целомудренную строгость, тонкость чувств поэта и его высокий гражданский пафос. Особенно примечательно стихотворение «Люди трудятся». Это — гимн всему тому, во что так верил Тагор, что приносило ему вдохновение, гимн тем людям труда, для которых Тагор писал, гимн народу и главное — гимн миру.

Вслед за Тагором мы встречаем в альманахе имена правдивого рассказчика и романиста Прем Чанда, непримиримого к несправедливости Яшпала, большого и своеобразного поэта Сурьяканта Ниралы.

Арабские страны представлены в альманахе фрагментами «Из башни слоновой кости» Тауфика аль-Хакима — одного из крупнейших писателей современного Египта, известного нашему читателю еще по переводам 30-х годов, и небольшими выдержками из «Занимательных историй» выдающегося сирийского ученого, историка и писателя XIII в. Абу-ль-Фараджа (Григория Бар-Эбрея), писавшего преимущественно на сирийском языке.

В небольшом, но содержательном вводном очерке А. Долининой о Тауфике аль-Хакиме правильно отмечается сложность и противоречивость творческого пути писателя. Фрагменты, помещенные в «Восточном альманахе» в блестящем переводе академика И. Ю. Крачковского, говорят о самом главном в творчестве Тауфика аль-Хакима — его гуманизме, вере в человека.

А сколько глубокой философской мысли в коротких, афористичных, иронических «Занимательных историях» Абу-ль-Фараджа, только что выпущенных Гослитиздатом в полном переводе.

Иран и Турция представлены в альманахе произведениями выдающихся писателей — Садека Хедаята и Омера Сейфеддина. Каждый из этих писателей по-своему интересен и глубок и оставил значительное литературное наследство. Творчество каждого из них отличается своим стилем, но рассказы как иранского, так и турецкого писателя проникнуты горячей любовью к своей стране, и герои их — почти всегда простые, бедные люди.

Японскую литературу переводят у нас сравнительно часто и хорошо. В «Восточном альманахе» представлены четыре японских автора и произведения всех четырех переведены тщательно и умело. Особенно приятно это отметить в отношении небольшой статьи писателя Фтабатэя Симэя «Мои принципы художественного перевода». Фтабатэй Симэй был не только большим писателем-романистом, одним из основоположников критического реализма в японской литературе, но и очень многое сделал как переводчик. В публикуемой статье писатель рассказывает о том, как по окончании русского отделения Токийского университета он работал над переводами с русского языка, и интересно ставит ряд вопросов методики перевода.

Можно было бы еще отметить чуть ли не впервые предлагаемые вниманию русского читателя индонезийские народные четверостишия, забавные камбоджийские сказки, фольклорные корейские новеллы и многое другое, что включено в альманах.

Но одна заметка не может вместить подробное изложение содержания большого и интересного сборника.

Благодаря разнообразию представленных литератур, хорошему языку переводов, необходимой точности и в то же время общедоступности вступительных статей альманах представляет интерес как для востоковедов, так и для самого широкого круга читателей.

Э. Юрин

რუდაკი 857—1957. (Рудаки. 857—1957). Тбилиси, Изд-во Гос. ун-та им. И. В. Сталина, 1957, 175 стр.

В сентябре 1958 г. таджикский народ готовится отметить 1100-летие со дня рождения родоначальника таджикской и персидской классической поэзии, «Адама поэтов» Абӯ Абдаллāха Джа'фара б. Муḥаммада Рӯдакӣ. В ознаменование этой даты издательство Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина выпустило на грузинском языке сборник работ членов кафедры иранской филологии, посвященный великому поэту.

Сборник состоит из пяти статей, а также переводов стихотворений Рӯдакӣ на грузинский язык.

В статье «Эпоха Рӯдакӣ» (стр. 9—24) В. Путуридзе излагается история образования государства Сāмāнидов, характеризуется его политическая и экономическая история на протяжении IX—X вв., а также роль, которую оно сыграло в становлении, консолидации и культурном развитии таджикского народа.

Автор подробно останавливается на характеристике экономической структуры государства Сāмāнидов. уделяя большое внимание формам феодальной земельной собственности, системе сбора налогов, сельскому хозяйству, торговле, подробно характеризуя существовавшие в то время караванные пути и их значение в развитии мировых экономических и культурных связей. Наконец, автор говорит о культурных достижениях в государстве Сāмāнидов, о расцвете литературы, зодчества, науки.

К сожалению, в статье лишь вскользь упоминается о народных движениях конца IX — первой половины X в., в частности о среднеазиатском и хорасанском карматстве того периода, что особенно интересно было бы здесь затронуть в связи с творчеством и судьбой Рӯдакӣ.

Ряд интересных новых мыслей и предположений высказывает Д. Кобидзе в статье «Рудаки (жизнь и творчество)» (стр. 25—68). Высоко оценивая известную трехтомную работу Са'йда Нафисӣ «Жизнь и творчество Абӯ-Абдаллāха Джа'фара б. Муḥаммада Рӯдакӣ Самаркандӣ» особенно в области текстологической, автор в то же время подвергает сомнению правильность выбора С. Нафиси некоторых вариантов текста стихов Рӯдакӣ в качестве основных.

В статье рассматривается вопрос о связях Рӯдакӣ с карматским движением. Автор отмечает сложность и неразработанность этого вопроса и подчеркивает, что для решения его предстоит проделать большую работу.

Характеризуя человеческие качества поэта, Д. Кобидзе указывает на любовь Рӯдакӣ к поэтам-современникам — Мурāдӣ Бухāрӣ, Шахӣду Балхӣ, на мужество поэта, не раскрывшего ни в одном из своих стихотворений, даже в известной оде старости (مرا بسود و فرو ریخت هر آنچه دندان بود), подлинной причины своего бедственного положения. Заслуживает внимания подробно обосновываемое автором предположение, что слово مج (Мадж), в котором по традиции принято видеть имя чтеца (рāвӣ) Рӯдакӣ, на самом деле, быть может, является прозвищем возлюбленной.

Останавливаясь на характеристике жанров в творчестве Рӯдакӣ, Д. Кобидзе высказывает мнение, что Рӯдакӣ был одним из первых поэтов, начавших литературную обработку иранского героического эпоса. Свидетельством тому автор считает следующие факты: наличие в стихах Рӯдакӣ имен эпических героев в сочетании с эпитетами, употребляемыми в «Шахнаме» Фирдоуси, что могло произойти только благодаря обращению обоих поэтов к одному и тому же источнику; некоторые известные нам байты Рӯдакӣ, по мнению Д. Кобидзе, могут быть отрывками его не дошедшей до нас героической поэмы. Некоторые из этих байтов встречаются в «Шахнаме» Фирдоуси (в эпизоде боя Рӯстама с Сухрӑбом), что автор считает свидетельством влияния Рӯдакӣ на Фирдоуси.

Д. Кобидзе высказывает мнение о существовании газели в поэзии Рӯдакӣ, считая недопустимым при решении этого вопроса исходить из форм газели более поздней эпохи.

Богатством материала и вдумчивым анализом его отличается статья А. Гвахария «Поэтика Рӯдакӣ» (стр. 69—118). Автор характеризует стихотворные формы поэзии Рӯдакӣ и размеры (метрику), показывая использование Рӯдакӣ не только различных метров, но подчас и разновидностей одного и того же метра, что способствовало богатству ритмических красок и полифоническому звучанию стиха поэта. Автор подчеркивает, что помимо ҡаṣӣды-оды и примыкающей к ней по форме марṣийа, у Рӯдакӣ встречаются также и «философские ҡаṣӣды», каковой является «ода старости»; что газель так же, как и маṣнавӣ, занимала почетное место в творчестве поэта. Автор подробно рассматривает вопрос о звуковой инструментовке стиха, о системе тропов, особенно о сравнениях и метафорах, считая интересной особенностью многих сравнений поэта то, что они представляют собой переходную ступень от первого из указанных тропов ко второму.

Для языковеда-ираниста несомненный интерес представляет статья Л. Тушишвили «Некоторые особенности языка Рӯдакӣ» (стр. 110—132). Характеризуя орфографические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка Рӯдакӣ, а также богатство его лексики, автор находит в ряде случаев параллели к употребленным поэтом «устарелым» словам в диалектах персидского языка, из чего делает вывод о близости языка Рӯдакӣ к народной речи его времени.

В последней статье сборника «Рӯдакӣ и ʻОмар Ҳаййӑм» (стр. 133—150) автор К. Пагава, анализируя творчество двух великих таджикско-персидских поэтов, высказывает мнение о том, что сходные социально-экономические условия общественной жизни эпох Рӯдакӣ и Ҳаййӑма обусловили наличие общих мотивов в творчестве этих поэтов: оба поэта созерцают мир с материалистической точки зрения, отмечают тщетность бытия, призывают использовать радости, которые дарит жизнь. Вряд ли, однако, справедливы выводы автора статьи о том, что поэтическая речь Ҳаййӑма не отличается новизной, так же, как и его художественные образы, сравнения и метафоры, и что причина подобной ограниченности Ҳаййӑма кроется в самой форме рубӑӣ, которая не дала возможности поэту в полной мере раскрыть свою поэтическую силу.

Сборник завершается превосходными, на наш взгляд, переводами (стр. 151—174) более 25 стихотворений Рӯдакӣ на грузинский язык. Перевод с оригинала по изданию С. Нафӣсӣ выполнен М. Тодуа, который известен и рядом других прекрасных переводов классической и современной таджикской поэзии и прозы.

В заключение хочется отметить, что приложенные к статьям резюме на русском языке не всегда, к сожалению, дают достаточно полное представление о содержании статей. Поэтому представляется целесообразным переиздать этот сборник, быть может, в несколько переработанном и расширенном виде и на русском языке с тем, чтобы сделать его доступным как можно более широкому кругу читателей. Сборник вполне достоин этого.

Н. В. Менагаришвили

ХАГАНИ ШИРВАНИ. Сечилмиш әсәрләри. Сост. М. Султанов. Баку, Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1956, 477 стр.

За последнее время увеличился выпуск текстов и переводов произведений выдающихся представителей азербайджанской литературы прошлых веков. Одна из наиболее крупных работ в этой области — издание на азербайджанском языке избранных произведений выдающегося фарсиязычного поэта Азербайджана Афẓал ад-дӣна Хӑҡӑнӣ Ширвӑнӣ.

«Избранные произведения» охватывают шестую часть наследия поэта. В книгу включены отрывки из маṣнавӣ «Туҳфат ал-ʻИрӑҡайн» (Дар двух Ираков), ҡаṣиды, извлечения из «Хабсиййӑт» (Тюремных элегий), многочисленные газели, ҡиṭʻа и рубӑʻӣ. Хотя ни в предисловии (автор Г. Араслы), ни в заметке составителя нет указаний на издание, которое послужило основой для перевода, легко можно установить, что таковым был диван Хӑҡӑнӣ, опубликованный ʻАлӣ ʻАбдаррасӯлӣ в 1937 г. в Тегеране.

Являясь первой попыткой столь широкого ознакомления азербайджанского читателя с творчеством поэта, издание, разумеется, не свободно от недостатков. Подчас, как это отмечается и в предисловии, переводчики произвольно передают ҡаṣиды Ҳӑҡӑнӣ в форме маṣнавӣ; возвышенность стиля поэта иногда подменяется в переводах риторикой. Это относится, в частности, к переводам ряда известных ҡаṣӣд и газелей поэта. Так, трудно почувствовать силу мастерства Хӑҡӑнӣ в переводах его произведений, получивших в книге условные названия «Восхваление Менучихра» (пер. А Тал'ат) и «Порицание завистников» (пер. И. Солтан), оставляет желать лучшего перевод известной ҡаṣиды-элегии «Развалины Мадаина» (пер. М. Рагим). Но наряду с неудачными переводами в книге имеется много хороших и порою даже превосходных переводов. Несомненным успехом можно считать переводы М. Султанова, А. Вахида и А. Мубариза. Особо следует отметить работы последнего переводчика, которому удалось в наибольшей степени донести до читателя художественное своеобразие оригинала. Наиболее хороши, на наш взгляд, его переводы произведений поэта, включенных в книгу под названиями «Жалоба на заключение» и «Восхваление Ширваншахов».

Отметим, кстати, что известная «ҡаṣӣдайи шиниййа» (ҡаṣӣда с рифмой на'ш') Хӑҡӑнӣ помещена в книге под названием «Зердало чистоты» (Мирʻӑт аṣ-ṣафӑ), являющимся на самом деле традиционным названием ҡаṣиды Амӣра Ҳусрава, написанной в том же размере и с той же рифмой. Здесь составителем и редактором повторена ошибка ʻАлӣ Абдаррасӯлӣ, издателя упоминавшегося уже тегеранского дивана Ҳӑҡӑнӣ.

Во многом помогают пониманию трудных стихов поэта подробные комментарии А. Джафара. В целом они удовлетворительны. Однако вряд ли необходимы в них повторения одних и тех же пояснений (например, об Иосифе — стр. 430, 433, 440, 443; о Суҳбӑне — стр. 440 и 441 и т. п.).

При всех своих частных недостатках настоящее издание является, тем не менее, значительным шагом вперед в деле ознакомления широких кругов азербайджанских читателей с творчеством выдающегося поэта.

Г. А.

НОВЫЕ РАБОТЫ НЕПАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

संक्षिप्त नेपाल भाषा शब्द-कोश संपादनयाम्ह वैद्य पन्नाप्रसाद जोशी।
(*Краткий словарь языка непал.* Сост. вайдья Паннапрасад Джоши). Катманду, непальская эра самват 1076 г./1956 г.

लोकमान सिं नेपाल भाषा व्याकरण
(*ЛОКМАН СИН. Грамматика языка непал*). Катманду, непальская эра самват 1075/1955 г.

आदिवज्राचार्य छुं पर्यायवाचो कोष
(*Адиваджрачарья. Краткий терминологический словарь*). Катманду, непальская эра самват 1074/1954 г.

Дальнейшее укрепление национальной независимости Непала открыло новые пути развития культуры и науки, в частности языкознания. Одним из свидетельств этого являются работы по языку непал.

Язык непал, относящийся к тибетской ветви тибето-бирманской семьи языков, обозначается в зарубежной лингвистической литературе термином «невари»; в непальской литературе и прессе его называют сейчас «непал бхаша» («язык непал»), в отличие от государственного языка Непала — непальского, или непали (известного в науке также под термином «восточный пахари» или «кхас-кура»). Генетически непали принадлежит к индийской ветви индоевропейских языков.

До настоящего времени современный язык непал фактически оставался вне сферы интересов востоковедов, уделявших внимание только классическому языку. Одним из основоположников изучения языка непал был выдающийся русский ученый И. П. Минаев (1840—1890), собравший во время пребывания в Непале (1875) богатые материалы. И. П. Минаев готовил к изданию словарь языка непал, составленный на основе санскритско-непальской грамматики Гунанда и других рукописей, но смерть помешала ему завершить работу. Оставшийся неоконченным труд в 1891 г. был передан С. Ф. Ольденбургом для обработки и издания немецкому индологу А. Конради, который впоследствии опубликовал его в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» (1893, B. 47, S. 539—573). Учитывая большую научную ценность материалов И. П. Минаева, А. Конради счел необходимым издать их целиком, хотя сам И. П. Минаев предполагал опубликовать только часть их.

Словарь Х. Йоргенсена (Hans Jørgensen. A Dictionary of the Classical Newārī. Kφbenhavn, 1936) построен почти исключительно на материале классического языка рукописей XIV—XIX вв., с добавлением нескольких десятков разговорных слов, сообщенных исследователем тибето-бирманских языков Ходжсоном. Крайне скудной является также грамматическая литература (библиография ее вместе с кратким грамматическим очерком языка непал дана в известном Linguistic Survey of India, vol. 1—2. Calcutta, 1902—1928, vol. 3, 1909; любопытные факты сообщаются также в статье Х. Йоргенсена Ein Beitrag zur Kenntnis des Nevārī. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1921, B. 75, S. 213—236).

Составленный знатоком родного языка, культуры и быта Паннапрасадом Джоши непало-непальский двуязычный (переводный) словарь дает переводы на непали приблизительно десяти тысяч слов языка непал. Основная масса слов взята автором из живой, устной речи. Широко представлена бытовая и профессиональная лексика, народная медицина, названия растений, религиозные термины. Значительно меньше слов, обозначающих отвлеченные понятия; общественно-политическая терминология дана в минимальном объеме.

Классический язык непал впитал в себя очень много слов санскритского происхождения, в силу чего общественно-политические и научные термины современного языка непал (как и современного непали) выражаются в подавляющем большинстве санскритскими лексическими средствами. Можно предположить, что ввиду общности этих разрядов лексики для обоих языков составитель не счел нужным в переводном словаре привести санскритизмы, употребляемые ныне в языке непал.

Переводы слов даются, как правило, несколькими синонимами. Пометы дают грамматическую характеристику слова и в некоторых случаях указывают на область употребления (например, речь детей). Словарь вводит в тибето-бирманское языкознание ценный малоизвестный материал, способствует укреплению связей двух крупнейших народов Непала, говорящих на языках «непал бхаша» (невари) и непали.

Грамматика Локмана Сина представляет четко систематизированное описание грамматического строя. Особо отмечен ряд явлений, характерных для письменно-книжного стиля. Автор критически использовал труды европейских исследователей (так, например, Локман Син уточняет систему глагольных классов, разработанную Х. Йоргенсеном и др.). Подавляющая часть работы посвящена морфологии. Санскритская грамматическая традиция, глубокое знание которой обнаруживает автор, наложила заметный отпечаток на методологию книги. В ряде случаев, следование санскритским образцам помогло автору осмыслить факты родного языка (например, Локман Син анализирует сложные слова с точки зрения характера отношений составных элементов слова). Длительная письменно-литературная традиция классического языка позволила непальскому филологу найти соответствующие научные термины для обозначения даже самых сложных грамматических понятий современного языка, что должно облегчить дальнейшее развитие непальской лингвистики.

Краткий терминологический словарь содержит около 1200 терминов, сгруппированных по разделам (флора, фауна, медицина, география, термины родства и т. п.). В подавляющем большинстве лексика терминологического словаря, исконно непальская по происхождению, относится к разговорно-бытовой сфере общения; санскритизмы широко привлекаются автором только для объяснения терминов.

ਪੰਜਾਬੀ ਉੱਤੇ ਹੋਰ ਭਾਸ਼ਾਵਾਂ ਦਾ ਪ੍ਰਭਾਵ

(*«Влияние других языков на язык пенджаби»*. Сб. статей). Патиала, 1956.

Благодаря историческим судьбам Пенджаба и его географическому положению пенджабский язык в очень значительной степени пополнил свой словарный состав за счет лексики различных восточных языков и заимствовал много англицизмов. Поэтому аннотируемый сборник статей пенджабских филологов (*Омпракаш Кохал.* Влияние индийских языков; *Ситарам Бахри.* Влияние арабского и персидского языков; *Гурбачан Сингх Талиб.* Влияние английского и других европейских языков) представляет интерес не только для истории пенджабского языка, но и для общего языкознания. Несомненным достоинством книги является умение исследователей показать процесс обогащения словарного состава пенджаби в свете политических, экономических и религиозных отношений. Авторы рассматривают различные пути заимствования слов. Прослеживается воздействие различных языков на грамматический строй и фонетику пенджаби.

Расширяя рамки лингвистического исследования, авторы показывают влияние персидской (фактически — таджикско-персидской), арабской, санскритской и новоиндийских литератур, а также английской литературы на пенджабскую. В статьях отмечается, что под влиянием иноязычных литератур развиваются новые литературные жанры и художественные средства. Однако в некоторых случаях авторы преувеличивают это влияние. Так, известный писатель и филолог Сант Сингх Секхон справедливо указывает в предисловии, что нет никаких оснований видеть в поэме крупнейшего современного поэта Вир Сингха «Рана Сурат Сингх» отзвуки «Божественной комедии» Данте, как это представляется Гурбачану Сингху Талибу.

Книга показывает, что пенджабский язык и литература в труднейших условиях сохранили свое национальное своеобразие и имеют сейчас все возможности для дальнейшего развития.

И. Рабинович

АННОТАЦИИ

فهرست نمایشگاه آثار خواجه نصیر الدین محمد بن حسن طوسی

(Каталог выставки произведений Ḫаджи Наṣӣр ад-дӣна Муḥаммада б. Ḥасана Тӯсӣ [в Национальной библиотеке в Тегеране]). Тегеран, 1335/1956, 13 стр.

Выставка была организована в связи с празднованием 700-летнего юбилея ученого в Тегеране. Рукописи для выставки были получены также из библиотеки меджлиса, из библиотеки Тегеранского университета, из частных собраний, один редкий экземпляр — из собрания Пенджабского университета в Лахоре. В каталоге даны краткие описания 58 томов рукописей, содержащих 47 разных сочинений Наṣӣр ад-дӣна Тӯсӣ.

عبد الحمید عرفانی احوال و آثار ملک الشعرا محمد تقی بهار

('АБД АЛ-ḤАМӢД 'ИР-ФА̄Н Ӣ. Жизнь и творчество Малик аш-Шу'ара Муḥаммада Таḳӣ Бахара). Тегеран, Изд-во «Ибн-и Сӣна» 1335/1956, VI + 486 стр., илл., библиогр.

Автор книги, пакистанский ученый, был лично знаком с выдающимся иранским поэтом и филологом XX в. Бахаром (1886 — 1951) и еще при жизни последнего задумал написать этот труд. Малик аш-Шу'ара̄ Бахар помогал автору в работе.

Книга делится на две части. Первая часть (стр. 1 — 192) состоит из следующих глав: 1. Эпоха Бахара. 2. Биография Бахара. 3. Место Бахара в иранской литературе. 4. Сочинения Бахара. 5. Стиль Бахара в поэзии. 6. Стиль Бахара в прозе.

Вторая часть (стр.193—483) содержит избранные произведения поэта. Стихи расположены по жанрам: ḳаṣӣды, маснавӣ, газели, ḳит'а, переводы, таṣнӣфы, рубаӣят. В подборе стихов принимал участие сам поэт. В книге приводится список источников, использованных при ее написании.

احمد سروش مجموعه لطایف

(Сборник латифа. Сост. Аḥмад Сурӯш). Тегеран, Изд-во «Шафаḳ», 1335/1956, 216 стр.

В книге собраны латифа (короткие юморески), извлеченные из сочинений крупнейших иранских писателей и поэтов со времени утверждения ислама до конца эпохи Ḳаджаров.

محمد معین بر گزیدهٔ شعر فارسی.

(МУḤАММАД МУ'ӢН. Персидская поэзия. Избранное). Т. 1. Эпоха Саффа̄ридов, Та̄хиридов, Сама̄нидов и Бӯидов (3 и 4 века хиджры). Изд. 2-е. Тегеран, Изд-во «Заввар», 1335/1956, 72 стр.

Сборник, составленный профессором Тегеранского университета доктором Муḥаммадом Му'ӣном, содержит образцы творчества 29 поэтов, начиная с Ḥанзала Бадгӣсӣ (умер около 835 г.) и кончая Абӯ Муḥаммадом Мансӯром ибн'Алӣ Мантиḳӣ Ра̄зӣ (конец X в.).

Составитель снабдил издание объяснениями трудных слов и выражений, литературоведческим комментарием и разночтениями.

К изданию приложен список трудов Муḥаммада Му'ина (46 названий). Первое издание сборника было выпущено в 1952 г.

فردوسی.شاهنامه

(ФИРДОУСИ. Шахнаме). Под редакцией Мухаммада Дабӣр-и Сӣяḳӣ. Тегеран, Изд-во «Ḥадж Муḥаммад 'Алӣ 'Илмӣ» и «Ибн-и Сӣна», 1225/1956, 6 т т:т. I — 8 + —426 стр., 4 л. илл., портр.; т. II 6 + 463— +992 стр., 6 л. илл.,портр.; т. III 8 + 993— 1588 стр., 3 л. илл., портр.; т. IV, 1589 — 2002 стр., портр.; т. V 10 + 2003 — 2601 стр., 2 л. илл., портр.; т. VI 3 + 246 стр., 5 л. илл., портр.

В основу издания положен текст, подготовленный Тернером Маканом (Калькутта, 1829 г.). Для сверки были использованы также издания М. Вуллерса и С. Ландауэра (Берлин, 1877—1884 гг.), Ж. Моля (Париж, 1838—1878 гг.); издание Вуллерса-Иḳба̄ла-Нафӣсӣ (Тегеран, 1934—1935); издание 'Абд ал-Муḥаммада ар-Ра̄зӣ (Тегеран, 1267 г. х./1850—1851 г.г.); бомбейское издание 1276 г. х./1859—1860 гг. Для правки текста стихов Даḳӣḳӣ, включенных Фирдоуси в «Шахнаме», редактор использовал неопубликованную работу известного иранского ученого Дихӯда̄.

В издании принято деление поэмы, установленное Ф. Вольфом в его «Glossar zu Firdosis Schahname» (Berlin, 1935) и проведена нумерация бейтов. Разночтения не указываются.

В предисловии редактор выражает надежду, что в Иране удастся осуществить критическое издание «Шахнаме» по старым и хорошим рукописям, которыми в настоящее время располагают иранские ученые.

فضل الله مهتدی صبحی. افسانه های کهن

(ФАЗЛАЛЛА̄Х МУХТАДӢ СУБХӢ Старинные сказки). Издание 4-е. Тегеран, Изд-во «Эмӣр-и Кабӣр», 1336/1957, 152 стр., илл.

Сборник состоит из 26 старинных сказок разного происхождения, собранных автором в течение десяти лет. Ṣубḥӣ приводит различные персидские варианты сказок, а также таджикские, курдские и другие. Есть в сборнике сказки и европейского происхождения, имеются славянские варианты эпизодов некоторых сказок.

علی اصغر مجتهدی. امثال و حکم لهجهٔ محلی آذربایجان

('АЛӢ АṢГАР МУДЖТАХИДӢ. Пословицы и поговорки на местном диалекте Азербайджана. Тебриз, Изд-во «Шафаḳ», 1335/1956, VIII, 286, 8 стр., библиография.

Включенные в книгу азербайджанские пословицы и поговорки расположены в алфавитном порядке по первому слову. В большинстве случаев приводятся персидские соответствия, иногда английские и французские. Даются также необходимые объяснения.

جمشید سروش سروشیان. فرهنگ بهدینان

(ДЖАМШӢД СУРӮШ СУРУШӢА̄Н. Словарь [диалекта] зороастрийцев). Редактор Манӯчихр Сутӯде). Тегеран, Изд-во общества «Фарханг-и Ӣранзамин», 1335/1956, 30 + 224 стр., илл.

Автор словаря — зороастриец из Кермана. Словарь содержит 4000 слов, употребляемых в диалекте зороастрийцев Кермана и Йезда. Слова даются в арабской графике и снабжены латинской транскрипцией; перевод и толкования даны на персидском языке. В приложении приведен список известных деятелей зороастрийской общины, несколько стихотворений на указанном диалекте и описание мест паломничества зороастрийцев. Книге предпослано предисловие известного иранского поэта и исследователя зороастризма Пур-и Да̄вуда.

بدیع الزمان فروزانفر و دیگران. قرائت فارسی و دستور زبان

(БАДӢ'АЗ-ЗАМА̄Н ФУРӮЗА̄НФАР и другие. Хрестоматия и грамматика персидского языка, том 1). Тегеран, Изд-во «Иḳба̄л», 1335/1966, 205 стр.

«Хрестоматия» является первым томом предполагаемого пятитомного учебника персидского языка. Учебник составлен по программе иранского министерства просвещения коллективом авторов под руководством профессора Тегеранского университета, доктора Фурӯза̄нфара. Изложение материала дано по методу «от примеров к правилам». Хрестоматийные тексты взяты из произведений классиков и современных персидских писателей.

مظاهر مصفا. پاسداران سخن. چکامه سرایان

(МУЗА̄ХИР МУṢАФФА̄. Хранители слова. Поэты, слагавшие оды. Часть первая). Тегеран, Изд-во «Заввар», 1335/1956, 8 + 80 + 483 стр.

Книга представляет собой антологию стихотворений 22 наиболее крупных поэтов X — первой половины XI в.

Произведениям поэтов предпосланы биографии и обзоры творчества, иногда — отрывки из литературоведческих сочинений, характеризующие данного поэта. Хрестоматия состоит из двух основных частей: 1) Эпоха Рӯдакӣ и 2) Эпоха «Шахнаме» и эпоха Фаррухӣ и Манӯчихрӣ. Интересны помещенные в книге статьи Муṣаффа̄, затрагивающие ряд проблем персидского языка и литературы. В этих статьях рассматриваются вопросы стиля и чистоты языка, дается разбор поэтических жанров: ḳаṣӣды, газели и маснавӣ, приводятся ценные све-

дения о қасӣдах в арабской литературе и о первых персидских қасӣдах.

ایرج افشار. کتابشناسی ایران. دفتر دوم

(ИРАДЖ АФШАР. Библиография Ирана, вып. 2.). Тегеран, Изд-во, «Ибн-и Сина», 1335/1956, 80 стр., указатели.

Первая систематическая библиография книг, выходящих в Иране. Выпуск первый, составленный тем же автором, был помещен в журнале «Фарханг-и Ирӣнзамӣн» (1955, т. 2, № 4). В настоящий выпуск вошли книги, изданные в Иране с февраля 1955 г. по март 1956 г. Библиография снабжена тремя указателями: имен собственных, названий сочинений и названий издательств. В предисловии составитель выражает надежду, что эта библиография будет выходить периодически.

Ю. Е. Борщевский и В. А. Кушев

ХРОНИКА

В СССР

ЗАСЕДАНИЕ ОРГКОМИТЕТА ПО СОЗЫВУ 25-го МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

20 февраля 1958 г. состоялось первое заседание организационного комитета по созыву 25-го Международного конгресса востоковедов, который состоится в Ленинграде в 1960 г. В состав оргкомитета входят видные деятели советского востоковедения, представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, союзных республик.

Председателем комитета является директор Института востоковедения акад. АН Тадж.ССР Б. Г. Гафуров, заместители председателя оргкомитета — академик И. А. Орбели и член-корр. АН СССР А. А. Губер.

На заседаниях созданы Московское бюро оргкомитета и Ленинградское бюро. Созданы также комиссии оргкомитета по подготовке проблематики деятельности конгресса и его секций.

СОЗДАНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

В Москве в феврале 1958 г. проходила Всесоюзная конференция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Делегаты конференции единодушно приняли постановление об образовании Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Союз объединит на добровольных началах общества, ассоциации, институты, комитеты дружбы и культурной связи с отдельными странами, республиканские общества культурных связей с заграницей и секции по различным отраслям советской культуры, науки и техники.

Задачей союза является ознакомление советского народа с жизнью, трудом, бытом, экономикой, культурой, историей и языками зарубежных народов и распространение за границей всесторонних сведений о жизни советских людей, развитии экономики, культуры и науки народов Советского Союза, о миролюбивой внешней политике Советского государства.

Уже создано Общество советско-китайской дружбы, а также Общество советско-индийских культурных связей. Создаются общества дружбы и культурной связи с рядом стран Востока.

Состоялось заседание востоковедной секции союза обществ дружбы и культурной связи.

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА «ВОСТОК-ЗАПАД»

С целью реализации основного проекта ЮНЕСКО «Об обоюдном признании ценности народных культур стран Востока и Запада» (см. журнал «Советское востоковедение» № 4, 1957 г. и № 1, 1958 г.), а также для координации деятельности всех учреждений, организаций и лиц, заинтересованных в выполнении этого проекта в СССР создан специальный комитет по осуществлению проекта «Восток-Запад» под председательством директора Института востоковедения АН СССР академика АН Таджикской ССР Б. Г. Гафурова.

Комитет состоит из 25 членов — научных работников-востоковедов, работников издательств,

связанных с выпуском литературы народов Востока, главных редакторов востоковедных журналов, сотрудников библиотек, музеев, специалистов по зарубежной литературе, газетных работников и т. д.

На первом заседании комитета намечен ряд практических мероприятий по осуществлению основного проекта ЮНЕСКО «Восток-Запад».

КОМИТЕТ ПО ПОДГОТОВКЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Секретариатом Правления Союза писателей СССР создан Комитет по подготовке конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоится в Ташкенте осенью 1958 г. в соответствии с решениями Каирской конференции солидарности народов Азии и Африки.

7 февраля 1958 г. под председательством Ш. Рашидова состоялось первое заседание комитета, на котором председатель Советского Комитета солидарности стран Азии А. В. Софронов познакомил собравшихся с предварительным планом работы Комитета. На заседании выступили М. Аплетин, М. Ауэзов, И. Брагинский, К. Симонов, Г. Севунц, П. Скосырев, А. Сурков, К. Сейтлиев и другие.

Активная подготовка к конференции развертывается также и в Советских среднеазиатских и закавказских республиках.

Начинает выходить «Информационный бюллетень» Советского подготовительного комитета.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

В середине февраля в Институте состоялось второе координационное совещание африканистов. В совещании приняли участие научные сотрудники Институтов востоковедения, этнографии, мировой экономики и международных отношений, географии АН СССР, преподаватели МГУ и педагогических институтов.

С докладом о задачах советских африканистов в связи с решениями Каирской конференции выступил член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. В своих выступлениях кандидаты исторических наук С. Р. Смирнов, В. Б. Луцкий, А. З. Зусманович, Л. Д. Яблочков, М. В. Райт, доктора исторических наук Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин и другие останавливались на задачах, стоящих перед учеными-африканистами в деле всестороннего изучения истории и филологии народов стран Африки. Выступавшие подчеркивали необходимость расширения числа изучаемых в Советском Союзе языков народов Африки.

Было внесено предложение о создании единого научного центра советской африканистики.

В принятой конференцией резолюции намечены конкретные задачи, стоящие перед советскими учеными-африканистами.

* * *

В феврале 1958 г. по инициативе экономической секции Ученого совета состоялась научная дискуссия на тему «Госкапитализм в слаборазвитых странах Востока». С докладами и сообщениями о развитии госкапитализма в Индии, Пакистане, Бирме, Индонезии, Филиппинах, Турции выступили научные сотрудники Института тт. Левковский, Растянников, Жабреев, Троицкий, Шабалина, Розалиев и другие.

После докладов и сообщений состоялся развернутый обмен мнениями, в котором приняли участие научные работники ряда институтов и научно-исследовательских учреждений столицы, а также преподаватели и аспиранты высших учебных заведений.

(Подробный отчет о дискуссии будет опубликован в № 4 нашего журнала).

* * *

В начале января 1958 г. на заседании исторической секции Ученого совета Института с участием сектора Болгарии Института славяноведения АН СССР профессор Софийского университета и Института истории Болгарской Академии наук Х. Гандев прочитал доклад на тему «Развитие чифтликийской формы землевладения в Болгарии в период турецкого господства в XVI—XVII вв.». На основании большого материала из документов и из полевых исследований, сохранившихся в северо-западных районах Болгарии строений бывших чифтликийских хозяйств профессор Гандев отчетливо раскрыл пути образования этих хозяйств, их структуру, характер деятельности и положение непосредственных производителей, работавших в чифтликах.

В докладе, прочитанном в Институте славяноведения АН СССР, проф. Х. Гандев продолжил изложение темы и охарактеризовал развитие чифтликов в Болгарии в XVIII и XIX веках.

Профессор А. Бурмов сделал сообщение об издании исторических источников в Болгарии, относящихся к периоду средневековья. После критического обзора изданий исторических источников в Болгарии в предшествующее время проф. А. Бурмов рассказал об огромной работе, проведенной в Болгарии после 1944 г. по собиранию и научной обработке исторических документов, а также о работе по подготовке публикаций документов по болгарской истории, которая проводится в настоящее время в возглавляемом им секторе по изданию памятников и библиографии Института истории Болгарской Академии наук.

Так, издание турецких документов осуществляется в трех сериях по нескольку томов в каждой: I серия — документы по истории Болгарии XV — середины XVIII в. будет содержать как официальные документы — законы, указы, распоряжения, реестры, судебные постановления, так и неофициальные — хроники и т. п.; II серия — документы, относящиеся к аграрной истории до 1834 г.; III серия — документы, относящиеся к аграрной истории после Крымской войны. Подготовкой издания турецких документов занимаются в Институте истории под руководством проф. А. Бурмова и Х. Гандева Б. А. Цветкова, В. Мутафчиева, Н. Тодоров, В. Паскалева и в Ориентальном отделе Государственной библиотеки «Васил Коларов» под руководством проф. Б. Недкова Н. Попов и Руси Стойков.

Доклады болгарских ученых были выслушаны с большим интересом. В ходе оживленного обмена мнениями советские ученые высказали свою точку зрения по ряду проблем, затронутых в докладах болгарских историков, поделились результатами своих исследований. Встречи с болгарскими учеными способствовали дальнейшему укреплению дружеских и научных контактов востоковедов СССР и Болгарии.

* * *

6 февраля с. г. состоялось расширенное заседание сектора языка и литературы народов Индии, посвященное двадцатилетию со дня смерти выдающегося бенгальского писателя Шоротчондро Чоттопадхайя (1876—1938). В заседании приняли участие индийцы, проживающие в Москве.

О национальном своеобразии и самобытности творчества Шоротчондро Чоттопадхайя и о влиянии, которое оказало его творчество на развитие современной бенгальской литературы, рассказал в своем выступлении бенгальский писатель Нони Бхоумик.

А. П. Гнатюк-Данильчук остановился на огромной популярности, которой пользуются произведения писателя в Индии. Литературовед Яшвант Упаникар и поэт Мадху сообщили о влиянии творчества Шоротчондро Чоттопадхайя на современную литературу маратхи и хинди.

Проф. Мурти, являющийся переводчиком многих произведений Шоротчондро на язык телугу, рассказал о том, что переводы его произведений на язык телугу пользуются огромной популярностью среди читателей. Личными воспоминаниями о Шоротчондро поделился проф. Нирендранатх Рай. Поэт Сурьям прочел свое стихотворение, посвященное Шоротчондро.

Канд. филол. наук Е. П. Челышев сообщил собравшимся о той работе, которая ведется по переводу произведений Шоротчондро на русский язык. В ближайшее время будут опубликованы роман «Сожженный дом», рассказы «Сын Бинду», «Мохеш», «Свет в ночи» и др.

* * *

В конце февраля 1958 г. состоялось организационное собрание литературоведческой группы при филологической секции Ученого совета Института. Вступительное слово произнес д-р филол. наук И. С. Брагинский, который охарактеризовал основные задачи, стоящие перед восточным литературоведением. С со-

общением о плане работы литературоведческой группы выступил ее ученый секретарь канд. филол. наук А. Е. Бертельс.

Литературоведческая группа участвует в проведении совместно с Институтом мировой литературы и Институтом китаеведения АН СССР «Восточных чтений». Будут проводиться также научные сессии, на которых, в частности, будут обсуждены вопросы «Сатира в восточной литературе» (в связи с обсуждением книги Я. П. Эльсберга «Теория сатиры»), «Проблемы реализма в восточной литературе» и т. д. Предполагается также заслушать ряд докладов и провести семинары по отдельным актуальным проблемам восточного литературоведения.

В состав литературоведческой группы входит свыше 60 научных сотрудников Института — специалистов по литературам Индии, Бирмы, Японии, Кореи, Индонезии, Ирана, Турции и др.

* * *

Редакция журнала «Иностранная литература» готовит выпуск специального номера, посвященного литературе народов арабских стран. В Институте состоялось совещание представителей редакции и научных сотрудников — филологов и лингвистов, на котором были обсуждены формы участия сотрудников института в подготовке этого номера.

Ленинградское отделение ИВ АН СССР

В марте 1958 г. исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося советского арабиста академика И. Ю. Крачковского. Недавно выпущен четвертый том избранных произведений И. Ю. Крачковского. В нем впервые полностью опубликовано капитальное исследование ученого о географической науке арабов. Здесь дано систематическое изложение арабской географической литературы, начиная с самых ранних путевых записок арабских путешественников.

В ознаменование 75-летия со дня рождения акад. И. Ю. Крачковского проведена юбилейная научная сессия Ученого совета Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Академик И. Ю. Крачковский (1883—1951)

* * *

В 1934—1938 годах в Ленинграде существовала Ассоциация ленинградских арабистов, деятельностью которой руководил акад. И. Ю. Крачковский. По инициативе Ассоциации в 1935 и 1937 гг. были созваны две всесоюзные сессии арабистов.

В конце 1957 г. Ученый совет Ленинградского отделения ИВ АН СССР принял решение о возобновлении деятельности Ассоциации ленинградских арабистов. 12 декабря 1957 г. состоялось организационное собрание арабистов, на котором была создана Ассоциация ленинградских арабистов при Арабском кабинете Ленинградского отделения ИВ АН СССР. В состав совета Ассоциации вошли видные ученые-арабисты — И. А. Орбели (председатель совета), Н. В. Пигулевская, В. А. Крачковская, И. Н. Винников, Д. А. Ольдерогге, В. И. Беляев, А. Ф. Искандеров, Т. А. Шумовский и А. А. Долинина.

Председателем президиума Ассоциации избран В. И. Беляев.

Ассоциация намерена организовать регулярный обмен научными достижениями в области изучения истории, экономики, языка, литературы и других областей арабской культуры, изучения арабских документов по истории народов СССР и т. д. Ассоциация предполагает периодически созывать научные совещания, конференции и сессии, приглашая для участия в них представителей всех востоковедных центров страны. Будут расширены связи с учеными арабских стран. Намечен ряд мероприятий в области научной пропаганды, а также издательской деятельности.

ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

Выходит из печати первый номер журнала «Советское китаеведение» (орган Института китаеведения АН СССР). Журнал открывается статьей от редакции, в которой дается краткий обзор истории изучения Китая в дореволюционной России и СССР и намечены основные задачи советского китаеведения, определяющие направление журнала. Восьмой годовщине договора о дружбе между Китаем и СССР посвящена статья «Советско-китайская дружба — фактор мира и всеобщей безопасности».

В разделе «Статьи и сообщения» помещены статьи, посвященные различным вопросам истории Китая, советско-китайских отношений, истории китайской революции и современному этапу социалистического строительства в Китае.

В отделе «Обзоры и научные заметки» помещены работы М. Е. Шнейдера «Цюй Цю-бо о Советской России (1921—1922 гг.)», А. И. Чехутова «Бюджет КНР за 1950—1957 гг.», А. И. Маркова «Экономическое сотрудничество между СССР и КНР».

В отделе «Публикации» журнал знакомит читателей с документами по истории советско-китайских отношений, подготовленными И. Ф. Курдюковым, и с публикацией В. С. Мясникова «Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина» (XVII в.).

В отделе «Историография, критика и библиография» помещена критическая статья Ю. А. Левады «Социалистическая революция в Китае и ее буржуазные критики» и ряд рецензий на книги по Китаю — китайских, советских и буржуазных авторов. Об изучении Китая рассказывают заметки, хроника и сообщения отделов «Китаеведение в СССР» и «Китаеведение за рубежом».

Журнал публикует приветствие, присланное в адрес редакции президентом АН КНР Го Мо-жо, в связи с выходом первого номера.

Московский государственный университет

На заседании кафедры арабской филологии Института восточных языков были заслушаны доклады — «Прогрессивные поэты Судана и их борьба за независимость страны» (Салих Махмуд аль Бадави) и «Прогрессивные направления в современной литературе Сирии (Мохаммед Камил Насир). Доклады были прочитаны на арабском языке.

Ленинградский государственный университет

Доцент кафедры истории древнего Востока Восточного факультета Н. С. Петровский закончил работу над книгой «Египетский язык», являющейся первой в нашей стране систематической грамматикой древнего египетского языка. Книга Н. С. Петровского включает введение в иероглифику и лексикологию, очерк морфологии и синтаксиса древнего египетского языка.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

На заседании Ученого совета Института 20 февраля сего года было отмечено 60-летие со дня рождения видного советского ученого, специалиста в области экономики, истории международных отношений и мировой поли-

тики, доктора исторических наук И. М. Лемина. И. М. Лемин является членом редколлегий журналов «Мировая экономика и международные отношения» и «Советское востоковедение». Его перу принадлежит множество научных работ. Юбиляра тепло приветствовали многочисленные представители научной общественности столицы.

«ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ»

24 февраля 1958 г. состоялись очередные «Восточные чтения», проводимые Институтом мировой литературы и Институтом востоковедения АН СССР. Доклад на тему «Принципы и возможности художественного перевода восточных литератур» сделал доцент МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Стариков. Докладчик проанализировал богатый опыт переводов произведений восточных литератур, накопленный в нашей стране, остановился на принципах переводимости художественных произведений, подробно остановился на основных компонентах перевода: содержании, образах, отдельных художественных элементах. В докладе были приведены многочисленные примеры удачных и неудачных переводов отдельных произведений. После доклада развернулись оживленные прения.

АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ В СССР

В конце декабря 1957 г. по приглашению Президиума АН СССР Советский Союз посетил известный шумеролог профессор Филадельфийского университета и хранитель собрания древностей Двуречья С. Н. Крамер, перу которого принадлежит ряд работ и публикаций по истории древнего Шумера.

Американский ученый прочитал в Москве и Ленинграде ряд докладов: о культуре древнего Шумера, об организации в США изучения истории культуры древнего Востока и т. д.

С. Н. Крамер работал в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Государственном Эрмитаже. Им подготовлен к изданию уникальный текст неопубликованной ранее шумерской таблетки.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1958 г. выйдет в свет сборник сказок, повестей и поучений древнего Египта — «Фараон Хуфу и чародеи» (в переводе и с предисловием канд. ист. наук И. С. Кацнельсона). Этот сборник является первой антологией древнеегипетской литературы, включающей почти все памятники литературы древнего Египта.

Титульный лист «Антологии таджикской поэзии», выпущенной Государственным издательством художественной литературы

Многие из произведений, вошедших в сборник, переведены на русский язык впервые, а некоторые впервые переведены с оригинала.

ИЗДАНИЕ ИНДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1958 г. Государственное издательство художественной литературы выпустит роман Гонгопадхая «Шорнолота», сборники: произведений Прем Чанда, рассказов индийских писателей, «Бенгальская поэзия», «Двадцать пять рассказов Веталы» (древнеиндийский эпос); в серии «Зарубежный роман XX века» выйдут «Песчинка» Р. Тагора и «Поле битв» П. Чанда; сборник индийских сказок издается в «Массовой серии»; будет выпущена древнеиндийская поэма «Наль и Дамаянти» (в переводе В. Жуковского). В Издательстве иностранной литературы выйдут: романы Б. Варма — «Рани Джханси»; К. Чандра — «Поражение», Яшпала — «Дивья»; «Стихи» Валлатхола; книги М. Р. Шарма — «Управление Индийской Республики», Чаттерджи — «Климат Индии», Т. Р. Шарма «Размещение промышленности в Индии» и др. Детгиз выпускает из печати «Сказки Индии» (с рисунками Н. Кочергина)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Издательстве ведется подготовка к выпуску сборника пословиц и поговорок народов Востока в переводе на русский язык. В сборник, рассчитанный на массового читателя, войдут переводы более чем с пятидесяти языков народов Востока. Все переводы делаются непосредственно с соответствующих восточных языков, причем большая часть из них публикуется впервые.

Редакция сборника совместно с переводчиками разработала основные положения, которые должны лечь в основу издания. В сборник будут включаться в первую очередь такие пословицы и поговорки, которые передают особенности культуры и быта данного народа.

В подготовке сборника участвует большой коллектив переводчиков в Москве и Ленинграде. Подобный сборник издается в СССР впервые и, несомненно, вызовет интерес не только среди широких кругов читателей, но и среди ученых-фольклористов.

МУЗЕИ

МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

В связи с 8-й годовщиной подписания договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР в музее открылась выставка китайского изобразительного искусства. На выставке представлены картины, расписные эмали, фарфор, народные вырезки, художественные ткани, вышивки, предметы домашнего обихода.

Недавно общество китайско-советской дружбы передало музею несколько новых картин. Среди них большая картина «Пусть расцветают сто цветов», выполненная группой китайских художников, «Лотосы» Юй Фэй-аня, ряд пейзажей Цинь Чжун-веня, гравюры Ли Цюня, Ли Пин-фана, Хуан Юн-юя и др.

На выставке представлена также религиозная живопись Тибета XVI—XIX веков.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А. С. ПУШКИНА

В начале января 1958 г. Музеем изобразительных искусств совместно с Музеем восточных культур было созвано научное заседание, на котором с сообщением «Общий обзор древних памятников Сирии» выступил хранитель Национального музея в Дамаске Хасан Камаль.

Сирийский ученый подробно охарактеризовал ведущиеся в стране археологические исследования. Он рассказал о деятельности Генеральной дирекции древностей, ведающей проведением археологических работ. Хасан Камаль отметил, что до 1956 г. в Сирии работало 6 иностранных экспедиций. Ученый подробно остановился на результатах археологических исследований города-государства Мари, Угарита, Пальмиры и т. д. Хасан Камаль продемонстрировал ряд диапозитивов, на которых запечатлены наиболее интересные памятники, обнаруженные во время раскопок.

После доклада состоялась дискуссия, в которой приняли участие видные советские археологи и востоковеды. Они отметили, что сделанное Хасаном Камалем сообщение представляет весьма большой интерес, высказали ряд замечаний по затронутым им вопросам, рассказали об исследованиях советских ученых.

Участники дискуссии подчеркивали необходимость всемерного расширения научных контактов между советскими востоковедами и учеными стран Востока.

Встреча с сирийским ученым явилась наглядным свидетельством крепнущих культурных связей между Советским Союзом и странами Арабского Востока.

ВЫСТАВКИ

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИНДИИ

В феврале 1958 г. в Москве открылась выставка произведений советских художников, побывавших в Индии. На выставке представлены картины С. Чуйкова, этюдные портреты В. Ефанова, полотна и этюды азербайджанского художника Абдуллаева, акварели А. Герасимова и В. Климашина, произведения А. Кокорина, К. Финогенова, Д. Налбандяна и других.

В своих произведениях эти художники отразили жизнь дружественного народа Индии, показали своеобразный быт, богатую и красочную природу страны.

В выставке приняли также участие студенты Московского художественного института им. Сурикова, посетившие Индию.

В ОДНОМ ИЗ ЗАЛОВ ВЫСТАВКИ

Азербайджанская ССР

Вышел из печати подготовленный Институтом востоковедения АН СССР и Институтом истории АН Азербайджанской ССР научно-критический текст третьего тома произведений Фазлуллаха Рашид-ад-Дина «Джами'-ат-таварих». Текст подготовлен А. К. Али-заде. Редакторами текста являются ныне покойные А. А. Ромаскевич и Е. Э. Бертельс. Перевод с персидского сделан А. К. Арендсом.

В текущем учебном году в нескольких средних школах Баку введено преподавание персидского языка. Вышел из печати учебник по персидскому языку для 4 и 5 классов азербайджанской школы, написанный А. Азери и Г. Ализаде. В двух школах Баку преподается также и арабский язык.

* * *

В декабре 1957 г. в Баку гостил профессор Тегеранского университета Мухаммед Моин. Иранский ученый ознакомился с постановкой научной работы в республике, организацией высшего образования. Он посетил ряд высших учебных заведений, Академию наук республики, музеи, школы и т. д.

Мухаммед Моин положительно отозвался о работах азербайджанских востоковедов, многие из которых, по его мнению, являются значительным вкладом в развитие науки о странах Ближнего и Среднего Востока.

* * *

Истории азербайджанской литературы в советский период посвящен вышедший в конце 1957 г. третий том «Истории азербайджанской литературы».

В томе помещены материалы о видных литературных деятелях республики — Джафаре Джабарлы, Сулеймане Сани Ахундове, Сеиде Гусейне, Микаиле Мушфиге, Самеде Вургуне, М. С. Ордубады, Абдулле Шаиге, Сулеймане Рустаме, Мирзе Ибрагимове и др.

Армянская ССР

В начале января 1958 г. в Ереване состоялся вечер, посвященный курдской литературе. С докладом о советской курдской литературе выступил курдский писатель канд. филол. наук Ганджие Гжиди.

* * *

Издательством Академии наук республики выпущена книга канд. филол. наук Амине Абдала «Быт курдов Закавказья», в которой рассказывается об успехах, достигнутых в области развития культуры и просвещения курдов, проживающих в СССР.

Казахская ССР

В конце 1957 г. общественность республики отметила 50-летие со дня рождения казахского ученого, педагога и поэта Кажима Джумалиева. Перу К. Джумалиева принадлежит несколько сборников стихотворений, поэм и рассказов, учебники по теории литературы, казахскому фольклору, монументальная монография о языке поэзии Абая, а также ряд других работ.

Каракалпакская АССР

В конце 1957 г. и в январе 1958 г. общественность республики торжественно отметила 130-летие со дня рождения выдающегося каракалпакского поэта-демократа XIX столетия Бердаха, который по праву считается основоположником каракалпакской литературы. Большое и многостороннее поэтическое наследие Бердаха вошло в золотой фонд классической литературы народов Средней Азии.

В течение последних лет на родину поэта (ныне Муйнакский район Каракалпакской АССР) неоднократно выезжали литературоведы, которые собирали там материал по биографии и творчеству Бердаха, записывали легенды и предания, созданные о нем народом. Канд. филол. наук И. Т. Сагитов подготовил к юбилею монографию «Творчество Бердаха». Выпущен однотомник избранных произведений поэта, переведенных на русский язык поэтом Н. Гребневым. В однотомнике впервые опубликовано полностью на русском языке наиболее значительное произведение Бердаха — роман в стихах «Хан-самодур».

Состоялась объединенная научная сссия Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН Узб. ССР и Государственного педагогического института, на которой были заслушаны доклады о жизни и творчестве Бердаха, о влиянии, оказанном им на развитие каракалпакской поэзии. В столице республики — Нукусе — состоялся торжественный вечер, посвященный поэту-гуманисту. Вечера памяти Бердаха были проведены также в домах культуры, клубах, педагогических училищах, школах Чимбая, Кунграда, Турткуля и других городов. В городах и селах республики читались лекции о жизни и творчестве поэта, в библиотеках были организованы выставки произведений Бердаха. Юбилей выдающегося сына каракалпакского народа широко отмечался и в Узбекистане.

* * *

В декабре 1957 г. общественность республики отметила 50-летие со дня рождения, 30-летие педагогической и 25-летие научно-исследовательской деятельности каракалпакского лингвиста, кандидата филологических наук, заслуженного учителя Узбекской ССР Кенжебая Убайдуллаевича Убайдуллаева.

Перу К. У. Убайдуллаева принадлежит свыше 30 научно-исследовательских, методических работ и ряд учебников по каракалпакскому языку.

Таджикская ССР

В октябре 1958 г. будет торжественно отмечаться 1100-летие со дня рождения основоположника таджикской классической литературы Абуабдулло Рудаки. К знаменательной дате будет издано 3-х томное собрание его стихотворений, ряд произведений Рудаки в русском переводе, а также несколько монографий, посвященных творчеству великого поэта на таджикском и русском языках.

Готовится к изданию сборник материалов о

РУДАКИ (СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ М. М. ГЕРАСИМОВА)

вскрытии могилы Рудаки и восстановлении его облика по методу проф. Герасимова. В Сталинабаде будет установлен памятник Рудаки, а на его родине — в селении Панджруд Колхозчионского района — будет сооружен мавзолей и открыта памятная библиотека-читальня. В Пенджикенте предполагается построить новое здание музея Рудаки.

Творчеству Рудаки и его эпохе будет посвящена специальная сессия Академии наук Таджикской ССР.

* * *

В связи с 80-летием со дня рождения основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни Академия наук республики созвала специальную сессию.

* * *

Государственное издательство республики издает на таджикском языке выдающееся произведение арабского фольклора «Тысяча и одна ночь».

Татарская АССР

13 января 1958 г. общественность Татарии отметила 60-летие со дня рождения замечательного поэта и публициста, драматурга, одного из основоположников советской татарской драматургии Фатхи Бурнаша, чье имя было незаслуженно забыто в последние годы. Литературное наследие Бурнаша очень богато: его перу принадлежат около 20 пьес, либретто опер, несколько поэм и сборников стихов, а также более 300 статей по вопросам искусства и литературы.

Фатхи Бурнаш является автором множества переводов произведений русских классиков и советских писателей на татарский язык.

Пьесы Фатхи Бурнаша «Тахир и Зухра», «Молодые сердца», «Хусаин Мирза», «Заблудившаяся девушка», «Старик Камали» и др. принадлежат к лучшим образцам татарской драматургии.

ЗА РУБЕЖОМ

Китай

Подведены итоги работы Академии наук КНР за пятилетие — 1953—1957 гг. в области общественных наук. Как отмечает печать, эта работа проводилась под общим лозунгом китайской науки: «Крепить связь теории с практикой, служить делу социалистического строительства».

Сотрудники АН КНР, работающие в области общественных наук, важнейшее место отводили изучению марксизма-ленинизма. Большое значение имела критика идеалистической философии Ху Ши и Ху Фына, их взглядов на литературу и историю, критика буржуазных экономических воззрений. Ученые приняли активное участие во всенародном движении по борьбе с правыми элементами.

Успешно прошло широкое обсуждение важнейших проблем переходного периода в Китае: «Противоречия между производительными силами и производственными отношениями», «Проблемы соотношения базиса и надстройки», «Основной экономический закон» и других.

Ученые-экономисты закончили составление проекта экономического районирования провинций Ганьсу и Шэньси, а также первый вариант общего экономического плана бассейна Янцзы.

Сотрудники АН КНР собрали и изучили большое количество материалов по кооперированию сельского хозяйства, по социалистическому преобразованию промышленности, торговли и ремесла. Собраны и изданы материалы по истории экономики Китая в новое время.

Коллективы сотрудников институтов истории изучают основные этапы истории страны, истории идеологии. Важное значение имели дискуссии по проблемам периодизации древней и новой истории, зарождения капитализма в Китае, о формировании нации, по методологии исследования истории китайской философии и др.

В широких масштабах велись археологические изыскания. Только при раскопках в районе работ на гидроузле Саньмэнся открыто 211 новых стоянок. Раскопки дали ценный материал для выяснения распространения неолитических культур на территории Китая.

Большая помощь была оказана учеными в нормализации китайской письменности и языка. Ученые проводили работу по изучению и распространению «путунхуа». Был закончен первый этап обследования диалектов китайского языка. Пятнадцати нацменьшинствам оказана помощь в создании проектов письменности. Исследователями-филологами создан ряд работ по древней и современной литературе Китая.

Созданы новые научные учреждения в области изучения международных отношений, истории естественных наук, юридических наук и т. д.

Как указывает печать, учеными, работающими в системе АН КНР, за истекшее пятилетие написано свыше 4000 научных работ и статей по проблемам общественных наук.

Англия

В конце 1957 г. исполнилось 10 лет со времени реорганизации основанного в 1916 г. Института ориенталистики и африканистики при Лондонском университете. В настоящее время, как сообщает журнал «Journal of Asian studies», академическая работа развертывается в отделах: 1) языки и культура Индии, Пакистана и Цейлона; 2) языки и культура Дальнего Востока; 3) языки и культуры Ближнего и Среднего Востока; 4) языки и культуры Африки; 5) фонетика и лингвистика; 6) история права в странах Востока; 7) языки и культуры Юго-Восточной Азии и островов. После 1947 г. были созданы два новых отдела — права и культурной антропологии.

Помимо постоянного штата сотрудников Институт приглашает на срок 3—5 лет небольшое число высококвалифицированных ученых из стран Азии и Африки. Они занимаются преподаванием современных разговорных языков, а также продолжают исследовательскую работу. Институт направляет своих сотрудников в те страны, с которыми он связан.

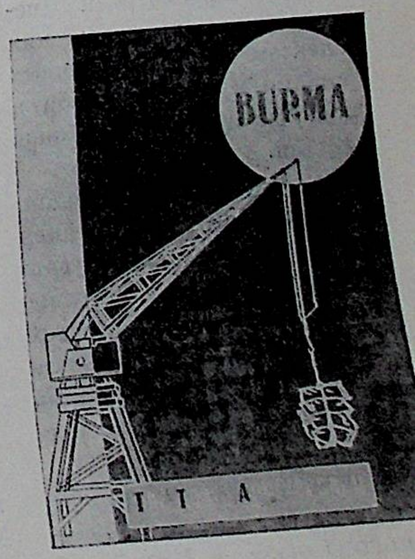
С 1946 по 1957 гг. институтом были опубликованы 48 работ. 21 работа находится в печати. Институт издает журналы: «The Bulletin of the School of Oriental and African studies», выходящий три раза в год, и «Asia major», выпускаемый совместно с Оксфордским и Кембриджским университетами.

* * *

Как сообщает Информационный бюллетень ЮНЕСКО, Музей восточного искусства в Оксфорде предложил ряду музеев мира обмениваться диапозитивами. На предложение музея откликнулись музеи Соединенных Штатов, Канады и Гавайских островов. Ведутся переговоры с музеями Японии. Такая система обмена позволила Оксфордскому музею создать богатую коллекцию диапозитивов произведений искусства народов Востока.

Бирма

Январский номер журнала «Бирма» за 1958 г. посвящен 10-й годовщине провозглашения независимости страны. В журнале, издаваемом директоратом информации Бирманского Союза, опубликованы многочисленные статьи, содержащие новейшие данные о Шанском, Качинском и Каренском государствах, государстве

Обложка журнала «Бирма»

Кая и Особой Чинской области, а также о важнейших достижениях страны в развитии экономики, народного просвещения и культуры.

Особенно большой интерес представляют обзорные статьи «Новая эра для крестьян (Достижения Министерства по делам национализации земли)» о государственном сельскохозяйственном банке, об орошении, о кооперации, о развитии промышленности, торговли и транспорта, о достижениях в области народного просвещения, здравоохранения и т. д.

В журнале имеются многочисленные фотоиллюстрации.

В стране имеется несколько научных организаций, занимающихся изучением международных проблем. Вопросы, связанные с положением Бирмы на международной арене, исследует Бирманский Совет по международным проблемам (Рангун). Эта организация проводит научные исследования, дискуссии, публичные лекции, осуществляет связь с аналогичными организациями за границей. Патроном Бирманского Совета по международным проблемам является премьер-министр У Ну. Президентом Совета избран У Рашид, министр горнодобывающей промышленности. Совет по международным проблемам издает журнал «Чинта».

В конце 1957 г. при Рангунском Университете создано Общество международных проблем, возглавляемое Ко Чином.

Индия

В конце января 1958 г. в Дели состоялась восьмая национальная конференция Ассоциации индийского народного театра («IPTA»). На конференции этой массовой прогрессивной организации рассматривался ряд теоретических и организационных вопросов. Делегаты конференции присутствовали на концертах, просмотрели несколько драматических спектаклей, поставленных силами артистов-любителей из разных районов Индии.

В работе конференции приняла участие делегация деятелей театра и искусств Советского Союза во главе с народным артистом РСФСР Б. А. Бабочкиным, а также делегация Китайской Народной Республики.

После закрытия конференции делегации Советского Союза и Китайской Народной Республики совершили длительную поездку по стране. Они посетили Агру, Бомбей, Мадрас, Калькутту, Кришнадар и другие пункты, знакомясь с деятельностью местных организаций индийской ассоциации национального театра. Состоялись многочисленные встречи советских делегатов с деятелями культуры и искусства Индии, неизменно проходившие в теплой и дружественной обстановке.

* * *

Появление «Тамильской Энциклопедии» является выдающимся событием в научной и культурной жизни не только Тамилнада, но и всей Индии. Еще в 1947 г. выдающийся последователь Рамакришны и крупнейший деятель тамильского просвещения Т. С. Авинасилингам Четтийяр, бывший в то время министром просвещения в Мадрасе, а ныне являющийся депутатом Индийского парламента, выступил с призывом к созданию этого труда. Он же возглавил работу по созданию Энциклопедии. В Энциклопедии принимает участие ряд известных ученых, в том числе лауреат Международной Ленинской премии мира и лауреат Нобелевской премии знаменитый физик Раман.

Первый том Энциклопедии вышел в 1954 г., в 1957 г. вышел 4-й том. Всего должно выйти 10—11 томов.

Индонезия

В октябре 1957 г. в Бандунге (Западная Ява) был открыт новый Государственный университет. Университет будет готовить специалистов для различных отраслей науки и культуры. Здесь созданы факультеты: права, специальных наук, экономики, медицины и педагогический.

На церемонии открытия Бандунгского университета с речью выступил президент Сукарно, призвавший студентов бережно хранить революционные традиции индонезийского народа. Президент обратил внимание студентов на необходимость настойчиво овладевать знаниями, воспитывать себя в демократическом духе, чтобы стать достойными гражданами своей родины.

* * *

Группа индонезийских писателей в составе Трисно Сумарджо, Утой Т. Сонтани, Марии Амин, М. Балфас, К. Х. Рамадхан, С. Анантагун, Агам Виспи в течение месяца находилась в Китайской Народной Республике. Индонезийские писатели ознакомились с достижениями народов нового Китая, имели ряд встреч с китайскими писателями.

* * *

По приглашению Индонезийско-советского общества культурных связей в декабре 1957 г. в Индонезию прибыла группа советских мастеров искусства во главе с народной артисткой Союза ССР Тамарой Ханум. В течение месяца артисты дали ряд концертов в Джокьякарте, Соло, Маланге, Сурабайе, Семаранге, Бандунге, Джакарте и других городах. Выступления советских артистов прошли с огромным успехом.

* * *

В связи с празднованием 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции издательство «Пембаруан» выпустило на индонезийском языке «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, брошюру президента Сукарно «Октябрьская революция и пробуждение народов Азии» и другие. Издательство выпустило также открытки с изображением событий эпохи Октябрьской революции, а также портреты В. И. Ленина.

В честь великой годовщины в Сурабайе была организована фотовыставка, посвященная достижениям народов Советского Союза в развитии экономики и культуры.

Иран

Осенью 1957 г. на факультете права Тегеранского университета состоялось торжественное празднование 700-летия со дня рождения Джалал ад-дина Балхи (Мавлави Руми), одного из крупнейших представителей средневековой иранской поэзии и суфийской философии. Празднование этой годовщины было организовано Министерством культуры Ирана при участии специальной комиссии ЮНЕСКО. С докладами о жизни и творчестве Джалал ад-дина Балхи (Мавлави Руми) выступили видные иранские ученые — д-р Омиг, д-р Шафаг, Джелал Хоман, Хади Хаири, Шаджа ад-дин Шефа и др.

На выставке был представлен также портрет великого иранского поэта и мыслителя работы крупнейшего современного иранского художника Хосейна Бехзада.

* * *

Начиная с прошлого года Главное управление изящных искусств Ирана приступило к изданию нескольких новых журналов по различным областям культуры. В «Журнале этнографии» («Мардом шёнаси») публикуются статьи по материальной культуре, фольклору, обычному праву племен Ирана и т. п.

Проблемы изобразительного и прикладного искусства освещаются в ежемесячном журнале «Живопись («Нагш-о негар»).Начали выходить специальные журналы, посвященные драматургии и киноискусству Ирана «Представление» («Немайеш») и «Кино и жизнь» («Синема ва зандеги»). Издается также «Журнал музыки» («Маджалле-е мусиги»).

Италия

В течение длительного времени в Северном Пакистане работала итальянская археологическая экспедиция, возглавляемая проф. Туччи. Значительный материал собран экспедицией в долине р. Сват, где столкнулись две различные культуры — одна, пришедшая с Запада, и другая — с Востока. Раскопки, проведенные в этом районе, позволяют судить о развитии индо-греко-романской культуры, о политической жизни Свата времен Александра Великого и более раннего периода.

Большие успехи были достигнуты также при раскопках Мингоры и Удеграма.

*

В ноябре 1957 г. в Риме Институтом Ближнего и Среднего Востока была организована выставка работ японского художника Кодама Кибо, работающего в манере древней школы Кано. В его картинах своеобразно сочетаются каноны древнего искусства, с духом современности. Мастерство художника было высоко оценено посетителями выставки и критикой.

Пакистан

С 29 декабря 1957 г. по 8 января 1958 г. в Лахоре проходил Международный коллоквиум по исламу. На коллоквиуме присутствовало около 170 делегатов, в том числе видные востоковеды из 32 стран мира, преимущественно Азии и Африки. В работе коллоквиума приняли участие советская делегация и делегация Китайской Народной Республики.

Коллоквиум открыл президент Пакистана генерал-майор Искандер Мирза.

На обсуждение участников коллоквиума было поставлено десять тем: «Исламская культура, что мы под этим подразумеваем?», «Исмаильская концепция государства», «Влияние современных идей и социальных ценностей на мусульманское общество», «Роль иджтихада и сфера законодательной деятельности по исламу», «Отношение ислама к науке», «Влияние ислама на историю и культуру Запада», «Экономика в социальной структуре ислама, в особенности земельная собственность и землевладение», «Отношение ислама к другим верованиям», «Потенциальный вклад ислама в дело мира». По этим темам было прочитано и обсуждено около 100 докладов. Участники коллоквиума заслушали также несколько докладов по исторической тематике исламоведения.

Многие докладчики указывали на необходимость подъема благосостояния, культуры и улучшения социальной жизни в странах мусульманского Востока. В этой связи справедливо подчеркивалось, что экономическая отсталость, нищета массы населения этих стран являются результатом длительного чужеземного господства. В ряде докладов указывалось на необходимость развития науки в странах мусульманского Востока.

Советский делегат, заместитель председателя духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана И. М. Саттиев рассказал о деятельности советских мусульман в пользу мира и взаимопонимания между народами. На коллоквиуме был прочитан доклад члена советской делегации канд. ист. наук Э. Н. Комарова «О социальном содержании мусульманского религиозного движения в Индии первой половины XIX в.».

Член советской делегации — канд. ист. наук А. М. Шамсутдинов выступил в исмаильском колледже с лекцией на тему «О развитии народного образования, науки и культуры в республиках Средней Азии». Доктор философских наук И. М. Муминов прочитал там же доклад «Об изучении творчества выдающегося мыслителя XVII в Мирзы Бедиля в Узбекистане и Таджикистане». Доклады советских ученых были выслушаны с большим интересом. Попытки некоторых делегатов из стран Запада использовать трибуну коллоквиума для антисоветской и антикоммунистической пропаганды были встречены большинством аудитории с неодобрением. В результате американский делегат проф. Р. Н. Фрай был вынужден снять (и исключить из протокола) свой доклад, в изобилии содержавший такого рода выпады.

В целом Международный коллоквиум по исламу, несомненно, способствовал развитию взаимопонимания и дружеских контактов между народами.

США

В журнале «Central asiatic society», 1957, vol. 3, № 1, опубликована статья Джона Крегера «Настоящие и предполагаемые исследования по алтаистике в США». В статье дается краткий обзор работ по алтаистике, вышедших в США за 1955—1956 гг., а также трудов, подготовляемых к изданию. Автор отмечает, что основная научно-исследовательская работа по алтаистике сосредоточена в университетах — Харвардском, Колумбийском, Индианском и т. д. В Колумбийском Университете открыта новая кафедра алтайской филологии, где изучаются урало-алтайские языки.

В 1955—1956 гг. появился ряд диссертаций по филологии Монголии: «Сравнительное изучение суффиксов в монгольских диалектах и литературном языке» Ф. Х. Бака, «Сокровенные сказания монголов» Д. С. Стрита и другие. Ценные первоисточники по Монголии публикует вестник Харвардского Университета «Scripta Mongolica». В США подготовлен и издан ряд словарей, учебников и справочников, в том числе «Халха-монгольско-английский словарь», составленный Д. А. Трокселем, «Учебник монгольского языка» Ринчина и т. д. Подготовлен ряд справочников по Китаю (включая Тибет и Внутреннюю Монголию), Внешней Монголии, Бурят-Монголии.

Доктор Остин продолжает исследования в области монгольского и уйгурского языков, д-р Удо Пош — работает над «Алтайским разговорником» и «Сравнительным словарем монгольских языков». Издается работа д-ра Герберта Шурмана по истории, языку и этнографии монголов Афганистана.

* * *

Турция

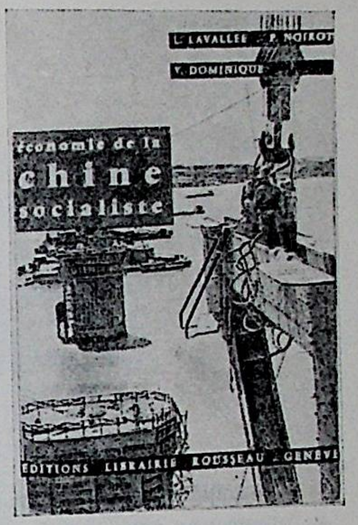
75 тыс. рукописей хранятся в библиотеке «Сулеймание» (Стамбул). В настоящее время эта библиотека является богатейшей в мире по количеству собранных здесь рукописей. 30 тыс. рукописей из этого фонда уже обработаны. Ведутся работы по оформлению остальных рукописей.

* * *

После смерти выдающегося турецкого писателя Саида Фаика (1954 г.) была учреждена литературная премия его имени. Эта премия присуждается ежегодно за лучший сборник рассказов. Премия имени Саида Фаика за 1957 г. присуждена молодому писателю Неджати Джумалы за сборник рассказов «Новыми глазами».

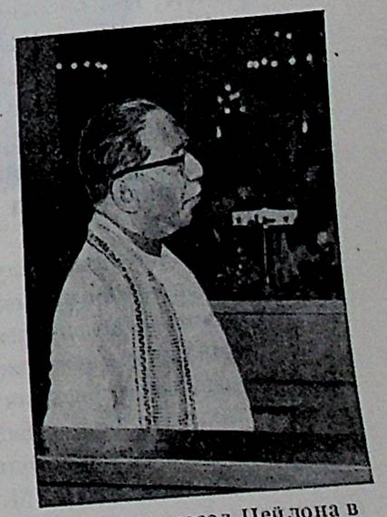
Франция

Издательство «Librarie Rousseau» (Женева) выпустило в конце прошлого года исследование французских экономистов-марксистов Л. Лаваллé, П. Нуаро, В. Доминика «Экономика социалистического Китая». В своем предисловии к этой работе секретарь ЦК Коммунистической партии Франции Жак Дюкло пишет: «...Этот труд следует читать и изучать. Он позволяет лучше увидеть огромные изменения, происшедшие в новом Китае, в успехах которого воплощены лучшие надежды всех трудящихся, всех народов».

Цейлон

В январе 1958 г. на острове Цейлон проходил конгресс буддистов. По просьбе делегатов конгресса посол Республики Цейлон в СССР г-н Малаласекера поделился с присутствующими своими впечатлениями о Советском Союзе. Выступление посла было выслушано с большим интересом.

На снимке посол Цейлона в СССР г-н Малаласекера выступает с речью на торжественном заседании в Москве, посвященном десятилетию провозглашения независимости Цейлона

И. М. РЕЙСНЕР

7 февраля 1958 г. безвременно скончался выдающийся ученый-востоковед, доктор исторических наук, профессор Московского Государственного Университета, заведующий сектором истории Индии Института востоковедения АН СССР, коммунист Игорь Михайлович Рейснер.

И. М. Рейснер родился в 1899 г. в г. Томске. Он происходит из семьи М. А. Рейснера, профессора права, примкнувшего в 1905 г. к большевикам. По окончании гимназии в Петрограде И. М. Рейснер в 1917 г. был секретарем известного деятеля Коммунистической партии Д. З. Мануильского, в то время депутата Петроградской городской думы После Октябрьской революции И. М. Рейснер работал в Народном комиссариате юстиции и Коммунистической Академии. В 1919—1921 гг., после установления дружественных дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном, И. М. Рейснер работал в советском посольстве в Афганистане.

Вернувшись в СССР, И. М. Рейснер окончил Восточный факультет Военной Академии РККА, а затем в 1925—1935 гг. заведовал отделом Востока и колоний Международного аграрного института. В 1925—1937 гг. И. М. Рейснер — профессор Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, где он вел курс истории Индии и Афганистана. С 1934 г. И. М. Рейснер преподавал в Московском Государственном университете, возглавлял кафедру Среднего Востока (1945—1955), а затем — кафедру истории Индии (1955—1958). В Академии наук СССР И. М. Рейснер работал с 1938 г. В последние годы своей жизни он руководил сектором истории и философии Индии Института востоковедения.

И. М. Рейснеру были свойственны широкий политический и научный кругозор, стремление к глубокому марксистскому проникновению в суть изучаемых процессов. Его труды опираются на всесторонний анализ фактов и отличаются политической действенностью.

Крупной научной заслугой И. М. Рейснера является создание серии работ по истории социально-экономического развития Индии, в которых это развитие предстает как противоречивый, но внутренне единый исторический процесс, ведущий к национальному и социальному освобождению индийского народа.

Исследования советского ученого раскрывали, в частности, антинаучность теорий английских историков о неспособности индийского общества к историческому прогрессу и о положительной роли колониального господства. Власть Англии над Индией разоблачена в трудах И. М. Рейснера как диктатура колонизаторов, использовавшая пережитки феодализма для экономического ограбления народа. Вместе с тем им показано становление новых, антиимпериалистических сил индийского общества. В «Очерках классовой борьбы в Индии» (1932 г.) и в позднейших работах содержится разработка важнейших вопросов новой истории страны — разрушение общины и экономики феодального города, народные движения крестьян, ремесленников и феодальных слоев, формирование буржуазии и ее идеологии.

С особым творческим подъемом написаны И. М. Рейснером работы о народных движениях. Он опроверг распространенную в английской и, отчасти, в индийской ли-

И. М. РЕЙСНЕР
(1899 — 1958)

тратуре трактовку как консервативных, тех народных движений, которые использовали иногда формы феодальной идеологии. Исследуя социально-экономические предпосылки и последствия выступлений народных масс, он дал научное определение их прогрессивной роли в историческом развитии Индии. Из этих исследований, кроме монографии о народных движениях XVII—XVIII вв., подготовка которой к печати была прервана кончиной автора, большую ценность представляют его работы об Индийском народном восстании 1857—1859 гг.

Перу И. М. Рейснера принадлежит ряд интересных работ по аграрному вопросу и крестьянским движениям в Индии в период общего кризиса капитализма.

В работах И. М. Рейснера, виднейшего советского афганиста-историка, были впервые исследованы развитие афганского общества от родо-племенного строя до образования независимого афганского государства и причины более позднего, по сравнению с соседними народами, образования у афганцев феодального государства и живучести у них элементов родо-племенной организации и патриархальных отношений. Труд И. М. Рейснера «Развитие феодализма и образование государства у афганцев» является крупным вкладом советской науки в изучение истории Афганистана.

Особенно яркие и впечатляющие страницы посвятил И. М. Рейснер героической борьбе афганского народа против английского империализма.

И. М. Рейснер был одним из создателей и ответственным редактором многих коллективных многотомных работ и учебников по новой и новейшей истории стран Востока. В последние годы своей жизни он работал над написанием отдельных глав «Всемирной истории», принимал близкое участие в редактировании этого многотомного издания и участвовал в составлении и редактировании учебника по средневековой истории стран Востока.

И. М. Рейснер всегда стремился познакомить как можно более широкие круги советской общественности с жизнью народов Индии и Афганистана. Он был ответственным редактором коллективных работ и учебников по новой и новейшей истории Востока. Его перу принадлежат научно-популярные работы, проникнутые горячим сочувствием к освободительному движению колониальных народов.

Партийность, нетерпимость к аполитичности и приспособленчеству, самокритичность, глубокая эрудиция, наряду с неустанной работой по воспитанию молодых научных кадров востоковедов — являются характерными чертами И. М. Рейснера. Образ его останется незабываемым для советских востоковедов.

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ

Колонализм — злейший враг народов Востока 3

К 88 ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Общественно-политические деятели стран Востока о Ленине 9
Беседа В. И. Ленина с японским корреспондентом Кацучжи Фусе 13
С. И. Аралов. Выполняя указания Ленина 16
Н. Н. Селихов и *С. Л. Вельтман.* Ленин и первые шаги советского востоковедения 21
Образ В. И. Ленина в литературах Востока (Китай, Иран) 26

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Л. С. Гамаюнов. О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» 35
Б. В. Родов. Борьба японских коммунистов против фашизма и агрессивной войны в 30-х и начале 40-х годов 46
А. Ю. Шпирт. К вопросу о развитии экономики Африки в годы второй мировой войны 54
А. М. Пятигорский. История Шиваганги 67
В. М. Константинов. Свидетельства японцев о России XVIII века 76
Ю. В. Ганковский. Миссия Богдана Асланова в Афганистан века 1764 г. . 82
Курахара Корэхито (Япония). Японская демократическая литература после второй мировой войны (Краткий очерк) 88
И. С. Брагинский. О возникновении газели в таджикской и персидской литературе 94
Н. Д. Андреев (Ленинград). К вопросу о происхождении вьетнамского языка. 101

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Г. П. Сердюченко. Китайский фонетический алфавит 112
Г. М. Петров. Язык дари в современном Иране 114
М. Р. Арунова. Фирман Надир-шаха. 116

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

М. Н. Пак. Дискуссии по проблемам феодализма в Корее 121
Э. В. Севортян. Турецкое языкознание к VIII съезду турецких лингвистов 130
В. А. Белявский (Ленинград). «Всемирная история», т. II 143
П. И. Кузнецов. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка 150
Э. Д. Талмуд. Полезная книга о независимом Цейлоне 156
М. Ю. Бортник (Ростов-на-Дону). Н. Гродко. Кредитно-денежная система Индии в период колониальной зависимости; Л. И. Фрей. Денежно-кредитная система и международные расчеты республики Индии. 158
Г. Ю. Алиев. Ф. Гасимзаде. История азербайджанской литературы XIX века. 161
А. А. Валитова. М. Х. Гайнуллин. Татарская литература XIX века 163
П. Г. Королев. Ким Хан Чжу, Хон Даль Сон. Развитие движения за кооперирование сельского хозяйства нашей страны 167
Л. Гордон. Обзор журнала «New Age» 169
П. Грязневич и *А. Халидов* (Ленинград). Обзор журнала Института арабских рукописей 171
А. Б. Давидсон. Обзор журнала «Africa South» 175
Л. И. Рейснер. П. А. Вадия и К. Т. Мёрчент. Экономические проблемы Индии . 179
И. С. Рабинович, И. Б. Редько. Читтаранджан Непали. Генерал Бхимсен Тхапа и современный ему Непал 183
Ю. Н. Рерих. Helmut Hoffmann. Die Religionen Tibets 186
Н. А. Иванов. Muhsin Mahdi. Ibn Khaldûn's Philosophy of History 188
Ю. А. Рубинчик. G. Lazard. Grammaire du Persan Contemporain 191
Заметки о книгах (*И. Подкопаев, Н. А. Савельев, Е. Заказникова. А. Д., Г. И. Подпалова Е. С., Ю. Борщевский, Э. Юрин, Н. В. Менагаришвили, Г. А., И. Рабинович, Ю. Е. Борщевский и В. В. Кушев*) 196
Аннотации 210
ХРОНИКА 213
И. М. Рейснер 228

CONTENTS

Editorial 3

88th ANNIVERSARY OF V. I. LENIN'S BIRTH

Leaders of Eastern Countries about V. I. Lenin. 9
Lenin's Interview to the Japanese Correspondent Katsuji Fuse 13
S. I. Aralov. In Fulfillment of Lenin's Directives 16
N. N. Selikhov and *S. L. Veltman.* Lenin and the First Steps of Soviet Orientology 21
V. I. Lenin's Character in Letters of the East (China, Iran) 26

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

L. S. Gamayunov. About K. Marx's Notes on M. Kovalevsky's Book «Communal Land-Ownership, Its Disintegration, Consequences and the Reasons for It» 35
B. V. Rodov. Struggle of Japanese Communists against Fascism and the Aggressive War in the Thirties and in the early Forties 46
A. Y. Shpirt. Economic Development of Africa during World War II 54
A. M. Pyatigorsky. History of Sivaganga 67
V. M. Konstantinov. Eighteenth-Century Russia as Seen by Japanese Visitors . . 76
Y. V. Gankovsky. Bogdan Aslanov's Mission to Afghanistan in 1764 82
Kurahara Korehito (Japan). Japanese Democratic Literature after World War II (short outline) 88
J. S. Braginsky. Origin of the Ghazal in Tajik and Persian Literature 94
N. D. Andreyev (Leningrad). Origin of the Vietnamese Language 101

SCIENTIFIC NOTES

G. P. Serdyuchenko. Chinese Phonetic Alphabet 112
G. M. Petrov. The Darī Language in Iran To-day 114
M. R. Arunova. The Farmān of Nādir Shāh 116

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

M. N. Pak. Discussion on Problems of Korean Feudalism 121
E. V. Sevortyan. Turkish Linguistics at the Time of the Eighth Congress of Turkish Linguists 130
B. Beliavsky (Leningrad). World History, vol. II 143
P. I. Kuznetsov. A. N. Kononov. Grammar of Modern Turkish Literary Language 150
E. D. Talmud. A Useful Book on Independent Ceylon 156
M. Y. Bortnik. N. Grodko. India's Financial System and Currency during the Colonial Rule; L. I. Frey. Currency, Credits and International Accounting of the Republic of India 158
G. Y. Aliev. F. Qasimzade. History of Azerbaijan Literature in the 19th Century 161
A. A. Valitova. M. H. Gainullin. Tatar Literature in the 19th Century. 163
P. G. Korolev. Kim Han Chu, Hon Dal Son. Progress of the Movement for Cooperation in the Agriculture of Our Country 167
L. Gordon. Review of the Journal «New Age» 169
P. Gryaznevich and *A. Khalidov* (Leningrad). Review of the Journal of the Institute of Arab Manuscripts 171
A. B. Davidson. Review of the Journal «Africa South» 175
L. I. Reüssner. P. A. Wadia and K. T. Merchant. Our Economic Problem 179
I. S. Rabinovich, I. B. Redko. Chittaranjan Nepali. General Bhimsen Thapa and Nepal of his Time 183
Y. N. Roerich. Helmut Hoffmann. Die Religionen Tibets 186
N. A. Ivanov. Muhsin Mahdi. Ibn Khaldûn's Philosophy of History 188
Y. A. Rubinchik. G. Lazard. Grammaire du Persan Contemporain 191
Biblographical Notes (I. Podkopaev, N. A. Saveliev, E. Zakaznikova, A. D., G. I. Podpalova, E. S., Y. Borshevsky, E. Yurin, N. V. Menagerishvili, G. A., I. Rabinovitch, Y. E. Borshevsky and V. V. Kushev). 210
Current Events 213
I. M. Reüssner 228

西

內 容

社論 3

紀念列寧誕生八十八週年

東方諸國的社會政治動家論列寧 9

列寧與日本記者布施辰治的談話 13

阿拉爾夫 . . . . . 實行列寧的指示 16

協立哈夫，維特曼 . . . . . 列寧和蘇聯東方學的一步 21

東方文學中的列寧形像（中國．伊郎） 26

論文，刊載通報

格麥尤諾夫 . . . . . 公佈馬克思對於谷瓦列夫斯基"農業公社及其瓦解的原因和過程"一書的批評 35

羅多夫 . . . . . 日本共產黨員在三十年代和四十年代始的對於反法西斯主義和反侵掠戰爭的鬪爭 46

世比爾特 . . . . . 在二次世界大戰幾年中非洲經濟發展的問題 54

皮帝谷爾斯基 . . . . . 濕婆恒河國的歷史 67

康斯坦丁諾夫 . . . . . 日本人對於十八世紀俄羅斯的証述 76

岡谷夫斯基 伯克唐阿斯郎諾夫1764年在伊朗阿富汗的使命 82

藏原惟人（日本） . . . . . 二次世界大戰後的日本民主文學（簡述） 88

泊拉金斯基 . . . . . 論塔吉克和波斯文學中的二聯詩體（格舍里）的起源 94

安特列也夫 . . . . . 論越南語言的來源 101

科學短評

舍爾局欠谷 . . . . . 中國的拼音文字 112

彼得羅夫 . . . . . 現代伊朗的達里語言 114

阿路諾夫 . . . . . 那基爾王的命令 116

史料，短評，書報評介

朴 . . . . . 朝鮮封建時代問題的討論 121

協卧爾天 . . . . . 土耳其八次語言學大會時的土耳其語言學 130

別了夫斯基（列寧格勒） . . . . . "世界通史"第二卷 143

庫孚涅銼夫 . . . . . 谷諾諾夫．現代土耳其文學語言的文法 150

搭爾母特 . . . . . 論錫蘭獨立的有益書藉 156

泊爾特尼克（羅斯托夫城） . . . . . 谷羅特谷殖民地時代印度的貨幣和信托系統及佛來著的印度共和國的貨幣信托系統和國際清算 158

阿立也夫 . . . . . 格西摩沙特．阿塞拜疆十九界紀的文學史 161

瓦立多娃 . . . . . 格依奴林．十九世紀韃靼文學 163

棵羅了夫 . . . . . 金渙週，達洪成．吾國農村經濟合作社運動的發展 167

國爾登 . . . . . "New age"雜誌評論 169

克梁士涅維奇，嚇里特夫（列寧格勒） . . . . . 阿拉伯手稿研究所的雜誌評論 171

達維特松 . . . . . "Africa South"雜誌評論 175

列．萊因斯納爾，瓦其亞，美兒呈特 . . . . . 印度經濟問題 179

羅平諾維赤，列絶棵 . . . . . 乞苔郎疆尼泊里．別嚇莫森德哈泊將軍及現代的尼泊爾 183

了立嚇 Helmut Hoffman.Die Religionen Tibets 186

依凡諾夫 Muhsin Mahdi. Ibn Khaldûn's Philosophy of History 188

羅平乞克 G. Lazard. Grammaire du Persan Contemporain 191

書藉短評 196

簡述 210

新聞 213